ПРОБЛЕМЫ СТРУКТУРНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

1984

«НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

ПРОБЛЕМЫ СТРУКТУРНОЙ ЛИНГВИСТИКИ 1984

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Ответственный редактор
доктор филологических наук
В. П. ГРИГОРЬЕВ

МОСКВА «НАУКА»
1988

Сборник включает статьи, посвященные словообразовательному гнезду, ряду, проблемам морфемики, лексикографической форме описания грамматических явлений, лексической и синтаксической семантике, синтаксису разговорной речи, а также статьи, посвященные языку художественной литературы.

Для филологов — научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов.

Рецензенты:

кандидат филологических наук З. М. ВОЛОЦКАЯ,
доктор филологических наук Л. А. НОВИКОВ

Научное издание

Проблемы структурной лингвистики. 1984

Сборник научных трудов

Утверждено к печати Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства *Г. Н. Корозо.* Художник *А. Г. Кобрин.* Художественный редактор *И. Д. Богачев.* Технический редактор *Э. Л. Кучина*

ИБ № 37916

Сдано в набор 19.01.88. Подписано к печати 24.10.88. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага книжно-журнальная. Импортная. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 17,0. Усл. кр.-отт. 17,0. Уч.-изд. л. 19,0.

Тираж 2500 экз. Тип. зак. 59. Цена 3 р. 80 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90.

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука».
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

II $\frac{4602000000\text{-}354}{042(02)\text{-}88}$ 316-88-III

ISBN 5-02-010883-9

© Издательство «Наука», 1988

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЛОВА

П. А. СОБОЛЕВА

СИНОНИМИЯ В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ГНЕЗДЕ

Исследователи, занимающиеся словообразовательными гнездами, не могут не замечать большого количества слов, близких по значению. В этом нет ничего удивительного, ибо словообразовательное гнездо является своего рода семантическим полем. Гнездо отвечает понятию поля, ибо удовлетворяет двум основным его критериям: а) наличию инварианта поля (корня); б) наличию сети отношений между его элементами. Сеть отношений адекватно вскрывается при соотнесении L-гнезд с моделирующим *R*-гнездом, т. е. всех L-слов гнезд с моделирующими их *R*-словами. Гнездо как семантическое поле состоит из подполей, в частности синонимов и антонимов.

Мы не претендуем на какое-либо новое определение синонимии. Вместо определения перечислим девять дифференциальных признаков синонимии, которые проф. В. Г. Вилюман извлек из многочисленных имеющихся определений синонимов. «В обширной литературе по синонимии определения синонимов представляют собой комбинации различных признаков: если они выражают одно понятие или соотнесены с одним понятием (A); если они имеют один контекстуальный денотат (B); если они тождественны или близки по значению или смыслу (C); если они обладают функциональной общностью, которая проявляется в том, что два слова могут иметь общий денотат (B) или/и общую стилистическую или/и стилевую сферу употребления (D); если два слова имеют общую структурную формулу дистрибуции (E); например, Adj + N; если два слова имеют общую сочетаемость (F) в пределах данной формулы дистрибуции, например, два прилагательных имеют одинаковую сочетаемость с существительными по формуле Adj + N; если два слова дают основание для выбора между ними и взаимозаменяемы (G); если два слова имеют общность в звучании (H); если два слова обладают морфологической общностью — имеют в своем составе хотя бы одну общую морфему (M)» [Вилюман 1980, 6].

Языковые синонимы не обязательно отвечают всем перечисленным параметрам, а лишь некоторому набору из них. В настоящей работе синонимами считаются однокоренные слова, выбранные из словарных статей «Словаря синонимов русского языка», составленного З. Е. Александровой [Александрова 1969].

Приведем примеры гнезд, содержащих синонимы. Например, в гнезде, образованном от прилагательного *буйный* имеются две пары синонимов: *буйство*, *буянство* и *буйствовать*, *буянить*. В гнезде, производном от слова *вина*, имеются четыре группы синонимов: 1) *винить*, *обвинять*, *виноватить*; 2) *виниться*, *извиняться*; 3) *вина*, *виновность*, *повинность*, *виноватость*; 4) *виновный*, *виноватый*, *повинный*, *провинившийся*.

Синонимы в словообразовательном гнезде представляется возможным распределить относительно следующих категорий:

1. Морфемные синонимы — непроизводные слова, находящиеся в вершинах гнезд. Моделирующая их формула R_iO, т. е. R_1O, R_2O, R_3O и R_4O. Приведем примеры: R_1O: *говорить*, *разговаривать*; R_2O: *ум*, *разум*; *венок*, *венец*; *весть*, *известие*; *макушка*, *маковка*; *облик*, *обличье*, *лик*; R_3O: *отчетливый*, *четкий*.

Примечание. Синонимы разряда R_iO нельзя называть словообразовательными», так как их существование не связано в синхронии ни с какими словообразовательными актами или отношениями, а только с тождеством корней.

2. Словообразовательные синонимы, которые подразделяются на лексико-словообразовательные и грамматико-словообразовательные.

2.1. Лексико-словообразовательные синонимы — производные слова гнезда, находящиеся как в одной его точке $R_j^m R_I O$, т. е. совпадающие по деривационной истории (внутришаговые), так и в различных точках, т. е. не совпадающие по деривационной истории (межшаговые). Например, внутришаговые R_1R_1O: *взбухнуть*, *набухнуть*; *захватить*, *схватить*; R_2R_2O: *аванпост*, *форпост*; *безделица*, *безделка*, *безделушка*; R_3R_1O: *безвозвратный*, *невозвратный*, *бранливый*, *бранчливый*; R_4R_3O: *вгорячах*, *сгоряча*; *вживе*, *заживо*.

Для внутришаговых лексико-словообразовательных синонимов характерна синонимия формантов.

Межшаговые синонимы моделируются различными точками гнезда, находящимися на одной и той же линии, либо на параллельных линиях векторного графа. Такие синонимы можно изображать подграфами графа гнезда, называемыми конфигурациями [Гинзбург 1977, 99—106]. Основные конфигурации синонимов будут рассмотрены ниже.

Выделение межшаговой синонимии основано в значительной степени на признании опосредованных отношений производности. Например, *виновный* R_3R_2O и провинившийся $R_3R_1R_2O$ связаны через *вина* R_2O; *убежденность* $R_2R_3R_1O$ и убеждение R_2R_1O связаны через *убеждать* R_1O.

2.2. Грамматико-словообразовательные синонимы, связанные со словообразовательным выражением в русском языке категорий вида, залога, личности/безличности и взаимности/совместности.

Грамматико-словообразовательные синонимы в русском языке связаны только с глагольной ветвью графа гнезда. Они же подразделяются на внутришаговые и межшаговые.

По признаку отношений синонимов друг к другу и к вершине гнезда они делятся на прямые и отраженные. Прямые возникают в точке, наиболее близкой к вершине, или в самой вершине, а отраженные — на последующих шагах деривации. Например,

безутешный *безутешность* и *безутешно*
неутешный *неутешность* *неутешно*
или *говорить* *говорливый*
разговаривать *разговорчивый*

Рассмотрим основные деривационные шаги и конфигурации частей речи русского языка, в которых образуются однокоренные синонимы.

1. МОРФЕМНАЯ СИНОНИМИЯ

Синонимы, находящиеся в вершине гнезда и не связанные словообразовательными отношениями, на последующих шагах деривации становятся словообразовательными: *отчетливый*, *четкий* → *отчетливо*, *четко*; *отчетливость*, *четкость*; *ум*, *разум* → *умно*, *разумно*; *говорить*, *разговаривать* → *говорливый*, *разговорчивый*. Морфемные синонимы всегда прямые. Производные от них словообразовательные синонимы всегда отраженные.

2. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СИНОНИМИЯ

2.1. Грамматико-словообразовательная синонимия

Грамматико-словообразовательная синонимия в русском языке характерна только для глаголов.

2.1.1. Внутришаговая синонимия. Не каждая точка графа гнезда может быть представлена группой (гроздью) синонимов. Точки, порождающие грозди синонимов, зависят от части речи и, очевидно, от языка. Для русских глаголов — это точка R_1R_1O — область первичной префиксальной перфективации. Синонимия в данном случае — прямая: *взахать*, *заахать*; *взбухнуть*, *набухнуть*; *взвыть*, *завыть*; *взнуздать*, *обуздать*; *взрезать*, *разрезать*; *вкарабкаться*, *вскарабкаться*; *взорвать*, *подорвать*, *разорвать*; *завлечь*, *вовлечь*, *привлечь*; *свить*, *завить*, *обвить*; *захватить*, *охватить*; *зацапать*, *сцапать*; *заволновать*, *переволновать*; *возблагодарить*, *поблагодарить*; *распалить*, *воспалить*. В зоне первичной перфективации порождаются два-три синонима.

Синонимы, первичные перфективы, рассматриваются нами как грамматико-словообразовательные, ибо их синонимия поддерживается общим грамматическим значением совершенного вида.

Грамматико-словообразовательная синонимия, возникшая в точке R_1R_1O, отражается далее в точке $R_1R_1R_1O$, т. е. в зоне вторичной суффиксальной имперфективации и возвратного залога от глаголов СВ. Например,

вить — *обвить*, *свить*, *завить*, — *обвивать*, *свивать*, *завивать*, *обвиться*, *свиться*, *завиться*; и далее в точке R_1^4O: *обвиваться*, *свиваться*, *завиваться*

Синонимия вторичного имперфектива и возвратного залога является также грамматико-словообразовательной и отраженной. Итак, в глагольных видовых цепях синонимы порождаются на II шаге и отражаются далее в III и IV шагах. Эта закономерность характерна для трехзвеньевых цепей.

В четырехзвеньевых видовых цепях картина сдвигается на шаг.

Четырехзвеньевые видовые цепи характеризуются двойной перфективацией — суффиксальной и префиксальной. Например:

брызгать (I) — *брызнуть* (II) — *взбрызнуть*, *сбрызнуть*, (III) — *взбрызгивать*, *сбрызгивать*, (IV) — *взбрызгиваться*, *сбрызгиваться*, (V)

бросать (I) — *бросить* (II) — *выбросить*, *сбросить*, *отбросить*, *броситься*, (III) — *выбрасывать*, *сбрасывать*, *отбрасывать*, *выброситься*, *сброситься*, *отбросится*, (IV) — *выбрасываться*, *сбрасываться*, *отбрасываться* (V)

Внутришаговая синонимия возникает на третьем шаге и отражается в четвертом и пятом (при порождении возвратного залога от вторичного имперфектива).

Итак, на глагольной ветви синонимы порождаются в точке R_1^2O и отражаются в точке R_1^3O, R_1^4O (в трехзвеньевых видовых цепях), а также порождаются в точке R_1^3O и отражаются на R_1^4O и R_1^5O (в четырехзвеньевых видовых цепях). На рис. 1 темный квадратик изображает прямую синонимию, а светлые — отраженную.

Внутришаговая синонимия глагола, возникающая в зоне первичной перфективации и вторичной имперфективации, является грамматико-словообразовательной потому, что в синонимических группах глаголы удерживаются не столько благодаря смысловой близости формантов, сколько близкому видовому значению (либо СВ, либо НСВ) и идентичному залоговому значению.

Хотя префиксы в синонимических группах глагольных цепей не являются синонимичными, их в ряде случаев можно отнести к одному семантическому разряду. Так, в приведенных выше примерах форманты относятся к классу локативных.

2.1.2. Межшаговая синонимия в глаголе имеет место в следующих случаях.

1) В трехзвеньевых видовых цепях, где первичная перфективация осуществляется префиксально, а вторичная имперфективация — суффиксально. Например, *болтать* (I) — *взболтать* (II) — *взбалтывать* (III). Синонимичны I и III такты — глаголы НСВ, таких синонимов много: *брить — выбривать, сбривать*; *болеть, прибаливать*; *блюсти, соблюдать*; *будить, пробуждать*; *вешать, вывешивать* (*навешивать, подвешивать, привешивать, развешивать*); *весить, взвешивать*; *будоражить, взбудораживать*; *винить, обвинять*; *влечь, вовлекать* (*привлекать, завлекать*); *вить, свивать* и подобное. Синонимия обусловлена НСВ производящих и производных глаголов. Конфигурация, моделирующая синонимию в трехзвеньевых цепях, имеет следующий вид (рис. 2). Если первичный имперфектив носит производный характер, например, является отадъективным, то синонимия смещается на один деривационный шаг: *скудный* (I) — *скудеть, скуднеть* (II) — *оскудеть, оскуднять* (III) — *оскудевать* (IV). Синонимичны II и IV шаги. То же *громоздиться* R_1R_3O, *взгромоздаться* $R_1^3R_3O$; *мутить* R_1R_3O, *замучивать* $R_1^3R_3O$, *бодрить* R_1R_3O, *взбадривать*, *ободрять* $R_1^3R_3O$. Конфигурация отадъективных синонимов имеет вид, как на рис. 3.

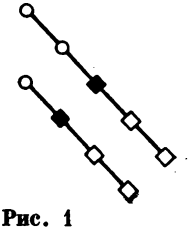

Рис. 1

Аналогичная картина у отыменных глаголов, например: *венец — венчать* (II) — *увенчать* (III) — *увенчивать* (IV) (рис. 4).

2) В четырехзвеньевых видовых цепях (с двойной — суффиксальной и префиксальной перфективацией) синонимичны I и IV шаги, а также II и III. Приведем пример такой цепи:

$$\textit{брызгать}\ (\mathrm{I}) — \textit{брызнуть}\ (\mathrm{II}) — \left.\begin{matrix}\textit{взбрызнуть}\\ \textit{сбрызнуть}\end{matrix}\right\}(\mathrm{III}) — \left.\begin{matrix}\textit{взбрызгивать}\\ \textit{сбрызгивать}\end{matrix}\right\}(\mathrm{IV})$$

Синонимичны оба глагола НСВ первого и четвертого шагов и оба глагола СВ второго и третьего шагов. Также синонимичны I и IV шаги: *дергать — вдергивать, продергивать* НСВ и II и III шаги: *дернуть — вдернуть, продернуть* СВ. Тоже *махать* (I) — *махнуть* (II) — *взмахнуть* (III), *смахнуть* (III) — *взмахивать* (IV) — *смахивать* (IV). Такая же картина с суф. *-и-*: *пускать* (I) — *пустить* (II) — *запустить* (III) — *запускать* (IV) $R_1O \approx R_1^3O$; $R_1^2O \approx R_1^3O$. Конфигурация синонимов имеет вид, как на рис. 5.

В видовых цепях синонимия поддерживается морфологической категорией вида.

Категория залога также способствует развитию синонимии в глагольных цепях. Глаголы с *-ся* удлиняют цепи. Если в действительном залоге трехзвеньевая видовая цепь способствует синонимии I и III шагов, то трансформация этой же цепи в страдательный залог сдвигает синонимию на шаг. Ср. *вершить* (I) — *совершить* (II), *совершать* (III), где синонимичны *вершить* (I) и *совершать* (III). И страдательный залог, где синонимичны глаголы *вершиться* и *совершаться*, соответственно II и IV тактов. Также *виться* и *обвиться* (*свиваться*, *завиваться*, *извиваться*), *рваться* и *взрываться* (*подрываться*, *разрываться*).

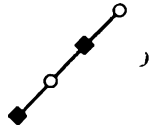

Рис. 2.

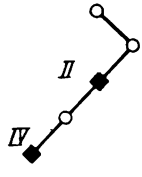

Рис. 3.

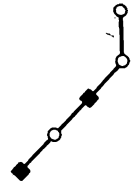

Рис. 4.

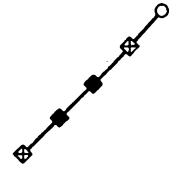

Рис. 5.

Если глагол отыменный типа *венчаться* — *увенчиваться*, *громоздиться* — *взгромождаться*, то синонимия сдвигается еще на один шаг:

венец — *венчать* (II) — $\left.\begin{matrix}\textit{венчаться}\\ \textit{увенчать}\end{matrix}\right\}$ (III) —

$\left.\begin{matrix}\textit{увенчаться}\\ \textit{увенчивать}\end{matrix}\right\}$ (IV) — $\left.\begin{matrix}\textit{увенчиваться}\\ \textit{увенчиваться}\end{matrix}\right\}$ (V).

Синонимичны III и V шаги, а также II и IV.

Если трансформируется в страдательный залог четырехзвеньевая видовая цепь, синонимия, соответственно тоже сдвигается ниже по цепи.

Таково влияние грамматических категорий вида и залога на словообразовательную синонимию. Этими двумя категориями не ограничивается влияние грамматики на словообразование. В основе грамматико-словообразовательной синонимии может лежать грамматическая категория лица. Словарь отмечает синонимию личных и безличных глаголов: *вздумать*, *вздуматься*; *недужить*, *недужиться*; *взгрустнуть*, *взгрустнуться*. Указаны конструкции типа *Я вздумал — Мне вздумалось*. Еще одна категория, которую удалось выявить, это лексико-грамматическая категория «взаимности—совместности». Пока обнаружен один пример: *видеть* — *видеться*. Указаны конструкции: *видеть кого*, *видеться с кем*. Такова общая картина межшаговой грамматико-словообразовательной синонимии глагола.

3. ЛЕКСИКО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СИНОНИМИЯ

3.1. Внутришаговая синонимия

При внутришаговой синонимии форманты либо идентичны, либо синонимичны.

3.1.1. Внутришаговая синонимия у существительных.

3.1.1.1. Равнопроизводные отглагольные существительные R_2R_1O: *верезг*, *верезжание*; *вертушка*, *вертячка*; *стрекотание*, *стрекот*, *стрекотня*; $R_2R_1R_2O$ *вековуха*, *вековушка*; $R_2R_1R_1R_1O$ *взрыв*, *разрыв* и др. Обобщенное представление R_2R_1X.

3.1.2. Равнопроизводные отыменные существительные R_2R_2O: *аванпост*, *форпост*; *актерка*, *актриса*; *безвкусие*, *безвкусица*; *бесплодие*, *неплодие*; *беспорядок*, *непорядок*; *безверие*, *неверие*; *бусурманин*, *бусурман*; *буффонизм*, *буффонство*; *взгорок*, *взгорье*; *безделица*, *безделка*, *безделушка*.

3.1.1.3. Равнопроизводные отадъективные существительные R_2R_3O: *багрец*, *багрянец*; *бездарь*, *бездарность*; *вероятность*, *вероятие*; *веселость*, *веселье*; *бедный*, *бедняк*; *богач*, *богатый*; *глубина*, *глубь*; *голь* (*перекатная*) (уст.), *голытьба*, *гольтепа* (простореч.); *скудость*, *скудность* (рис. 6).

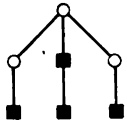

Рис. 6.

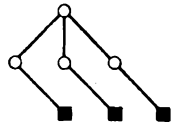

Рис. 7.

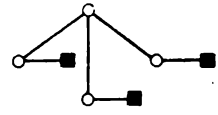

Рис. 8.

На рис. 6 показаны точки, моделирующие внутришаговую синонимию существительных. В точке R_2O порождаются морфологические однокоренные синонимы.

3.1.2. Внутришаговая синонимия у прилагательных.

3.1.2.1. Отглагольные прилагательные R_3R_1O: *безвозвратный*, *невозвратный*, *невозвратимый*; *безотлучный*, *неотлучный*; *безутешный*, *неутешный*; *бранливый*, *бранчливый*; *бурлящий*, *бурливый*; *видимый*, *видный* *; *неугасимый*, *негасимый*; *неувядаемый*, *неувядающий* *.

3.1.2.2. Отыменные прилагательные R_3R_2O: *академический*, *академичный*; *анархический*, *анархичный*; *басистый*, *басовитый*; *безвредный*, *невредный*; *безвременный*, *преждевременный*; *безвинный*, *невинный*; *безликий*, *безличный*; *безлистый*, *безлистный*; *бесхозный*, *бесхозяйный*; *береговой*, *прибрежный*; *бессчетный*, *несчетный*; *военный*, *воинский*; *гармоничный*, *гармонический*; *господский*, *господень*; *мелодичный*, *мелодический*; *прозаический*, *прозаичный*; *ры-*

* Нейтрализация отадъективных причастий по времени и залогу.

царский, рыцарственный; трусливый, трусоватый; хаотичный, хаотический.

3.1.2.3. Отадъективные прилагательные могут быть обобщены в формуле R_3R_3X: R_3R_3O: *неспокойный, непокойный; безопасный, неопасный;* $R_3R_3R_2O$: *анормальный, ненормальный; антинаучный, ненаучный; безызвестный, неизвестный; вечный, извечный;* $R_3R_3R_1R_1O$: *безвозвратный, невозвратный.* Итак, для прилагательных внутришаговые синонимы порождаются в точках R_3R_1O; R_3R_2O и R_3R_3X (рис. 7).

Производные и непроизводные прилагательные отражаются на существительные и наречия. Например, *несознательный, подсознательный, бессознательный* трансформируются в существительные *несознательность, подсознательность, бессознательность* и наречия *несознательно, подсознательно, бессознательно.* Также *беспринципный* и *непринципиальный; безутешный* и *неутешный* и под.

3.1.3. Внутришаговая синонимия у наречий.

3.1.3.1. Отадъективные наречия R_4R_3O: *вгорячах, сгоряча; вдалеке, далеко; вживе, заживо; выше, свыше; больше, боле, более; вновь, снова.* R_4R_3X: *безотлучно, неотлучно; безутешно, неутешно; отрывочно, обрывочно; безвинно, невинно, безвременно, преждевременно; величаво, величественно;*

3.1.3.2. Отыменные наречия R_4R_2O: *ввечеру, вечером; вдвойне, вдвое, молодцом, по-молодецки; вверх, кверху, наверх; вверху, наверху; вовек, вовеки, внутрь, вовнутрь; вниз, книзу; вначале, сначала;* R_4R_2X *вглубь, вглубину.*

3.1.3.3. Отглагольные наречия R_4R_1O: *вдогон, вдогонку, стоймя, стойком.*

Точки, порождающие внутришаговые синонимы-наречия, см. на рис. 8.

3.2. Межшаговая синонимия

3.2.1. Межшаговая синонимия у существительных.

3.2.1.1. Синонимия отглагольных существительных различных степеней производности. Конфигурация показана на рис. 9. Иллюстрации: *беседа* R_2R_1O, *собеседование* $R_2R_1R_1O$; *болезнь* R_2R_1O, *заболевание* $R_2R_1R_1O$; *висюлька* R_2R_1O, *подвеска* $R_2R_1R_1O$; *вожатый* R_2R_1O, *проводник* $R_2R_1R_1O$; *бой, побоище; битье, побои; видение, привидение; погром, разгром* и др.

3.2.1.2. Синонимия отглагольных и отадъективных существительных (рис. 10). Иллюстрации: *арестант* R_2R_1O, *арестованный* $R_2R_3R_1O$; *внимание, внимательность; возбуждение, возбужденность; значение, значимость, значительность; растление, растленность; убеждение, убежденность; вера* R_2R_1O, *уверенность* $R_2R_3R_1R_1O$; *волнение, взволнованность.*

Обе конфигурации показывают синонимию отпредикативных имен.

3.2.1.3. Синонимия непроизводных и отадъективных существительных (рис. 11). Иллюстрации: *бог* R_2O, *божество* $R_2R_3R_2O$; *гармония*, *гармоничность*; *нутро*, *внутренность*; *один*, *одиночка*, *одинокий*.

3.2.1.4. Синонимия отадъективных существительных (рис. 12). Иллюстрации: *безвестность* $R_2R_3R_2O$, *неизвестность* $R_2R_3R_3R_2O$;

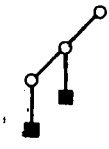

Рис. 9.

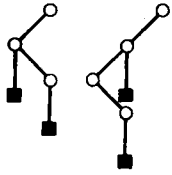

Рис. 10.

Рис. 11.

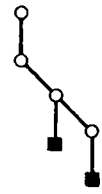

Рис. 12.

Рис. 13.

безпринципность, *непринципиальность*; *бестактность*, *нетактичность*; *трусость*, *трусливость*, *трусоватость*.

3.2.1.5. Наибольшей моделирующей силой обладает простая конфигурация R_iO-R_iR_iO, общая для всех частей речи. Это пошаговая синонимия — синонимия слов двух соседних шагов. Для существительных конфигурация показана на рис. 13. Различие между синонимами, как и в других частях речи, либо количественное (интенсивность), например: *ветвь*, *ветка*; *цепь*, *цепочка*; *обилие*, *изобилие*; *бутыль*, *бутылка*, — либо количественное плюс эмоциональное, например: *штука*, *штучка*; *бог*, *божок*; *бред*, *бредни*, — либо чисто эмоционально-оценочное (стилистическое): *бабушка*, *бабуся*; *батя*, *батька*; *бог*, *боженька*; *вдова*, *вдовица*; *штука*, *штукенция*, *штуковина*. Уместно здесь же остановиться на пошаговой синонимии в других частях речи. Количественно-стилистический характер такой синонимии проявляется в сфере наречий R_4R_4X: *вечером*, *вечерком*; *шагом*, *шажком*; *даром*, *задаром*; *верно*, *наверно*, *наверное*; *близко*, *близехонько*, *близешенько*; *высоко*, *высокохонько*, *высокошенько*; *кудряво*, *кудревато*. Конфигурации см. на рис. 14.

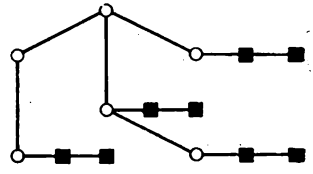

Рис. 14.

Примечание. Иногда стилистическое различие между синонимами сводится к различию в сфере употребления: *даром — задаром*; *штука — штучка*, *штукенция*, *штуковина*.

В глаголе таких примеров меньше, но они встречаются: R_1O и R_1R_1O: *лупить — лупцевать*; *бросать* (*камни*) — *бросаться* (*камнями*); *бегать* (*по магазинам*), *избегать* (*магазины*); $R_1R_1R_3O$ и R_1R_3O: *покраснеть*, *раскраснеться*.

3.2.2. Межшаговая синонимия прилагательных. У прилагательных тоже есть синонимия R_3X и R_3R_3X: *боевой*, *боевитый*; *здоровый*, *здоровенный*; *мертвый*, *мертвенный*; *нищий*, *нищенский*; *святой*, *священный*; *безвестный*, *неизвестный*; *беспринципный*, *непринципиальный*; *бестактный*, *нетактичный*; *бесталанный*, *неталантливый*. Различие между синонимами тоже количественное: степень качества или эмоционально-оценочное.

Остановимся на конфигурациях межшаговых синонимов, свойственных прилагательному (помимо указанной выше R_3X—R_3R_3X).

3.2.1.1. Синонимия производных или непроизводных прила-

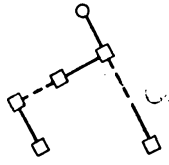

Рис. 15.

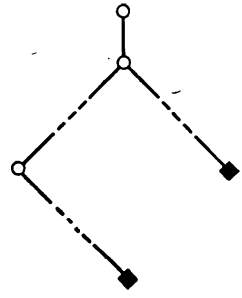

Рис. 16.

гательных и отглагольных прилагательных: *бешеный* R_3O — *взбесившийся* $R_3R_1R_1R_3O$; *пьяный* R_3O — *опьяненный*, *опьянелый* $R_3R_1R_1R_3O$, *пьянящий* $R_3R_1R_3O$, *опьяняющий* $R_3R_1R_1R_3O$; *мертвый* R_3O — *омертвелый*, *помертвелый* $R_3R_1R_3O$; *бесспорный* $R_3R_3R_1O$, *неоспоримый* $R_3R_1R_1O$; *бессознательный*, *подсознательный*, *несознательный* $R_3R_3R_1O$ — *неосознанный* $R_3R_3R_1R_1O$; *баловной* R_3R_1O — *избалованный* $R_3R_1R_1O$; *больной* R_3O, *болезненный* $R_3R_2R_1O$ — *болящий* R_3R_1O. Эти синонимы моделируются различными конфигурациями. Общее у них — адъективная ветвь и отглагольно-адъективная (рис. 15).

3.2.2.2. Синонимия отыменных и отглагольных прилагательных: *беззащитный* $R_3R_2R_1O$—*незащищенный* $R_3R_3R_1O$; *безоружный* R_3R_2O—*невооруженный* $R_3R_3R_1R_2O$; *безосновательный* $R_3R_2R_2O$ — *необоснованный* $R_3R_3R_1R_1R_2O$; *беспорядочный* R_3R_2O—*неупорядоченный* $R_3R_3R_1R_2O$; *бесчисленный* — *неисчислимый* $R_3R_3R_1R_1R_2O$; *виновный*, *виноватый*, *повинный* R_3R_2O — *провинившийся* $R_3R_1R_2O$ и под.

Приведенным формулам соответствуют различные конфигурации. Однако во всех присутствуют линии, как на рис. 16.

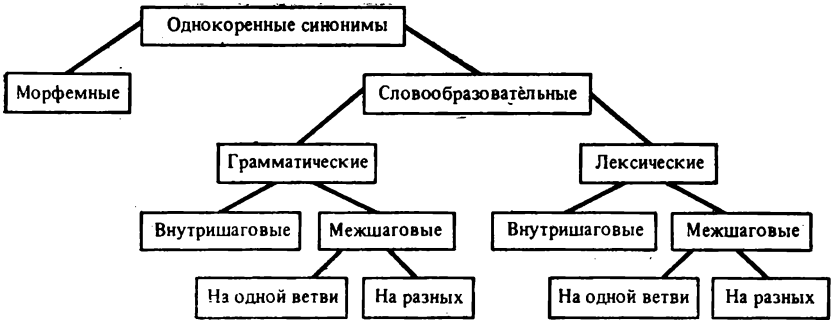
3.2.3. Вопрос о конфигурациях межшаговых синонимов в области наречий.

Для наречий более характерна внутришаговая синонимия. Что касается межшаговой, превалирующей конфигурации выявить не удалось (за исключением упомянутой выше R_4X — R_4R_4X). Распространены полиморфные наречия, где либо одно,

либо оба наречия подвергаются двойному описанию: *бесчестно, нечестно*; *анормально, ненормально*; *беззаконно, незаконно*; *бестактно, нетактично*; *беспринципно, непринципиально*. Полиморфные конфигурации довольно сложны. Очевидно, они требуют отдельного исследования с точки зрения взаимодействия словообразовательной омонимии и словообразовательной синонимии.

Рассмотренные конфигурации синонимов русского языка представлены отнюдь не исчерпывающим образом. Настоящее исследование имело лишь целью показать, что порождение синонимов в гнезде не является хаотичным, а осуществляется по правилам, носящим жесткий характер.

Приведем в заключение схему классификации однокоренных синонимов в словообразовательном гнезде.

Грамматико-словообразовательная синонимия моделируется точками на одной и той же ветви графа. Точки расположены на расстоянии одного-двух шагов друг от друга. Лексико-словообразовательная синонимия моделируется как точками, расположенными на одной и той же ветви (пример R_iO — R_iR_iO), так и на разных (параллельных) ветвях векторного графа гнезда.

ЛИТЕРАТУРА

Вилюман В. Г. Английская синонимика. М., 1980.

Гинзбург Е. Л. Одноименность однокоренных производных. // ПСЛ 1976. М., 1977.

Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка: Около 9000 синонимических рядов / Под ред. Л. А. Чешко. Изд. 2-е, стереотип. М., 1971.

Е. Л. ГИНЗБУРГ

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ГНЕЗД. СИНОНИМИЯ ОДНОКОРЕННЫХ

1.1. Словообразовательные связи, организующие однокоренные единицы, по производимому эффекту могут быть двух видов — одни, выражая членимость гнезда однокоренных, задают и поддерживают иерархию типов лексических единиц, другие, выражая его непрерывность, сводимость одних типов к другим, ее ослабляют. К первым относятся отношения производности, ко вторым — словообразовательной омонимии и синонимии [1].

Словообразовательные синонимы — это однокоренные синонимы, различающиеся местом в словообразовательном гнезде; для двух словообразовательных синонимов найдется такой член того же словообразовательного гнезда, связи с которым как с мотивирующим у этих единиц не совпадают. Если для двух однокоренных синонимов это требование не выполняется, перед нами инстанции не словообразовательной синонимии, а другой разновидности параллелизма словообразовательных форм, инстанции словообразовательной вариативности.

В гнезде с первообразными *один* и *един* в силу сказанного синонимичные равнопроизводные *один*, *единственный* а также устар. *единый* признаются словообразовательными вариантами, а каждый из них и интенсив к *один* и *единственный*, *один-единственный* — словообразовательными синонимами. К последним относятся члены пар *один* и *одинаковый*, *единый* и *единодушный*, к первым — *оди-*

---

[1] Верно это, видимо, и для взаимодействия словообразовательной системы и организации лексических синонимов в целом.

Если взять группу синонимов и проанализировать их словообразовательную структуру, и прежде всего частеречную деривационную структуру, то нельзя не обратить внимания на значительность различий синонимов по этому параметру. Возьмем группу синонимов *способный* — R_3O, *талантливый* — R_3R_2O, *даровитый* — $R_3R_2R_1O$ (или R_3R_2O, если считать *дар* непроизводным словом, что кажется не очень удачным, на наш взгляд), *одаренный* — $R_3R_1R_1O$ (*одаренный* < *одарить* < *дарить*). Мы найдем здесь и непроизводные, и производные, а среди последних и отыменные, и отглагольные дериваты. То же для *теплиться* (R_1R_3O) и *тлеть*, *тлеться* (R_1O), для *оранжерея* (R_2O) и *теплица* (R_2R_3O), для *термометр* (R_2O) и *градусник* (R_2R_2O) и т. п.

Напрашивается мысль, что синонимия как бы «игнорирует» деривационные различия синонимов, и те, что подлежат веденью словообразования, и те, что составляют объект лексической семантики, те, по отношению к которым словообразовательные аналоги являются модельными. Признание синонимии антагонистом иерархизирующих отношений является по существу обобщением представлений о синонимике как организации результатов снятия (нейтрализации) семантических оппозиций, см. [Карцевский 1927, 128; Шендельс 1970].

наковый и *одинакий* (устар.) (ср. *иной* и *инакий*), *единодушный* и *единогласный*.

Первоочередная задача изучения параллелизма производных — эксплицировать в модели словообразовательной системы языка различие словообразовательной вариативности и словообразовательной синонимии.

Замечание. Сегодня, как и почти двадцать лет тому назад, одна из острейших проблем — это дифференциация «лексических параллелизмов». «В решении проблемы лексических синонимов представляется чрезвычайно важным. . . связать вопрос о синонимах и синонимии с вопросом о вариантах в языке и проблемой вариативности, — пишет А. П. Евгеньева. — Параллельные формы. . . давно привлекают к себе внимание. . . Но вопрос об отношении синонимии и вариативности не затрагивался (или затрагивался попутно), и проблемы эти не разграничивались» [1969, 6, 11]. А. П. Евгеньева цитирует: «Грамматическая синонимия объединяет разные. . . модели, которые отличаются друг от друга как структурой, так и содержанием. . . Варианты модели не являются синонимами, так как они либо тождественны по значению (дублеты), либо их смысловое различие не затрагивает системных грамматических значений» [Шендельс 1962, 18]. Лексиколог разделяет точку зрения синтаксиста, а тем самым, хоть и не явно, утверждает глубокое внутреннее родство анализируемых явлений в лексике и в грамматике, в частности в синтаксисе. Обращают на себя внимание два факта. Первый — существенными полагаются лишь различия в плане семантики, и с этим нельзя не согласиться. Второй — автор, вслед за А. И. Смирницким и О. С. Ахмановой [1954, 1957], настаивает на оппозиции «модели-синонимы» ~ «варианты одной модели», ср. «под вариантом (может быть не «под вариантом», а под вариативным-?) понимается явление, выступающее в двух или нескольких формах и при этом остающееся тождественным самому себе» [Евгеньева 1966, 4]. Альтернативой могла бы быть концепция, в силу которой следовало бы говорить не о вариантах модели, а о моделях—вариантах [ср. Филин 1963].

1.2. Принадлежность к синонимам, в том числе к однокоренным, предполагает неравноправие, семантическое, прагматическое и/или функционально-стилистическое.

Наряду с *безмолвие* и *молчание* значение 'отсутствие звуков' выражается однокоренными и равнопроизводными *тишина*, *тишь* и *затишье* — последние два синонима отличаются от первого более узкой сферой референции: *тишь* обычно употребляется для указания на отсутствие звуков естественного происхождения, по характеристике «Словаря синонимов русского языка» (в 2-х томах) *тишь* — это «тишина, охватившая природу»; «тишина, установившаяся на некоторое, обычно непродолжительное, время — это затишье». В гнезде с первообразным *тихий* наречия *тихонько* и *потихоньку* квалифицируются как базовые, наиболее употребительные, не знающие ограничений; иное однокоренные и равнопроизводные *тишком* и *втихую*, употребляющиеся только в обиходно-бытовой речи. *Доподлинно* отличается от *подлинно* только категоричностью. *Усталь* означает то же, что и *усталость* — упадок сил от усиленной деятельности, оба производны от одного и того же *усталый*, но второе является общеупотребительным, а первое принадлежит обиходно-бытовой речи. Во всех приведенных

случаях перед нами словообразовательные варианты. Сказанное об основаниях их дифференциации верно и для более сложных ситуаций словообразовательного параллелизма, для словообразовательных синонимов.

Конструктивный анализ параллелизма словообразовательных форм предполагает экспликацию не только основных его разновидностей, вариантности и синонимии, но и отношения маркированности, упорядочивающего однокоренные варианты и синонимы.

1.3. Еще одна задача: как смоделировать ту нередкую для однокоренных синонимов ситуацию, при которой форма с более сложной деривационной структурой в синонимической группе лексических единиц осознается как базовая по отношению к однокоренному синониму с более простой деривационной структурой? Именно так обстоит дело в случае *одаренность* < *одаренный* < *одарить* < *дарить* и *дар*, *дарование* 'высокая степень одаренности' < *дарить*, *даровать* или в ситуациях *тоска* и *тоскливость; тропинка*, *тропка* и *тропа* 'узкая тропинка, преимущественно в глухих местах, проложенная людьми или животными' или *постройка* < *построить* < *строить* и *строение* < *строить* 'значительная по размерам, капитальная, основательная постройка', в ситуациях, сосуществующих наряду с равнозначностью типа *тяжелый=тягостный* (равнозначностью, но не равнозначимостью — хотя бы из-за синонимичности *тяжелый* не только слову *удручающий*, но также 1. *веский*; 2. *каторжный*; 3. *бедственный*; 4. *опасный;* 5. *сложный*) или с маркированностью деривационно более сложного слова, ср. *тупой* и разг. *тупоумный*, *тупоголовый*, *туполобый*, выражающих пренебрежительно-отрицательную оценку, или *тронуть* < *трогать* и усилит. *растрогать*, *судьба* и *судьбина* (народнопоэт.).

2.1. Двойственность словообразовательной системы, ее обращенность одновременно и к лексике, и к грамматике (притом и к морфологии, и к синтаксису) присуща и параллелизму словообразовательных форм — он может быть предметом и лексикологического, и грамматического обсуждения. Необходимой предпосылкой грамматического анализа должна быть признана категориальная квалификация сравниваемых единиц, подход к каждой паре однокоренных синонимов как к инстанции отношений категорий, актуальных для словообразовательной системы в целом. О каких категориях идет речь?

2.2. В силу проверяемой гипотезы («Словообразовательная синонимия и отношения, задающие иерархию, антагонистичны») — это категории, которые фиксируют различия сравниваемых однокоренных единиц по месту в словообразовательной структуре лексического гнезда, которому они принадлежат, различия, обусловленные тем, каков статус отношений производности, в которых участвуют синонимы, в иерархии этих отношений. С этих позиций представляется продуктивным обращение к частеречным типам

отношений производности и на основе соответствующей транскрипции к характеристике максимального экономного способа соотнести однокоренные синонимы с первообразными в том же лексическом гнезде.

3.0. В явном виде эквивалентность можно описывать трояко: лексикографически, перечислением эквивалентных единиц, т. е. указанием на класс эквивалентности, или грамматически, либо указав требования, которым отвечают эквивалентные единицы (аксиоматически), либо задав преобразование, которое выделяет эквивалентные единицы из прочих единиц (конструктивно). В рамках последнего направления эксплицировать различия между двумя видами словообразовательной эквивалентности, между вариативностью и синонимией, значит указать на те эффективно (алгоритмически) проверяемые свойства преобразований, которые объясняли бы сходства и различия описываемых явлений, а это предполагает исчисление преобразований (в данном случае — словообразовательных форм).

3.1. При изучении словообразовательной синонимии мы будем исходить из предположения, что для плана содержания словообразовательных форм (а анализ словообразовательных форм и их отношений обращен прежде всего к их плану содержания) определяющими являются частеречные компоненты и их организация в составе признаковой структуры языкового знака. Среди моделей языка этот уровень анализа в явном виде выделен аппликативной порождающей моделью. Моделированием только этих аспектов языковой формы ограничены задачи реляторного ее варианта, в рамках которого и проводится дальнейшее обсуждение словообразовательной эквивалентности.

3.2. Аксиоматический подход к изучению словообразовательной эквивалентности связан с характеристикой (на основе аппарата, предложенного П. А. Соболевой в 1970 г.) конфигураций словообразовательной эквивалентности, тех звеньев частеречного образа моделируемой иерархической системы отношений производности, которые актуальны для объединения однокоренных синонимов в лексическом гнезде и которые по существу, как и конфигурации словообразовательной омонимии, доказывают реальность словообразовательного гнезда [Гинзбург 1977]. С этих позиций различия словообразовательной вариативности и словообразовательной синонимии сводимы к различию между словообразовательными связями синонимов одной и той же деривационной истории и словообразовательными связями синонимов с различной деривационной историей.

3.3. Конструктивный подход предполагает расширение аппарата моделирования словообразовательной системы [Соболева 1970] исчислением преобразований словообразовательных форм (в реляторном варианте аппликативной модели — частеречных их образов, или словообразовательных структур вида $(R_i \ldots (R_j(R_k O)) \ldots$

. . .), по правилу снятия скобок справа $= R_i \ldots R_j R_k O$, где i, j, k — индексы частей речи: 1 — глагол, 2 — существительное, 3 — прилагательное, 4 — наречие). В исчислении преобразований словообразовательных форм моделями элементарных преобразований признаются комбинаторы, расширяющие множество операндов преобразований — объектов формальной модели языковых универсалий — новыми ее объектами — моделями образов преобразований. Смоделировать различия между словообразовательными вариантами и синонимами — это указать те образы преобразований и те преобразования, моделируемые с помощью комбинаторов и конструкций, состоящих из комбинаторов, которые отвечают предложенным выше гипотезам о разновидностях словообразовательной эквивалентности и ее эффектах, сказывающихся на строении словообразовательной системы и ее единиц. Естественно потребовать, чтобы для каждого преобразования в явном виде была показана 1) принадлежность операнда и образа преобразования одной и той же модели языковых универсалий; 2) сводимость образов преобразований к операндам преобразований.

Было время — говорили, что синонимия — феномен избыточности естественного языка, благодаря ей корпус сообщений может быть представлен де более экономно, для каждой группы синонимов все они, кроме одного, не принадлежат к числу минимально необходимых для нормального функционирования языковой системы. То же мол справедливо и для вариантов. И тезис был бы верен, если б функции языка были ограничены решением только дескриптивных задач. Но язык — инструмент моделирования, одновременно общения и обобщения (а не просто номинации и коммуникации) — предполагает еще и выражение отношений говорящего к описываемому. А значит, необходимой функцией естественного языка должна быть признана экспрессивная функция, определяющее начало его поэтики [2]. Поэтому любая модель языка наряду с дескриптивной транскрипцией обязана предложить согласованный с нею язык описания экспрессивных средств и приемов, к которым в частности относится и синонимия. Эксплицировать различия словообразовательной синонимии и вариантности с этой точки зрения — это дополнить язык описания словообразовательных форм слова средствами дифференциального описания этих отношений.

4.0. Для моделирования словообразовательного параллелизма и его разновидностей используются следующие комбинаторы:

A1. $(x) \geqslant (I\ (x))$, с учетом принимаемого здесь и далее правила снятия скобок слева от комбинаторов, $x > I\ (x)$;

[2] В исходном, этимологическом смысле этого термина, связанном с понятием 'творчество, созидание', ср. [Аристотель 1984, 175]. Показательно, что В. Гумбольдт, поэт языка как творчества, отрицает объективность синонимии [Гумбольдт 1984, 181, 306].

А2. $((xy)z) \geqslant ((Cx)z)y \equiv xyz \geqslant Cxzy$;

А3. $((xy)z) \geqslant ((Rx)(yz)) \equiv xyz \geqslant Rx(yz)$ и обратный ему

А4. $(x(yz)) \geqslant (((Bx)y)z) \equiv x(yz) \geqslant Bxyz$. Здесь x, y, z — объекты формальной модели, вводимые следующим определением:

Б1. Всякий объект вида $R_i \ldots R_j R_k O$, $i, j, k = 1, 2, 3, 4$, есть объект формальной модели.

Б2. Если x — объект формальной модели, а $\mathfrak{A}$ — комбинатор или выражение, состоящее из конечного числа комбинаторов I, C, R, B, реляторов R_1, R_2, R_3, R_4 или переменных α, β, . . ., ω, заменимых на R_1, R_2, R_3, R_4, выражение $\mathfrak{A}(x)$ есть объект формальной модели L.

Правило интерпретации.

Всякий релятор, входящий в состав словообразовательной структуры так, что ближайшим к нему справа символом, отличным от скобок, является комбинатор, не подлежит интерпретации.

5.0. Исчисление словообразовательных вариантов [3] основано на определении:

Df.1. Если x — словообразовательная структура, не являющаяся образом какого бы то ни было преобразования, I (x) — вариант словообразовательной структуры x.

Df.2. Словообразовательными вариантами являются однокоренные синонимы, принадлежащие структурам x и I (x).

Замечания.

1. Возможное усиление **Df.1—Df.1′**: Если x — словообразовательная структура, I (x) — вариант словообразовательной структуры x, если x не является образом какого бы то ни было преобразования, отличного от результата итерации комбинатора I, напр., $I(I(x)) = ((BI)I)(x)$, в общем случае $\underbrace{I(\ldots I}_{n}(I(x)) = \underbrace{((B((\ldots}_{n}((BI)I))I\ldots))I)(x)$ здесь не обсуждается

2. Фраза *A как единица системы* $\mathfrak{A}$ *— вариант единицы B* в силу предложенного определения должна интерпретироваться

[3] Из-за расплывчатости термина «вариант» [см. Горбачевич 1979, 38], стимулирующей его использование в обобщающем, «родовом» смысле [см., например, Розенталь, Теленкова 1976, 45], удобнее, возможно, было бы обозначить рассматриваемую связь однокоренных особым термином, напр., термином *изотопия* (< гр. isos 'равный'+topos 'место'), имея в виду идентичность положения в словообразовательном гнезде, или, скажем, по аналогии с термином *синонимия* (< гр. sin 'вместе, совместно, взаимно'+onoma 'имя') термином *изонимия*. Это терминологически закрепляло бы противопоставленность обсуждаемой формы словообразовательного параллелизма не только словообразовательной синонимии, но и тем случаям паронимии, которые отличает идентичность частеречных характеристик соотнесенности производных с первообразными; подробнее о паронимах см. [Бельчиков 1979, 199]. Для паронимов допустимо их объединение противительной конструкцией: *Суд не на осуд, а на рассуд*, для синонимов и изонимов это невозможно: **Это не геройский*, а *героический поступок*, **На полях его книг не сыщешь не только пометок, но и помет.*

как утверждение *В системе* $\mathfrak{A}$ *единица А неотличима от значения I (В) идентифицирующей функции I, аргументом которой является В.*

5.1. В гнезде с первообразным *старый*, по данным БАС, лексические единицы — словообразовательные варианты таковы (см. табл. 1):

Таблица 1

Словообразовательная структура	Словообразовательные варианты
R_3O	1. *старший, старшой*
R_1R_3O	1. *стареть, стариться, стареться* (уст., прост.)
R_2R_3O	1. *старший; старшой* (прост.) 2. *старьё, старь* (уст. разг.) 3. *старик, старый; старец* (книж. уваж.), в обращ.: *старче* (уст.), *старина* (разг.) 4. *старуха, старая, старушка* 5. *старики, старость, старьё*
$R_1R_1R_3O$	1. *состариться, постареть, остареть* (прост.)
$R_2R_2R_3O$	1. *старикашка* (унич.), *старичишка* (унич.) *старичишка* (устар., унич.), *старичонка* (унич.) 2. *старикан* (разг. фамил.), *старичина* (разг. фам.), *старинушка* (народно-поэт.) 3. *старушонка, старушенция* (разг. унич.)
$R_3R_2R_3O$	1. *стариковский, старческий; стариков* (разг.) 2. *старушечий, старуший; старухин* (разг.)
$R_4R_2R_3O$	1. *по-стариковски, по-старчески, старчески* (разг.), *стариковски* (разг.)
$R_4R_3R_2R_3O$	1. *по-старушьи, по-старушечьи*
$R_2R_2R_2R_3O$	1. *старушечка, старушоночка* 2. *старикашечка; старичонка*
$R_3R_1R_1R_3O$	1. *устарелый, устаревший*

Для анализа вариативности как феномена словообразовательной системы показательно иллюстрируемой этой таблицей соотношение — если вариативность известна категории производного, она известна и категории производящего, обратное верно далеко не всегда.

5.2. Производные, обладающие одной и той же словообразовательной структурой, могут принадлежать разным словообразовательным типам. Обращение к ним позволяет придать предлагаемому экспликату понятия словообразовательной вариантности большую наглядность, сделать его более объемным. Результат конкретизации представлял бы собою по крайней мере двумерное пространство вариантов, продемонстрировать которое можно было бы в виде табл. 2, составленной по материалам словаря

Таблица 2

Словообразовательная структура	Название отвлеченного действия				
	-ение	*-ка*	*-ø*	*-аж*	*-ация*
R_2R_1O	гравирование	гравировка	—	—	—
	монтирование	монтировка	—	монтаж	—
	аппелирование	—	—	—	аппеляция
	регулирование	—	—	—	регуляция
$R_2R_1R_1O$	введение	—	ввод	—	—
	собирание	—	сбор	—	—
	вывезение	вывозка	вывоз	—	—
	накатывание	накатка	накат	—	—
$R_2R_1R_2O$	автоматизирование	—	—	—	автоматизация
	асфальтирование	асфальтировка	—	—	—
	гранулирование	—	—	—	грануляция
	дозирование	дозировка	—	—	
	мотивирование	мотивировка	—	—	мотивация
	дублирование	—	дубль	дубляж	—
	поэтизирование	—	—	—	поэтизация
$R_2R_1R_1R_2O$	вымежевание	вымежовка	—	—	—
	замораживание	заморозка	—	—	—
	опоэтизирование	—	—	—	опоэтизация
	подсвечивание	подсветка	подсвет	—	—
$R_2R_1R_3O$	актуализирование	—	—	—	актуализация
	активирование	—	—	—	активация
	активизирование	—	—	—	активизация
	популяризирование	—	—	—	популяризация
$R_2R_1R_3R_2O$	идеализирование	—	—	—	идеализация
	индивидуализирование	—	—	—	индивидуализация

«Грамматическая правильность русской речи» (Граудина, Ицкович, Катлинская, 1976).

Помимо большей конкретности этот способ описания обладает еще одним преимуществом — он выявляет системные ограничения на тот вид параллелизма словообразовательных форм, который обсуждается в данном разделе.

(1). Словообразовательные типы вариантов сущ. на *-ение* строго упорядочены по разнообразию словообразовательных структур, которым они принадлежат:

-ация > *-ка* > *-ø* > *-аж*.

(2). Девербативы на *ø*, являющиеся вариантами отглагольных сущ. на *-ение*, обладают одной из тех словообразовательных структур, что и варианты на *-ка*, но не обратно.

Приведенные соотношения словообразовательных типов девербативов на *-ение*, *-ка -*, *ø*, *-аж*, которым принадлежат вариативные *nom. actionis*, наводят на мысль, что иерархическая организация мотивированных лексических единиц является многомерной, что иерархия производных, определяемая частеречными аспектами отношений производности, является хотя и определяющей, но не единственной, что единицы, относительно этой организации являющиеся равноправными, на ином, подчиненном уровне функционирования вновь организованы иерархической мотивационной системой.

(4). Словообразовательные варианты, производные от отсубстантивных глаголов, принадлежат наибольшему разнообразию словообразовательных типов.

(5). Словообразовательные варианты, производные от отадъективных глаголов, принадлежат наименьшему разнообразию словообразовательных типов.

(6). Разнообразие словообразовательных типов, которым принадлежат сущ. от отадъективных глаголов, не зависит от того, являются ли прилагательные непроизводными или производными (отсубстантивными).

(7). Разнообразие и состав словообразовательных типов, которым могут принадлежать варианты — производные от первообразных глаголов или глаголов, не являющихся отыменными (отадъективными или отсубстантивными), меняются в зависимости от сложности и категориальных особенностей их деривационной истории, при этом

(8). Всем словообразовательным типам, которым принадлежат производные с деривационной историей (словообразовательной структурой) $R_2R_1R_1O$, могут принадлежать и производные со словообразовательной структурой $R_2R_1R_1R_2O$, но не обратно.

(9). Разнообразие словообразовательных типов девербативов от отадъективных глаголов является частью разнообразия словообразовательных типов, которым принадлежат сущ. с деривацион-

ной структурой R_2R_1O, $R_2R_1R_1R_1O$, и, конечно, $R_2R_1R_2O$ (поскольку производные этой структуры могут принадлежать всем анализируемым словообразовательным типам).

(10). Выводы (2) и (3) верны при ограничении анализируемого материала производными деривационных категорий R_2R_1O, $R_2R_1R_1O$ и $R_2R_1R_3O$ (или $R_2R_1R_3R_2O$) — совокупность производных этих категорий достаточна, чтобы словообразовательные типы, различимые относительно всех деривационных категорий, остались различимыми и при их ограничении. Вывод (1) приобретает относительно этих категорий форму

-ация > *-ка* > *-Ø*, *-аж*.

Статистическая достоверность материалов словаря »Грамматическая правильность русской речи» — позволяет считать эти соотношения базой для ряда предположений об устройстве этого звена русского словообразования. Они, в частности, подтверждают гипотезу о существенности для изучения словообразовательной системы представлений о деривационной истории членов системы. Так, бóльшее разнообразие словообразовательных типов, которым принадлежат существительные со структурой $R_2R_1R_2X$, по сравнению с разнообразием словообразовательных типов, которым принадлежат существительные со структурой $R_2R_1R_3X$, может быть интерпретировано как свидетельство значимости для организации словообразовательных вариантов и деривационной истории (способа отнесения с первообразным), и тех различий в определяемых ею деривационных структурах вариативных производных, которые отражают фундаментальные противопоставления частей речи, здесь такое, как противопоставление прилагательных существительным, и их устройство (маркированность прилагательных), и их функциональную перспективу, в данном случае тенденцию к расподоблению существительных и прилагательных.

Факты чресступенчатого словообразования — например, соотнесения некоторых форм на *-ация*, аналогичных проанализированным отглагольным дериватам, непосредственно с первообразными существительными, (*диспетчеризация*, *категоризация*, *конвейеризация*, *фетишизация*) или прилагательными (*интеллектуализация*, *универсализация*, *оптимизация*, ср. также *миниатюризация*) без опосредующей мотивации глаголом — только подтверждают этот вывод.

5.2. Авторы словаря «Грамматическая правильность русской речи» трактуют обсуждаемые группы однокоренных как объединения словообразовательных вариантов (примечателен подзаголовок — «Опыт частотно-стилистического словаря вариантов»), авторы «Грамматики современного русского литературного языка» (АГ—70) — как инстанции синонимии словообразовательных типов, словообразовательные синонимы, ср. АГ—70, с. 76: «Наиболее часты синонимические пары с суф. *-ниј-* и каким-либо другим суф-

фиксом, напр.: *лущение — лущевка*, *стимулирование — стимуляция*, *редактирование — редактура*, *инструктирование — инструктаж*, *крепление — крепёж*, *хождение — ходьба*, *учение — учеба*, *сипение — сипота*, *цоканье — цокот*, с суф. *-к(а)* и др. суффиксом: *фильтровка — фильтрация*, *тренировка — тренаж — тренинг*, *дрессировка — дрессура*, *дележка — дележ*».

Итак, варианты или синонимы? Критериален эффект их существования в словообразовательном гнезде. Легко видеть, что для любой такой пары связи с первообразным одного из членов пары дублируются другим ее членом. Это значит, что все инстанции словообразовательного параллелизма, обсуждаемые в настоящем разделе, не ослабляют, напротив — поддерживают, более того — усиливают и усложняют иерархию отношений производности — определяющее начало словообразовательной структуры лексического гнезда.

5.3. Если объем понятия «параллелизм словообразовательных форм» исчерпывается явлениями, описанными в настоящем разделе, остается неясным статус не менее распространенных соотношений однокоренных синонимов с несовпадающей деривационной историей. Таковы

1) соотношения первообразных и производных: (а) первообразного и непосредственно производного от него: *малый—малюсенький* (разг.); (б) первообразного и опосредованно связанного с ним производного — существительных: *мебель* (—меблировать—) *меблировка*; прилагательных: *мелкий* (—мельчить — измельчать—) *измельченный*; *мокрый* (—мокнуть — вымокнуть/намокнуть/промокнуть—) *вымокший/намокший/промокший*; глаголов: *мазать* (—намазать/смазать—) *намазывать/смазывать*, *менять* (—выменять/обменять/разменять—) *выменивать/обменивать/разменивать* (если, конечно, согласиться с тем, что в парах типа *выменять—выменивать* слова обладают разной деривационной историей; в противном случае они должны были бы считаться разновидностями категории 1а);

2) соотношения производных (а) от слов одной и той же части речи — глаголов: (*мир* >) *мирить* (> *примирить* >) *примирять*· существительных: *месть* (< мстить > отомстить >) *отмщение*; *мета/метка* (< метить > отметить/пометить >) *отметина/отметка*; *помета/пометка*; *мытье* (< мыть > обмыть/отмыть/омыть/смыть > обмывать/омывать/отмывать/смывать >) *обмывание/омовение/отмывание/смывание*; (б) от слов разных частей речи — существительных: (автомат >) *автоматизм* (> автоматичный >) *автоматичность*; наречий: *максимум* (< максимум > максимальный >) *максимально*, *минимум* (< минимум > минимальный >) *минимально*.

6.0. Можно ли систематически изучать словообразовательный статус однокоренных синонимов, отличных от словообразовательных вариантов, не прибегая к детальному описанию словообразовательной структуры каждого из них? На наш взгляд, можно. Например, предложив классификацию пар таких синонимов, основанную на учете групповых словообразовательных свойств этих слов, а затем дав формальную экспликацию такой группировки. Для этого необходимо прежде всего сформулировать требования, которым должны отвечать словообразовательные структуры сравниваемых лексических единиц, точнее их описания, конечно. Необходимо далее указать на типы преобразований, которые отвечают каждому классу словообразовательных синонимов.

Если описывая словообразовательные свойства ограничиться фиксацией частеречных особенностей отношений производности, то соответствующее реляторное описание сравниваемых словообразовательных структур обязано зафиксировать 1. их неидентичность; 2. принадлежность одному и тому же лексическому гнезду носителей этих структур и, более того, принадлежность всех первообразных в этом гнезде к одной и той же части речи; и 3. принадлежность синонимов к одной и той же части речи. Это значит, что реляторные описания словообразовательных структур должны отличаться друг от друга, в их составе реляторы, ближайшие к символу О, должны быть идентичными и реляторы, максимально далекие от О, также должны быть идентичны.

Переходим ко второй задаче — перечислению словообразовательно значимых классов пар синонимов и указанию для каждого из них индивидуализирующего преобразования.

6.1. Синонимия первообразных и непосредственно производных от них.

1) Синонимия существительных *пир*, R_2O, и *пирушка* (разг.) или *пиршество* (устар. книжн.), R_2R_2O, «маскирует» разноместность этих единиц в иерархии отношений производности, как бы стягивает «отрезок» R_2R_2O к «начальной его точке» R_2O. Это стяжение в терминах комбинаторов аналитически могло бы быть описано так:

$$! \; R_2R_2O, \text{ напомним } R_2R_2O=(R_2\,(R_2O))$$
$$\vdash I\,(R_2R_2O):\; x \geqslant I\,(x)$$
$$\vdash BIR_2(R_2O):\; x\,(yz) \geqslant Bxyz, \quad x=I, \quad y=R_2, \quad z=R_2O$$
$$!!\; CBR_2I(R_2O):\; xyz \geqslant Cxzy, \quad x=B, \quad y=I, \quad z=R_2$$

Здесь, как и далее, знаком ! обозначен операнд синонимического преобразования, более сложная словообразовательная структура; знаком !! — образ синонимического преобразования, более простая словообразовательная структура; знаком ⊢— выводимость следующей за этим знаком структуры из непосредственно предшествующей ей, вместо слов «напоминаем» и/или «поясним»

после обозначений словообразовательных структур употребляется двоеточие:. Преобразование τ: $R_2R_2O \Rightarrow R_2O$, с которым естественно ассоциировать словообразовательные аспекты синонимии *пир* и *пиршество* (*пир* и *пирушка*) в силу этого вывода представляют собою сложную структуру из упорядоченного набора операций идентификации I, преобразования B одноаргументной функциональной зависимости второго порядка x (yz) в двухместную первого порядка xyz, пермутации, или конверсии, C аргументов одной и той же функции. Описываемый случай синонимии однокоренных с несовпадающей деривационной историей простейший. Тем показательней его особенности, выявляемые приведенным описанием.

а) Одна из двух составляющих изучаемого синонимического преобразования — идентификация. Ее должно рассматривать как источник и выражение однородности словообразовательной синонимии и словообразовательной вариантности, предполагаемой словообразовательной синонимией.

б) Другая необходимая его составляющая, модифицирующая первую и отличающая синонимию от вариантности, фиксирует необходимость устранения деривационных различий сближаемых лексических единиц, это последнее — стимул и катализатор появления у производного экспрессивно-синонимических форм, а значит, обретения им статуса многозначного слова, и/или только ограничения функций производного (или, как будет показано далее, вообще другого члена гнезда, отличного от данного по деривационной структуре), задачей подчеркивания, усиления семантики производящего.

2) В терминах реляторного варианта аппликативной порождающей модели *лежать* и *возлежать*, аналогично *висеть* и *свисать*, *грозить* и *грозиться* или *плевать* и *плеваться*, относятся к экспонентам связи категорий $R_1''O$ и $R_1'R_1''O$. Подавление иерархичности отношений производности во всех ситуациях, когда члены этих пар используются как синонимы, является по существу категориальным упрощением производных со структурой $R_1'R_1''O \Rightarrow$ $\Rightarrow R_1''O$. Преобразование это описывается выводом:

$$
\begin{array}{l}
!\,R_1R_1O \\
\vdash I\,(R_1'R_1''O) \vdash BIR_1'\,(R_1''O) \\
!\,!\,CBR_1'I\,(R_1''O)
\end{array}
$$

3) Связи между *пир* и *пирушка*, *лежать* и *возлежать* в рамках теории словообразовательных типов, как и в ее обобщении, теории деривационных шагов (Соболева 1970), должны рассматриваться как несопоставимые. Изучение параллелизма словообразовательных форм с помощью моделей элементарных языковых преобразований — комбинаторов позволяет показать однотипность частеречных норм их существования, принадлежность соответствую-

щих конфигураций словообразовательной синонимии к о д н о м у и т о м у ж е т и п у. Именем этого типа преобразований (и соответствующего типа конфигураций словообразовательной синонимии) могло бы быть аналитическое их описание с переменными вместо реляторов, входящих в описание частеречной словообразовательной структуры однокоренных синонимов. В данном случае характеристика типа преобразований имела бы вид CBxI (yO) — для *пир* и *пирушка* x и y равны R_2, для *лежать* и *возлежать* — R_1, для *старый* и *престарый* или *сладкий—слащавый* — R_3.

6.2. Синонимия производных, связанных отношением производности.

1) Синонимия сущ. *перемена* (R''_2R_1O) и *переменка* ($R'_2R''_2R_1O$) подобна синонимии *пир* (R''_2O) и *пирушка* ($R'_2R''_2O$), см. 3. Это подобие становится очевидным, если абстрагироваться от различий производящих, заменить константу O в случае R_2O и R_1O в R_2R_1O переменной X.

$$\frac{\text{перемена}}{\text{переменка}} = \frac{\text{пир}}{\text{пирушка}} = \frac{R''_2X}{R'_2R''_2X}.$$

Положив $X=R_3O$, можно распространить эту пропорцию парами, один член которых — *старичье* (< *старики* < *старый*, $R'_2R''_2R_3O$), а другой — любое слово из списка *старые*, *старики*, *старость*, *старьё*. Если положить $X=R_1O$, пропорциональными *перемена* и *переменка* окажутся *слух* (< *слушать*) и *слушок*, в более сложном случае *певец* < *петь* и *песенник* (уст.) < *песня* < *петь*.

2) Важный результат подобной абстракции — возможность объединить преобразования $R'_2R''_2O \Rightarrow R''_2O$, $R'_2R''_2R_3O \Rightarrow R''_2R_3O$ и $R'_2R''_2R_1O \Rightarrow R''_2R_1O$ в один тип $R'_2R''_2X \Rightarrow R''_2X$, а значит, объединить в один тип $CBR'_2I(R''_2X)$ аналитические их описания: $CBR'_2I(R''_2O)$ для первого, $CBR'_2I(R''_2R_3O)$ для второго и $CBR'_2I(R''_2R_1O)$ для третьего.

3) Заменив реляторы R'_2 и R''_2 в формуле $CBR'_2I(R''_2X)$ на переменные y и z соответственно, а затем допустив, что переменные пробегают значения R_1, R_2, R_3, R_4, получим обобщенную формулу синонимического преобразования слов, непосредственно связанных отношениями производности: CB*y*I (z*X*), формулу, под которую при y, $z=R_1$, $X=R_3O$ подводимы, напр., синонимические пары *белеть* и *белеться*, *краснеть* и *краснеться*, при y, $z=R_1$, $X=R_2O$ — *дымить* и *дымиться*, *светить* и *светиться*, в которых вторые члены бинома могут рассматриваться как деминутивные формы от первых (Разумникова 1966, по [Янко-Триницкая 1961], как неопределенные от определенных, по [Некрасов 1865, 82—83], как абсолютные от относительных).

6.3. Синонимия первообразных и производных, непосредственно не связанных отношениями производности.

1) В словообразовательном гнезде с прил. *общий* связь синонимов *общий*, R_3O, и *обобщенный*, $R_3R_1R_3O$, опосредована производным глаголом *обобщить*, R_1R_3O. Стяжение деривационной цепи,

ограниченной прилагательными, при подчеркивании синонимичности *общий* и *обобщенный* описывает преобразование

$$!\ R'_3R_1R''_3O$$
$$\vdash I(R'_3R_1R''_3O)\vdash BIR'_3(R_1R''_3O)\vdash CBR'_3I(R_1R''_3O)\vdash$$
$$\vdash B\,(CBR'_3I)R_1\,(R''_3O):\quad Bxyz \leqslant x\,(yz),\quad x=(CBR'_3I),\quad y=R_1,\quad z=R''_3O$$
$$!!\ \ CBR_1(CBR''_3I)(R''_3O):\quad Cxyz \leqslant xzy,\quad x=B,\quad y=R_1,\quad z=(CBR_3I)$$

2) Синонимия сущ. *опыт* и *опытность* (< *опытный* < *опыт*), аналогично *педантизм* и *педантичность* (< *педантичный* < *педантизм*), или *обаяние* и *обаятельность* (< *обаятельный* < *обаяние*), *пластика* и *пластичность*, во всем, что подлежит веденью словообразования, описывается преобразованием $R'_2R_3R''_2O \Rightarrow R_2O$. Сводимость описывает вывод:

$$!\ R'_2R_3R''_2O$$
$$\vdash I(R'_2R_3R''_2O)\vdash BIR'_2(R_3R''_2O)\vdash CBR'_2I(R_3R''_2O)\vdash B(CBR'_2I)R_3(R''_2O)$$
$$!!\ CBR_3(CBR'_2I)\,(R''_2O)$$

Заменив R_3 в формуле $CBR_3\,(CBR'_2I)(R''_2O)$ на R_1, получаем шаблон синонимических преобразований, связывающих синонимы типы *плен* и *пленение* < *пленить* < *плен* или *инструкция* и *инструктирование/инструктаж* < *инструктировать* < инструкция; заменив R_3 на R_2 — шаблон, под который подводима синонимия слов *аноним* и *анонимщик* < *анонимка* < *аноним*. Замена константы O на R_3O позволила бы рассматривать как однородные пару *опыт* и *опытность* и синонимы *старость* < *старый* и *старчество* < *старческий* < *старики* < *старый*, ситуацию о т р а ж е н н о й с и н о н и м и и, поскольку производящие для сущ. *старость* и *старченство*, прил. *старый* и *старческий*, также являются синонимами. Аналогичную ситуацию находим и в цепочке *сладкий* (R_3O) — *сладость* (R_2R_3O) — *сладостный* ($R_3R_2R_3O$) — *сладостность* ($R_2R_3R_2R_3O$), объединенной, помимо иерархии отношений производности, еще и деформирующими ее синонимическими преобразованиями $R_3R_2R_3O \Rightarrow R_3O$ и $R_2R_3R_2R_3O \Rightarrow R_2R_3O$.

3) Признаваемые синонимами *гибнуть* и *погибать*, аналогично *гнить* и *перегнивать* и мн. другие, связаны через *погибнуть*. Сведение *погибать* к *гибнуть* может быть описано как стягивание цепочки *гибнуть* (R'''_1O) — *погибнуть* ($R''_1R'''_1O$) — *погибать* ($R'_1R''_1R'''_1O$) к начальному ее члену:

$$!\ R'_1R''_1R'''_1O$$
$$\vdash I(R'_1R''_1R'''_1O)\vdash BIR'_1(R''_1R'''_1O)\vdash CBR'_1I(R''_1R'''_1O)\vdash B(CBR'_1I)R''_1(R'''_1O)$$
$$!!\ CBR''_1(CBR'_1I)\,(R'''_1O)$$

Синонимы *чаровать* (< *чары*, R''_1R_2O) и *очаровывать* < *очаровать* < *чаровать* < *чары*, $R'_1R''_1R''_1R_2O$, аналогично *чаровать* и *зачаровывать*, отличаются от *гибнуть* и *погибать* только тем, что *чаровать* — производное, а *гибнуть* является первообразным. На этот случай можно распространить то, что говорилось выше об изображении подобия синонимических отношений типа ‹*пир*, *пирушка*› и ‹*перемена*, *переменка*›. Достаточно производящую основу в составе синонима, предельно простого по деривационной истории, рассматривать в качестве значения переменной.

4) Сказанное в пп. 1—3 позволяет все описанные там синонимические преобразования подвести под один и тот же тип — $CBy_2\,(CBy_1I)(zX)$, где y_1 — первый из устраняемых реляторов, y_2 — второй из устраняемых реляторов, X — переменная, одно из значений которой — константа O, а z — общий для синонимов релятор, максимально далекий от X или совпадающий с максимально близким к X, если X=O.

Есть ли смысл в подобном обобщении? Есть. Прежде всего в том, что моделируется структура, в частности словообразовательная, позиций, требующих (Sic! — требующих, а не допускающих) замену одного из синонимов другим, ср. [Шмелев 1973, 118—121], типизируемость позиций по этому параметру, их общезначимость и относительная независимость от категориальной конкретности синонимов, их объективность, принадлежность к особым реляционным единицам языка. И, разумеется, в обогащении модели языка средствами изучения функционально-стилистических и экспрессивно-оценочных свойств единиц языка в изоляции от тех атрибутов их существования, которые обязаны функциям языка, отличным от экспрессивных.

5) От рассмотренных выше синонимия сущ. *очарование* и *чары* (> *чаровать* > *очаровать* > *очаровывать* > *очарование*) отличается лишь большим числом посредников в деривационной цепи, объединяющей однокоренные синонимы и, естественно, большей сложностью преобразования, сводящего словообразовательную структуру сущ. *очарование* к словообразовательной структуре сущ. *чары*, т. е. $R'_2R'_1R''_1R''_1R''_2O$ к R_2O.

$$
\begin{aligned}
&!\ R'_2R'_1R''_1R''_1R''_2O\\
&\vdash I(R'_2R_1R_1R_1R''_2O)\vdash BIR'_2(R'_1R''_1R''_1R''_2O)\vdash CBR'_2I(R'_1R''_1R''_1R''_2O)\vdash\\
&\vdash B(CBR'_2I)R'_1(R''_1R''_1R''_2O)\vdash CBR'_1(CBR'_2I)\,(R''_1R''_1R''_2O)\vdash\\
&\vdash B(CBR'_1(CBR'_2I))R''_1(R''_1R''_2O)\vdash CBR''_1(CBR'_1(CBR'_2I))\,(R''_1R''_2O)\vdash\\
&\vdash B(CBR''_1(CBR'_1(CBR'_2I)))R''_1(R''_2O)\vdash\\
&!\,!\ CBR''_1(CBR''_1(CBR'_1(CBR'_2I)))\,(R''_2O)
\end{aligned}
$$

6.4. Синонимия производных, не связанных отношениями производности.

1) Рассмотрим однокоренные синонимы *месть* < *мстить* и *отмщение* < *отомстить*/*отмстить* из гнезда с первообразным

мстить. Чтобы квалифицировать тип связывающей их словообразовательной синонимии, рассмотрим, какое преобразование $\mathfrak{A}$ могло бы связывать словообразовательные структуры $R_2R_1'R_1''O$ (*отмщение*) и $R_2R_1''O$ (*месть*):

$!\ R_2R_1'R_1''O$
$\vdash I(R_2R_1'R_1''O)$
$\vdash (BIR_2)(R_1'R_1''O)\colon x(yz) \geqslant Bxyz$, в $I(R_2R_1'R_1''O)$ $x = I$, $y = R_2$, $z = R_1'R_1''O$
$\vdash B(BIR_2)R_1'(R_1''O)\colon x(yz) \geqslant Bxyz$, $x = (BIR_2)$, $y = R_1'$, $z = R_1''O$
$\vdash CBR_1'(BIR_2)(R_1''O)\colon xyz \geqslant Cxzy$, $x = B$, $y = (BIR_2)$, $z = R_1'$
$\vdash B(CBR_1')(BI)R_2(R_1''O)\colon x(yz) \geqslant Bxy$, $x = (CBR_1')$, $(yz) = (BIR_2)$
$!\ !\ R(B(CBR_1')(BI))(R_2R_1''O)\colon xyz \geqslant Rx(yz)$, $x = B(CBR_1')(BI)$, $y = R_2$, $z = R_1''O$
$\mathfrak{A} = R(B(CBR_1')(BI))$

2) Однокоренные синонимы *агглютинирующий* (R_3R_1O) и *агглютинативный* (< *агглютинация*, $R_3R_2R_1O$) принадлежат словообразовательному гнезду с *агглютинировать* в качестве первообразного. Словообразовательные аспекты синонимической связи «*агглютинативный—агглютинирующий*» моделирует преобразование $\tau : R_3R_2R_1O \Rightarrow R_3R_1O$.

$!\ R_3R_2R_1O$
$\vdash I(R_3R_2R_1O) \vdash BIR_3\,(R_2R_1O) \vdash B\,(BIR_3)R_2(R_1O) \vdash CBR_2$ $(BIR_3)(R_1O) \vdash B(CBR_2)(BI)R_3(R_1O)$
$!\ !\ R(B(CBR_2)(BI))(R_3R_1O)$

3) До сих пор каждой конфигурации словообразовательной синонимии отвечало свое собственное преобразование. Нетрудно заметить, однако, что различия их полностью сводимы к операнду преобразования. А если это так, то открывается возможность для дальнейшего обобщения. Достаточно заменить каждый из релляторов в наиболее сложной из словообразовательных структур синонимов на переменные: x — для релятора, наиболее удаленного от производящей основы X, z — для релятора, наиболее близкого к X, y — для релятора, входящего в структуру после z, но перед x. Для двух рассмотренных конфигураций x пробегает значения R_2 (гнездо с *мстить*) и R_3 (гнездо с *агглютинировать* или с *чаровать*): z в обоих случаях соответствует релятору R_1, y — релятору R_1 в первом случае и релятору R_2 во втором. Разнообразие возможных преобразований типа R (B((CB)y)(BI))(xzX) определяется подстановкой вместо x, y, z релляторов R_1, R_2, R_3, R_4. Для x, y, $z=R_1$, R_2 R_3 часть подобного многообразия преобразований (и соответствующего многообразия конфигураций) описывает таблица 3.

Таблица 3

Значения переменных			Преобразование	Пример объединяемых словообразовательных синонимов
y	x	z		
R_1	R_1	R_1	$R(B(CBR_1)(BI))(R_1R_1X)$	
R_2	R_1	R_1	$R(B(CBR_2)(BI))(R_1R_1X)$	
R_3	R_1	R_1	$R(B(CBR_3)(BI))(R_1R_1X)$	
R_1	R_2	R_1	$R(B(CBR_1)(BI))(R_2R_1X)$	награда < наградить > > вознаградить > вознаграждение месть < мстить > отомстить > отмщение мета/метка < метить > > отметить > отметка
R_2	R_2	R_1	$R(B)(CBR_2)(BI))(R_2R_1X)$	
R_3	R_2	R_1	$R(B)(CBR_3)(BI))(R_2R_1X)$	отверженец < отвергать > > отверженный > отверженный обаяние < обаять > обаятельный > обаятельность
R_1	R_3	R_1	$R(B(CBR_1)(BI))(R_3R_1X)$	чарующий < чаровать > > очаровать > очаровательный
R_2	R_3	R_1	$R(B(CBR_2)(BI))(R_3R_1X)$	агглютинирующий < агглютинировать > агглютинация > агглютинативный
R_3	R_3	R_1	$R(B(CBR_3)(BI))(R_3R_1X)$	
R_2	R_1	R_2	$R(B(CBR_2)(BI)(R_1R_2X)$	паниковать < паника > > паникер > паникерство
R_2	R_3	R_2	$R(B(CBR_2)(BI))(R_3R_2X)$	педантичный < педантизм > педант > педантский

4) Аналогично можно было бы систематизировать и те синонимы, различия между которыми не являются столь минимальными, как в случае *месть* и *отмщение*. Возьмем, например, *мытье* (< мыть, $R_2R_1'O$) и отмывание (< *отмывать* < *отмыть* < *мыть*, $R_2R_1'R_1''R_1^*O$). Связь между словообразовательными структурами $R_2R_1'R_1''R_1'O$ и $R_2R_1''O$, отвечающая синонимии *мытьё* и *отмывание*, могла бы быть смоделирована преобразованием:

$$!\,R_2R_1'R_1''R_1^*O$$
$$\vdash I(R_2R_1'R_1''R_1^*O) \vdash BIR_2(R_1'R_1''R_1^*O)$$
$$\vdash B(BIR_2)R_1'(R_1''R_1^*O) \vdash CBR_1'(BIR_2)(R_1''R_1^*O)$$
$$\vdash B(CBR_1'(BIR_2))R_1''(R_1^*O) \vdash CBR_1''(CBR_1'(BIR_2))(R_1^*O)$$
$$\vdash B(CBR_1'')(CBR_1')(BIR_2)(R_1^*O)$$

$\vdash B(B(CBR_1'')(CBR_1'))(BI)R_2(R_1''O)$
$!\,!\ R(B(B(CBR_1'')(CBR_1'))(BI))(R_2R_1''O)$

5) Как и в предыдущем случае, можно обобщить этот вывод, введя переменные (x — вместо константы R_2, z — вместо константы R_1'', X — вместо константы O, y_1 — вместо первого из удаляемых реляторов, здесь R_1', y_2 — вместо второго из удаляемых реляторов R_1''), и допустив, что каждая из переменных может быть замещена на постоянные — реляторы R_1, R_2, R_3, R_4.

Введенное обобщение позволяет утверждать, что рассмотренные типы преобразований

$R\,(B\,(CBy_1)(BI))(xzX)$ и
$R\,(B\,(B\,(CBy_2)(CBy_1))(BI))(xzX)$

односортны, хотя и отличаются порядком — числом устраненных реляторов. Группировка преобразований сначала в типы, а затем в сорта индуцирует и соответствующую группировку конфигураций словообразовательной синонимии.

7. Есть ли смысл в предлагаемой транскрипции параллелизма словообразовательных форм, существенно более сложной по сравнению с записью вида $R_iR_jR_kO \Rightarrow R_iR_kO$? На какие вопросы может ответить описание параллелизма словообразовательных форм, использующее эту транскрипцию?

1) Она позволяет провести такую группировку параллельных словообразовательных форм, в которой учтены те и только те аспекты их существования, которые значимы для них как составляющих более сложных единиц словообразовательной системы и самой этой системы.

2) Она позволяет расчленять разнообразие инстанций параллелизма словообразовательных связей на иерархию типов и сортов.

Выпишем обобщенные формулы преобразований, связывающих нетождественные частеречные словообразовательные структуры однокоренных синонимов, а значит, имена соответствующих словообразовательных типов синонимических связей (рассматриваются простейшие преобразования) (табл. 4).

Таблица 4

Синонимия первообразного и непосредственного связанного с ним производного	CBy(zX)
Синонимия производных, непосредственно связанных отношениями производности	CByI(zX)
Синонимия первообразных и производных, прямо не связанных отношениями производности	$CBy_2(CBy_1I)(zX)$
Синонимия производных, прямо не связанных отношениями производности	R(B(CBy)(BI))(xzX)

Из этой сводки видно, что с точностью до значений переменных синонимия первообразного и непосредственно связанного с ним производного описывается теми же преобразованиями частеречных структур синонимов, что и синонимия непосредственно связанных производных — первообразное в этом отношении ничем не отличается от производного. Только сложностью отличается от них синонимия опосредствованно связанных первообразного и производного. Все это преобразования одного и того же сорта, хотя и разной сложности. Иного сорта преобразования, объединяющие производные, не только непосредственно не связанные, но и не принадлежащие одной деривационной цепи. Относительно разнообразия элементарных преобразований и их комбинаций существенно только это последнее.

3) Предложенные описания можно рассматривать как гипотезы о словообразовательных аспектах существования синонимов в гнезде однокоренных. Легко видеть, что обсуждаемые преобразования моделируются как разные по сложности. Но тогда более сложное должно быть и более редким. Наблюдения над материалом подтверждают эту гипотезу — синонимы первого сорта встречаются неизмеримо чаще, чем синонимы второго сорта.

4) Предложенные средства моделирования параллелизма словообразовательных форм позволяют выявить принципиальное отличие словообразовательной вариантности и словообразовательной синонимии как экспрессивных сомножителей этих форм. Становится более понятным роль одного из видов параллелизма для другого. Словообразовательная синонимия любого сорта предполагает словообразовательную вариантность, явление, даже в наиболее сложной своей разновидности несопоставимо более простое и незамысловатое.

5) Предмет дальнейшего анализа синонимии однокоренных — выявление тех факторов, благоприятствующих или, напротив, препятствующих реализации синонимических преобразований, которые обязаны их принадлежности словообразовательному гнезду и которые из-за вхождения в один синонимический ряд как однокоренных, так и разнокоренных единиц были бы значимы и для синонимии в целом.

ЛИТЕРАТУРА

Аристотель. Никомахова этика. Соч., т. IV. М., 1984.
Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957.
Бельчиков Ю. А. Паронимы // Русский язык: Энциклопедия. М., 1979.
Гинзбург Е. Л. Одноименность однокоренных производных // Проблемы структурной лингвистики. 1976. М., 1977.
Горбачевич К. С. Варианты языковые // Русский язык: Энциклопедия. М., 1979.
Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.

Евгеньева А. П. Основные вопросы лексической синонимики // Очерки по синонимии современного русского литературного языка. М., 1969.
Некрасов Н. П. О значении форм русского глагола. СПб., 1865.
Разумникова Г. А. Синонимические отношения непереходных глаголов с производными от них глаголами на *-ся* // Очерки по синонимике современного русского литературного языка. М.; Л., 1965.
Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976.
Смирницкий А. И. К вопросу о слове: (Проблема «тождества слова») // Труды Ин-та языкознания АН СССР. 1954. Т. 4.
Соболева П. А. Аппликативная грамматика и моделирование словообразования: АДД. М., 1970.
Филин Ф. П. О слове и вариантах слова // Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.; Л., 1963.
Шенделъс Е. И. Синтаксические варианты // НДВШ: Филологические науки, 1962. N 1.
Шенделъс Е. И. Многозначность и синонимия в грамматике. М., 1970.
Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
Янко-Триницкая Н. А. Синонимические глаголы *белеть — белеться, хвастать — хвастаться* // Вопросы культуры речи. М., 1961. Вып. 3.
Karcevski S. Système du verbe russe. Essai de linguistique synchronique. Prague, 1927.

Н. В. ЕМЕЛЬЯНОВА

СНЯТИЕ АСЕМАНТИЧЕСКОЙ ПОЛИФОРМИИ В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ РЯДУ

Среди проблем, связанных с построением словообразовательных рядов, одной из основных является проблема определения словообразовательной структуры слова. Вопрос о словообразовательной структуре не всегда решается однозначно. Встречаются случаи двойного и даже тройного описания. Например, coequality (coequality $<$ coequal $<$ equal или coequality $<$ equality $<$ equal), описывается как $R_2R_2R_3O \vee R_2R_3R_3O$, counterattack (counter-attack$_n$ $<$ counter-attack$_v$ $<$ attack$_v$ или counter-attack$_n$ $<$ attack$_n$ $<$ attack$_v$), miscount (miscount$_n$ $<$ miscount$_v$ $<$ count$_v$ или miscount$_n$ $<$ count$_n$ $<$ count$_v$), overuse (overuse$_n$ $<$ overuse$_v$ $<$ use$_v$ или overuse$_n$ $<$ use$_n$ $<$ use$_v$) описываются как $R_2R_1R_1O \vee \vee R_2R_2R_1O$, и под. Необходимо решить как учитывать подобные образования при построении словообразовательных рядов, не нарушая гармонии ряда [1].

Большинство слов естественного языка, составляющих словообразовательные префиксальные ряды характеризуются м о н о ф о р м и е й, например, *соученик* $R_2R_2R_1O$, *дегазация* $R_2R_1R_1R_2O$

[1] Под рядом понимается иерархически упорядоченный по деривационным шагам класс слов, объединенных тождеством форманта (Барченкова 1982). Под формантом понимается оператор последнего шага деривации.

(слов **соучиться* и **газация* не существует) и под.; indecision $R_2R_2R_1O$ (слова *indecide не существует) и под [2].

При моноформии имеет место взаимно-однозначное соответствие между словом и его словообразовательной структурой. Класс производных языка-объекта, описывающийся одной R-формулой, например $R_1R_1^mO$, называется м о н о с т р у к т у р н ы м (Соболева 1986).

Обычно именно моноструктурные образования являются основными составляющими хорошо интерпретирующихся ветвей графов, моделирующих словообразовательные ряды. Степень интерпретируемости R-слова определяется не в абсолютных цифрах, а в относительных. Будем считать ветвь хорошо интерпретирующейся, если соответствующие ей слова по крайней мере в четыре раза превышают слова, соответствующие другой ветви. Последняя в этом случае считается плохо интерпретирующейся. Хорошо интерпретирующиеся ветви назовем продуктивными.

Так, к категории хорошо интерпретирующихся ветвей префиксального ряда на in- относится ветвь, описывающаяся формулой $R_2R_2R_3O$. Из девяти слов реального языка, соответствующих данной формуле, лишь три требуют двойного описания (impatience, incapacity, instability — $R_2R_2R_3O > R_2R_3R_3O$). Основу терминального узла данной ветви составляют моноструктуры (incertitude, inquietude, etc. — $R_2R_2R_3O$) (см. рис. 13).

В изображении ряда при помощи векторных графов кружком с точкой внутри обозначается терминальный узел хорошо интерпретирующейся ветви. Терминальный узел плохо интерпретирующейся ветви обозначается залитым квадратом.

Приведем граф ряда на -dom (рис. 1). Продуктивные ветви представлены структурами $R_2R_2R_1O$ (puzzledom, spydom, ruledom, etc.) и R_2R_1O (wifedom, kingdom, masterdom, etc.). Ряд производных, таких, как quizdom, rebeldom, plasterdom, и др., отобранных из обратного словаря Lehnert Reverse Dictionary of Present-Day English, не зарегистрирован в других словарях — The Concise Oxford Dictionary of Current English, Chambers 20th Century Dictionary. Их деривационную структуру можно предположить на основании анализа гнезд, членами которых они являются, и сопоставления их с аналогичными случаями в рамках ряда. Так, в COD и Chambers 20th Century Dictionary не зарегистрировано слово peerdom. Ему приписываем словообразовательную структуру R_2R_2O по аналогии с earldom, kingdom, имеющими прозрачную словообразовательную структуру и являющимися членами хорошо интерпретирующейся ветви ряда. Подобные же случаи имеются в хорошо интерпретирующейся ветви, описывающейся

[2] Для доказательства универсальности явления полиформии ряд примеров с русским языком заимствован из статьи П. А. Соболевой (Соболева 1986).

формулой $R_2R_2R_1O$: производные pladterdom, printerdom описаны по аналогии с flapperdom.

При упорядочивании производных существительных с целью построения аффиксальных словообразовательных рядов определенную сложность, как было указано выше, представляют производные существительные, словообразовательная структура которых не поддается однозначному толкованию. Так, например, на

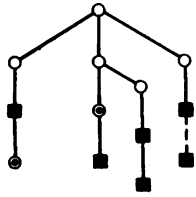

Рис. 1.

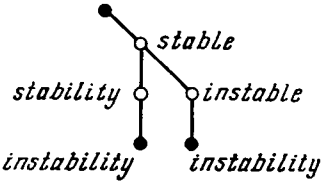

Рис. 2.

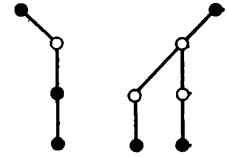

Рис. 3. Рис. 4.

основании дефиниции производного существительного instability 'Lack of stability, being unstable' можно допустить два понимания деривационного пути данного существительного: instability < stability < stable или instability < instable < stable [3]. Оба предположения одинаково справедливы (рис. 2). Производному аффиксальному существительному instability можно приписать две словообразовательные структуры $R_2R_2R_3O$ и $R_2R_3R_3O$.

Дефиниция существительного savagedom 'a savage state; savages collectively' позволяет предположить следующие последовательности: savagedom < $savage_s$ < $savage_a$ или savagedom < $savage_a$. На основании такого предположения производному savagedom приписывается словообразовательная структура $R_2R_3O \vee R_2R_2R_3O$ (рис. 3).

Производные *сопричастность*, *совладелец* и под. (*совладелец* < *владелец* < *владеть* или *совладелец* < *совладеть* < *владеть* и под.) также подлежат двойному описанию: $R_2R_2R_1O \vee R_2R_1R_1O$ (рис. 4).

В приведенных случаях имеет место одномногозначное соответствие между словом и его словообразовательной структурой. Данные слова характеризуются асемантической полиформией, то есть они обладают вариативностью словообразовательной формы, не имеющей семантической поддержки. Класс производных языка-объекта, описывающийся более, чем одной R-формулой,

[3] Данные словаря Chambers 20th Century Dictionary (adj. instable, unstable) дают основание считать прилагательные instable и unstable синонимами. В этой связи также существенным представляется замечание словаря Soule's Dictionary of English Synonyms: Instable, a. (Written preferably Unstable). . .. Наконец, дефиниция прилагательного unstable по COD 'not stable; changeable. . .' подтверждает возможность последовательности instability < instable < stable.

например, $R_kR_l^mO$, $R_nR_p^mO$, $R_sR_t^mO$ и т. д., называется полиструктурным (Соболева 1986).

Для ясности изложения напомним ряд понятий, являющихся необходимыми для дальнейших рассуждений (Соболева 1986).

Класс гнезд языка-объекта, описывающийся одним R-гнездом (или R-подгнездом) называется моноструктурным. Например, *белый*, *белизна*, *белить*, *белеть*, *побелить*, *побелеть*, *белок* и т. д.;

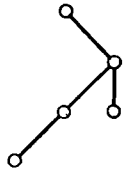

Рис. 5.

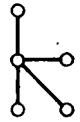

Рис. 6.

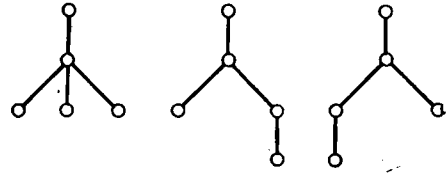

Рис. 7.

черный, *чернота*, *чернеть*, *чернить*, *почернеть*, *почернить*, *чернец* и т. д. описывается одним векторным графом (рис. 5). К моноструктурным гнездам также можно отнести гнездо wife, wifedom, wifehood, wifeless, wifely, wifelike, так как ему соответствует только одно R-гнездо (рис. 6).

Класс гнезд языка-объекта, описывающийся более чем одним R-гнездом (R-подгнездом) называется полиструктурным. Например, *лакей*, *лакейский*, *лакейство*, *лакействовать*; *председатель*,

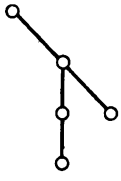

Рис. 8.

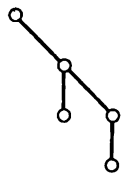

Рис. 9.

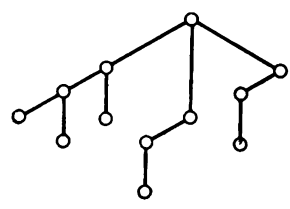

Рис. 10.

председательский, *председательство*, *председательствовать* описываются по крайней мере тремя векторными графами (рис. 7). Patient, patience, impatient, impatience; capacious, capacity, incapacious, incapacity описываются двумя векторными графами (рис. 8,9).

Словообразовательное гнездо метаязыка, то есть R-гнездо, всегда моноструктурно, так как отражает лишь одно из выбранных (по тем или иным критериям) описаний.

Класс слов языка-объекта, образующих словообразовательный ряд (подряд), может быть как моноструктурным, так и полиструктурным. Например, ряд с суф. *-тель*: *читатель*, *истолкователь*, *нагреватель*, *охладитель*, *испаритель* и т. д. характеризуется моно-

структурностью (рис. 10). Ряд с преф. ana-: anabaptism, anastrophe, и т. д. также характеризуется моноструктурностью.

Ряд с суф. *-ние*: *чтение*, *написание*, *нагревание*, *вырубание*, *охлаждение*, *испарение* и т. д. — характеризуется полиструктурностью (рис. 11). Подряд (а) подразумевает деривации типа *нагревание* $<$ *нагревать* $<$ *нагреть* $<$ *греть*. Подряд (б) подразумевает возможность деривации типа *нагревание* $<$ *нагреваться* $<$

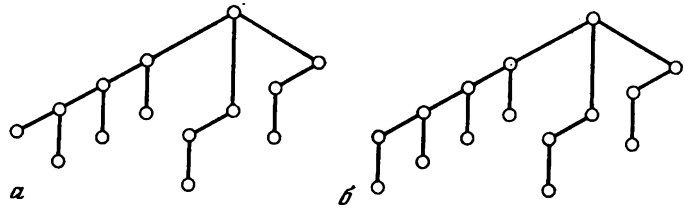

Рис. 11.

нагревать $<$ *нагреть* $<$ *греть*. Полиструктурностью характеризуется и ряд с суф. -dom: servantdom, officialdom, savagedom, fooldom, и т. д. (рис. 12). Подряд (а) подразумевает деривации типа fooldom $<$ fool_n. Подряд (б) подразумевает возможность деривации типа fooldom $<$ fool_a $<$ fool_n. Как следует из приведенных примеров, словообразовательные ряды характеризуются полиструктурностью в том случае, если в их состав входят полиформные слова типа *нагревание*, fooldom.

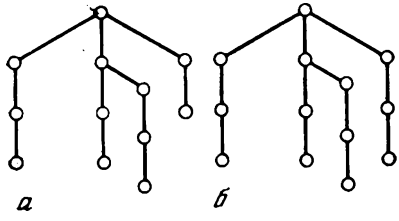

Рис. 12.

Словообразовательный ряд (подряд) метаязыка-объекта, то есть R-ряд, всегда только моноструктурен, так как отражает всегда только одно из возможных описаний.

При рассмотрении слова в рамках одного ряда существенным является определение облигаторности и факультативности составляющих полиструктурного деривата. Облигаторность и факультативность определяется путем соотнесения данных подструктур с остальными составляющими ряда. Так, для существительного instability в рамках словообразовательного ряда на in- структура $R_2R_2R_3O$ является облигаторной, так как помимо слов, описывающихся формулой $R_2R_2R_3O \vee R_2R_3R_3O$, имеются другие слова сходной с ними морфологической структуры и тем же оператором последнего шага, описывающиеся единственной формулой $R_2R_2R_3O$ (incertitude, injustice, etc.), составляющие моноструктурный подряд. Случаи же полиформии для этого ряда ограничиваются подрядом $R_2R_2R_3O \vee R_2R_3R_3O$. Полиструктурность для подряда

$R_2R_2R_3O \vee R_2R_3R_3O$ облигаторна и обе словообразовательные структуры находятся в отношениях свободной вариативности.

Ввиду того, что в данном ряду нет моноструктурного подряда, описывающегося формулой $R_2R_3R_3O$, данная словообразовательная структура является для ряда на in- факультативной. Поскольку оператором последнего деривационного шага структуры $R_2R_3R_3O$ является -(i)ty, мы переносим данную структуру в ряд на -(i)ty.

В представлении префиксального ряда на in- при помощи векторных графов ветвь, соответствующая структуре $R_2R_2R_3O$, изображается сплошной линией, так как она облигаторна для данного

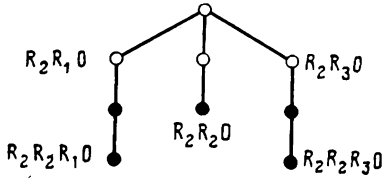

Рис. 13.

Рис. 14.

Рис. 15.

Рис. 16.

ряда (рис. 13). Для суффиксального ряда на -(i)ty ветвь $R_2R_3R_3O$ может оказаться либо облигаторной, либо факультативной, что может быть выяснено при построении всего ряда. В случае факультативности ветвь на векторном графе изображается пунктирной линией.

Итак, структура $R_2R_2R_3O$ может быть описана в составе словообразовательного ряда существительного с преф. in-, а структура $R_2R_3R_3O$ — в составе словообразовательного ряда существительного с суф. -(i)ty. Таким образом, слово instability является составляющим двух различных словообразовательных рядов английского аффиксального существительного.

Другим примером разрешения асемантической полиформии является рассмотрение полиструктурных подрядов $R_2R_2O \vee R_2R_3R_2O$ и $R_2R_3O \vee R_2R_2R_3O$ в рамках словообразовательного ряда на -dom.

Словообразовательный ряд с суф. -dom имеет моноструктурные и полиструктурные подряды. Моноструктурные подряды представлены следующими словообразовательными структурами:

R_2R_2O: wifedom, kingdom, boredom, servantdom, beggardom, rebeldom, etc.

R_2R_3O: wisedom, freedom, etc.

$R_2R_2R_1O$: planterdom, spydom, studentdom, ruledom, etc.

$R_2R_2R_2O$: archdukedom, Christendom, etc.

$R_2R_2R_3R_2O$: officialdom, heathendom, etc.

Полиструктурные подряды представлены следующими словообразовательными структурами:

$R_2R_2O \vee R_2R_3R_2O$: fooldom, saintdom.

$R_2R_3O \vee R_2R_2R_3O$: savagedom.

Результаты анализа при помощи критерия словообразовательной парадигмы, используемого П. А. Соболевой и М. Д. Барченковой, критерия регулярного графа гнезда (Гинзбург 1977) и др., показали, что производное savagedom может быть как отадъективным (savagedom $<$ $savage_a$), так и отыменным (savagedom $<$ $savage_n$ $<$ $savage_a$). Поскольку в словообразовательном ряду на -dom имеются другие слова, описывающиеся единственной формулой R_2R_3O, эта структура является облигаторной для данного ряда. Слов, описывающихся единственной формулой $R_2R_2R_3O$, ряд не содержит. Не является она и составляющей другого полиструктурного подряда. Следовательно, она факультативна для данного ряда. В изображении при помощи векторных графов факультативная ветвь обозначается пунктирной линией (рис. 14). При сложении графов (а) и (б) они накладываются один на другой и пунктирной остается линия, соединяющая терминальный узел графа R_2R_3O с терминальным узлом графа $R_2R_2R_3O$. (рис. 15).

Пути образования производных fooldom и saintdom выглядят следующим образом: fooldom $<$ $fool_n$ или fooldom $<$ $fool_a$ $<$ $fool_n$; saintdom $<$ $saint_n$ или saintdom $<$ $saint_a$ $<$ $saint_n$. Ряд содержит моноструктурный подряд R_2R_2O. Моноструктурного подряда $R_2R_3R_2O$ ряд не содержит. Структура $R_2R_3R_2O$ не является составляющей никакого другого полиструктурного подряда данного ряда. Следовательно, структуру $R_2R_3R_2O$ для данного ряда можно считать факультативной. В изображении при помощи векторных графов она обозначена пунктирной линией (рис. 16).

Обе факультативные структуры — $R_2R_2R_3O$ и $R_2R_3R_2O$ — последний деривационный шаг образуют при помощи суф. -dom. Следовательно, перенос факультативных ветвей в другой ряд (другие ряды) исключен. Факультативные структуры остаются в ряду на -dom. Произведем сложение ветвей подрядов (рис. 17). Происходит наложение пунктирной линии ветви $R_2R_3R_2O$ и сплошной линии ветви $R_2R_2R_3R_2O$. В результате в графе ряда пунктирной линией остается обозначенным только последний шаг структуры $R_2R_2R_3O$.

Словообразовательный ряд производных русского языка с преф. *со-* имеет моноструктурные и полиструктурные подряды. Моноструктурные подряды представлены следующими словообразовательными структурами:

R_2R_2O: *соавтор*, *собрат*, *сотоварищ* и под.

$R_2R_2R_2O$: *соавторство* (случай моноформии на уровне метаязыка описания), *совратарь* (окказ.), *содокладчик*

В ряде случаев имеет место полиструктурность облигаторного характера:

$R_2R_2R_3O \vee R_2R_3R_3O$: *сопричастность* (*сопричастность* < *причастность* < *причастный* или *сопричастность* < *сопричастный* < *причастный*);

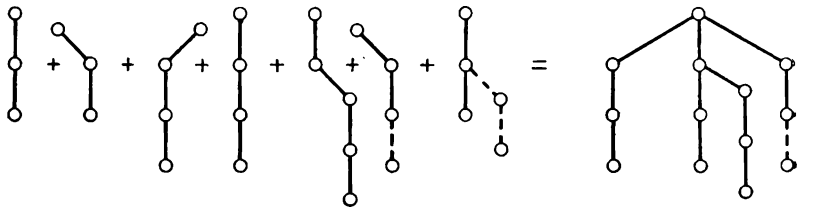

Рис. 17.

$R_2R_2R_3R_1O \vee R_2R_3R_3R_1O$: *созвучность* (*созвучность* < *звучность* < *звучный* < *звучать* или *созвучность* < *созвучный* < *звучный* < *звучать*);

$R_2R_2R_1R_1R_1O \vee R_2R_1R_1R_1R_1O$: *соприкосновение* (*соприкосновение* < *прикосновение* < *прикоснуться* < *коснуться* < *касаться* или *соприкосновение* < *соприкоснуться* < *прикоснуться* < *коснуться* < *касаться*).

Полиструктурность данных слов является облигаторной, так как нет в ряду других слов с аналогичной морфологической структурой, которые описывались бы другими формулами. Так, например, слова *совладелец*, *сопереживание*, *соучастие*, *содействие* (*содействие* < *действие* < *действовать* или *содействие* < *содействовать* < *действовать* и др. под.) описываются как $R_2R_2R_1O \vee R_2R_1R_1O$. Однако имеется целый ряд слов типа *соученик*, *сомножитель*, *сонаследник* и под., которые описываются лишь формулой $R_2R_2R_1O$. Следовательно, ветвь $R_2R_2R_1O$ — основной вариант словообразовательной структуры, входящей в словообразовательный ряд преф. *со-*. Вхождение этой ветви в граф R-ряда обязательно. Факультативную структуру из графа словообразовательного ряда преф. *со-* следует устранить и перенести ее в ряд соответствующей суффиксальной структуры. Таким образом, все ветви на графе *со*-ряда должны быть представлены сплошными линиями (рис. 18).

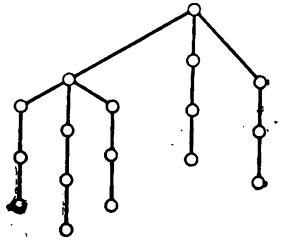

Рис 18.

Примером облигаторной полиструктурности всего словообразовательного ряда является словообразовательный ряд, образованный преф. *противо-*. Часть ряда, относящаяся к основам

третьей степени производности [4] и обладающая морфемным составом *против* + stem + suf, состоит из трех подклассов слов:

$R_2R_2R_1O$: *противопоказание*, *противотечение* (*противопоказание*, *противотечение* < *показание*, *течение* < *показать*, *течь*, ср. невозможность **противопоказать*, **противотечь*);

$R_2R_2R_1O \vee R_2R_1R_1O$: *противодействие*, *противоположение* (*противодействие*, *противоположение* < *противодействовать*, *противоположить* < *действовать*, *положить* или *противодействие*, *противоположение* < *действие*, *положение* < *действовать*, *положить*);

$R_2R_1R_1O$: *противопоставление*, *противостояние* (*противопоставление*, *противостояние* < *противопоставить*, *противостоять* < *поставить* [5], *стоять*, ср. невозможность *ставить* → **ставление*, *стоять* → **стояние*).

В примере с рядом на *против-* имеет место отношение п е р е с е ч е н и я полиструктурного подряда с соответствующими моноструктурными, тогда как в случае с рядами на *со-*, *-dom* и под. полиструктурные подряды с соответствующими моноструктурными подрядами состоят в отношениях в к л ю ч е н и я.

Методика снятия словообразовательной полиформии является примером группировки разнородного материала с целью подробного изучения процессов порождения слова, скрывающихся за несоответствием морфологической и словообразовательной структур производного.

ЛИТЕРАТУРА

Барченкова М. Д. Типологическое исследование словообразовательных рядов английского глагола: Автореф. канд. дис. М., 1982.

Гинзбург Е. Л. К разработке критериев направления производности // Грамматика и норма. М., 1977.

Соболева П. А. Условия снятия асемантической полиформии в словообразовательном ряду // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1982.

Соболева П. А. Снятие асемантической полиформии в словообразовательном ряду: Облигаторная и факультативная полиструктурность // Проблемы структурной лингвистики 1983. М., 1986.

A Dictionary of English Synonyms and Synonymous Expressions // by R. Soule: Bantam Books, 1981.

Chambers 20th Century Dictionary: New Edition. First reprint 1983.

The Concise Oxford Dictionary of Current English. Sixth Edition. 1976. Seventh impression 1978.

[4] Номер такта производности является существенным для отграничения слов типа *противовес*, *противоток*, *противоядие* — R_2R_2O; *противоборство* — R_2R_1O (при отсутствии шага *бороться* → **борство*) и др.

[5] Если отвлечься от шага *ставить* → *поставить*.

И. В. АЛЬТМАН

ГНЕЗДО И СЛОВО

Среди разнообразных проблем, возникающих при изучении словообразовательных гнезд, одной из важнейших представляется соотношение отдельного слова и гнезда. Изучение этого соотношения позволяет заметить явную аналогию между словом и гнездом. Некоторые черты этой аналогии описываются ниже.

Совокупность однокоренных слов не всегда сводима к одному словообразовательному гнезду. Для слов с незаимствованными корнями эта общность чаще всего оказывается шире словообразовательного гнезда, и не существует такого критерия, который позволил бы в любом спорном случае однозначно определить, к одному ли гнезду относятся однокоренные слова или к разным. По-видимому, выработка такого критерия в принципе невозможна: для этого требовалось бы строго однозначное определение всех допустимых отношений слов в гнезде, а это невозможно ввиду характера самого предмета описания, — достаточно вспомнить о том, что связи слов в гнезде весьма сложны и зачастую отражают живые незавершившиеся процессы: благодаря многозначности (весьма частое явление) меняются и мотивационные связи слов в гнезде, происходит переразложение основ (чаще всего — опрощение); нередка (а в ряде случаев регулярна) и множественность словообразовательной мотивации.

Все это не создавало бы трудностей для исследователя словообразования, если бы задача описания ограничивалась бы лишь составлением перечня однокоренных слов (как в словаре Д. С. Ворта). Но при описании совокупности однокоренных слов как иерархически упорядоченной общности трудности возникают неизбежно. Столкнулся с ними и А. Н. Тихонов при составлении «Словообразовательного словаря русского языка», и здесь выход он видит в следующем: предлагается не считать однокоренными слова, между которыми нет отношений производности, отражающих живые семантические связи. С этой точки зрения, которую, по-видимому, точнее было бы назвать предлагаемым соглашением, «не являются однокоренными *искра* и *искренний*, *звать* и *звание*. Ср. также *мнить* и *мнение*, *добить* и *добиться* и т. п. . . . Полностью или почти полностью утрачена соотносительность между словами *предать* и *предание* (о чем-либо), *стать* и *устать*, *пристать*, *разить* и *выразить* и т. п.. . . Здесь уже невозможно истолковать одно слово через другое, как в парах однокоренных слов» (Тихонов 1987, 37). Этот подход безусловно допустим как прием при составлении такого большого по объему издания, призванного выполнять справочную функцию, каковым является упомянутый «Словообразовательный словарь»: подобный словарь,

естественно, должен быть удобным для пользования, и его данные должны быть возможно более определенными, поэтому здесь такая категоричность вполне оправдана.

Однако этим соглашением не решается весь комплекс проблем, касающихся соотношения группы слов, имеющих общий корень, со словообразовательным гнездом. Прежде всего семантические связи между родственными словами нередко сохраняются, хотя и перестали быть отношениями непосредственной семантической выводимости. Исторические связи в лексике зачастую осознаются носителями языка, и вряд ли следует «спрямлять» эти связи, пренебрегая этимологическим чутьем говорящих и пишущих. Но в языке в любой момент его развития имеет место сложное взаимодействие исторического наследия и живых процессов, отражается оно и на судьбе корней слов; вхождение однокоренных слов в разные словообразовательные гнезда — наглядный тому пример.

Здесь следует начать со случаев, отмечавшихся еще В. В. Виноградовым в работе «О некоторых вопросах русской исторической лексикологии»: «Лексические ряды или группы слов, объединенные лежащим в основе их производящим словом основного словарного фонда, подвержены разнообразным историческим изменениям. От них могут обособляться, отделяться некоторые словесные звенья, в силу изменения их морфологической структуры или в силу их смысловых преобразований. Так, от большой группы слов, связанной с глаголом просить, уже в XV—XVI вв. отделяется и образует самостоятельный семантический ряд глагол *спросить* с производными (*спроситься*, *спрашивать* и т. д.). . . Можно указать также на обособление группы *допросить*, *допрашивать*, *допрос* (но ср. *допроситься*), на отделение лексического ряда *вопрос*, *вопросительный*. Аналогичных примеров смысловой и лексической дифференциации слов и групп слов, некогда принадлежавших к одной словопроизводственной сфере и восходивших к исходному слову основного словарного фонда, можно привести очень много (ср. *казать* и *сказать*, *сказывать*, *сказ*; *наказать* — *наказание* и т. п.; (ср. *притворяться*, *притворство*, причем еще в XVIII в. широко употреблялся глагол — *притворять себя* и др. под.)» (Виноградов 1953, 79; см. также Никифоров 1952, 121).

Сейчас уже трудно объяснить, почему остались без должного внимания эти чрезвычайно ценные наблюдения, сделанные более 30 лет назад, и почему при выработке терминологии, которая в ходу сейчас, не была использована терминология, употреблявшаяся тогда. Общность слов, объединенных одним корнем, В. В. Виноградов называл этимологической серией, а общность однокоренных слов, объединенных живыми семантическими связями — словообразовательной базой (Виноградов 1951, 62). А. Н. Тихонов (Тихонов 1985, 40), обратившись к этим терминам, соотносит их с понятиями «гнездо слов», «семья слов», но не пред-

лагает каких-либо, по-видимому, необходимых в этом случае, уточнений. И одно из них, очевидно, должно было бы касаться того, что у В. В. Виноградова речь идет о хронологически датируемых исторических изменениях значений, вызвавших перестройку общности родственных слов (иногда для этих и подобных случаев употребляется — на наш взгляд, не всегда вполне правомерно — термин «дивергенция корней»); однако подобные процессы весьма часто проявляются и в синхронии; при этом возникает необходимость в каждом конкретном случае устанавливать степень развития этого процесса. Явление семантической декорреляции нередко влечет разрыв словообразовательного гнезда (см. об этом в ряде работ П. А. Соболевой а также Барченкова 1981), а нередко ограничивается разделением гнезда на подгнезда, объединенные каким-либо из частных значений исходного производящего слова (см. об этом Аликаева 1980).

Причиной разрыва гнезда всегда являются семантические изменения. Но для того, чтобы убедиться, что разрыв произошел, нужны некоторые дополнительные критерии, и один из них — предложенный П. А. Соболевой и М. Д. Барченковой структурно-гнездовой критерий. Он основан на изучении закономерностей, позволяющих устанавливать границы гнезда; развитие производных за этими границами свидетельствует о том, что разрыв гнезда произошел и что одно из входящих в него производных становится вершиной нового гнезда. Можно лишь несколько дополнить показатели, которые следует учитывать при работе с этим критерием: надо определить, какими свойствами должна обладать структура нового гнезда, чтобы можно было считать его самостоятельным, отделившимся от исходного.

Думается, здесь уместно внести некоторые дополнения в терминологию. Разные гнезда от слов с единым корнем (родственных слов) можно было бы назвать р о д с т в е н н ы м и гнездами. Родственные гнезда не всегда равноправны. То гнездо, семантика которого ближе к семантике этимологически исходного слова, можно было бы назвать и с х о д н ы м гнездом (ИГ). Гнезда, образованные в результате отрыва от исходного, можно было бы назвать д о ч е р н и м и гнездами (ДГ). Слова, составляющие ИГ, разнообразнее по семантике и богаче по количеству, чем слова, составляющие ДГ. Это — свойства родственных гнезд, определяемые условиями подхода к материалу.

Необходимо отличать общность родственных гнезд от одного гнезда, обладающего сложной семантической структурой. Здесь могут обнаружиться группы слов, объединенных между собой более тесными мотивационными отношениями, чем с другими компонентами этого же гнезда, однако разрыва не происходит; в этом случае можно говорить об образовании подгнезда, структура которого полностью включается в структуру основного гнезда, а его семантика согласуется с общей семантикой гнезда. Вот почему

наличия одного только общего семантического компонента у группы производных и их более тесных связей между собой еще недостаточно для того, чтобы сделать вывод об образовании ДГ, отделившегося от ИГ; для этого нужно выполнение еще некоторых условий, которые позволим себе сформулировать ниже.

I. **Формальный критерий.** Форма производящей основы одной группы отличается от формы производящей основы другой группы слов того же корня. Здесь различаются три случая.

1) Исторические изменения (чередование в корне, опрощение основы) — как в случаях *нравиться*, *разонравиться* и *нрав*, *безнравственный; норов*, *приноравливаться*, а также *сноровка*, *сноровистый* и т. п.

2) Чередования, имеющие регулярную соотнесенность с синхронно воспринимаемой семантикой, — такие, как в парах однокоренных глаголов, характеризующихся четким противопоставлением по признаку каузативности: *лежать* — (*по*)*ложить*, *сидеть* — *сажать*, *стоять* — *ставить*.

3) Категориальные свойства слов, имеющие формальное выражение: для имен — отношение к числу, для глаголов — отношение к переходности/непереходности, возвратности, а также особенности вхождения в пары по виду или по способу действия, полнота/неполнота словоизменительной парадигмы.

II. **Структурно-гнездовой критерий.**

1) Особенности структуры гнезда — прежде всего по отношению к общим закономерностям — таким, например, как регулярность (по мере глубины деривационного шага количество деривационных структур убывает), полноструктурность/неполноструктурность, характерность структуры и другие типологические характеристики.

2) Особенности структуры первого такта в гнезде, а именно — соответствует ли в нем исходной деривационной структуре (ДС) одно слово или более, одинакова ли их морфемная структура и т. п.

III. **Лексикографический критерий.** Состав гнездового словаря определяется словником толкового, но роль словаря-источника этим не исчерпывается. Так, если в словаре-источнике однокоренные слова представлены как омонимы, это служит основанием для отнесения их к разным гнездам или разным тактам внутри одного гнезда; если же слова, различающиеся по словообразовательной позиции, даются в одной словарной статье, то обычно они соотносятся с разными значениями, и учет такого разделения — необходимое условие для установления деривационной структуры того или иного слова.

Действие этих критериев попытаемся показать на примере распределения по гнездам большой группы слов (более 250), объединенных общим корнем с *нести/носить*.

Исходным гнездом (ИГ) здесь оказывается то, которое строится по основному значению ‘взяв в руки или нагрузив на себя, перемещать’ (зн. 1). Для *нести* в этом значении, как и для всех глаголов движения, характерно вхождение в пару по способу действия, прослеживаемое у всех его приставочных дериватов.

Это гнездо включает 11 ДС: R_1O *нашивать*, *нести/носить*, R_1R_1O *взнести/взносить*, *внести/вносить*. . . (более 20 слов; при этом коррелятивная пара считается за одно слово), $R_1R_1R_1O$ *взнестись*, *вноситься* (зн. 2). . . (более 20 слов), $R_1R_1R_1R_1O$ *привноситься*; R_2R_1O *носилки*, *ноша*, $R_2R_1R_1O$ *взнос*, *внесение*, *вынос*, . . .*перенос*, *переносчик*, *разносчик*. . . (более 30 слов), $R_2R_2R_1R_1O$ *переносчица*, *разносчица*; R_3R_1O *несущий*, $R_3R_1R_1O$ *выносной*, *заносный*.

Оно является исходным, поскольку включает наибольшее количество слов (123) и наибольшее количество ДС, а главное — характеризуется значением, из которого в конечном счете выводимы значения остальных однокоренных, даже при весьма далеких семантических расхождениях.

Первое из дочерних гнезд (ДГ) выделяется на основании значения ‘обычно продолжительное время иметь на себе что-л., ходить каким-л. образом одетым, причесанным, украшенным (зн. 4).

Это гнездо включает 10 ДС: R_1O *нашивать*, *носить* (зн. 4), R_1R_1O *заносить* 2/*занашивать*, *износить/изнашивать*, *носиться*... (более 10 слов), $R_1R_1R_1O$ *заноситься* 2/*занашиваться*, *изнашиваться*, . . . *поноситься* 1 (около 20 слов), $R_1R_1R_1R_1O$ *поизноситься*, *пообноситься*; R_2R_1O *носка*, *ношение*, $R_2R_1R_1O$ *донашивание*, *обноски*. . . (всего 6 слов), $R_3R_2R_1O$ *носкость* 2, $R_2R_3R_1R_1O$ *изношенность*; R_3R_1O *ноский* 1, $R_3R_1R_1O$ *изношенный*, *поношенный*. . . (4 слова).

Выделение этого ДГ поддерживается и формальным критерием: *носить* в данном значении не имеет коррелята *нести*; хотя и возможно не только *носить костюм*, но и *нести костюм* (в чистку, в ремонт), это — не употребление слова в разных значениях, а употребление разных (хотя и однокоренных) глаголов: они имеют разные категориальные свойства и образуют гнезда, различные как по структуре, так и по лексическому наполнению. По структуре данное ДГ отличается от ИГ отсутствием производных $R_2R_2R_1R_1O$, лексическое несовпадение состава этих гнезд также очевидно: в ДГ есть *изнашивание*, *обноски*, *снос* 1, *носкость* 1, *изношенность*, для которых в ИГ нет омонимов (здесь цифровые пометы отсылают к омонимам в других ДГ).

Другое ДГ строится по значению ‘быстро перемещать, везти, мчать’ (зн. 2) с выделяемыми словарем оттенками ‘передвигать, увлекать силой своего течения (о ветре, течении воды и т. п.)’, ‘распространять (звук, запах)’, а также тот оттенок значения, которому не дается собственно толкования — он характеризуется описательно «употребляется при выражении недовольства, удивле-

ния, возмущения и т. п. по отн. к тому, кто пришел или идет, направляется куда-л.»

Это гнездо включает всего две ДС: R_1O *нести* (зн. 2), *нестись* (зн. 1), *носиться* (зн. 1) и R_1R_1O *внестись*, *вынести* (зн. 2), *понести*, *понестись*. . . и, включая еще одну реализацию, не фиксируемую словарем *разнести/разносить* 'неся с большой скоростью, создать опасность для седока', которую автор этих строк позволил себе добавить, — всего 20 слов.

Значение данного ДГ весьма своеобразно: здесь *нести* употребляется, если речь идет не о человеке, а о некотором субъекте действия, который понимается как транспортное средство, причем понимается весьма широко: 1) прежде всего о коне, лошади (по-видимому, в данном случае это и есть стержневое значение); 2) о транспортном средстве — вместо регулярного в этом случае *везти*; можно отметить здесь романтическое понимание транспортного средства с некоторой долей олицетворения (ср. пушкинское *Лети, корабль, неси меня к пределам дальним*. . . и более позднее *И на крыльях несут самолеты Пионерские наши мечты*); 3) о фантастическом, но представляемом как реальное существе — в сочетании со словами типа *черт*, *дьявол* — о неведомой силе, суеверным страхом перед которой объясняются замены типа *нелегкая*; этим же табу объясняется, по-видимому, и безличное употребление (*Куда тебя несет в такую рань!*).

Но кроме ярко выраженной специфической семантики, основание для вычленения этого ДГ дает и структурно-гнездовой критерий. Здесь специфична структура первого такта: *нестись* (в зн. 1, 2) соотносится с *нести* как равнопроизводное, хотя и с иным управлением: у непереходного *нестись* тот же субъект, что и у переходного *нести*, который в этом значении пассива не образует (*Конь несется по полю — Конь несет всадника*, *Самолеты несутся в облаках — Самолеты несут на крыльях пионерские мечты*, но не **Всадник несется конем*, **Пионерские мечты несутся самолетами на крыльях*). Еще одно замечание, касающееся структуры первого такта: мы считаем возможным поместить *нестись* с парой *носиться* в это же гнездо на правах слова с более узким значением, чем стержневое, но допускающим включение в общее значение.

Можно привести примеры ДГ, в которых семантические изменения сопровождаются изменением основы. Так, в значении 'подвергаться, терпеть' основа *-нести*, *-носить* не употребляется без префикса. К исходным производящим R_1O здесь относятся равнопроизводные *вынести* 'устоять, не сдаться перед лишениями, трудностями; выдержать, перенести' (зн. 4)/*выносить* (зн. 2), *перенести* 'испытать, изведать что-л. неприятное, тяжелое, болезнь и т. п.' (зн. 9)/*переносить* (зн. 1), *снести* 'вытерпеть, выдержать' (зн. 9)/*сносить*; в это гнездо входят производные R_2R_1O *переносимость*, $R_2R_3R_1O$ *выносливость*; R_3R_1O *выносливый*, *невыносимый*, *непереносимый*, *несносный*, *сносный*; для этого гнезда

(единственный случай для отглагольного гнезда из этой общности родственных слов!) словарь фиксирует и наречия: $R_1R_3R_1O$ *невыносимо*, *непереносимо*, *несносно*.

Семантическая связь компонентов этого гнезда со значением ИГ устанавливается с трудом; можно вспомнить пример устаревшего употребления: *Несчастные! Должны ль упреки несть От подражательниц модисткам За то, что смели предпочесть Оригиналы спискам?* (Грибоедов, Горе от ума), которое зачастую остается непонятным и в практике преподавания требует пояснения.

Изменение основы свидетельствует о большой степени расхождения в семантике. Это касается, в частности, ДГ, выделяемого на основании значения 'сильно ругать, оскорблять бранью' и отсюда 'подвергать жестокой критике'. В этом ДГ в роли исходных выступают префиксальные равнопроизводные R_1O *поносить* 2, *разнести* (зн. 7), а производными от них оказываются R_2R_1O *поношение*, *разнос* (зн. 2), R_3R_1O *поносный*.

Выделение этого ДГ основано на формальном критерии (связанная основа *-нести/-носить*) и подтверждается данными словаря (отсылки к омонимам или отнесение к отдельным значениям).

В двух случаях слова со связанными основами, родственные рассматриваемым, образуют гнезда, в которых исходным производящим оказывается не глагол, а существительное (*донос*) или прилагательное (*заносчивый*). Здесь следует пояснить, что установление частеречной структуры гнезда учитывает такие моменты, как регулярность гнезда (см. выше), а также характерность структуры: для русских словообразовательных гнезд характерно развитие идентифицирующей ветви; в данных примерах эти условия выполнены.

Эти гнезда приводятся полностью.

R_1R_2O *донести* 2/*доносить* 2; R_2O *донос*, R_2R_2O *доносчик*, $R_2R_1R_1O$ *донесение*, *доносительство*, $R_2R_2R_2O$ *доносчица*.

R_1R_3O *занестись* 1 (зн. 3)/*заноситься* 1 (зн. 1); R_2R_3O *заносчивость*; R_3O *заносчивый*; R_4R_3O *заносчиво*.

Можно привести еще два ДГ, структура которых полностью включается в структуру ИГ, но отличия от значений остальных родственных, единые для компонентов этих ДГ, достаточно сильны, чтобы каждое из них считать самостоятельным гнездом.

ДГ, строящееся по значению 'быть беременной', включает 5 ДС: R_1O *носить* (зн. 3), R_1R_1O *вынашивать*, *выносить* (зн. 1), *доносить* 1 (зн. 3)/*донашивать*, *переносить* 2 (зн. 3)/*перенашивать*, *понести* (зн. 6), $R_1R_1R_1O$ *вынашиваться*, *выноситься*, *донашиваться* (зн. 2), *перенашиваться*; $R_2R_1R_1O$ *донашивание*, *недоносок*; $R_3R_1R_1O$ *выношенный* (зн. 1, 2), *недоношенный*.

Интересная особенность семантики этого ДГ — развитие общего переносного значения у приставочных дериватов, сводимого к 'заранее готовить, тщательно обдумывать (какие-л. планы, за-

мыслы)'. В структуре гнезда это находит отражение: гнездо нерегулярное. Исходное непроизводное не имеет вышеназванного переносного значения — очевидно, потому, что *носить*, *нести*, если можно так выразиться, «перенасыщено» многозначностью.

По единственному значению, общему для всех компонентов (каждый из которых в данном гнезде является однозначным словом), выделяется ДГ от *нести* 'класть яйца'. Оно включает 5 ДС: R_1O *нести* (зн. 12), *нестись* (зн. 3), R_1R_1O *занестись* 2, *нанести* (зн. 9), *снести* (зн. 10), *снестись* 2; R_2R_1O *несушка*, *носка* (дается с отсылкой к 12 зн. исходного глагола), $R_2R_3R_1O$ *носкость* 2; R_3R_1O *ноский* 2.

Вышеприведенные примеры иллюстрируют возможности распределения родственных слов по различным словообразовательным гнездам, наблюдаемого как живой процесс, достаточно явный, но не вполне завершившийся, о чем свидетельствуют многочисленные омонимы-производные, отмечаемые словарем-источником в этом качестве (цифровые пометы) или оказывающиеся таковыми лишь в дериватологическом отношении, а в словаре фиксируемые как разные значения одного слова. Однако можно найти случай, когда для общности слов, родственных вышеописанным, этот процесс завершился полностью: это слова *отношение*, *относиться* и родственные им по опрощенной основе *отнес-/относ-/отнош-*, а также их дериваты с префиксом *со-*: *соотношение*, *соотносительный* и др. Производные с этой основой, возможно, составляют более чем одно гнездо: решение вопроса о частеречно-мотивационных отношениях для них осложняется и терминологическим употреблением ряда слов из этой общности.

Вычленяя ДГ из ИГ, мы стремились к возможно большей надежности этой процедуры, памятуя о том, что для гнезда от многозначного слова общности производных, более тесно связанные между собой, чем с остальными компонентами гнезда, не всегда образуют ДГ, а зачастую входят в ИГ в качестве подгнезд. Для нашего случая, например, это *нести* и *носить* в значении 'иметь, передавать' с производными *носитель*, чаще — *носители* (языка, диалекта, моральных норм, понятий, представлений); или *нести* 'выполнять' с производным *несение* (вахты, дежурства, обязанностей).

Отношения между родственными гнездами, как и между родственными словами, определяются историческими причинами. Гнездо является как бы точкой пересечения исторических и живых связей в синхронном срезе языка: будучи общностью родственных слов, оно отражает исторические связи в языке; будучи общностью слов, объединенных мотивационными отношениями, оно отражает картину, реально наблюдаемую в данный момент. Поскольку семантические связи однокоренных слов весьма подвижны, то и положение слов по отношению к словообразовательному гнезду дает картину достаточно сложную.

Можно указать два случая, расположенных как бы на противоположных полюсах. К одному полюсу тяготеют общности однокоренных слов, подобные описанным выше родственным глаголу *нести/носить* — исконному многозначному слову. Здесь налицо тенденция к образованию гнезд с разнообразной типологической и сложной семантической структурой, здесь можно наблюдать и образование подгнезд внутри одного гнезда, и перестройку гнезд с вычленением дочерних из исходного, и ряд пограничных случаев.

К противоположному полюсу тяготеют слова с однозначным употреблением, близким к терминологическому; чаще всего это слова с заимствованными корнями. Они образуют гнезда, простые по структуре, причем слова, бывшие многозначными в языке-источнике, оказавшись заимствованными, такой связью уже не обладают (хотя общая часть значения иногда может осознаваться). Вот почему для гнезд такого рода омонимия исходных несомненна, даже если ее не всегда фиксирует словарь-источник. Например, *экстрагировать* 'производить разделение твердых и жидких смесей при помощи обработки их различными растворителями' является исходным для гнезда R_1O *экстрагировать*, R_1R_1O *экстрагироваться*, R_2R_1O *экстрагирование*, *экстракт*, *экстракция* (зн. 2); R_3R_1O *экстракционный*, *экстрактовый*, в то время как *экстрагировать* 'производить операцию удаления зуба' является исходным для гнезда R_1O *экстрагировать*, R_1R_1O *экстрагироваться*, R_2R_1O *экстракция* (зн. 1). Здесь различие значений столь явно, что вопрос о полисемичности даже не возникает.

Возможен и другой вариант: корень заимствованного слова претерпел изменения в языке-источнике, из которого однокоренные слова были заимствованы в разное время или разными путями (случаи типа *игумен* и *гегемон*) или слова с одним и тем же интернациональным корнем были заимствованы из разных языков (случаи типа *дизайнер* 'художник-конструктор, специалист по художественному проектированию предметов, производимых промышленностью' и *десинатор* 'художник — специалист по рисунку ткани').

Заключая сказанное, можно сделать некоторые выводы. Словообразовательное гнездо, как и слово, имеет исторический корень: аналогично тому, как существуют однокоренные (родственные) слова, так и существуют однокоренные (родственные) гнезда. В зависимости от исторического развития значения корня, могут быть различными отношения как между родственными словами, так и между родственными гнездами. Проблема лексической омонимии и полисемии в дериватологии находит отражение в отношениях между общностью родственных гнезд и единым гнездом со сложной семантической структурой.

Естественно, этим не исчерпывается аналогия между гнездом и словом. Но описание других черт этой аналогии — задача другого исследования.

ЛИТЕРАТУРА

Аликаева Г. В. Гнезда слов со связанными корнями в английском языке: дис. . . . канд. филол. наук: МГПИИЯ им. М. Тореза, 1980.

Барченкова М. Д. Границы словообразовательного гнезда // Проблемы структурной лингвистики. 1979. М., 1981.

Виноградов В. В. Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка (1951) // Избр. труды: Лексикология и лексикография. М., 1977.

Виноградов В. В. О некоторых вопросах русской исторической лексикологии (1953) // Избр. труды: Лексикология и лексикография. М., 1977.

Никифоров С. Д. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI в. М., 1952.

Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка в двух томах. М.: Русский язык, 1985. Т. I.

А. И. КУЗНЕЦОВА

МОРФЕМНАЯ ГЛУБИНА СЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

(слова малой и большой глубины как периферийное явление русского языка)

Языковые явления, занимающие центральное по значимости и количеству положение в русском языке, с давних пор и с самых разнообразных точек зрения подвергались и подвергаются скрупулезному анализу на всех языковых уровнях (в том числе и на уровне морфем). В пределах центра широко изучаются системные связи и отношения языковых явлений, активно обсуждаются проблемы нормы в области лексики и грамматики; наоборот, к явлениям частным, расположенным на периферии языка, лингвисты обращаются относительно редко, обычно рассматривая их вне системы и вне нормы, как единичные явления языка, иногда даже как лингвистические «курьезы», а также как один из источников пополнения нормативной лексики. Между тем периферия, интерес к которой, впрочем, в последнее время заметно возрос, может и должна исследоваться столь же внимательно, как и центр (ядро) языка.

Под периферией в языке в данной работе понимаются микросистемы, охватывающие незначительное количество слов (условно — до 10 %), объединенных каким-либо одним или несколькими признаками и существенно отличающихся от основной массы слов, рассмотренных с точки зрения тех же признаков. Сами признаки могут быть в разной степени информативны, выбор их представляет для лингвиста достаточно сложную задачу. Каждый новый параметр ведет к рассмотрению лингвистического материала

под новым углом зрения, причем некоторые слова оказываются периферийными сразу с нескольких точек зрения.

Периферийные явления на морфемном уровне можно обнаружить как в структуре слов (в морфемном составе слова), так и в инвентаре морфем. Для морфемной структуры слов русского языка существенны, например, такие признаки, как количество морфем в слове, порядок следования морфем в слове, недопустимость повторения в пределах слова одной и той же морфемы, количество аффиксов в слове и др.

Среди этих факторов наиболее важным является фактор глубины слова, называемый также общей сложностью слова или степенью синтеза [1], под которым понимается количество морфем в слове.

Лингвисты, изучающие глубину слова в разных языках, обычно интересуются только выведением средней величины, игнорируя возможные отклонения от нее. При средней глубине в 4 ± 1 морфема [2] слова́ меньшей или большей глубины составят периферийные области языка.

В группу слов с малыми глубинами попадают прежде всего корневые слова, среди которых можно выделить подгруппу слов-одиночек, не имеющих в языке никаких производных, и корневые слова Pluralia tantum, которые одновременно входят в подмножество слов Pluralia tantum производных, то есть с глубиной больше, чем две морфемы, и, таким образом, лишь частично пересекающихся со словами малой глубины. Наоборот, к словам с большими глубинами относится много поликорневых сложных слов или слов с повторяемыми в пределах слова суффиксами, выделенных в самостоятельные периферийные группы по признаку количества корней в слове или наличия рекуррентных суффиксов, и т. п. По признаку же аномальной глубины, отклоняющейся от средней величины 4 ± 1 морфема, все эти слова (корневые, частично — слова-одиночки, поликорневые сложные и некоторые другие) можно отнести к языковой периферии, охватывающей в целом около 13 % слов русского языка: 5 % — слова малой глубины и 8 % — слова большой глубины.

---

[1] См., например, работы В. Матезиуса на эту тему по чешским материалам, а также статьи Дж. Гринберга (1963, 60—105), Р. С. Манучаряна (1972, 114—123), Н. Ф. Клименко (1973, 133—141), В. А. Московича (1967, 17—33). В статье В. А. Московича все цифры, касающиеся русского языка, даны, исходя из выборки в 13 тыс. слов русского технического текста (2 тыс. разных словоформ), и не соответствуют средним и максимальным глубинам слов всего словарного запаса русского языка.

[2] Все подсчеты получены на основании анализа приблизительно 57 тыс. слов русского языка, большей частью (52 тыс.) включенных в «Словарь морфем русского языка», составленный автором статьи (при участии Т. Ф. Ефремовой). Поздние заимствования не учитывались. Анализировались только словарные формы слов.

Распределение слов по их глубине в терминах морфем в русском языке отражено в табл. 1, из которой четко видно, что самую многочисленную группу составляют четырехморфемные слова, а слова средней глубины (4±1; графы 3—5) охватывают почти 90 % всех рассмотренных слов русского языка.

Глубина слов обусловлена наличием в слове разных аффиксов— суффиксов и префиксов [3]; максимальное число слов с аффиксами приходится на слова средней глубины (центр), причем слова без суффиксов (с префиксами или без них) встречаются в пределах простых (однокорневых) слов только среди слов малой глубины и центра (исключение — шестиморфемный глагол *вос-про-из-вести-сь*, если *-сь* считать окончанием, а не суффиксом), а слова без префиксов (с суффиксами или без них) не могут иметь более семи морфем, то есть восьми — одиннадцатиморфемные слова — всегда префиксальные. Интересным фактом является также практически равное в русском языке число префиксальных слов (с суффиксами или без суффиксов) с четырьмя и пятью морфемами [см. табл. 2, в которой и беспрефиксные слова (более 36 %), и префиксальные (около 64 %) могут быть как суффиксальными, составляющими подавляющее большинство слов, так и бессуффиксными. Бессуффиксные слова (менее 10 %), приведенные в данной таблице для большей наглядности, выделены из числа беспрефиксных и префиксальных и даны отдельно [4]].

Для центра и периферии различно также общее распределение анализированного корпуса слов по частям речи: слова малой глубины — это, главным образом, существительные; слова большой глубины распределяются по частям речи более равномерно, как и слова центра: больше всего глаголов, затем существительных и прилагательных (см. табл. 3).

Рассмотрим подробнее слова, имеющие малые и большие глубины.

1. СЛОВА МАЛОЙ ГЛУБИНЫ

1.1. Одноморфемные слова. Одноморфемные, самые короткие слова языка, часто заслуживают прямо противоположного к себе отношения: так, одни считают их мало выразительными и потому имеющими тенденцию к выпадению из языка (Вандриес 1937, 200; правда, здесь речь идет о французских словах; Костинский 1977,

---

[3] Количество префиксов не превышает трех, а суффиксов — шести морфем в слове.

[4] Всего возможно 11 типов построения бессуфиксных слов, три из которых по глубине слов относятся к периферии — к словам малой глубины, состоящим из одной—двух морфем: $V=f$, $V=\neq$, $p=V=\neq$ (знак $\neq$ обозначает отсутствие суффикса в морфемной структуре наречий, междометий и частиц). Максимальное число бессуфиксных слов образовано по типу $V=f$ (более 2500).

Таблица 1

Количество морфем в слове	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Количество слов (в %)	0,26	4,79	19,37	38,05	29,78	6,6	1,17	0,2	0,02	0,01	0,007

Таблица 2

Количество слов (в %)	Количество морфем в слове										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Беспрефиксные слова	0,26	4,75	15,36	11,91	3,64	0,57	0,04				
Префиксальные слова		0,04	4,01	26,14	26,14	6,03	1,13	0,2	0,02	0,01	0,007
Бессуффиксные слова	0,26	4,73	3,7	0,91	0,05	0,001					

Таблица 3

Количество слов	Части речи					Итого
	существительные	глаголы	прилагательные	наречия	прочие	
1. Слова малой глубины	2281	86	265	77	177	2886
	4 %	0,15 %	0,46%	0,13 %	0,31 %	5,05 %
2. Слова средней глубины (центр)	16 926	19 755	12 558	469	5	49 713
	29,69 %	34,65 %	22,03 %	0,82 %	0,008 %	87,20 %
3. Слова большой глубины	1534	1829	1205	10	2	4580
	2,69 %	3,2 %	2,11 %	0.01 %	0,003 %	8,01 %
Всего	20 741	21 670	14 028	556	184	57 179
	36,38 %	38 %	24,61 %	0,97 %	0,32 %	100 %
Периферия (1+3)	3815	1915	1470	87	179	7466
	6,69 %	3,35 %	2,57 %	0,14 %	0,31 %	13,06 %

131), по мнению других, они, наоборот, особо выразительны (Даль 1955, XXXIX). Оставляя в стороне вопрос об их выразительности, образности, можно назвать некоторые другие черты, характерные для одноморфемных слов.

В русском языке одноморфемными корневыми словами (см. Кузнецова 1977, 210—223) являются прежде всего служебные части речи — союзы, междометия, предлоги, частицы и глагольные частицы, отличающиеся от других частиц рядом собственных признаков. Кроме того, среди одноморфемных корневых слов встречаются изредка и знаменательные слова — наречия.

Все перечисленные разряды одноморфемных слов занимают место на периферии русского языка. На весь объем анализируемого словарного запаса (57 тыс. слов) их приходится более 150, что составляет 0,26 % [5]. Периферийные группы русского языка обычно обладают низкой частотой встречаемости, как, например, слова-одиночки (Штейнфельдт 1963, 31); одноморфемные слова в этом отношении подчиняются общему правилу периферии: частота класса в целом достаточно низкая, как и у других периферийных групп русского языка. Так, по словарю Э. А. Штейнфельдт (1963, 31) на выборку в 38 7211 словоупотреблений приходится 4,26 % одноморфемных частиц (частота употребления всех частиц — 5,1 %). Сходные результаты получены И. А. Киселевым (Киселев 1976, 5; ср. также: Кулешова 1976), в работе которого частота встречаемости частиц (не только одноморфемных) определяется как 6,5 % при выборке в 15 5390 словоупотреблений. По «Частотному словарю русского языка» (Засорина 1977, 927) частотность их и того меньше — 1,002 % (ср. частота существительных 26,65 %, глаголов 17,12 %, местоимений 13,29 %). Одноморфемные союзы, по Э. А. Штейнфельдт, составляют 5,75 % к числу всех словоупотреблений, междометия — 0,185 %, предлоги — 10,4 % (суммарная частота встречаемости всех одноморфемных слов, по словарю Э. А. Штейнфельдт, включая одноморфемные наречия, — 22,35 %, то есть меньше, чем частота класса существительных, составляющая 26,4 %).

---

[5] Это количество может быть значительно увеличено за счет группы междометий, куда входит множество звукоподражаний животным и птицам, обычно не фиксируемое никакими словарями, и за счет глагольных частиц, легко образуемых от глаголов. Глагольные частицы одни исследователи (А. А. Потебня, А. М. Пешковский, авторы академических грамматик) рассматривают в рамках глагола, другие — в рамках частиц (А. А. Шахматов), третьи квалифицируют их как междометия (составители Обратного словаря русского языка 1974 г.). По Обратному словарю русского языка в объеме 125 тыс. слов служебные слова (предлоги, союзы, частицы и междометия, включающие глагольные частицы), даже не только одноморфемные, составляют 0,61 %, то есть их более 700, но и там они далеко не исчерпаны. Ср. попытку составления словаря звукоподражательных слов (более 500 слов) в украинском языке (Смаль-Стоцький 1929).

Однако индивидуальная частота отдельных элементов нередко приходит в столкновение с частотой класса [6]: многие частицы, союзы и предлоги сплошь и рядом являются высокочастотными словами русского языка, в то время как частота встречаемости междометий, глагольных частиц и одноморфемных наречий обычно низкая. Например, группа предлогов (не только одноморфемных) имеет общую частоту (и по Л. Н. Засориной, и по Э. А. Штейнфельдт) 11,1 % (с равномерным распределением частот для всех функциональных стилей), а частота отдельных предлогов колеблется (по словарю под ред. Л. Н. Засориной) от 0,015 % для предлога *сквозь* с ранговым № 461 до 4,2854 % для предлога *в* (*во*), занимающего в таблице распределения частот ранговый № 1 (соответственно в словаре Э. А. Штейнфельдт: от 0,011879 % до 3,048417 %; ранговый № 2). Индивидуальная частота частиц также колеблется (по словарю Штейнфельдт) от 0,004132 % для частицы *ишь* (или 0,005681 % для частицы *мол*) до 1,574593 % для отрицательной частицы *не*, ранговый № 4 (по словарю под ред. Засориной, от 0,004 % для *ишь* с № 571 до 1,9228 % для *не* с № 3; о частоте частиц *мол*, *уж* и некоторых других по данным этого словаря судить нельзя, ибо считалась частота двух пар омонимов — частиц и существительных, частота которых в сумме равна 0,0068 % для *мол*, № 543, и 0,0461 % для *уж*, № 230).

Диапазон распределения индивидуальных частот у союзов, по Штейнфельдт, также значителен: от 0,005423 % для *хоть* до 3,410027 % для союза *и*, занимающего в общем списке слов по частоте первое место (в словаре под ред. Засориной соответственно имеется колебание от 0,0286 %, № 338, до 3,6266 %, № 2, для тех же союзов; впрочем, частота *и* — это общая частота союза и междометия). Индивидуальные частоты одноморфемных междометий и наречий не превышают десятых долей процента, если судить по словарю Штейнфельдт, а нередко составляют 0,0001 %, например, в словаре под ред. Засориной — у междометий *хо*, *хны*.

Помимо признака низкой частоты встречаемости одноморфемные слова в основной своей массе имеют небольшую словообразовательную валентность. Некоторые члены группы одноморфемных слов не входят вообще ни в какие гнезда: *едва*, *если*, *еще*, *пли*, *увы*, *ура* и др. Это преимущественно наречия, союзы и (реже) междометия. От большинства же можно образовать производные слова, но далеко не всегда в значительном количестве. От междометий (особенно звукоподражаний) образуются обычно только глаголы и отглагольные существительные типа *мяукать*, *размяукаться*, *мяуканье; хрюкать*, *крякнуть*, *акать*, *аканье*, *окать*, *оканье* и т. п.

---

[6] Частота класса и индивидуальная частота входят в число критериев Р. С. Питтмана (Pittman 1948), разработавшего методику выделения ядер и сателлитов, которая, будучи дополнена еще некоторыми критериями, может быть применена и для отделения периферии от центра.

Глагольные частицы выделяются среди других языковых явлений не только благодаря своему лексическому и синтаксическому значению, но и благодаря происхождению, на что указывали многие лингвисты, специально исследовавшие глагольные частицы. Так, по мнению А. А. Потебни, глагольные частицы «извлечены из глагола таким образом, что уже при самом своем появлении не имели грамматических флексий, а не потеряли их с течением времени путем фонетического искажения» (Потебня 1941, 189) [7], то есть *морг*, *прыг*, *дрыг* произошли от *моргать*, *прыгать*, *дрыгать*, а не наоборот, причем в некоторых глагольных междометиях происходит смягчение основы (*глядь*, *хвать*, *нырь* и др.). Иными словами, производительная валентность глагольных частиц нулевая, как и некоторых других одноморфемных слов (см. упомянутые выше *едва*, *еще*. . .). Зато продуктивность корней одноморфемных слов (особенно глагольных частиц) во многих случаях может быть значительной.

Глагольные частицы часто входят в состав больших гнезд слов, достаточно назвать такие слова, как *хвать* (в гнезде имеется более 100 производных при одном корне), *хлоп* и *щип*, входящие в гнезда, где более 80 производных, *мах* (более 70 производных), *глядь*, *толк*, *швырь* (в гнездах содержится более 60 производных на каждый корень), *тук*, *дерг*, *царап*, *тык*, *двиг* (гнезда объединяют свыше 50 образований каждое) и проч [8].

В целом производительная валентность одноморфемных слов невысокая, так же, как и продуктивность их корней, или, говоря словами Р. С. Питтмана (Pittman 1948), многосторонность связей у них меньше, чем у других корней русского языка.

Итак, 1) одноморфемные слова почти все относятся к неизменяемым служебным частям речи; 2) размер класса мал (0,2 %); 3) частота класса в целом низкая, что сближает одноморфемные слова со всеми периферийными явлениями русского языка, хотя индивидуальная частота отдельных слов может быть достаточно-

[7] Ср. замечание Ф. И. Буслаева о том, что «русский язык усвоил себе особенные у с е ч е н н ы е ф о р м ы (разрядка автора. — *А. К.*), которые даже внешним видом своим соответствуют м г н о в е н н о с т и действия, ими выражаемого. . . Эти формы, чисто глагольного происхождения, состоят по употреблению в одном разряде с некоторыми междометиями, преимущественно с звукоподражательными, означающими тоже мгновенность действия; каковы, напр., *бухъ*, *бацъ*». Усеченными формами (Ф. И. Буслаев имел в виду глагольные частицы) древний и народный язык, по словам Ф. И. Буслаева, «богаче современного книжного» (Буслаев 1959, 106).

[8] Окказионально многие глагольные частицы могут использоваться как существительные, становясь тогда двуморфемными словами. Так, у А. Белого в его мемуарах «Начало века» встречаем: . . . «скульптура поэзии греков слагалась в метаниях диска, копья, в беге, в прыге, в борьбе »; ср. там же: «фык, рык и брык сплошных какофоний», «фырк, дерг, вскид. рук», «дерг бровей», «скоки и брыки», «грох пролеток», «махи рук» и сотни других подобных конверсивов как один из излюбленных художественно-стилистических приемов автора.

высока; 4) словообразовательная валентность одноморфемных слов незначительная, иногда нулевая, продуктивность корней также небольшая, за исключением корней глагольных частиц, среди которых есть корневые слова, входящие в большие гнезда, большинство же — в гнезда средней величины и малой.

1.2. Двуморфемные слова. Двуморфемные слова могут быть двух типов — с префиксами, но без флексий (наречия типа *во-круг*, *в-доль*, реже — предлоги) и беспрефиксные (корневые слова, среди которых встречаются существительные, прилагательные, глаголы, местоимения, числительные).

Префиксальных корневых слов — ничтожное количество (25 в исследованном материале, например, *вдоль*, *вкось*, *вскачь*, *въявь*, *напрочь*), зато беспрефиксных слов (корневых существительных, прилагательных, глаголов, а также небольшое количество наречий и служебных слов) — более 2700 (4,75 % от общего объема материала — 57 тыс. слов).

Если существительные (более 2250), прилагательные (более 250) и глаголы (более 100) состоят из корня и окончания, то беспрефиксные двуморфемные наречия и служебные слова (~60) в своем составе имеют корень и суффикс (без окончания), например: *быстр-о*, *весел-о*, *долг-о; вечер-ом*, *круг-ом*, *ряд-ом; дóм-а; зим-ой*, *пор-ой*, *черед-ой*, *стой-мя*, *крич-мя*, *ыд-мя; сред-и*.

Структура существительных с точки зрения их соотнесенности с окончаниями (реальными и нулевыми) была подробно рассмотрена в статье о корневых словах (Кузнецова 1977); там же была описана словообразовательная валентность корневых слов, под которой понималась способность корня функционировать в качестве самостоятельного (одного или двух, реже — трех) корневого же слова.

Распределение корневых двуморфемных слов по частям речи (по отношению к исходному материалу) можно отразить в табл. 4.

Из данной таблицы легко установить, что среди двуморфемных слов 1) беспрефиксные слова составляют 99,16 %, а префиксальные только 0,84 %; 2) существительные составляют в пределах двуморфемных слов 83,37 %, глаголы — 3,14 %, прилагательные — 9,69 %, наречия — 2,81 %, «прочие» части речи (служеб-

Таблица 4

Количество слов (в %)	Части речи					Всего
	существительные	глаголы	прилагательные	наречия	прочие	
Беспрефиксные слова	4	0,15	0,47	0,09	0,04	4,75
Префиксальные слова				0,04		0,04
Всего	4	0,15	0,47	0,13	0,04	4,79

ные слова) — 0,99 %. Пополнение новыми словами служебных частей речи происходит с большим трудом, остальные разряды, наоборот, могут легко пополняться.

Определение частотности двуморфемных существительных требует специального исследования. Частотность остальных разрядов слов низкая. Так, среди глаголов половина слов имеет частоту выше 10 на 1 млн. словоупотреблений (по словарю под ред. Засориной), другая половина — ниже 10. Частота класса всех двуморфемных глаголов — ниже 3 %. Самая высокая индивидуальная частота у глагола *быть* — 13 307 на 1 млн. словоупотреблений, ранговый № 6; относительно большая частотность у глаголов *мочь* (3373), *знать* (2192), *идти* (1818), *стать* (1549), *дать* (935), *есть* (933), *жить* (853). Наблюдаются резкие перепады в частотах, как видно уже из приведенных примеров, где глаголы даны по порядку убывания частот.

В целом можно считать, что и одноморфемные, и двуморфемные слова в совокупности своей образуют периферийную группу слов русского языка по параметру глубины слова — слова малой глубины. В пределах этой периферийной группы двуморфемные существительные и прилагательные ближе подходят к центру, чем остальные части речи, смыкаясь по отдельным признакам с центральными группами русского языка; служебные элементы, особенно одноморфемные, наоборот, наиболее удалены от центра, ярче выражают сущность периферии. Такая диффузность микрогрупп периферии характерна для всей периферийной области языка, как и плавность перехода от периферии к центру и обратно, что хорошо видно на примере слов большой глубины, а именно — на примере шестиморфемных слов.

2. СЛОВА БОЛЬШОЙ ГЛУБИНЫ

2.1. Простые (однокорневые) многоморфемные слова. Если слова малой глубины, то есть имеющие в своем составе одну — две морфемы, составляют около 5 % на 57 тыс. слов русского языка, то удельный вес слов большой глубины (в 7—11 морфем) в общем словарном запасе языка еще меньше: их около 1,5 %. Однокорневые слова большой глубины могут иметь от семи до одиннадцати морфем, причем их количество обратно пропорционально их глубине: с семью морфемами слов больше, чем с восемью, с восемью — больше, чем с девятью и т. д. (667 — 117 — 12 — 7 — 4). Пропорция эта несколько изменяется с привлечением сложных слов (см. 2.2.), но в целом тенденция к уменьшению сохраняется.

Шестиморфемные слова в русском языке занимают промежуточное положение между центром и периферией. Они составляют 6,6 % в общем корпусе анализируемых слов и существенно отличаются от слов еще большей глубины прежде всего тем, что

в них представлено большое разнообразие корней, суффиксов и префиксов, с помощью которых образуются слова и других типов, тогда как семи-—одиннадцатиморфемные слова в этом отношении самозамкнуты и используемый для построения этих слов инвентарь морфем ограничен (см. об этом дальше). Кроме того, частота класса шестиморфемных слов выше частоты класса всех остальных слов большой глубины. То же можно сказать и про индивидуальную частоту многих членов этой группы.

Наконец, в отличие от шестиморфемных слов остальные простые слова большой глубины: 1) только приставочные, за исключением семиморфемных слов (например, *уч-и-тель-ств-ов-а-ть*, *уч-и-тель-ств-у-ющ-ий*), 2) относятся в основном к именам (существительным и прилагательным) и глаголам (среди простых 9—11-морфемных слов нет наречий, местоимений и числительных).

Среди семи- и восьмиморфемных слов преобладают существительные (глаголы стоят на втором месте, прилагательные — на третьем), а среди девяти-—одиннадцатиморфемных слов больше всего глаголов (распределение по существительным и прилагательным равномерное, если не считать неожиданного отклонения от этого утверждения в девятиморфемных словах, где нет прилагательных вообще).

Анализ простых слов большой глубины по частям речи выявляет закономерные особенности в пределах каждой из них.

Простые (однокорневые) существительные большой глубины — это почти исключительно или абстрактные отглагольные существительные (отыменные существительные чрезвычайно редки, типа *омертвелый — омертвелость*, *ороговелый — ороговелость*) на *-(е)-ство*, *-ость* и *-ние*, или существительные женского рода, означающие деятеля.

В семиморфемных существительных, с одной стороны, это такие слова, как *пре-по-да-ва-тель-ств-о*, *со-в-мест-и-тель-ств-о*; *не-ис-по-вед-им-ость-Ø*, *рас-по-зна-ва-ем-ость-Ø; пере-об-оруд-ов-а-ни-е*, *со-сущ-еств-ов-а-ни-е;* с другой стороны, это *обо-льст-и-тель-н-иц-а*, *пре-по-да-ва-тель-ниц-а* (ср. реже: *вос-про-из-вод-и-тель-ø*, *о-с-вед-ом-и-тель-Ø*, *про-до-воль-ств-енн-ик-Ø*. . .).

Восьмиморфемные существительные можно иллюстрировать следующими примерами: *о-пуст-ош-и-тель-н-ость-ø*, *пред-у-пред-и-тель-н-ость-Ø*, *со-бол-е-зн-ов-а-ни-е*, *ис-ход-атай-ств-ов-а-ни-е*, *рас-по-ряд-и-тель-н-иц-а*, *со-в-мест-и-тель-н-иц-а*, *со-про-вод-и-тель-н-иц-а*.

Среди девятиморфемных простых существительных встречаются только существительные женского рода со значением лица (деятеля): *вос-про-из-вод-и-тель-н-иц-а*, *о-с-вед-ом-и-тель-н-иц-а*, а среди десяти- и одиннадцатиморфемных — только отглагольные существительные со значением действия, процесса (*о-с-вид-е-тель-ств-ов-а-ни-е*, *пере-о-с-вид-е-тель-ств-ов-а-ни-е*).

Подавляющее большинство глаголов большой глубины — это глаголы на *-ся* и глаголы на *-овать*: *с-мил-ост-ив-и-ть-ся*, *у-по-ряд-оч-и-ть-ся*, *по-со-дей-ств-ов-а-ть*, *пре-вос-ход-ств-ов-а-ть*, беспрификсный глагол *уч-и-тель-ств-ов-а-ть*, *пред-сед-а-тель-ств-ов-а-ть*, *пред-вод-и-тель-ств-ов-а-ть*, *со-в-мест-и-тель-ств-ов-а-ть*, *о-с-вид-е-тель-ств-ов-а-ть-ся*, *пере-о-с-вид-е-тель-ств-ов-а-ть-ся*. Характерно, что все слова с 10 и 11 морфемами, в том числе и прилагательные, о которых речь впереди, имеют лишь корень *-вид-* (исторически *-вѣд-*), представляя собой как бы «вариации на тему свидетель».

По сравнению с существительными и глаголами простые (однокорневые) прилагательные большой глубины встречаются редко. Среди них немало причастий, употребляющихся в значении прилагательного, как *ис-по-льз-ов-а-нн-ый*, *о-при-ход-ов-а-нн-ый*, *о-посред-ств-ов-а-нн-ый*, *по-за-им-ств-ов-а-нн-ый*, *за-с-вид-е-тель-ств-ов-а-нн-ый*, *пере-о-свид-е-тель-ств-ов-а-нн-ый*. Возможны и «чистые» прилагательные, но только семи—восьмиморфемные, представляющие собой часто образования на *-ный*, реже — на *-ский* от существительных на *-тель*: *вос-со-един-и-тель-н-ый*, *рас-по-ряд-и-тель-н-ый* и *рас-по-ряд-и-тель-ск-ий*, *со-глас-ов-а-тель-н-ый*, *со-в-мест-и-тель-ск-ий*, *у-по-треб-и-тель-н-ый; о-с-вед-ом-и-тель-н-ый*, *вос-про-из-вод-и-тель-н-ый*.

Наконец, простые наречия (да и тех считанные единицы в словаре) не могут содержать в своем составе более семи—восьми морфем, например: *не-за-медл-и-тель-н-о*, *у-пад-оч-н-ич-еск-и; о-посред-ств-ов-а-нн-о;* впрочем, наречия в словарях даются вообще непоследовательно.

При исследовании слов большой глубины бросается в глаза, что в них представлен сравнительно узкий круг корней. Это такие корни, как *-вед-*, *-вид-*, *-вод-*, *-глас-*, *-да-*, *-зна-*, *-мест-*, *-пад-*, *-ряд-*, *-соб-*, *-сто-*, *-ход-* и некоторые другие.

Распределение простых слов большой глубины по трем основным частям речи можно подытожить табл. 5, в которую введены также для сравнения шестиморфемные слова.

Частота класса слов с семью—одиннадцатью морфемами ничтожна, составляет десятые доли процента: 1—4 раза на 1 млн. словоупотреблений (*воспроизводиться*, *освидетельствование*, *совместительство*, *распорядительность*, *упадочнический*, *позаимствовать* и т. п.). Изредка частотность может быть выше, как у прилагательного *производительный* (64 раза на 1 млн. словоупотреблений) и существительного *производительность* (66 раз). Большинство слов вообще не попало в миллионную выборку: *вопроизводительный*, *опосредствованный*, *переосвидетельствованный*, *позаимствованный*, *прочувствованно*, *смягчительный*, *сослагательный*, *удлинительный*, *употребительный* и др.

На примере слов большой глубины хорошо видно, насколько условны границы того или иного периферийного явления. Между

Таблица 5

Количество слов большой глубины	Части речи			Всего	
	существительные	глаголы	прилагательные	(в цифрах)	(в %)
Семиморфемные слова	289 0,51 %	223 0,39 %	159 0,27 %	671	1,17
Восьмиморфемные слова	55 0,09 %	40 0,07 %	22 0,04 %	117	0,2
Девятиморфемные слова	4 0,007 %	8 0,014 %	— —	12	0,02
Десятиморфемные слова	2 0,003 %	3 0,005 %	2 0,003 %	7	0,01
Одиннадцатиморфемные слова	1 0,002 %	2 0,003 %	1 0,002 %	4	0,007
Всего:	351 0,61 %	276 0,48 %	184 0,31 %	811	1,4
Шестиморфемные слова	1182 2,07 %	1552 2,72 %	1021 1,79 %	3755	6,58
Итого:	1533 2,68 %	1828 3,2 %	1205 2,1 %	4566	7,98

шестиморфемными и остальными словами существует, как уже говорилось, большое различие, состоящее не только в резком перепаде количества слов в группе, но и в том, что у шестиморфемных слов во всех частях речи могут быть и приставочные, и бесприставочные образования, в то время как у восьми-—одиннадцатиморфемных слов бесприставочных образований нет совсем; среди шестиморфемных слов преобладают глаголы, у семи-—восьмиморфемных — существительные (девятиморфемные и особенно десяти-—одиннадцатиморфемные слова не показательны, потому что их 1) считанные единицы, 2) десяти- и одиннадцатиморфемные возможны только с корнем *-вид-*). Таким образом, шестиморфемные слова, с одной стороны, можно отнести к центру, с другой стороны, — считать периферийной группой (их 6,6 %, то есть ниже 10 %, которые взяты за пороговую цифру). Кроме того, без них слова и большой, и малой глубин составляют вместе менее 6,5 %, то есть даже в сумме будут отвечать количественному критерию периферийности.

2.2. Сложные многоморфемные слова (поликорневые). Привлечение к анализу сложных слов несколько изменяет общую картину; положение о средней глубине слов в русском языке 4 ± 1 морфема уже теряет здесь силу, как и в некоторых других периферийных группах слов. За счет обращения к сложным словам возрастает количество слов большой глубины, значительно увеличивается число существительных, глаголов, прилагательных и наречий, не только таких, как, например, *в-за-им-о-про-ник-н-ов-*

ени-е, воз-дух-о-плав-а-тель-н-ый, выс-ок-о-пре-вос-ход-и-тель-ств-о-оч-к-о-в-тир-а-тель-н-иц-а, по-с-ум-а-с-ше-ств-ов-а-ть, но и образованных от числительных, например, *шест-и-десят-и-пят-и-лет-н-ий*. Легко представить ситуацию, требующую создания не только одиннадцатиморфемных, но и четырнадцатиморфемных прилагательных от числительных: *тысяч-а-пят-и-сот-шест-и-десят-и-сем-и-лет-н-его* [9]. Естественно, что такие искусственные слова, легко генерируемые в речи, в работе в целом не учитываются.

Наиболее разительные результаты дает сопоставление рассмотренного материала с периферийной группой поликорневых слов (см. Кузнецова 1980, 128—137), составляющих в русском языке менее 0,5 %. 84 % слов в них состоят из пяти—восьми морфем, а пик приходится не на четырехморфемные слова, как в простых словах русского языка, а на семиморфемные, составляющие около 30 % всех поликорневых слов. Если в литературном языке в целом восьми-—одиннадцатиморфемные простые слова составляют чуть более 0,23 %, в поликорневых словах на них приходится 27 % всех поликорневых слов, в абсолютных цифрах — около 140 слов, например: *пар-о-воз-о-стро-и-тель-н-ый, пыл-е-вод-о-не-про-ниц-а-ем-ый, сам-о-у-до-вл-е-твор-енн-ость-Ø* и т. п.

Весьма заметное увеличение количества морфем в поликорневых сложных словах по сравнению с простыми (однокорневыми) можно наглядно показать в табл. 6.

В разных периферийных микрогруппах русского языка глубина слова, как мы видим, иная, чем в центре. Сравним между собой поликорневые, бессуффиксные и корневые слова с точки зрения их морфемной глубины (табл. 7).

Глубина в терминах морфем корневых слов всегда меньше, чем глубина слов центра (по признаку морфемной глубины у корневых слов нет точек пересечения с центром); в группах бессуффиксных и поликорневых слов есть слова такой же глубины, как и в центре. Отсюда следует, что в группах поликорневых слов и бессуффиксных, с одной стороны, и в группах бессуффиксных и корневых слов, с другой стороны, встречаются слова одинаковой глубины, тогда как для поликорневых и корневых слов это невозможно.

Параметр глубины слова оказывает регулирующее воздействие на образование новых слов в русском языке. От слов большой глубины (то есть многоморфемных) деривация происходит слабо. Обычно новые слова образуются от слов средней глубины, бла-

---

[9] В частотно-стилистическом словаре вариантов Л. К. Граудиной, В. А. Ицковича, Л. П. Катлинской (1976, 268) указываются варианты таких образований: 69,23 % с первым количественным числительным в родительном падеже; 30,77 % — в именительном падеже.

Таблица 6

Количество слов (в %)	Количество морфем в слове										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Однокорневые (57 тыс.)	0,26	4,79	19,37	38,05	29,78	6,6	1,17	0,2	0,02	0,01	0,007
Поликорневые (~500)				3	16,2	25,2	28,6	14	9,8	3,2	0,017

Таблица 7

Группы слов	Количество морфем в слове										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Поликорневые слова				+	+	+	+	+	+	+	+
Бессуффиксные слова	+	+	+	+	+	+					
Корневые слова	+	+									

годаря чему наиболее активно пополняются новообразованиями промежуточные группы слов глубиной в шесть морфем (для однокорневых слов) и в восемь морфем (для сложных поликорневых слов). Однако одновременно с незначительным увеличением количества морфем в слове при словообразовании в языке действует противоборствующая тенденция, проявляющаяся в усечениях разного рода, благодаря чему средняя глубина слова в русском языке остается неизменной (Кузнецова 1986).

ЛИТЕРАТУРА

Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959.
Вандриес Ж. Язык. М., 1937.
Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической классификации языков // Новое в лингвистике. М., 1963. Вып. III.
Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи. М., 1976.
Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. I.
Киселев И. А. Частицы в современных восточнославянских языках. Минск, 1976.
Клименко Н. Ф. Система афіксального словотворення сучасної української мови. Київ, 1973.
Костинский Ю. М. К оценке и возможной активизации лексического потенциала языка // Литературная норма и просторечие. М., 1977.
Кузнецова А. И. Периферийные явления в морфологии русского языка (I, II) // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики М., 1977.

Кузнецова А. И. Периферийные явления в морфологии русского языка (III, IV) // Актуальные вопросы структурной и прикладной лингвистики. М., 1980.
Кузнецова А. И. Глубина слова как фактор, регулирующий процессы образования новых слов // Деривация и семантика: слово — предложение — текст. Пермь, 1986. С. 43—50.
Кулешова Л. В. Описание корней русского языка с помощью статистических методов. М., 1976 (канд. дис.).
Манучарян Р. С. Вопросы интерпретации и измерения глубины слова // ВЯ, 1972, № 1.
Москович В. А. Глубина и длина слов в естественных языках // ВЯ, 1967, № 6.
Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М., 1941. Т. IV.
Смаль Стоцький Р. Примітивний словотвір. Варшава, 1929.
Частотный словарь русского языка / Под ред. Засориной Л. Н. М., 1977.
Штейнфельдт Э. А. Частотный словарь современного русского литературного языка. Таллин, 1963.
Pittman R. S. Nuclear structures in linguistics // Language, 1948. Vol. 24, N 3.

Г. Е. КРЕЙДЛИН, А. К. ПОЛИВАНОВА

К ПРОБЛЕМЕ СОПОСТАВИМОСТИ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ОПИСАНИЙ СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ

Проблема совместимости лингвистических описаний, созданных разными авторами, особенно остро стоит в лексической семантике. Как известно, теоретическое осмысление здесь как нигде тормозится необходимостью подробной обработки огромного эмпирического материала. Задача найти такой способ описания семантики отдельных лексем, который бы обеспечивал сопоставимость описаний разных лексем (так называемая межлексемная сопоставимость — Крейдлин 1987) и разных описаний одной и той же лексемы (об этом и идет речь в настоящей статье) стала к сегодняшнему дню едва ли не центральной в лингвистической семантике.

На первый взгляд может показаться, что вся проблема сводится к представлению результатов различных описаний в унифицированном виде, т. е. в некотором едином универсальном формате. В действительности, однако, вложимость в единый формат — лишь внешнее условие совместимости, обеспечивающее практическое удобство сопоставления. По существу же совмещение или даже просто сопоставление двух разных описаний лексемы C_0 оказывается затруднительным или даже невозможным из-за несводимости друг к другу «доформатных условий описания»; прежде всего несводимости друг к другу (1) задач исследования и (2) эмпирической базы (=материала) исследования. Злокачествен-

ность ситуации усугубляется тем, что формулировки типа «задача настоящей работы — описать семантику лексемы C_0» создают обманчивое впечатление тождества как по задаче, так и по эмпирической базе исследования. За редкими исключениями авторы даже и не пытаются определить объем наблюдаемых данных. Обычно предполагается, как само собой разумеющееся, что предметом их изучения являются некие «главные», «основные», «важнейшие» или, быть может, «все» употребления C_0 (как если бы подобное задание исходных условий было самопонятным и обеспечивало бы объективную проверяемость результатов). Еще меньшей определенностью обладает постановка задачи. В самом деле, что значит «описать семантику лексемы C_0?» [1]

Менее поверхностное рассмотрение проблемы показывает, что ключом к сопоставимости может и должна быть исходная постановка задачи. Оказывается, можно сформулировать такую стандартную схему постановки задачи, которая автоматически обеспечивает сравнимость исследований не только по задачам, но и по эмпирической базе исследований. Не трудно убедиться, что найденная схема задачи одновременно предполагает в качестве естественной формы ее решения и представление результатов конкретных исследований в некотором едином унифицированном формате, тем самым подчиняя проблемы форматные доформатным условиям исследования. Представить найденную схему постановки задачи и составляет цель настоящих заметок, а фрагмент описания лексемы *НО* взят из большого исследования, выполненного в рамках разрабатываемого формата.

Мы исходим из того, что описать семантику лексемы C_0 значит построить такую исходную репрезентацию этой лексемы, которая объясняла бы все изучаемые особенности ее семантического поведения. Строгая постановка задачи следует из уточнения следующих трех пунктов: (1) что такое р е п р е з е н т а ц и я данной лексемы, (2) что такое с е м а н т и ч е с к о е п о в е д е н и е данной лексемы и (3) что означает утверждение: «Данная репрезентация о б ъ я с н я е т такой-то наблюдаемый факт семантического поведения данной лексемы».

О б и с х о д н ы х р е п р е з е н т а ц и я х. Исходная репрезентация — это некоторое выражение в заданном формальном языке, представляющее изучаемую лексему (или отдельное ее подзначение) [2]. Так, известные ТКС-представления, в обиходе

[1] Заметим, что реальный разброс лексикографических описаний одной и той же лексемы по целям и материалу исследования весьма велик (ср.: Санников 1986, Крейдлин 1985, Богуславский 1986).

[2] Вопрос о формальном языке описания значений — кардинальный для всей теоретической семантики — здесь ставится вопреки бытующему каноническому подходу. А именно, акцент делается на принципиально ином направлении дихотомии «язык описания ~ задача описания». Если обычный путь состоит в обнаружении и применении одного и того же языка описания

называемые толкованиями, можно рассматривать как своего рода прототипы тех исходных репрезентаций, о которых здесь идет речь. Указанное соотношение между толкованиями и репрезентациями, отнюдь не определяя с необходимой точностью понятия исходной репрезентации, достаточно для того, чтобы уяснить, каким образом требование предъявить исходные репрезентации само налагает жесткие ограничения на формат описания, или формат представления решения задачи. В самом деле: а) поскольку разным подзначениям отвечают разные исходные репрезентации, постольку фиксируется необходимая форма отчета по проблеме разбиения всех употреблений данной лексемы C_0 на подзначения; б) поскольку каждая репрезентация содержит, вообще говоря, свои переменные (=формальные аналоги актантов и операндов), и константы, постольку фиксируется необходимая форма отчета по количеству и сортности переменных и составу их областей определения (ср. обычные модели управления, сферы действия, комментарии к заполнению мест; требования к обязательным смысловым связям и под.); в) поскольку одна репрезентация в общем случае обслуживает не одно отдельное употребление, а все употребления соответствующего класса, постольку фиксируется необходимая форма отчета по поводу того, как приспособлена данная репрезентация к известному разнообразию отвечающих ей употреблений (это п р а в и л а п р е о б р а з о в а н и й и с х о д н ы х р е п р е з е н т а ц и й, на вход которых поступает пара «исходная репрезентация, свойства актантов и/или операндов») [3].

О с е м а н т и ч е с к о м п о в е д е н и и. Наблюдение семантического поведения лексемы сводится к изучению конкретных употреблений или пар сопоставляемых употреблений. Несколько огрубляя реальную картину, можно считать, что отдельное употребление лексемы C_0 нам дано в наблюдении в виде его вхождения в отдельное предложение с заранее фиксированным осмыслением. Таким образом, в конечном счете отдельным объек-

---

к разным задачам ($\exists$ язык $\forall$ задачи: . . .), то в данной работе отстаивается противоположный подход: язык должен строиться с таким расчетом, чтобы он отражал те (и в общем случае только те) характеристики семантического поведения данной лексемы C_0, которые выбраны в качестве предмета исследования и фиксированы как таковые постановкой задачи ($\forall$ задачи $\exists$ язык:. . .).

[3] Правила преобразования исходных репрезентаций не имеют большого практического стажа в технике ТКС (ср. Апресян 1980); существенно подчеркнуть, что выдвигаемое здесь требование предъявлять эти правила в явном виде, налагает еще один тип ограничений на форму исходных репрезентаций. В частности, все те свойства контекста, которые содержательно оцениваются как способные повлечь за собой модификацию исходных репрезентаций, должны быть заранее предусмотрены: в частности, должен быть предусмотрен способ выразить эти свойства как свойства объектов, замещающих соответствующие переменные.

том наблюдения семантического поведения C_0 является естественно-языковое предложение, содержащее C_0, или пара таких предложений, из которых по меньшей мере одно содержит C_0.

Наблюдение и изучение семантического поведения исчерпывается наблюдением (1) т о ж д е с т в (=синонимия или квазисинонимия), (2) р а з л и ч и й (=контраст или семантическая оппозиция) и (3) а н о м а л и й. Разберем подробнее, как эти три вида семантического поведения лексемы C_0 представлены в наблюдении [4].

Заметим прежде всего, что изучение аномалий допускает рассмотрение одного предложения с C_0, тогда как изучение тождеств и различий — предполагает обязательно рассмотрение п а р п р е д л о ж е н и й определенного вида. Для простоты, однако, положим, что наблюдение аномалий также протекает в режиме сопоставления пар предложений, из которых по крайней мере одно содержит C_0. Тогда все мыслимые наблюдения можно свести к следующей схеме. В качестве исходного объекта берется некоторое естественно-языковое предложение, содержащее изучаемую лексему C_0 (обозначим его $П(C_0)$). Оно может подвергаться модификациям двух видов: л и б о модифицируется контекст с сохранностью C_0 (результат такой модификации обозначим $П'(C_0)$); л и б о модифицируется само C_0 (например, меняется его грамматическая форма или C_0 заменяется другой — часто квазисинонимичной — лексемой) с сохранностью контекста (результат такой модификации обозначим $П(C_0')$). Изучаются пары «исходное предложение П — его модификация $\bar{П}$ (т. е. $П'(C_0)$ или $П(C_0')$)». Здесь возможны следующие три и только эти три исхода:

I исход: $\bar{П}$ признается семантически неправильным или нестандартным (ср.: *Маша сидит в столовой* → **Словарь сидит в столовой*).

II исход: $\bar{П}$ признается семантически стандартным, а члены пары «П, $\bar{П}$» признаются синонимичными или квазисинонимичными (ср.: *Маша сидит в столовой* → *Маша в столовой*).

III исход: $\bar{П}$ признается семантически стандартным, а между членами пары «П, $\bar{П}$» признается отношение контраста (ср.: *Маша сидит в столовой* → *Маша расположилась в столовой*).

О б о б ъ я с н е н и и с е м а н т и ч е с к о г о п о в е д е н и я. По-видимому, все исследователи согласны в том, что «объяснить семантическое поведение C_0» — это значит предъявить такие представления предложений, которые обеспечивают разбиение всех наблюдаемых предложений с лексемой C_0 по крайней

---

[4] Отметим, что рассмотрению подлежат лишь такие естественно-языковые предложения, которые не вызывают сомнений с точки зрения грамматической правильности и семантической стандартности.

мере на три класса, отвечающих I, II и III из указанных исходов (или более дробное деление, диктуемое с необходимостью фиксированной задачей, решаемой в конкретном исследовании). При этом:

— во-первых, это разбиение должно задаваться разрешимой процедурой, применяемой к предъявляемым представлениям;

— во-вторых, это разбиение должно быть достаточно хорошо скоррелировано с разбиением прообразов (т. е. естественно-языковых выражений) на те же исходы, определяемых оценкой информанта (=компетентного носителя языка, в частности, самого автора исследования).

Теперь разъяснение смысла утверждения «исходные репрезентации объясняют семантическое поведение C_0» можно разбить на три части.

1. (I исход) Утверждение «исходные репрезентации объясняют аномалии» справедливо, если соответствующие представления (выражения формального языка) оказываются либо неправильно построенными выражениями, либо выражениями невыполнимыми (в формально-логическом смысле этого слова)

2. (II исход). Утверждение «исходные репрезентации объясняют синонимию» справедливо, если соответствующие представления либо тождественны, либо сводимы одно к другому (или к общей «третьей» форме) посредством операций, заранее фиксированных как обеспечивающие тождественные и только тождественные преобразования.

3. (III исход) Утверждение «исходные репрезентации объясняют контраст» может быть справедливо в следующих двух случаях, условно названных «линейный контраст» (=линейная оппозиция) и «нелинейный контраст» (=нелинейная оппозиция). Тогда для первого случая это утверждение справедливо, если соответствующие представления отличаются объектами, замещающими свободные переменные репрезентаций и только ими (т. е. операндами и/или актантами). Это бывает (а) в ситуации модификаций контекста (ср.: *Маша сидит в столовой* → *Маша сидит в кухне*) и л и, если соответствующие представления отличаются только исходными репрезентациями C_0; (б) в ситуации модификации C_0 (ср.: *Маша сидит в столовой* → *Маша стоит в столовой*). Для второго случая (т. е. нелинейного контраста) — если различие соответствующих репрезентаций не сводится к различию между объектами, замещающими свободные переменные репрезентаций, то либо (в) они могут быть трансформированы одна в другую (или приведены к общей «третьей» форме) вспомогательными преобразованиями, производимыми над парами «исходная репрезентация лексемы C_0; операнды лексемы C_0»; либо (г) в ситуации многозначности C_0 — ее исходными репрезентациями.

Ср.: (в) *Маша сидит в столовой* → *Маша сидит у телефона* и (г) *Маша сидит в столовой* → *Маша сидит в сберкассе* [5].

* * *

Приводимому ниже фрагменту *НО* предпошлем указание тех эталонных употреблений с этой лексемой, которые демонстрируют перечисленные выше исходы. Эти примеры могут служить читателю ориентиром на пути к реконструкции детальной постановки задачи (схема).

Пример аномалии: **Петя думал, что получит двойку, но выучил все вопросы из программы* (ср. правильное . . . *хотя выучил. . .*).

Пример (квази)синонимии: *Я считаю, что нам хватит денег, но (хотя) Петя просил взять с собой еще сто рублей.*

Пример контраста: *Петя пошел на футбол, но билетов не было. Петя пошел на футбол, хотя билетов не было.*

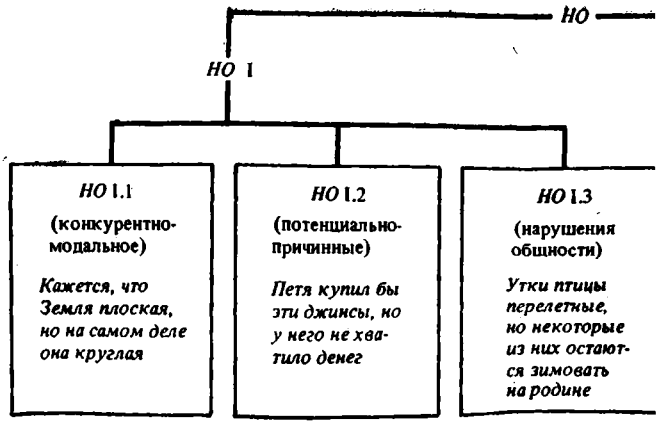
НО I.1 КОНКУРЕНТНО-МОДАЛЬНОЕ

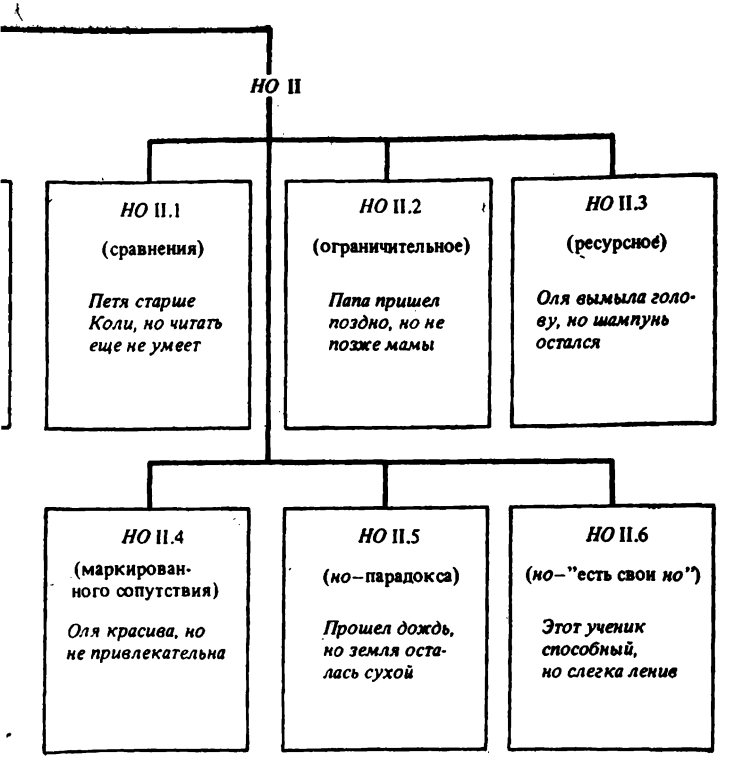
НО (Mod_1 (x_1, p_1) Mod_2 (x_2, p_2), z) ≡ 'имеют место два альтернативных суждения p_1 и p_2 из множества ассоциированных суждений; p_1 есть суждение лица x_1 в модальности Mod_1 [=Mod_1 (x_1, p_1)], p_2 есть суждение лица x_2 в модальности Mod_2 [=Mod_2 (x_2, p_2)]; требование, отвечающее Mod_2 (x_2, p_2) сильнее, чем требование, отвечающее Mod_1 (x_1, p_1) для любой иерархии модальности Mod_1 и Mod_2, причем Mod_1 и Mod_2 рассматриваются как односортные модальности; требования, соответствующие Mod_1 и Mod_2, вводят переменную $z=M_2$ 'требование' — 'адресат требования'; сравни M_1 'требование' — 'говорящий' [6]; z обязан строить свои суждения или вести себя в соответствии с Mod_2'.

Я (x_1) *думаю* (Mod_1), *что антибиотики пора снять* (p_1), *но профессор* (x_2) *настаивает* (Mod_2) *на продлении ампиокса* (p_2) ≡ 'имеют место два альтернативных суждения p_1 и p_2 из множества

[5] Легко видеть, что приведенная выше схема оставляет свободу выбора там, где речь идет об объяснении контрастных употреблений (III исход). Какими соображениями должен руководствоваться исследователь, относя данную пару контрастных употреблений к случаям а, б, в или г? Мера произвольности в решении этого вопроса существенно снижается (если не сводится до пренебрежимо малой), как только постановка задачи фиксирует в качестве подлежащих объяснению по крайней мере два (из трех возможных) типов наблюдаемых пар употреблений. А именно: искомые исходные репрезентации должны объяснять либо (1) синонимию и контраст, либо (2) синонимию и аномалии, либо (3) контраст и аномалии. При этом, конечно, каждый из типов употреблений должен быть фиксирован через конкретные предложения, содержащие C_0, являющиеся представителями каждое своего класса.

[6] Здесь и далее используются общепринятые обозначения: M_i (C_0), $Д_i$ (C_0) — семантические (M_i) и синтаксические ($Д_i$) места лексемы C_0 с соответствующими порядковыми номерами.

НО
НО 1
НО 1.1
(конкурентно-модальное)
Кажется, что Земля плоская, но на самом деле она круглая
НО 1.2
(потенциально-причинные)
Петя купил бы эти джинсы, но у него не хватило денег
НО 1.3
(нарушения общности)
Утки птицы перелетные, но некоторые из них остаются зимовать на родине

НО II
НО II.1
(сравнения)
Петя старше Коли, но читать еще не умеет
НО II.2
(ограничительное)
Папа пришел поздно, но не позже мамы
НО II.3
(ресурсное)
Оля вымыла голову, но шампунь остался
НО II.4
(маркированного сопутствия)
Оля красива, но не привлекательна
НО II.5
(но–парадокса)
Прошел дождь, но земля осталась сухой
НО II.6
(но–"есть свои но")
Этот ученик способный, но слегка ленив

Таблица

P — левый контекст (Предл$_1$)			*Q* — правый контекст (Предл$_2$)		
1 (= x_1) носитель мнения	2 (= Mod_1) модальность	3 (= p_1) утверждение	4 (= x_2) носитель мнения	5 (= Mod_2) модальность	6 (= p_2) утверждение
1) ИГ	1) модальное выражение	1) придаточное изъяснительное при $Д_2$ или дополнение при $Д_2$ (=$Д_2(Д_2)$)	1) ИГ	1) модальное выражение	1) придаточное изъяснительное при $Д_5$ или дополнение при $Д_5$ (=$Д_2(Д_5)$)
2) Ø	2) сказуемое Предл$_1$	2) главная предикативная пара Предл$_1$	2) Ø	2) сказуемое Предл$_2$	2) главная предикативная пара Предл$_2$

ассоциированных суждений о применении антибиотиков: антибиотики пора снять — суждение лица «я» в модальности Mod_1 «думаю» и ампиокс [конкретный антибиотик] продлить — суждение профессора в модальности Mod_2 «настаивать»; Mod_2 (x_2, p_2) сильнее Mod_1 (x_1, p_1) [т. е. требование профессора сильнее]; z — адресат требования [медперсонал, родственники больного, я, сам больной, . . .] будет вести себя в соответствии с требованием профессора [т. е. продолжать лечение ампиоксом]'.

Обязательные смысловые связи. p_1 — утверждение, p_2 — утверждение; Mod_1, Mod_2 — модальности; x_1, x_2 — носители мнений; *z* — адресат.

1. Если $x_1 = x_2$, то $Mod_1 \neq Mod_2$; если $Mod_1 = Mod_2$ или если $Д_2 \neq Ø$ и $Д_5 \neq Ø$, то $x_1 \neq x_2$ и $Д_1 \neq Ø$ и $Д_4 \neq Ø$. Ср.:

(1) *Хочется* (Mod_1) *спать, но надо* (Mod_2) *вставать.* (*хочется* слабее, чем *надо*).

(2) *Надо вставать, но хочется спать.* (*надо* слабее, чем *хочется*) Нельзя: **Надо ехать, но надо оставаться.*

Возможно: (3) *С одной стороны* ($Mod_1 — x_1$), *надо ехать, но с другой стороны* ($Mod_2 — x_2$) *надо оставаться.*

2. Если $Mod_1 = Mod_2$ или $Д_2 = Ø$ и $Д_5 = Ø$, то x_1 осмысляется как представляющий менее авторитетное мнение. Ср.:

(4) *Я думаю, что СемП конкретно-национален, но Апресян думает, что СемП универсален* (Апресян авторитетнее, чем я). Иначе *НО* следует заменить на *А*, ср.: *Я* думаю, что. . ., *а Апресян думает, что. . .* (иерархия авторитетов не выражена). Ср. также: *Папа велел ложиться спать, но мама велела прибрать кухню* («мама авторитетнее», при инверсии — «папа авторитетнее») *Папа . ., а мама. . .* Ср. также:

(5) *Кажется, что Земля плоская, но на самом деле она круглая.*

(6) *Петя ждал, что ему поставят двойку, но он получил тройку.*

(7) *На первый взгляд, клетки мозга располагаются хаотически, но это не так.*

(8) *Я думаю, что нам хватит денег, но Миша просил взять еще сто рублей.*

3. Инверсия Предл$_2$, *но* Предл$_1$ с сохранением смысла Предл$_1$, *но* Предл$_2$ возможна, только если модальности выражены и их иерархия резкая и очевидная. Ср.:

(5′) *На самом деле Земля круглая, но кажется, что она плоская.*

В таких употреблениях имеет место эмфатическое подчеркивание иерархии $\mathrm{Mod}_1 < \mathrm{Mod}_2$; в данном случае утверждения правдоподобности p_1 и неправдоподобности p_2. Ср.:

(9) *На самом деле я не взяла у них ни гроша, но все просто убеждены, что они меня чуть ли не содержали всю жизнь!*

4. Возможно эмоционально-художественное употребление *НО* I.1 при неопределенном как для говорящего, так и для слушающего распределении иерархии модальностей. Ср.:

(10) *Я убеждена, что Андрей продал часы, но сам он утверждает, что он их просто потерял* $\overset{?}{\approx}$ *Андрей утверждает, что часы он просто потерял, но я убеждена, что он их продал.* В употреблениях типа (10) говорящий как бы сам не знает, чье мнение для него авторитетнее, оставляя свободу выбора слушающему, который, может быть, располагает своим определенным суждением по этому поводу.

Проверка. Предложения с *НО*-конкурентно-модальным допускают продолжение вида *и поэтому* p_2', где p_2' — вывод из p_2, в то время как продолжение вида *и поэтому* p_1', где p_1' — вывод из p_1, производит впечатление нелепости. Ср.:

(8) *Я думаю, что нам хватит денег, но Миша. . , и поэтому дай мне, пожалуйста, те сто рублей* (не: *и поэтому тех ста рублей я брать не буду*). При инверсии (*Миша просил. ., но я думаю . . .*) — инверсия результатов проверки.

Отрицание. *НЕ* (P, но Q) $\simeq$ *НЕ* (P) или *НЕ* (Q). Ср.: *Петя надеялся, что ему поставят тройку, но он получил двойку. — Да нет же, он и сам не надеялся на тройку.* Или: *— Да нет же, он получил тройку* (*только не сразу*).

Вопрос. Отсутствует.

Сравни: *хотя, однако.* В общем случае P, *но* Q $\not\simeq$ P, *хотя* Q; P, *но* Q $\simeq$ Q, *хотя* P. Ср.: *Петя ждал, что ему поставят двойку, хотя он получил тройку.* Но: *Петя получил тройку, хотя он ждал, что ему поставят двойку.*

P, *но* Q может быть заменено на P, *хотя* Q с сохранением смысла в тех же условиях, когда P, *но* Q $\simeq$ Q, *но* P. Ср.: *Кажется, что Земля плоская, хотя на самом деле она круглая.* В общем случае P, *но* Q $\simeq$ P, *однако* Q.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю. Д. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «Смысл — Текст» // Wiener Slawistischer Almanach, 1980, S.-Bd. I.

Богуславский И. М. Исследования по синтаксической семантике. М., «Наука», 1986.

Крейдлин Г. Е. Лексема *даже* // Семиотика и информатика. М., ВИНИТИ, 1975. Вып. 6.

Крейдлин Г. Е., Поливанова А. К. О лексикографическом описании служебных слов русского языка // ВЯ. М., 1987, № 1.

Санников В. З. Значение союза *но*: нарушение нормального положения вещей // Изв. АН СССР: Серия лит. и яз. Т. 45, № 5, 1986.

Л. А. МЕСЕНЯШИНА

МАТЕРИАЛЫ К СИНТАКСИЧЕСКОМУ СЛОВАРЮ ИЗЪЯСНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Задача составления синтаксических словарей, позволяющих представить синтаксические ресурсы языка научно систематизированными в словарных параметрах, является в настоящее время чрезвычайно актуальной, поскольку решение такой задачи позволит внести ясность в ряд дискуссионных вопросов современной синтаксической теории и лексикографической практики (Золотова 1983, с. 27).

К числу таких спорных вопросов относят вопрос о наличии и формах грамматической организации синтаксических синонимов, о характере и взаимодействии такой организации с лексической системой, о том, как понимать синтаксическую форму предложения и т. д. В этой связи предлагаемые Материалы к синтаксическому словарю изъяснительных конструкций могут рассматриваться как одна из попыток системного описания множества конструкций изъяснения (КИ) [1] современного русского языка, возможных с глаголами восприятия и мышления [2].

Основанием для выделения КИ в качестве возможной единицы синтаксического словаря служит 1) наличие у КИ категориального значения (Селиверстова 1982, 137); 2) наличие у КИ определенной грамматической формы (под формой, по определению

[1] Под конструкциями изъяснения понимается набор простых и сложных предложений, содержащих в своем составе функциональный аналог придаточного изъяснительного. Сходным образом используется этот термин в работах М. Кубика (Кубик 1967, 82), Н. С. Верниковской (Верниковская 1975, 58), В. И. Красных (Красных 1971, 136) и др.

[2] Отбор глаголов осуществлен на основании работы Л. М. Васильевой «Семантические классы глаголов чувства, мысли и речи» (Васильева 1971).

Е. Л. Гинзбурга, понимается единство грамматических средств и условий их использования в определенной функции); 3) способность КИ синтаксически реализовываться в определенных позициях, а именно — в сочетании изъяснительного глагола с предикативной (или потенциально предикативной) единицей.

Исходя из поставленных задач лексикографическая информация Материалов. . . должна включать: 1) перечень опорных глаголов и их толкования; 2) описание сочетательных возможностей каждого глагола, т. е. перечень КИ, возможных с данным глаголом, и иллюстрации таких возможностей; 3) перечень глаголов с аналогичной сочетаемостью, образующих один синтактико-функциональный ряд (СФР); 4) описание структуры каждого синтактико-функционального ряда; 5) описание взаимоотношений между СФР, обусловленных функциями тех или иных КИ, входящих в СФР; 6) сводное описание свойств каждой КИ с целью возможно более полной ее характеристики с точки зрения функционирования в системе, иными словами — описание синтаксической формы КИ. Такое описание позволит установить уровень зависимости тех или иных свойств КИ от лексической системы, охарактеризовать формальные различия между синтаксическими синонимами.

В соответствии с этими требованиями в состав Материалов. . . входит три раздела.

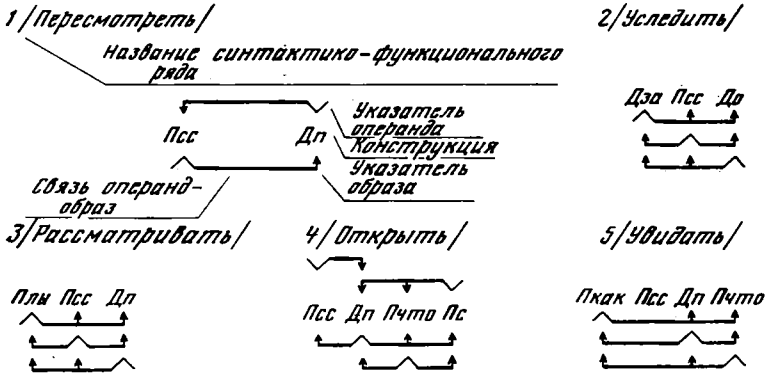
Первый включает в себя лексикографическую информацию, перечисленную в п. 1—3. Названием словарной статьи в первом разделе является опорный глагол. Толкование и пометы взяты из Словаря современного русского литературного языка в 17-ти томах или из Словаря русского языка в 4-х томах. Иллюстративный материал выбран из текстов классической и современной русской художественной литературы, научно-популярной и публицистической литературы, в соответствии с принципами, изложенными Н. Ю. Шведовой (Шведова 1977, 302). Кроме этого, словарная статья содержит указание на то, какое отношение имеет этот глагол к данному материалу, например:

Показать: 1) *давать смотреть*; 2) *делать что-либо с целью показа*; 3) *жестом указывать*; 4) *изображать*.

Пчто: . . .Л. Толстой. . . *показал*, *что* героизм. . . не терпит «красивых» одежд (Ал. Овчаренко); *Пли*: Он ничем не *показал*, понятен *ли* ему мой ужас (И. Эренбург); *Пчтобы*: Я от греха *показал*, *чтобы* на три шага не приближался (К. Симонов); *Псс*: Мурка *показала Симе*, где она *стояла* в ванной. . . (В. Вересаев); *Пбудто*: Я не читал, а на лице своем *показал*, *будто* читал (А. Чехов); *Пб*: Подсчеты *показали*: каждый миллиард долларов на военные расходы влечет. . . исчезновение 11 600 рабочих мест («Известия»); *ПР*: «Молчи!» — *показал* он жестом (Б. Полевой); *Пв*: Как *показала* проверка, такие факты не единичны в этом районе («Правда»); *Дп*: Горький *показал* в ней изнанку эксплуататор-

ского общества (Ал. Овчаренко); *Дна*: И когда военврач *показал ей на* эти «тридцатьчетверки». . . (К. Симонов)
— каузатив к глаголам типа *воспринимать*
— исчерпывает свой класс опорных глаголов СФП (КАУЗ. Восприятие) [3].

Второй раздел содержит материал двух видов: графический и текстовый. Графический материал отображает а) состав синтактико-функционального ряда; б) структуру его. Состав ряда на

Схемы синтактико-функциональных рядов.

рисунке представлен условными наименованиями конструкций, связи в ряду изображены стрелками. Расшифровку и образцы графических схем см. на рисунке. Текстовый материал содержит комментарий к графическим схемам. Названием статьи в этом разделе является название ряда (последнее дается по одному из опорных глаголов этого класса). В состав статьи включается 1) набор опорных глаголов, функционирующих с данным набором конструкций; 2) набор конструкций, составляющих СФР; 3) описание внешней структуры ряда — какие конструкции обеспечивают отличие этого ряда от других, какие обусловливают принадлежность данного ряда к тому или иному классу рядов [4];

---

[3] СФП — синтактико-функциональное поле — система КИ, возможных с глаголами определенного лексико-семантического класса. Так, СФП (КАУЗ. Восприятие) объединяет конструкции, возможные с глаголами каузации восприятия.

[4] Предполагается, что для классификации СФР существенны следующие признаки: 1) наличие / отсутствие изолированных конструкций; 2) наличие / отсутствие транзитивных цепочек (т. е. отношений типа: если *Пб* ⇔ *Пчто*, а *Пчто* ⇔ *Дп*, то *Пб* ⇔ *Дп*); 3) количество транзитивных цепочек — одна или несколько; 4) наличие / отсутствие центра (т. е. такой конструкции, которая связана со всеми или с большей частью конструкций ряда).

4) описание внутренней структуры ряда: какие конструкции принадлежат центру, какие — периферии ряда, какие находятся в изоляции, на чем основана способность той или иной конструкции обеспечивать принадлежность ряда к тому или иному классу рядов, например:

СФР (*Обнаружить*):

1) опорные глаголы: *обнаружить*, *обнаруживать*.

2) составляющие конструкции — *Пчто*, *Псс*, *Пб*, *Пв*, *Дп*.

3) без *Пв* ряд относится к классу СФР, имеющих центр и одну транзитивную цепочку, не имеющих изолированных конструкций, и совпадает с СФР (*Открыть*); без *Псс* ряд относится к классу СФР, имеющих центр и несколько транзитивных цепочек и не имеющих изолированных конструкций; без *Дп* — к классу рядов, имеющих центр, изолированные конструкции и одну транзитивную цепочку; без *Пб* — к классу рядов, не имеющих центра, транзитивных цепочек и изолированных конструкций;

4) Центр и периферия ряда невыделимы; без *Пв* в ряде остается лишь одна транзитивная цепочка КИ, без *Псс* конструкции *Пб* и *Пчто* становятся центральными, без *Дп* — то же самое, кроме того, *Псс* становится изолированной, без *Пб* разрушаются все транзитивные цепочки.

Третий раздел Материалов. . . представляет собой сводное описание свойств конструкций изъяснения и преследует цель возможно более полной характеристики изъяснительной конструкции с точки зрения функционирования в системе. Поэтому характеристика каждой конструкции содержит: 1) минимальные условия ее существования; 2) максимальные условия ее существования [5]; 3) полное описание ее функций во всех СФР, где она встречается; 4) преобразования, в которых она участвует; 5) место ее в иерархической структуре СФП.

При этом различаются семантически необусловленные свойства конструкции, т. е. те, которые не изменяются при переходе от одного СФП к другому, и семантически обусловленные свойства этой конструкции, те, которые присущи ей только в одном из обследованных СФП. Например:

Конструкция *Днасчет* [6].

Минимальные условия существования меняются от одного поля к другому и состоят в противопоставленности *Днасчет* в СФП(Восприятие) *Дп*, *Псс*, *До*, *Дпро* — в СФР(*Недослушать*); в *СФП*(*Понимать*) *Пчто*, *Пб*, *Псс*, *Пли*, *Ди*, *Пчтобы*, *Дв*, *До* — в СФР(*Условиться*); в СФП(*Знать*) *Пчто*, *Дп*, *Псс*, *Пб*, *Пли*, *Пв*, *До*, *Дпро*, *Пкак* — в СФР(*Знать*).

---

[5] Под минимальными и максимальными условиями существования КИ понимаются СФР минимального и соответственно максимального состава, в которых возможно функционирование данной КИ.

[6] *Днасчет* — конструкция типа: *Слыхали насчет наступления?*

Максимальные условия существования меняются от одного поля к другому и состоят в противопоставленности *Днасчет* в СФП (Восприятие) *Дп*, *Псс*, *Пчто*, *Пб*, *Пв*, *Пли*, *Пкак*, *ПР*, *До* — в СФР(*Слышать*); в СФП(*Понимать*) *Пчто*, *Пб*, *Псс*, *Пли*, *Ди*, *Пчтобы*, *Дв*, *До* — в СФР(*Условиться*); в СФП(*Знать*) *Пчто*, *Дп*, *Псс*, *Пб*, *Пли*, *Пв*, *До*, *Дпро*, *Пкак* — в СФР(*Знать*).

Функциональная характеристика 1) выполняет семантически необусловленную функцию: не выводит СФР(*Слышать*), (*Услыхать*), (*Заметить*), (*Слыхать*), (*Услышать*), (*Замечать*), (*Подслушать*), (*Дослушать*), (*Слушать*), (*Послушать*), (*Заслышать*) СФП(Восприятие); СФР(*Условиться*) СФП (*Понимать*); СФР(*Знать*) СФП(*Знать*) из их классов, не отделяя их от других рядов;

2) выполняет семантически обусловленные функции: выводит СФР(*Недослушать*) СФП(Восприятие) из его класса, не отделяя его от другого ряда; не выводит СФР(*Уловить*) СФП(Восприятие) из его класса, отделяя его от другого ряда.

Занимает семантически необусловленное центральное положение в СФР(*Дослушать*), (*Заслышать*), СФП(Восприятие) и в СФР(*Условиться*) СФП(*Понимать*).

Семантически обусловлена способность функционировать в лексически немотивированном СФР(Уловить)[7] СФП(Восприятие).

Преобразования 1) семантически необусловленные — в *Пчто*, *Пчтобы*, *Псс*, *Пб*, *До*, *Дпро*, *Пв*; семантически обусловленные: в СФП(Восприятие) — в *Пкак*, *Пбудто*, *ПР*; в СФП (*Понимать*) — в *Дп*, *Дв*.

Положение в иерархической структуре поля семантически необусловлено: *Днасчет* → *Псс*.

Предполагается, что настоящие «Материалы. . .» могут быть использованы в лексикографической практике, в частности при работе над синтаксическим словарем, а данные первого раздела «Материалов. . .» — в практике преподавания русского языка как иностранного.

ЛИТЕРАТУРА

Васильев Л. М. Семантические классы глаголов чувства, мысли и речи // Семантические классы русского глагола. Уфа, 1971. С. 38—309.

Верниковская Н. С. Изъяснительные конструкции и аспекты их изучения // Вестник Московского университета: Серия 10: Филология. М., 1975, № 5. С. 56—63.

Золотова Г. А. Слово в «Синтаксическом словаре» // Изв. АН СССР: Сер. лит. и яз., 1983. Т. 42, № 1. С. 27—32.

Красных В. И. К вопросу о выделении сложноподчиненных предложений с придаточной изъяснительной частью в современном русском языке // Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, 1971, № 423 «а». С. 113—137.

[7] Лексически немотивированным считается ряд, связи внутри которого определяются не семантикой опорных глаголов, а составом конструкций.

Кубик М. Изъяснительные конструкции и способы их порождения // Проблемы современной лингвистики. Universiteta Karlova, Praha, 1967. С. 79—117.

Селиверстова О. Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка // Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982.

Шведова Н. Ю. О принципах построения и проблематике «Русской грамматики» // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1977. Т. 36, № 4. С. 291—304.

И. М. КОБОЗЕВА

О СЕМАНТИЧЕСКОЙ ТРАКТОВКЕ КУМУЛЯТИВНОГО ОТРИЦАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Известно, что русский язык относится к числу тех, в которых наблюдается явление кумулятивного отрицания (см. Есперсен 1958, 383—387): два отрицательных показателя в одном и том же предложении — форматив *не* (частица или приставка в составе отрицательного местоимения, наречия и предикатива *нет*) и форматив *ни* (частица или приставка) — обычно отражают единственный оператор отрицания в семантической структуре этого предложения. Отсюда делался вывод, что один из показателей является «лишним», избыточным, семантически пустым или имеющим не отрицательное или не чисто отрицательное значение. Имеется две диаметрально противоположных точки зрения на то, какой именно показатель «лишний». Ниже мы попытаемся показать, что обе они оставляют ряд фактов не объясненными, и изложим свою точку зрения на семантическую структуру предложений с кумулятивным отрицанием.

Первая, наиболее широко распространенная точка зрения, трактует *ни* как «вторичный» отрицательный показатель, служащий цели усиления главного отрицания, выраженного с помощью *не* [1]. Последовательное отстаивание такой позиции заставляет принимать ряд неестественных с точки зрения системы языка решений. Прежде всего существуют односоставные предложения типа:

(1) *Ни облачка. Ни слова!*

где налицо семантическое отрицание и единственным его показателем выступает *ни*. Сторонники «вторичности» отрицательного значения у показателя *ни* должны признать, что показатель *ни* имеет два разных значения: отрицательное в предложениях типа

[1] См., например, описание частицы *ни* в РГ-80, 726; в БАС; описание местоимений с *ни-* в Янко-Триницкая 1976.

(1) и усилительное или усилительно-отрицательное в предложениях типа:

(2) *Нет ни облачка. Не говори ни слова!* [2]

Другой выход — постулировать ad hoc семантические процессы типа «намагничивание *ни* отрицательным значением» (Янко-Триницкая 1976).

Далее, трактовка *ни* как средства, усиливающего значения отрицания, требует уточнения того, что именно понимается под усилением. К сожалению, в большинстве работ понятие усиления отрицания не эксплицируется. Ясно, что если *ни* и является интенсификатором отрицания, то это интенсификатор совсем иного рода, чем, скажем, наречия высокой степени *совсем*, *совершенно*, *вовсе* и им подобные. Последние, присоединяясь к *не*, дают семантический эффект, к которому также вполне применима характеристика «усиленное, категорическое отрицание». Возьмем любую пару отрицательных предложений, отличающихся лишь наличием в одном из них наречия высокой степени при *не*. Например:

(3) а) *Он совсем не знает одного важного правила*; б) *Он не знает одного важного правила.*

Различие между отрицательными предложениями (3а) и (3б) такое же, как и между утвердительными предложениями в (4):

(4) а) *Он отлично знает одно важное правило*; б) *Он знает одно важное правило.*

Это различие в степени интенсивности проявления/не проявления свойства, выраженного в данном случае предикатом *знать*. Именно выражение увеличения интенсивности действия, состояния, свойства составляет сущность семантической категории усиления (см. Убин 1974, Кортес де Моралес 1979). Кроме различия «высокая степень» — «норма» семантические структуры предложений (а) и (б) в (3) и (4) идентичны. В частности, совпадающие именные группы в этих предложениях имеют одинаковый способ соотнесения с объектами реального мира, один и тот же денотативный статус (см. Падучева 1979).

Теперь сравним предложения (3б) и (5):

(3б) *Он не знает одного важного правила.*

(5) *Он не знает ни одного важного правила.*

Смысловое различие этих предложений уже невозможно свести к противопоставлению «норма» — «высокая степень». Появление частицы *ни* меняет денотативный статус группы одного важного правила: в (3б) она относилась к некоторому важному правилу, известному говорящему, но пока не известному слушающему, а в (5) она относится к любому представителю класса «важных правил», то есть в (3б) она является референтной, хотя и неопределенной, а в (5) — нереферентной. Следовательно, если все же считать, что предложения типа (3б) и (5) противопоставлены по «силе» от-

[2] См. первое и третье значения *ни* в БАС.

рицания, его «категоричности», то интерпретация этого противопоставления будет такой: при «усиленном» отрицании отрицается применимость предиката ко всему классу объектов, а при обычном — к одному члену этого класса. Именно так трактуют усиление отрицания А. М. Пешковский (1935, 345—346) и Н. А. Янко-Триницкая (1976). Но такое понимание усиления, при котором оно связывается с определенными изменениями в денотативном слое плана содержания предложения, а не только в его сигнификативном или экспрессивном слое [3], вряд ли можно признать правомерным. Ведь тогда по аналогии с «усилением» отрицания мы должны были бы признавать «усиление» утверждения в предложении типа (6б) по сравнению с (6а):

(6) а) *Он знает одно важное правило*; *б*) *Он знает все важные правила.*

Однако оппозицию типа (6а) — (6б) не принято рассматривать в терминах усиления. Об усилении отрицания, действительно ощутимом в предложениях с формативом *ни*, можно говорить лишь сравнивая эти предложения с такими, которые совпадают с «усиленными» вариантами в денотативном аспекте, то есть описывают ту же самую ситуацию, но с меньшей экспрессией. Подобный нейтральный вариант отрицательного предложения, следовательно, также должен служить для отрицания применимости некоторого предиката к любому представителю некоторого класса объектов. Для всех предложений с частицей *ни* легко построить их неэкспрессивные эквиваленты:

(7) а) *Нет ни пылинки* — б) *Нет пыли.*

(8) а) *На небе ни звездочки* — б) *На небе нет звезд.*

(9) а) *У нас вина — ни капли нет* (Пушкин) — б) *У нас вина нет.*

(10) а) *В поселке не было уже ни одного немца* — б) *В поселке уже не было немцев.*

(11) а) *Они не имеют ни малейшего представления об этом* — б) *Они не имеют представления об этом.*

(12) а) *Я не отставал от них ни на шаг* — б) *Я не отставал от них.*

(13) а) *Он ни слова не сказал мне об этом* — б) *Он не сказал мне об этом.*

Сопоставляя усиленный вариант с нейтральным, мы видим, что экспрессивность, свойственная ему, связана не только и не столько с присутствием частицы *ни*, сколько с наличием слова (словосочетания), выражающего мельчайший «квант», единицу, представляющую тот класс объектов или то явление, которое попадает в сферу действия отрицания: *пылинка*, *один немец*, *слово*, *малейшее представление* и т. д. (ср. Лекант 1974, 59—63). Се-

[3] Выделение в плане содержания каждого речевого отрезка денотативного, сигнификативного, экспрессивного и синтаксического слоев проведено и обосновано в Городецкий 1976. 153—173.

мантические структуры парных усиленных и нейтральных отрицательных предложений совпадают во всем, крома этого указания на мельчайшую частицу, «квант» множества или действия. Схематически суть этого различия может быть представлена так: 'не существует такого X, которое есть P' — 'не существует и одного (мельчайшего и т. п.) X, который есть P' или 'такого X, который есть P, не существует хотя бы в минимальном количестве'.

Особо остановимся на предложениях с отрицательными местоимениями и наречиями, которые также содержат форматив *ни*. Выполняет ли этот форматив функцию усиления отрицания? Те авторы, которые понимают усиление отрицания как расширение класса объектов, попадающих в сферу его действия, естественно, отвечают на этот вопрос положительно. Но при том понимании усиления, которое относит его к экспрессивному слою семантики предложения, мы должны будем признать, что в общем случае предложения с отрицательными местоимениями и наречиями не являются экспрессивно усиленными, так как не имеют нейтральных соответствий. Попытки перифразировать предложение с отрицательным местоимением так, чтобы сохранить значение, но исключить само местоимение, обычно приводят к построению стилистически неудовлетворительных перифраз:

(14) *Он никого здесь не знает.* — ? *Он не знает здесь кого-либо.*
? *Он здесь не знает людей.*

(15) *Я ничего не написал.* — ? *Я не написал чего-либо.*

Тем самым в этих случаях бессмысленно говорить об экспрессивном усилении отрицания, и следовательно, нет оснований наделять форматив *ни* значением (функцией) усиления. Некоторые отрицательные местоимения, как кажется, ведут себя иначе, например, *никакой* (*-ая*, *-ое*, *ие*), *никак*. Их присутствие в предложении, действительно, сообщает ему экспрессию усиления по сравнению с синонимичными нейтральными предложениями, не содержащими этих местоимений, ср.:

(17) а) *Никаких интересных событий за последнее время не произошло* — б) *Интересных событий за последнее время не произошло.*

(18) а) *Эти положения никак не соотносятся между собой* — б) *Эти положения не соотносятся между собой.*

Однако и в этом случае нет необходимой связи между экспрессией усиления и присутствием форматива *ни*, так как и здесь усиленный вариант помимо *ни* содержит форматив, указывающий на «квант» множества или явления — основу *-как-*. Но «квант» этот отличается от тех, что выступают при свободной частице *ни*. Это не минимальная часть множества однородных элементов, а одна разновидность из множества качественно разнородных элементов. Связь основы *-как-* с идеей качественного разнообразия элементов множества была первоначально установлена при рассмотрении местоимений типа *какой-нибудь*, а затем обнаружена и у отрица-

тельных местоимений (см. Селиверстова 1964, Падучева 1979, 26—27). Поэтому мы не станем специально останавливаться на обосновании этого положения.

Мы показали, что при понимании усиления отрицания как явления экспрессивной, а не денотативной семантики, роль интенсификатора отрицания выполняет не форматив *ни*, но та лексема (морфема), которая выражает «единицу» или «разновидность»: *один*, *-какой*, *капля*, *минута*, уменьшительные суффиксы, *слово* и т. п. В пользу того, что именно эти слова с «квантовой», «единичной» семантикой сообщают отрицательному предложению экспрессию усиления, говорит факт существования экспрессивно отрицательных предложений без частицы *ни*, но содержащих подобную лексему:

(19) а) *Одного километра не проедешь весной по этой дороге*; б) *У меня минуты свободной нет*; в) *Мы разошлись, каждый при своем, не уступивши йоты* (Герцен); г) *В доме крошки хлеба не осталось*; д) *Копейки от меня не получишь*.

Итак, рассмотрение предложений с кумулятивным отрицанием на фоне других типов отрицательных предложений с формативом *ни* и более детальный анализ явления усиления отрицания заставляют отказаться от взгляда на форматив *ни* как выполняющий функцию усиления отрицания, выраженного формативом *не*.

Противоположная точка зрения на устройство предложений с кумулятивным отрицанием наиболее последовательно выражена в работах Е. В. Падучевой, посвященных семантическому анализу отрицательных предложений[4]. Правда, Е. В. Падучева рассматривала в основном предложения с отрицательными местоимениями, но аргументация, применяемая ею, может быть распространена на все виды предложений с кумулятивным отрицанием. Е. В. Падучева считает отрицание *ни* в составе местоимения главным, а отрицание *не* при сказуемом предлагает считать результатом автоматического преобразования, сопутствующего введению главного отрицания. Признание *ни* основным показателем отрицания позволяет единообразно описывать функции этого форматива в предложениях с кумулятивным отрицанием и в односоставных предложениях типа (2), что является несомненным преимуществом данного подхода. Форматив *не* при сказуемом здесь предстает как семантически пустой, чисто формальный элемент предложения. Если распространить обоснование этого положения на все виды предложений с кумулятивным отрицанием, то оно будет выглядеть так: *ни* при нереферентном актанте или сирконстанте нельзя считать обязательным следствием наличия *не* при сказуемом, поскольку существуют примеры типа (20):

(20) *Я боюсь, что мои рассказы кому-нибудь не понравятся*; *Работа не вызывает у меня каких-либо возражений*

[4] Последняя по времени работа на эту тему — Падучева 1974, 143—160.

где *кто-нибудь* и *каких-либо возражений* — нереферентные актанты. А *не* при сказуемом можно считать обязательным следствием наличия *ни* при нереферентной именной или наречной группе, поскольку «отрицание при местоимении в русском языке невозможно без одновременного отрицания при сказуемом ни при какой трансформационной истории предложения» (Падучева 1973, 226). Однако в столь категоричной форме это суждение не верно. Не случайно в «Грамматике современного русского литературного языка» (АГ-70) зависимость отрицания при сказуемом двусоставного предложения от отрицания в составе местоимения ограничивается теми случаями, когда отрицательное местоимение выступает в функции подлежащего. Многочисленные примеры предложений, в которых отрицательное местоимение не сопровождается отрицанием при сказуемом, приведены в указанной статье Н. А. Янко-Триницкой. Приведем некоторые из них, добавив к ним другие.

(21) *Он мне никто.*
(22) *Кто был ничем, тот станет всем.*
(23) *Результаты моего труда превратились в ничто.*
(24) *В ничьей комнате мы устроили библиотеку.*
(25) *Он пропадет там ни за грош.*
(26) *Меня наказали ни за что.*
(27) *Я ушла от тебя ни к кому* (из письма).

Можно, конечно, попытаться отбросить подобные примеры, сославшись на то, что местоимения в них и им подобных имеют особое «конкретное» значение, идиоматичное в том смысле, что оно не сводимо к сумме значений отрицания и неопределенного местоимения. Например, *никто* в (21) 'чужой человек' и т. п. Однако, тогда придется устанавливать большое количество переносных значений для отрицательных местоимений, каждое из которых реализуется в особом контексте. Так, *ничто* имело бы значение 'бесправный' в (22), 'лишенный ценности' в 23 и т. д. Думается, что для получения значения предложений типа (21)—(27) достаточно оперировать обычным значением отрицательного местоимения и значением соответствующей лексико-синтаксической конструкции. Однако для того, чтобы это показать, необходимо выяснить, какой вклад в семантическую структуру предложения вносят отрицательные местоимения и вообще все именные группы, содержащие форматив *ни*.

Прежде всего обратим внимание на то, что показатель *ни* в синтаксической структуре всегда связан с именем или наречием, в отличие от показателя *не*, который сочетается с любым лексико-грамматическим классом слов. Следовательно, *ни* вряд ли может быть предикатным отрицанием, так как основным средством выражения предиката является глагол. В функции предикатного отрицания всегда выступает *не*. В чем же состоит различие свойств *ни* и *не*, когда они выступают при имени или наречии? Отрицание *не* допускает любой денотативный статус имени (наречия), при

котором оно выступает в предложении. Оно и в этой позиции остается предикатным отрицанием, отрицая классифицирующую или идентифицирующую предикацию (см. ниже примеры 28а, 29а). Отрицание *ни* налагает строгое ограничение на денотативный статус той группы, с которой оно связано: *ни* выступает только при так называемых экзистенциальных группах, то есть обозначающих объект (место, время, степень и т. п.), который относится к классу объектов с одинаковыми свойствами, и не индивидуализирован (Падучева 1979), ср.:

(28) а) *Я интересуюсь не этой книгой* (определенная ИГ); б) * *Я не интересуюсь ни этой книгой.*

(29) а) *Он приедет не завтра* (определенная НГ); б) * *Он не приедет ни завтра.*

(30) а) *Он решил не все задачи* (универсальная ИГ); б) * *он не решил ни все задачи.*

(31) а) *Я не интересуюсь ни одной* (*никакой*) *книгой*; б) *Он не придет никогда* (*ни в один из следующих дней*); в) *Он не решил ни одной* (*никакой*) *задачи.*

Единственное отклонение от данной закономерности наблюдается в императивном предложении *Ни с места*!, где имя *места* имеет денотативный статус определенного, так как обозначает то единственное место, в котором в момент речи находится адресат. По-видимому, здесь мы видим реликт прежнего употребления форматива *ни*, когда ограничения на его сочетаемость с именной группой были иными. Смотри, например, такие совершенно не свойственные современному русскому языку контексты употребления *ни*: *Не видехомъ тасна дни ни до зимы* (Новг. Іл. 6653 г.) *И абие събърашасѧ мънози, тако к томоу не въмѣщаахоусѧ ни прѣдъ двьрьми.* (Мр. П. 2. Остр. ев.) (цит. по Срезневский 1958).

Подобное ограничение на денотативный статус имен (наречий) при формативе *ни* совместимо только с одним типом отношений, организующих семантическую структуру предложения — с отношением существования [5]. В предложениях существования могут выступать только именные группы с экзистенциальным денотативным статусом. Все прочие виды семантических отношений в предложении либо допускают большее разнообразие денотативных свойств связываемых ими единиц, либо исключают экзистенциальный статус, как, например, отношение идентификации. Естественно предположить, что все предложения с формативом *ни* содержат в своей семантической структуре отношение существования, которое и подвергается в них отрицанию. И действительно, любое предложение, содержащее форматив *ни*, сообщает об отсутствии объектов (обстоятельств) того класса, кото-

[5] Мы исходим из анализа отношений экзистенции и семантической структуры бытийного предложения, который дан в Арутюнова 1976.

рый задан словом, синтаксически связанным с *ни*. Это специфическое свойство семантической сочетаемости частицы *ни* — неразрывную связь ее с отношением существования — из лексикографов отметил только В. И. Даль, который охарактеризовал ее значение в составе кумулятивного отрицания как «недостаток, отсутствие» (Даль 1979, т. II, 543). Семантическая сфера предложений отсутствия так же, как и сфера предложений существования, имеет ядро и периферию. Ядром этой сферы являются предложения бытийного типа, в которых идея существования получает выражение с помощью глаголов *быть*, *существовать*, *иметься* и т. п., предикатива *нет* или имеет нулевое выражение. Семантическое отношение существования составляет содержание главного предикативного отношения поверхностно-синтаксической структуры предложений данного типа. По бытийному типу построены следующие предложения:

(32) а) *Детей у него не было*; б) *Нет ни пылинки*; в) *На улице ни души*; г) *Ничего нового*; д) *Не существует такого средства, которым бы он брезговал.*

На периферии сферы предложений отсутствия находятся предложения предикатно-аргументного типа, в которых идея существования входит в лексическое значение кванторного слова или имеет нулевое выражение. Отношение существования в поверхностной структуре может быть оформлено как определительное (33а, б) или может не иметь никакого поверхностно-синтаксического воплощения (см. 33в). Содержанием главного предикативного поверхностно-синтаксического отношения здесь является не отношение экзистенции, как в предложениях бытийного типа, а один из видов предикатно-аргументных семантических отношений. По предикатно-аргументному типу построены следующие предложения отсутствия:

(33) а) *Ни словом не упоминается в книге ни один русский ученый*; б) *Горе-ученый не брезговал никакими средствами*; в) *Он не достал билетов на елку.*

Предложения данного типа можно охарактеризовать как включающие бытийный компонент. Они образуют область пересечения собственно предложений отсутствия и предложений, в которых отрицается предикатно-аргументное отношение.

Промежуточное положение между предложениями бытийного (32) и предикатно-аргументного типов (33) занимают предложения с отрицательными местоимениями с приставкой *не-*, например:

(34) а) *Нам не с кем оставить ребенка*; б) *Вам незачем уезжать.*

Экзистенциальную семантику этих предложений вскрывают перифразы: 'не существует того, с кем мы могли бы оставить ребенка', 'не существует причин, по которым вам следовало бы уезжать'. Здесь семантический компонент 'существовать' всегда имеет нулевое выражение, и семантическое отношение существования не выражено непосредственно никаким поверхностно-синтаксиче-

ским отношением, что сближает их с предложениями предикатно-аргументного типа. Но по всем прочим поверхностно-синтаксическим параметрам они ближе к предложениям бытийного типа.

Для предложений бытийного типа возможны два способа оформления отрицания:

1) *не* при глаголе существования (которое сливается в настоящем времени с глаголом *быть*, давая предикат *нет*) + родительный падеж имени, обозначающего класс отсутствующих объектов, см. (32а), (35а), (36а, б), (37а, б) (предложения, в которых при отрицательном глаголе существования стоит имя в именительном падеже, не являются обычными предложениями отсутствия, так как они несут презумпцию существования объектов, обозначенных этим именем, то есть, говорящий отрицает не их существование в мире дискурса, а их существование в мире чьих-либо представлений, ср.: *X. излагает только одну из гипотез, а другие мнения в науке для него не существуют* (Ф. П. Филин));

2) *ни* при имени в родительном падеже единственного числа, обозначающем один неиндивидуализированный элемент множества отсутствующих объектов или один неиндивидуализированный подвид, разновидность, из которых состоит это множество; при этом, если глагол существования не опущен, то при нем обязательно ставится *не*, см. (32 б, в, г), (35 б, в), (36 в, г), (37 в). (Ограничение, налагаемое частицей *ни* на сочетающуюся с ней именную группу, требует не только нереферентности этой группы, но и единичности, то есть соотнесенности с одной дискретной частью некоторого множества, субстанции и т. п. Это специфическая черта *ни* как приименного показателя экзистенциального отрицания. Ср. с имеющим ту же функцию показателем в английском языке, который свободно сочетается с множественными нереферентными именными группами: *There are no wolves in the forest*=* *В этом лесу нет ни волков.*)

Если именная группа, обозначающая неиндивидуализированный отсутствующий объект, представляет собой определенную конструкцию с модальностью возможности или долженствования, например, *тот, кому можно подать руку*, то отрицание существования может быть оформлено либо по первому способу: *Нет того, кому можно подать руку*, либо может иметь специальное оформление: *не-* + вопросительно-относительное местоимение в форме, требуемой моделью управления глагола + глагол в инфинитиве с остальными актантами: *Некому подать руку.*

В предикатно-аргументных предложениях с бытийным компонентом также имеется два варианта оформления бытийного отрицания:

1) *не* при сказуемом + экзистенциальная именная группа, обозначающая класс отсутствующих объектов, в нужном падеже, см. (33 в), (37 а), (39);

2) *ни* при экзистенциальной именной группе, которая сопро-

вождается *не* при сказуемом только при определенных условиях см. (24)—(27), (33 а, б).

Применяя различные способы оформления экзистенциального отрицания, мы получаем ряды синонимичных предложений, различия между которыми могут затрагивать либо только экспрессивный слой, либо только коммуникативную организацию смысла:

(35) а) *Нет чего-либо интересного*=б) *Нет ничего интересного*=в) *Ничего интересного.*

(36) а) *В доме нет хлеба*=б) *В доме нет куска* (*крошки. . .*) *хлеба*=в) *В доме нет ни куска* (*крошки и т. п.*) *хлеба*=г) *В доме нет ни куска хлеба.*

(37) а) *У него не имеется возражений*=б) *У него не имеется каких-либо возражений*=в) *У него не имеется никаких возражений*=*Он не возражает*=*Он не имеет возражений. . .*

(38) а) *У нас нет такого человека, с которым можно было бы оставить ребенка*=*б) Нам не с кем оставить ребенка*=*Мы ни с кем не можем оставить ребенка*=г) *Мы не можем с кем-либо оставить ребенка. . .*

Итак, отрицание существования имеет в русском языке два конкурирующих способа выражения — показатель *ни*, при определенных условиях сопровождаемый показателем *не* при сказуемом и показатель *не* при сказуемом. Отрицание всех других видов семантических отношений осуществляется только с помощью *не*. Не подтверждает ли такое положение вещей взгляд на *ни* как «вторичное» отрицание, так сказать, светящееся отраженным светом отрицания *не* при сказуемом? Нет, не подтверждает, поскольку *ни* и *не* не равноценны в качестве показателей бытийного отрицания. *Ни* при всех условиях однозначно интерпретируется как отрицание бытийное. Одиночное же *не* при сказуемом, если оно вообще может быть понято как бытийное в данном предложении, то в большинстве случаев оно будет иметь и вторую возможность интерпретации — как обычное предикатное отрицание. Окончательно смысловая функция одиночного *не* при сказуемом проясняется только благодаря контексту.

Все дело в том, что *не* при сказуемом может интерпретироваться как бытийное только в том случае, если в предложении имеется именная (наречная) группа с экзистенциальным денотативным статусом и если эта группа входит в сферу действия отрицания *не*, что означает, что в семантической структуре отношение экзистенции оказывается подчиненным оператору отрицания. Так, *не* в предложениях типа:

(39) *Он не привел каких-либо определений этого понятия* естественно интерпретируется как бытийное: 'не существует таких определений этого понятия, которые были бы им приведены'. Это происходит благодаря тому, что статус группы *каких-либо определений* однозначно интерпретируется как экзистенциальный (на такой статус однозначно указывает специфический кван-

торный актуализатор-местоимение на *-либо*), и благодаря тому, что *либо*-местоимения как правило указывают на то, что содержащая их группа входит в сферу действия отрицания. В то же время именные группы с местоимениями типа *некоторый*, которые также являются актуализаторами экзистенциального денотативного статуса, никогда не входят в сферу действия присказуемостного отрицания:

(40) *Он не привел некоторых* (*-ые*) *определений* (*-ия*) *этого понятия.* Здесь *не* однозначно понимается как отрицание, относящееся к предикату *приводить* и подчиненное отношению существования: 'существуют такие определения этого понятия, которые он не привел'.

В общем случае экзистенциальный денотативный статус именных групп в русском языке и сфера действия отрицания не имеют специальных показателей. Косвенным образом их выявлению служат такие языковые средства, как интонация, порядок слов, число и падеж существительного. Если рассматривать изолированные предложения с одиночным присказуемостным отрицанием без учета интонации, то в ряде случаев нельзя будет сказать с полной определенностью, является ли в нем некоторая именная группа экзистенциальной и входит ли она в сферу действия отрицания. Тем самым нельзя будет однозначно ответить на вопрос, является отрицание в этом предложении бытийным или предикатным. Ограничимся двумя примерами.

Предложения типа (32а) — классические примеры отрицательных бытийных. Но даже они в определенном контексте могут быть использованы для отрицания не существования, а локальной предикации, то есть для выражения смысла: 'те дети, о которых мы говорили, не находились у него' (см. Арутюнова 1976, с. 346). Ясно, однако, что более вероятной является интерпретация этих предложений как отрицательных бытийных.

Обратная картина наблюдается в следующих неоднозначных предложениях:

(41) *Он не сказал словечка* (Пешковский).

(42) *Нам без солнышка обидно*: *в поле зернышка не видно* (Чуковский).

Именные группы *словечка*, *зернышка* могут быть поняты как экзистенциальные, попадающие в сферу действия отрицания, то есть *не* может быть бытийным ('не существует такого словечка, зернышка. . .'). И действительно, для (42) верна именно такая интерпретация. Но столь же, а в случае (41) даже более, естественно приписать данным именным группам статус референтных определенных, и тогда *не* при сказуемом — предикатное, а не бытийное. Именно с таким смыслом пример (41) приведен А. М. Пешковским (1935, 346).

В тех случаях, когда при сказуемом с отрицанием *не* в качестве дополнения выступает именная группа с актуализатором

один (*-а*, *-о*) также возможны две интерпретации: 1) группа *один X* является референтной неопределенной и не входит в сферу действия отрицания, см. пример (3 б); 2) группа *один X* является экзистенциальной и входит в сферу действия отрицания, см. пример (19 а).

Итак, в тех случаях, когда использование *не* при сказуемом в качестве экзистенциального отрицания привело бы к неоднозначности предложения, в русском языке предпочитается использование *ни* при соответствующей именной группе, однозначно выражающей идею отрицания существования объектов обозначаемого ею класса.

Второй тип ситуаций, требующих использования показателя *ни*, возникает тогда, когда одиночное *не* при сказуемом вообще не может быть понято как экзистенциальное отрицание. Это происходит в тех случаях, когда класс объектов, существование которых отрицается, столь широк, абстрактен, что для его обозначения используется неопределенное местоимение. В ряде языков существует особая форма неопределенного местоимения, показывающая, что оно входит в сферу действия отрицания и некоторых других операторов, например, форма на *any* — в английском языке, формы типа *aucun* — во французском. В таких языках бытийное отрицание регулярно выражается показателем отрицания при сказуемом, поскольку сама форма местоимения указывает, что отрицанию в данном предложении подвергается скрываемый в значении этого местоимения квантор существования. В русском же языке один из двух типов неопределенных местоимений с экзистенциальной семантикой — *нибудь*-местоимение — в контексте отрицания вообще избегается в любой позиции, кроме субъектной. Но и в тех нетипичных случаях, когда оно употребляется в контексте присказуемостного отрицания, оно понимается как не входящее в сферу его действия:

(43) а) *Он чего-нибудь не расслышал*; б) *Он не сдержится когда-нибудь и выскажет все.*

Второй тип — *либо*-местоимения. Они в контексте отрицания при сказуемом могут пониматься и как входящие в сферу его действия (см. 35а, 37б, 38г), и как находящиеся за ее пределами: *Если вы не поняли чего-либо, я могу повторить.* Тем самым в русском языке господствующим средством выражения отрицания существования объектов, обозначенных неопределенным местоимением, является форматив *ни*, сливающийся с местоименной основой в единое отрицательное местоимение.

Из предшествующего рассмотрения двух видов бытийного отрицания — *не* и *ни* — вытекает, что функцией форматива *ни* является однозначное выражение экзистенциального отрицания.

Теперь вернемся к вопросу о функциях форматива *не* в предложениях, содержащих *ни* при одном из актантов или сирконстантов. Примеры типа (21)—(27) говорят о том, что в общем слу-

чае присутствие или отсутствие этого показателя не безразлично для понимания предложения с кумулятивным отрицанием. Избыточность присказуемостного отрицания *не* при наличии бытийного отрицания *ни* возникает лишь в тех случаях, когда между предикатом и актантом или сирконстантом существует определенная зависимость. Действие или отношение, обозначаемое предикатом, обязательно предполагает существование определенного набора актантов и сирконстантов для того, чтобы данное действие могло считаться осуществляемым, имеющим место. Поэтому, когда объекта, выступающего в роли обязательного актанта или сирконстанта, не существует, о чем говорит стоящее при нем бытийное отрицание *ни*, то нет и действия, отношения, обозначаемого предикатом, и потому при нем можно поставить второе, уже предикатное отрицание. Бытийное и предикатное отрицания в одном и том же простом предложении не уничтожают друг друга, а сочетаются по правилу зачеркивания предикатного отрицания [6].

Возможность постановки второго отрицания при предикате, если при одном из его актантов (сирконстантов) имеется бытийное отрицание, вытекает из реальных взаимосвязей между действием и его обязательными участниками (обстоятельствами). Но в одних языках эта возможность не используется или используется факультативно, а в русском языке она превращается в обязательное правило.

Но помимо обязательных актантов и сирконстантов у предиката могут быть и необязательные, то есть такие, отсутствие которых не мешает считать данное действие осуществляемым, имеющим место. Так, время, место, условия являются обязательными сирконстантами действия, а причина и цель — не обязательными. Отсутствие у действия причины или цели не снимает факта осуществления действия. В таких случаях наличие или отсутствие *не* при предикате значимо. Если при предикате есть *не*, то это означает, что действие, обозначенное им, не имело места. Так, предложение:

(44) *Меня не наказали ни за что.*

имеет следующую интерпретацию: 'не существует такой моей провинности, за которую я был бы наказан'. А предложение (26) имеет иной смысл: 'я был наказан за провинность, которой не существовало на самом деле'. Как раз в таких случаях отрицание *ни* при члене предложения не сопровождается присказуемостным отрицанием *не*, см. (24)—(27). Необязательными ролями актантов являются роли комитатива, бенефактива (*Я пишу ни для кого*) и некоторые другие.

В предложениях типа (21)—(23) именная группа, при которой стоит *ни*, входит в состав предиката, имеет предикатный денота-

[6] О правилах зачеркивания см. Апресян 1974, 88—90.

тивный статус. Так, в предложении (21) местоимение *никто* не обозначает отсутствие лиц, также как слово *дядя* в предложении (45):

(45) *Он мне дядя*

не обозначает конкретное лицо. *Дядя* в (45) и *никто* в (21) следует рассматривать как часть предиката *быть дядей/никем* (*кому-либо*). Лексическое значение имен типа *дядя*, *друг*, *никто* определенным образом сочетается со значением синтаксической конструкции «X Y—yZ». Сопоставим этой конструкции значение 'X состоит в отношении Z к Y—y'. Подставив на место Z толкование местоимения *никто* — 'не существует такого X', где место переменной X должна занять соответствующая семантическая категория из контекста (в нашем случае категория 'отношение') — получим для предложения (21) интерпретацию 'он состоит ко мне в отношении, которого не существует', то есть в отношении, определяемом негативно, через указание на отсутствие имеющих специальное название отношений между двумя лицами. Тот факт, что отношение между лицами все же устанавливается, и объясняет отсутствие отрицания *не* при сказуемом.

Вопрос о том, как формально представлять семантическую структуру предложения типа (26) и (40) и каковы правила перехода от семантической структуры к поверхностной и наоборот, требует специального исследования. Мы стремились только показать, что присказуемостное отрицание в составе кумулятивной отрицательной конструкции может выполнять смыслоразличительную функцию.

Нельзя здесь не отметить аналогии с противопоставлением общего и частного отрицания предикативного типа. Бытийное отрицание также может быть общим (и тогда мы имеем два показателя отрицания в одном предложении — *ни* и *не*, как, например, в (44)) и частным (и тогда мы имеем только один показатель *ни* как в (26)). Характерной чертой предложений с частным отрицанием, является то, что они несут презумпцию осуществленности действия, выраженного сказуемым, ср.: (26) и (46):

(46) *Меня наказали не за опоздание*

и (26) и (46) в отличие от общеотрицательного (44) имеют презумпцию 'меня наказали'.

Подведем итог рассмотрению кумулятивной отрицательной конструкции. Кумулятивная отрицательная конструкция является одним из способов оформления экзистенциального отрицания. Каждая из двух составных частей этой конструкции имеет свою функцию. Собственно идея бытийного отрицания выражается формативом *ни*, который помещается непосредственно при той составляющей предложения, которая задает класс отсутствующих объектов путем называния единичного неиндивидуализированного члена этого класса. Функция форматива *не* при сказуемом — показать, что обозначенные им действие, состояние не имели места,

не входят в презумпцию данного высказывания. Поскольку отрицание существования основных типов участников и обстоятельств ситуации, обозначенной сказуемым (субъекта, объекта, времени и т. п.), логически не совместимо с презумпцией осуществленности этой ситуации, постольку отрицания при сказуемом могло бы и не быть. И мы действительно наблюдаем оформление экзистенциального отрицания с помощью одиночной приименной частицы в целом ряде языков, в том числе в древнерусском. Но наряду с этим существуют такие участники и обстоятельства ситуации, отсутствие которых не влечет обязательной неосуществленности этой ситуации, в связи с чем и возникает необходимость в явном виде указать, входит ли ее осуществление в презумпцию данного высказывания, что и достигается постановкой или опущением *не* при сказуемом. Развитие способов выражения экзистенциального отрицания в русском языке шло по пути введения присказуемостного отрицания везде, где это было возможно с точки зрения семантики. В истории ряда других языков развитие той же семантико-синтаксической модели пошло по другому пути: присказуемостное отрицание было устранено везде, где это было возможно, исходя из смысла предложения.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. М., 1974.
Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976.
Городецкий Б. Ю. К проблеме семантической типологии. М., 1969.
Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970 (АГ—70).
Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1979. Т. II.
Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958.
Кортес де Моралес М. Т. Семантическая категория лексического усиления в испанском языке: (опыт структурного описания) / АКД. М., 1979.
Лекант П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. М., 1974.
Падучева Е. В. Логическое ударение и отрицание в формализованных и естественных языках // Récherches sur les système signifiants / Ed. by Rey-Debove. Hague; Paris, 1973.
Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. М., 1974.
Падучева Е. В. Денотативный статус именной группы и его отражение в семантическом представлении предложения // Научно-техническая информация. Сер. 2, 1979, № 9.
Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 5-е изд. М., 1935.
Русская грамматика. М., 1980. Т. I (РГ-80).
Селиверстова О. Н. Опыт семантического анализа слов типа *все* и типа *кто-нибудь* // ВЯ, 1964, № 4.
Словарь современного русского литературного языка Академии наук СССР. М.; Л., 1950—1965. (БАС).
Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. М., 1958.
Убин И. И. Лексические средства выражения категории интенсивности. АКД. М., 1974.
Янко-Триницкая Н. А. Местоимения с префиксальными частицами *не* и *ни* // Русский язык в школе, 1976, № 1.

Л. П. КРЫСИН

ГИПЕРБОЛА В РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

1.1. Задача настоящей статьи заключается в том, чтобы на материале современной русской разговорной речи показать явление г и п е р б о л ы как в высшей степени характерное для непринужденного неподготовленного устного общения.

1.2. В литературе, посвященной разговорной речи (как русской, так и некоторых других языков), явление гиперболы в целом не исследовано, хотя в ряде работ есть указания на повышенную эмоциональность, экспрессивность разговорной речи (РР) и, как следствие этого, усилительный или преувеличительный смысл некоторых высказываний.

Так, В. Д. Девкин перечисляет разные средства для выражения высшей степени признака (внутрисловные: аффиксы, аффиксоподобные элементы и основы — и внешние: «всевозможные „распространяющие" элементы синтаксического уровня — определения, обстоятельства, обособленные обороты, придаточные предложения, синтаксические фразеологизмы»). «Подробное описание средств усиления, — замечает автор, — должно составить содержание специальной работы» (Девкин 1973, 203). В. Д. Девкин отметил, что «на преувеличении строятся характеристики, приписывающие абсолютные качества временным их проявлениям. Примеры: *слепой* — не заметивший что-н., а не лишенный зрения; *дурак* — поступивший глупо человек, который по своим умственным способностям глупцом не считается» (Девкин 1973, 207).

В книге Е. А. Земской (Земская 1979) есть примеры гиперболических и усилительных выражений типа: *Аппаратуры там навалом! Мне безумно хочется на воздух! Надоело мне это, сил нету*; *Я тебе этих яблок привезу вагон*; *Я эти помои пить не буду* (о холодном и жидком чае); *Ни пылинки! Вот это пылесос!*

Несколько примеров гиперболических выражений (однако без такой их квалификации: они исследуются в связи с синтаксической позицией определенных слов в высказывании) находим в книге О. А. Лаптевой: *Уникальный был салат*; *Мы там массу наделали ляпов* и др. (Лаптева 1976, 224, 239).

В качестве особого средства, передающего усиление, отмечаются формы множественного числа, когда они «в определенном контекстном окружении обозначают не множество, а один предмет: . . .какие-то *экспедиции* с буддами (Вс. Иванов); — Вы тут обедали, а нас *по милициям* водили (А. С. Макаренко. Педагогическая поэма)» (Русский язык и советское общество, кн. 3, 156).

Е. А. Земская различает среди таких форм множественного числа «множественное экспрессивное»: Вы будете *по выставкам* ходить, а я занимайся; Это у вас *собаки* лают? — об одной собаке — и под., «с ярко выраженным генерализующим, обобщающим значением», — и «множественное привычное»: У сына *экзамены*, *На праздники* поедешь куда-нибудь? *Ключи* не забудь, независимо от того, один или несколько объектов имеется в виду (Гловинская и др. 1983, 136—137).

Употребление множественного числа, не мотивированное действительной множественностью объектов, рассматривается в работе Арбатский 1972: *телеса*, *мяса́* (применительно к одному человеку), гонять (распивать) *чаи*; У меня *гости* — дочка приехала; не устраивай *истерик*, не рассказывай *сказки*, не лезь со своими *советами*; какие тут *угощения* (*тосты*, *разговоры*)! разные там *этруски* (*акселераторы*, *сепараторы*); ездить *по Парижам* и т. п.

Следует, однако, заметить, что не всякое употребление множественного числа при реальной единичности предмета является гиперболой. Подобное расхождение между действительностью и ее языковым обозначением может быть следствием того, что формам множественного числа свойственно значение неопределенности, ср.: В вагоне у нас новые *пассажиры* — молодая женщина с чемоданом; — У тебя новая ручка? — Да. Мне *подарили*. Володя подарил (Красильникова 1983, 111).

Языковые средства, служащие для выражения идеи усиления и преувеличения, рассматриваются и в некоторых работах, не ориентированных специально на описание разговорной речи.

Так, еще В. В. Виноградов отмечал «наречия из творительного усиления: *ходуном ходить*, *бегом бежать*, *есть поедом* и т. п. Ср. также *давным-давно*, *полным-полно* и т. д.»; «идиоматические наречные выражения, состоящие из повторения форм одного и того же существительного в разных синтаксических комбинациях. Например: 1) *нос к носу*, *лицо к лицу*, *носом к носу*, *лицом к лицу*; 2) *рука об руку*, *бок о бок*, *рука с рукой*, *голова с головой*; 3) *нога в ногу*, *душа в душу*; *капелька в капельку*; ср. *точь-в-точь*; *слово в слово*. . . »; « . . существительные, обозначающие неопределенно-большое количество чего-нибудь: *бездна*, *гибель*, *уйма*, *масса*, *пропасть*, *тьма*» (Виноградов 1972, 291, 253).

В Грамматике-80 отмечен ряд конструкций, выражающих меру или количество (*ни звука*, *скупать что-н. пудами*, *Народу — черно!* *целую вечность*, *видимо-невидимо*, *без конца*, *через край*, *хоть пруд пруди* и ряд других, однако безотносительно к идее гиперболизации и без специального внимания к использованию подобных оборотов в РР (оборот *целую вечность*, например, рассматривается в одном ряду с сочетаниями *каждую минуту*, *целую ночь* и вместе с этими сочетаниями он квалифицируется как «называющий отрезок времени, единицу меры», а в выражении *ждать целую вечность* не усматривается никакой специфики

по сравнению с выражениями *жить неделю*, *ждать месяц* (*пять дней*) (Грамматика-80, т. 2, 44).

Отмечены в Грамматике-80 также конструкции типа $S_{им}$ *за* $S'_{твор}$ (S и S′ совпадают лексически): *И вот пошла комиссия за комиссией, проверка за проверкой*, $S_{род} + \emptyset_{быть} + A_{квант}$: *Народу — черно!* или $+ S_{колич}$: *Народу — пропасть*; $S_{род}$ + предложно-падежное сочетание типа *без конца*, *сверх головы*, *по горло*, *через край* и тому подобные фразеологизованные обороты: *работы — сверх головы* (*через край*, *по горло*) и под. Указано, что выражения, обозначающие количество или меру чего-либо, помещаются в реме высказывания и не бывают в теме: *Чаек было полным-полно* (*видимо-невидимо*), *Птиц — множество* (Грамматика-80, 2, 241, 330, 335).

При анализе конструкций типа *Масса цветов* (*гостей*) авторы Грамматики-80 указывают: «В непринужденной, разговорной речи и в просторечии часты реализации (этих конструкций. — *Л. К.*) с замещением места количественного слова целым предложением, обычно однокомпонентным, нераспространенным, часто (но не обязательно) — фразеологизмом: *Разрушений — не сосчитать*; *Вас таких хоть пруд пруди*; *Специалистов — раз, два и обчелся*; *Народу — яблоку негде упасть*, *Работы — только поворачивайся*; *Денег — куры не клюют*; *Земляники там — горстями греби*; *Фруктов — завались*; *Штабов — нет числа* (Булгаков)» и т. п. (Грамматика-80, т. 2, 333).

«В просторечии возможны реализации с замещением места количественного компонента междометием: *Работы — во! Дел — ой-ой-ой!* (там же). Заметим, что высказывания последнего вида обычно сопровождаются соответствующими жестами — без жестов они могут быть непонятны.

2. ГИПЕРБОЛА И ПРИЧИНЫ ЕЕ ПОЯВЛЕНИЯ В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

2.1. Гипербола — это прием выразительности, применяемый говорящим с целью, во-первых, обратить внимание слушающего на данную ситуацию или ее свойства и, во-вторых, создать у слушающего преувеличенное представление об этой ситуации или о ее свойствах.

Гипербола имеет место только в высказывании. Более того: высказывание должно быть соотнесено с ситуацией — само по себе оно часто не является гиперболическим. Например, предложение: *Хлеба — ни крошки!* — может вполне соответствовать реальному положению вещей, то есть описывать некоторую ситуацию буквально. Однако обычно оно указывает лишь на отсутствие хлеба (в доме), а не хлебных крошек; при этом говорящий хочет создать у слушателя представление об абсолютном, полном его отсутствии (хотя, может быть, какие-то черствые куски и корки хлеба в доме все-таки есть).

Вообще п о з и ц и я говорящего, его о ц е н к а сообщаемых фактов чрезвычайно существенны при порождении гиперболических высказываний. Преувеличенная оценка — наличия или отсутствия чего-либо, различных свойств, действий и т. п. — является одной из самых распространенных в РР.

Соотнесение высказывания с ситуацией и оценка ситуации говорящим — два решающих фактора в порождении гиперболический высказываний. Как мы увидим ниже, отсутствие контраста между действительной ситуацией и смыслом высказывания или же отсутствие преувеличивающей оценки говорящим сообщаемых фактов делают невозможным употребление языковых средств для создания именно гиперболического (а не какого-либо другого) эффекта.

2.2. Разговорная гипербола сродни художественной[1]: и та, и другая строятся на сравнении, на создании определенного образа. Однако в разговорной речи гиперболизирующие высказывания основаны как правило на использовании готовых, имеющихся в языке средств или моделей, тогда как автор художественного произведения стремится к неповторимости создаваемой им гиперболы. Ср.: *Сто раз тебе повторять надо! — В сто сорок солнц закат пылал. . .* (В. В. Маяковский); *Петя храпит, как трактор. — Во сне дворник сделался тяжелым, как комод* (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев).

Это принципиальное различие не исключает, однако, случаев, когда, с одной стороны, в художественном тексте используются расхожие гиперболизирующие выражения: Мело, мело *по всей земле, Во все* пределы. . . (Б. Пастернак) и, с другой, в разговорной ситуации говорящий употребляет нестандартную гиперболу, неосознанно или намеренно претендуя на определенную «художественность»: многие сравнительные гиперболизирующие обороты, сделавшиеся сейчас штампами, родились именно из стремления говорящих выразиться нетрафаретно (ср.: *глухой, как пень*; *жарко, как в бане*).

2.3. Необходимо различать п р е у в е л и ч е н и е и у с и л е н и е. При усилении говорящий лишь эмоционально оценивает сообщаемый факт, а при преувеличении, гиперболе он дает этому факту некоторую «количественную меру»: либо сравнивает его с другим фактом — и тогда возникает образная характеристика первого, либо указывает явно преувеличенные, неправдоподобные размеры предмета, ср.: *Такой был ветер, просто ужас!* — эмоциональное усиление; *Такой был ветер, просто с ног валил!* — гипербола (на самом деле, в буквальном смысле, — не валил);

[1] Как известно, наряду с гиперболой в поэтике принято выделять литоту (или, в другой терминологии, мейозис) — преуменьшение. В данной статье это явление рассматривается как частный случай гиперболы: преуменьшение предмета — это не что иное, как преувеличенное представление малых размеров предмета (*мужичок с ноготок, буквы с маковое зерно* и под.).

До того он стал худой, прямо страсть — усиление; *До того он стал худой, прямо скелет* (или: *прямо прозрачный*) — гипербола; *У них клубника невероятно крупная* — усиление; *У них клубника — с кулак* — гипербола.

2.4. Причины гиперболизации лежат в области психологии речи, и здесь мы можем указать лишь самые общие и очевидные из них.

Во многих случаях говорящему выгодно представить ситуацию как обладающую некоторым признаком P в максимальной степени — для того, например, чтобы подчеркнуть некоторые собственные свойства или свойства других людей: *Я в этом ни аза не смыслю* (например, в ситуации, когда говорящий хочет устраниться от какого-либо дела и этим высказыванием подчеркивает свою полную в нем неосведомленность); *Да он до трех сосчитать не может* (например, в ситуации, когда говорящий хочет выразить скептическое отношение к избранию X казначеем месткома); *У него не волосы, а проволока: ножницы не берут*, и т. п.

Стремление создать у окружающих преувеличенное представление о собственных слабостях или, напротив, достоинствах (это, очевидно, зависит как от характера человека, так и от ситуации), о свойствах собеседника, третьих лиц, предметов, событий и т. п. вообще в природе человека, и даже не человека как такового, а говорящего. Рассказчик и в особенности участник диалога постоянно усиливает и «расцвечивает» свою речь с помощью разнообразных приемов: употребляя эмоциональные слова, метафоры, прибегая к сравнениям, жестикулируя и т. п. Средства гиперболизации играют в этом далеко не последнюю роль.

Такие речевые акты, как клятва, обещание, осуждение, угроза, просьба, заверение и др., бывают часто связаны с гиперболизацией, что вполне понятно: говорящий стремится к тому, чтобы слушающий поверил, скажем, заверениям или обещаниям и чтобы у него при этом не осталось и тени сомнения в их искренности. Ср.: *до смерти не забуду; чтоб мне провалиться на этом месте (если это не так); я мигом сбегаю; в лепешку расшибусь, а достану; — Да за это ему голову оторвать мало!* и т. п.

Гипербола, таким образом, направлена на максимальное увеличение иллокутивной силы речевого акта, и одновременно она способствует выполнению некоторых условий, лежащих в основе каждого речевого акта, в частности условия искренности: ср. выражения типа *Чтоб мне провалиться на этом месте!* в речевом акте заверения или *Я никогда тебе этого не забуду* — в речевом акте угрозы и т. п. С другой стороны, гиперболические высказывания нарушают так называемый постулат истинности, обычно рассматриваемый также как необходимое условие успешности речевой деятельности (ср.: «Старайся, чтобы твое высказывание было истинным» — Грайс 1985, 222). Такое нарушение, однако, не препятствует общению, но накладывает на слушающего дополнитель-

ную «декодирующую» функцию: очевидная ложность прямого смысла высказываний заставляет слушающего искать в них скрытый смысл и интерпретировать их как содержащие о ц е н к у говорящим некоторого действия, состояния или свойства [2].

3. УСЛОВИЯ ГИПЕРБОЛИЗАЦИИ

3.1. Главным условием являются и н т е н ц и и говорящего: если он намеревается обещать что-либо, побудить кого-либо к действию, просить, убеждать в чем-либо и т. д., то для успешного осуществления каждого из подобных речевых актов говорящий может использовать средства гиперболизации. Например: *Ну напиши ему, очень тебя прошу, век тебе буду благодарна* (просьба); *Чтоб мне лопнуть, если я вру!* (уверение); *Да я тебе этих камешков тонну привезу* (обещание) и т. п.

3.2. Другим условием гиперболизации некоторого свойства P (или предмета) является объективное наличие (хотя бы минимальное) этого P. Если в ситуации, когда P не имеет места, говорящий делает высказывание, содержащее какое-либо из средств гиперболизации, то такое высказывание должно быть признано ложным, а не гиперболическим. Иначе говоря, преувеличиваться не может нуль — нужна некоторая исходная величина.

Так, высказывания типа: а) *Марина вечно опаздывает*; б) *Петя храпит, как трактор*; в) *Там очередина — тыща человек!* могут рассматриваться как гиперболические (и в действительности являются такими) лишь при условии, что (а) Марина в самом деле опаздывает (может быть редко, но говорящему кажется, что часто), что (б) Петя хотя бы в малой степени отличается указанным свойством, что (в) имеет место очередь, величина которой может оцениваться разными людьми по-разному (говорящий оценивает ее как очень длинную).

3.3. С другой стороны, высказывание может содержать средства гиперболизации, но при этом описывать действительную ситуацию с максимальным проявлением данного свойства. В этом случае мы также не можем квалифицировать высказывание как гиперболическое. Например, в высказывании: *Коля никогда не был на Памире* — наречие *никогда* употреблено для точного обозначения одного из свойств Коли, а именно того, что он никогда не был на Памире (в отличие от ситуаций: часто бывал, редко бывал, каждое лето бывает и т. д.).

В высказываниях же типа: *Мы никогда не забудем этой поездки* или: *Она никогда не приходит во-время* — налицо преувеличение.

---

[2] Подробнее об условиях успешности («максимах») речевого акта см. в работах Дж. Сирля, Г. Грайса, а также в Падучева 1982.

Ср. также: *Я ничего не слышал об этой истории* (отсутствие гиперболы). — *Он ничего не читает* (гипербола); *Вот уже три месяца, как он болеет и никуда не выходит. — Мы с мужем давно уж никуда не ходим* (гипербола).

Обратим внимание на то, что слушающий часто и не воспринимает подобные высказывания как гиперболические: вследствие того, что у собеседников обычно имеется общее представление о том, какая часть действительности имеется в виду, слова типа *никуда* (не ходим), *ничего* (не читает) относятся к этой части и не понимаются буквально: не читает ничего интересного, не ходим в места культурного отдыха — кино, театр и т. п.

4. СРЕДСТВА ГИПЕРБОЛИЗАЦИИ

4.1. В качестве замечания, предваряющего перечень средств гиперболизации, необходимо сказать, что как правило гиперболические высказывания концентрируются в области оценок человека и человеческой деятельности: свойств и состояний говорящего, слушающего и третьих лиц, различных характеристик работы (например, по объему, интенсивности, времени), перемещений, взаимоотношений и взаимодействий людей друг с другом и т. д. Словом, м и р ч е л о в е к а оказывается основным объектом гиперболизации.

При этом гипербола возможна благодаря тому, что в языковом сознании говорящих имеется представление о некоей н о р м е тех или иных свойств, состояний, действий и т. п. Если, по мнению говорящего, данное событие или состояние значительно отличается от нормального, он может прибегнуть к гиперболе.

Среди смыслов, или идей, выражаемых гиперболически, наиболее типичны такие: ‘наличие в избытке’: *завались*, *залейся*, *выше головы*, *через край*, *навалом*, *уйма*, *пропасть*, *бездна*, *куча*, *вагон*, *гора*, *сплошь*, *один*, *одни* (*одни идиоты*) и т. п.; ‘полное отсутствие’: *шаром покати*, *совсем пусто*, *ни крошки*, *ни души*, *ни капли* и т. п.; ‘очень долго’: *сто лет* (*не виделись*), *полдня* (*в очереди простоял*), *целую вечность* (*тебя не видел*), *будем стоять до скончания века* и т. п.); ‘величина расстояний или размеров’: *клубника — с кулак*, *голова — с котел*, *там школа — за тыщу километров* и т. п.; ‘повторяемость событий’: *сто раз тебе говорили; вечно ты опаздываешь; постоянно болеет* и т. п.; ‘чувства, например, усталость’: *руки отваливаются*, (*мы после этой работы*) *два дня в лежку лежали*, *прямо спит* (*от усталости*) и т. п.; ‘удивление’: *глаза на лоб полезли*, *рот разинул*, *чуть со стула не свалился* (от удивления) и т. п.; ‘плохое состояние здоровья’: *кожа да кости*, *как скелет*, *за стены держится* и т. п.; ‘сильное опьянение’: *приполз на бровях*, *не мог сказать «мама»* и т. п.

Как видим, для выражения этих смыслов в русском языке имеются готовые гиперболизирующие средства — в основном фра-

зеологически связанные обороты или же конструктивно обусловленные значения слов (ср. *вагон*, *куча*, *гора*, *вечно*, *вечность* и др.).

Помимо этого, гипербола может создаваться и в контексте высказывания — путем смыслового сдвига слов и выражений: от значения единичности к значению регулярности или постоянности действия, от конкретности к обобщенности и т. д.

Как готовые, так и в особенности контекстно обусловленные средства гиперболизации настолько разнообразны и многочисленны, что в данной статье делается попытка лишь обозреть их виды, с краткими комментариями каждого вида; в некоторых случаях будут предложены толкования наиболее интересных (и лингвистически мало изученных) языковых средств, используемых для целей гиперболизации.

4.2. Морфологические средства. Среди морфологических средств традиционно выделяются:

а) формы множественного числа, образованные от существительных вещественного значения: *чаи́*, *моло́ки* и под.: *Некогда чаи* (*молоки*) *распивать* — имеется в виду ситуация с обычным питьем чая или молока, а не, скажем, разных сортов чая и молока (как можно было бы заключить из буквального понимания форм множественного числа этих существительных); употреблением мн. числа говорящий усиливает, преувеличивает идею отсутствия времени для всяких посторонних — типа чаепития — действий;

б) формы множественного числа, образованные от существительных, которые обозначают исчисляемые предметы, употребляемые в ситуации, когда имеется только один предмет: Ты что это *клумбы* топчешь?; обычно в ситуации осуждения, самооправдания и т. п.;

Я тут *со статьями* своими вожусь (об одной статье), а она (собака) с голодухи там воет; ср. также примеры из статьи Д. И. Арбатского: шататься *по магазинам* (*по выставкам*), ездит *по Парижам* (*по заграницам*) и т. п. (Арбатский 1972);

в) *пол-* в комбинации с существительными: *У нас полотдела гриппует*; Я этим ножом твоим *полпальца* себе отхватил; Вчера за босоножками *полдня* в очереди простояла (на самом деле — меньше) и т. п.

4.3. Лексические средства. Из самой идеи гиперболы, преувеличения следует, что чаще других целям гиперболизации служат слова, обозначающие меру, количество, разного рода «шкальные», подвергающиеся количественному измерению свойства, модальные слова, кванторы и некоторые другие разряды лексики.

4.3.1. Кванторные слова: *все*, *каждый*, *любой*, *всякий*, *никто*, *ничто*, *совсем*, *совершенно* и др. Например: *Все говорят, что он женился; Ребенок оборался, а всем на это наплевать! Все мне советы*

дают, прямо заучили совсем! [3]*; Каждому известно, что в магазине эту книгу не достать; И почему это всякий считает своим долгом делать мне замечания!* — в ситуации, когда кто-то один — из членов семьи, из сотрудников, и т. п. — делает X замечание или дает ему совет; X отрицательно относится к самой возможности выслушивать чьи-либо советы и поучения и представляет единичный речевой акт как некий нежелательный для него порядок, узус.

(Студентка, входя в аудиторию:) *А чёй-то? Никого нет.* В аудитории сидят два-три человека (то есть кто-то есть), но говорящий ожидал, что людей должно быть гораздо больше; *Картошка совсем сырая, суп совершенно несоленый* (о н е д оваренной картошке и н е д осоленом супе; для того чтобы усилить осуждение, говорящий использует преувеличивающие слова *совсем* и *совершенно*).

4.3.2. Усилительно-модальные частицы наречного характера: *просто, прямо, буквально, просто-таки, прямо-таки, форменным образом.* Например: *Ты меня просто* [4] *зарезал!* (в ситуации неожиданного и неприятного для говорящего сообщения); *Ну и загорел! Прямо негритос какой-то; Она прямо-таки в душу ко мне лезла со своим сочувствием; Соседи форменным образом выживают его из квартиры* (скорее всего, как раз не «форменным»: незаконно, подло и т. п.); *После пожара он буквально голый остался; Да это и стоит-то буквально копейки* (о стоимости экскурсии — в действительности несколько рублей).

Одна из особенностей употребления частиц этой группы состоит в том, что смысл сочетания, содержащего такую частицу, как бы противоречит буквальному значению этих наречий: *просто зарезал* — это совсем не зарезал$_1$ [5], а к а к б ы зарезал$_1$, *прямо негритос* — это п о х о ж и й на негритоса, к а к негритос, *буквально копейки стоит* — говорящий считает, что очень дешево [6].

---

[3] Как это вполне очевидно, слово *все* говорящий может относить к разным по объему множествам: например, вообще к человечеству (*Все хотят мира*), к взрослому населению страны (*Все сегодня идут голосовать*), к друзьям или к членам семьи (*А у нас уже все встали!*) и т. п. Гиперболическим является такое употребление этого квантора, при котором действие или свойство, характеризующее некоторые элементы данного множества, говорящий обобщает и приписывает — вопреки действительному положению вещей — всем элементам множества.

[4] Обратим внимание на то, что частица *просто* (так же, как и многие другие из перечисленных здесь частиц) неоднозначна. Наряду с рассматриваемым усилительным значением у нее имеется еще одно, близкое к значению 'только': *просто P*='P, и ничего больше' (*Он просто дурак*; *Ты что здесь делаешь? — Ничего. Просто сижу*). Об этом значении *просто* см., в частности, в статье А. Вежбицкой (Вежбицка 1982, 252—253).

[5] Ср. разграничение прямых и переносных значений этого глагола и коннотативное соотнесение вторых с первыми в Крысин 1976.

[6] На «небуквальный» смысл частицы *буквально* в подобных сочетаниях впервые обратил мое внимание И. М. Богуславский. О значении и употреблении этого слова см. также в Шмелева 1986.

Из синтаксических особенностей слов этой группы отметим такие:

1) они не могут составлять переспрос, поскольку с точки зрения актуального членения предложения переспрос — это рема высказывания, а усилительно-модальные частицы типа *просто*, *прямо*, *буквально* не могут находиться в реме. Нельзя переспросить: *Ты меня просто убил (зарезал)! — *Просто? Я остался буквально без копейки! — *Буквально?* [7] *Ты прямо денди в этом костюме! — *Прямо?* [8];

2) перед ними не может ставиться отрицание [9]: * *Я остался не буквально без копейки! *Ты не прямо денди в этом костюме!*

3) к ним не могут присоединяться (в качестве синтаксических зависимых) наречия со значением степени признака или действия и усилительные частицы: **Экскурсия стоит очень буквально копейки*; **Ты меня даже просто убил!*

Ср. возможность таких контекстов для других значений слов *буквально* и *просто*: *Вы слишком (очень) буквально толкуете это правило; Даже просто стоять и смотреть на происходящее было невыносимо.*

Неспособность рассматриваемых слов сочетаться с отрицанием и со словами усилительной семантики объясняется тем, что обычно смыслы таких единиц взаимодействуют с ассертивной (утвердительной) частью лексического значения; значение же усилительно-модальных частиц типа *буквально* не содержит ассертивной части.

4.3.3. Временны́е и пространственные наречия (преимущественно местоименного характера); *всегда*, *никогда*, *всюду*, *везде*, *никуда*, *нигде*, *вечно*, а также *постоянно*, *непрерывно*, *беспрерывно*, *беспрестанно* и др. Примеры: *Он никогда не смотрит телевизор* — описывается некий узус: не любит смотреть; ср. с этим буквальное осмысление наречия *никогда* в высказываниях типа *Он никогда не был во Франции* (см. выше); *Ты не знаешь, почему Маши нет? — А она всегда опаздывает* — описывается некоторое свойство Маши, обычное для нее поведение.

В подобных высказываниях наречия не содержат оценки говорящим действий и свойств объектов речи. В случае же употребления наречия *вечно* такая оценка присутствует: *Вечно Маша опа-*

---

[7] Ср. возможность такой синтаксической позиции у *буквально* — наречия образа действия: *Этот текст надо толковать буквально. — Буквально?*

[8] На первый взгляд кажется, что и в обыкновенном вопросе использование этих слов невозможно. Однако это не так. Хотя типичным для них является контекст утвердительных и восклицательных предложений, вполне возможны и вопросительные конструкции, содержащие какую-либо из рассматриваемых частиц. Ср.: *Ты, говорят, просто убил ее этим известием?*; *Неужели не надоело вам буквально сутками сидеть перед этим ящиком* (=телевизором)*?*; *Правда, она прямо леди в этом наряде?*

[9] В возможных высказываниях типа *Ты меня не просто подвел, а без ножа зарезал*; *Он ее не просто убил, а еще и ограбил — просто* употреблено в другом значении ('Р, и ничего больше').

здывает — означает примерно следующее: 'Маше свойственно опаздывать, и говорящий оценивает такое ее поведение отрицательно'.

В более общем виде *вечно* может быть истолковано следующим образом: *вечно X P*='имеет место P — действие или свойство X; говорящий считает, что P имеет место очень часто, и осуждает X за P'. В высказывании *вечно* всегда под логическим ударением. Если это условие не соблюдается, то выражение с *вечно* является цитатой (в смысле А. Вежбицкой); ср.: *Вечно ты со своими советами лезешь! — Я вечно лезу?!*

Невозможен переспрос, состоящий из одного *вечно: Вечно вы пичкаете мальчика конфетами? *— Вечно?* Ср. вполне возможное: *Она всегда* (*никогда не*) *опаздывает. — Всегда?* (*Никогда?*).

Невозможно употребление *вечно* с отрицанием (по тем же причинам, что и употребление усилительно-модальных частиц, — см. выше): **Не вечно она опаздывает.* В высказываниях инфинитивного типа: *Не вечно же тебе в девках* (*в младших научных сотрудниках*) *сидеть*; *Не вечно же ему подчиняться!* — реализуется другое (буквальное) значение наречия *вечно* = 'всегда'.

Как видим, разговорное *вечно* по значению отличается от буквально понимаемого *вечно* (ср.: *Хранить вечно*); это разговорное, «сдвинутое» значение фиксируется в толковых словарях.

Но подобный семантический сдвиг в значении (с добавлением оценки) в разговорной речи претерпевают и некоторые другие временные наречия: *постоянно*, *беспрерывно*, *непрерывно*, *беспрестанно*, оборот *все время* (ср. также просторечно-жаргонные *всю дорогу* в значении 'постоянно'). В словарях такой сдвиг в значениях этих наречий не зафиксирован. Ср. следующие примеры: *Она постоянно болеет*='она болеет, и говорящий считает, что это имеет место очень часто'; *Петя непрерывно острит*='Петя острит, и говорящий считает, что это происходит очень часто, и осуждает Петю за это'; *Вы беспрерывно отвлекаете меня своими просьбами!*='Кто-то обращается к говорящему с просьбами; говорящий считает, что это происходит очень часто, и отрицательно оценивает это'; *Он день и ночь не просыхает: все время пьяный* и т. п.

4.3.4. Прилагательные *целый*, *весь*, *сплошной*, *один*.

Целый: целый T P='имеет место действие P, протекающее во времени T; говорящий сообщает слушающему, что время, затраченное на P, по мнению говорящего, слишком велико'. Например: *Целый день простояла в очереди* (в действительности меньше, чем день, но говорящий хочет создать у слушающего впечатление, что простоял в очереди чересчур долго).

Другие употребления этого прилагательного гиперболическими, по-видимому, не являются (хотя оценка ситуации говорящим присутствует и в них). Ср.: *Выпил целый стакан воды; На столе — целая кипа бумаги; У нас целый отдел этой проблемой занимается.*

Весь: весь X P='имеет место действие P, направленное на X; говорящий хочет убедить слушающего, что действию P подвержен X в целом, и отрицательно оценивает P' (в действительности P касается только части X). Ср.: *Вы мне весь костюм испачкали! Сегодня всю ночь не спала; Ребятишки все тротуары мелом исписали!*

Отрицательная оценка действия P отчасти заложена в самом значении глагола (*испачкать*, *исписать*, *не спать*). Однако вне контекста с сочетанием *весь X* она может и не проявляться; ср.: *Я исписал две тетради; Мальчик уже не спит днем.* В высказываниях же в контексте с *весь X* налицо отрицательная оценка говорящим действия P, при этом гиперболическое *весь X* усиливает эту оценку.

В связи с этим обратим внимание на тот факт, что использование прилагательного *весь* как средства гиперболизации зависит от характера речевого акта: гиперболическое значение имеет место обычно в речевых актах осуждения, обвинения, возмущения, жалобы (*Всю ночь не спала!*) и т. п. и гораздо реже — в «констатирующих» высказываниях, то есть в речевых актах, преследующих чисто информационные цели (ср. наблюдения психолингвистов о связи гиперболы с эмоциональной напряженностью речи: см. Леонтьев и Носенко 1973).

Сплошной: сплошной X='говорящий сообщает, что имеет место X, при этом он хочет убедить слушающего, что в описываемой ситуации X не имеет исключений'. Например: *У них там сплошные идиоты, не с кем слова сказать! На улице так скользко, сплошной лед! Не экзамен, а сплошное удовольствие (истязание)! Эту его книгу читать невозможно: сплошные сноски и примечания!*

Если определяемое при слове *сплошной* — существительное со значением лица, то это существительное приобретает оценочный характер (если «изначально», по своему смыслу, таковым не является: ср. слова *идиоты*, *подонки* и т. п.): *У них в группе — сплошные мастера спорта; В зале — сплошные академики и лауреаты* и т. п. При этом соединяться сочинительной связью могут лишь такие существительные, которые обозначают лиц примерно одного «ранга»: *мастера и перворазрядники*, *академики и лауреаты* и т. д. Невозможно: **В зале — сплошные академики и студенты.*

Один: один X='имеет место X — свойство лица или ситуации Y, и говорящий хочет убедить слушающего, что X характеризует Y в максимальной степени'. Ср.: *У нее в голове — одни мальчики; Бедный, он так похудел, один нос остался; Не сено, а одна труха; У меня что-то в последние месяцы на работе — одни неприятности.*

Само по себе это значение *один* (='только, исключительно') не является гиперболическим; ср.: *В классе — одни мальчики; Он стоял за портьерой, и был виден один его нос.* Гипербола появ-

ляется лишь при условии, что говорящий хочет представить данную ситуацию как содержащую X и ничего больше (тогда как в действительности имеют место и другие свойства этой ситуации).

4.4. Фразеологические средства.

4.4.1. Самые ходовые средства гиперболизации — устойчивые выражения типа *не покладая рук*, *падать от усталости*, *на ходу спит* (о вялом человеке), *весь в мыле*, *руки отваливаются* (от усталости), *ходят на головах*, *в упор не вижу*, *лезть на стену* (от боли), *глаза на лоб полезли*, *корову через «ять» пишет* (о малограмотном), *до трех сосчитать не может*, *это и ежу понятно* и под. Они носят пословичный характер, и их преувеличительный, гиперболический смысл давно не ощущается говорящими: все они употребляются переносно, метафорически.

Круг подобных оборотов может пополняться — путем метафоризации и переносно-гиперболического употребления выражений, имеющих специальное значение: *Мы все были в глубоком обмороке от этого их проекта; Я просто в шоке от твоего рассказа!* (переносно-гиперболическое значение оборотов *в глубоком обмороке* и *в шоке*).

4.4.2. Сравнительные обороты с союзом *как*.

У говорящих имеются стереотипные представления о многих объектах и свойствах окружающего мира как об эталонных по какому-либо признаку — например, трусости (*трусливый, как заяц*), неуклюжести (*неуклюжий, как медведь*), нечистоплотности (*грязный, как свинья*) и т. п. Соответствующие выражения также стереотипны и используются как штампы. Многие из этих штампов имеют гиперболическое значение: глагольные — *храпит, как трактор; пыхтит, как паровоз; ржет, как лошадь; ползет, как черепаха* (о поезде, автобусе и т. п.), *работает, как вол* и др.; адъективные — *худой, как скелет; тонкий, как глиста; толстый, как бочка; высокий, как каланча; здоровый, как бык; голодный, как собака* (*как волк*) *и др.*; адвербиальные — *темно, как ночью; светло, как днем; жарко, как в бане*. и нек. др.

Среди подобных сравнительных оборотов встречаются немотивированные: *глухой, как пень; глуп, как пробка*, — однако значение максимальной степени признака, называемого прилагательным, здесь налицо, поэтому такие обороты часто употребляются с целью гиперболизации.

4.4.3. Фразеологическое выражение структуры V + C (*от*) + + $S_{род}$ — со значением эмоциональной и физической реакции: *остолбенел от ужаса; валялись от хохота; покатился со смеху* и под.; с препозицией оборота *чуть не: чуть не умерли со* (*от*) *страха; чуть не задохнулся от возмущения; чуть не лопнул от злости* и т. п.

4.5. Синтаксические средства.

А. Выражение гиперболы именными конструкциями.

4.5.1. Количественные группы: Num + $S_{род}$ — типа *три часа*, *сто раз*, или $S_{колич}$ + $S_{род}$ — типа *тыща человек*, *миллион бумаг*, *куча денег*.

В качестве числительных (и количественных существительных), участвующих в подобных оборотах, которые передают идею преувеличения, гиперболизации, — используются не любые названия чисел, а названия чисел «круглых»: *десять*, *пятьдесят*, *сто*, *сотня*, *тысяча*, *миллион*. Ср.: *Я сегодня, наверно, сто звонков выдала — в министерство, на завод, в местком...; Пятьдесят раз говорил тебе, а ты все не слушаешь!*

Помимо количественных существительных «нумеративного» характера (типа *тысяча*, *миллион*, *сотня*), в подобных группах выступают и слова, обозначающие неопределенно большое количество чего-либо: *уйма*, *бездна*, *прорва*, *гора*, *куча* и т. п. Ср.: *У нас еще уйма времени* (в ситуации, когда говорящий и его собеседник, вопреки их ожиданиям, не опоздали на поезд: они уже в вагоне, и до отправления поезда — пять минут); *Чтобы туда поехать, надо гору бумаг всяких собрать: характеристики, справки, анкеты...; Получила кучу денег — шестьдесят пять рублей* (дочь отцу — о первой зарплате); *Да они готовы бочку вылакать!* (о неумеренном питье спиртного). В подобных высказываниях налицо отрицательная или положительная оценка ситуации говорящим.

4.5.2. Близки по смыслу к такому употреблению количественных групп конструкции с дистантным расположением членов количественной группы; правда, в качестве синтаксического хозяина группы здесь выступают другие лексемы: *вагон*, *мешок*, *тонна*, *пуд* и нек. др. Например: *Да я тебе этих солдатиков мешок принесу! Он одних джинсов наверно вагон привез — пар двадцать, не меньше; Мы этих груш вчера целый пуд съели!*

4.5.3. Конструкция с творительным количественным, который выражается теми же лексическими средствами, что и в п. 4.5.2: *К нему фрукты вагонами везут; Совсем свихнулась: лекарства глушит флаконами! Я ему бумагу тоннами таскаю; Он ей розы охапками носил.*

4.5.4. Конструкция с винительным и дательным сравнения: *У них клубника — с кулак; Орехи — по кулаку* (ср.: А вот тут стояло дерево — азовские *орехи по кулаку* на нем росли — Б. Можаев).

В качестве существительного, обозначающего то, с чем сравнивается данный предмет, обычно фигурирует такое, которое называет предмет, хорошо известный слушающему и воспринимаемый как бытовой «эталон» величины: *кулак*, *голова*, *блюдце* (*У нее глаза — с блюдце*) и под. Иногда в эту конструкцию добавляется «прокладка»: *величиной* (*величиной с голову*, *величиной по кулаку*), однако такие обороты менее разговорны.

4.5.5. Конструкция ДО + $S_{род}$, обозначающая: а) размеры предмета: *коса до пят*, *нос до подбородка*, *борода до пояса*; б) полную исчерпанность вещества или предмета; в качестве S здесь выступает название «кванта» вещества или предмета: *до капли* (*выпили*), *все до крошки* (*съел*), *все до крупинки* (*собрали*) и т. п.

4.5.6. Коснтрукция ПО + $S_{дат}$; S — обозначение «кванта» предмета или вещества: *собирали по капле* (*по крошке*, *по крохам*, *по зернышку*, *по крупице*). Часто в сочетании с усилительными *буквально*, *просто*, *прямо*: *Мы эту технику буквально по винтику собирали отовсюду*, *кто что даст; Этот фонд накапливался страшно медленно*, *прямо по зернышку*, *по капельке!*

4.5.7. Конструкция НИ + $S_{род}$: *ни крошки*, *ни души*, *ни капли*, *ни шагу*, *ни пылинки*, *ни звука*, *ни деревца*, *ни кустика; ни черта*, *ни фига*, *ни шиша*.

В Грамматике-80 об этой конструкции сказано, что существительное в ней обозначает «единичный предмет, который может восприниматься зрительно или на слух» (Грамматика-80, т. 2, 341).

Однако кажется, что здесь действует ограничение другого рода: единичный предмет, обозначаемый существительным, рассматривается говорящим как самая малая частица того объекта, о котором идет речь: *Хлеба — ни крошки! Денег — ни копейки; Вина — ни капли* — и тем самым не только подчеркивается полное отсутствие этого объекта, но и делается более общее утверждение относительно некоторого свойства: *ни пылинки*='абсолютная чистота', *ни облачка*='абсолютно чистое, солнечное небо', *ни шагу назад*='полная невозможность отступать' и т. д.

Устойчивые выражения *ни черта* (*фига*, *шиша*), наряду с обозначением полного отсутствия чего-либо, могут употребляться и в преувеличительном смысле: малое количество чего-либо выдается говорящим за полное отсутствие, обычно в ситуациях, когда мало — вопреки ожиданиям.

Например, высказывания типа *X ни черта не смыслит в Y* — делаются в ситуациях, когда говорящий имеет в виду X, как-то причастного к Y (*Начальник цеха ни черта не смыслит в своем деле*). Пресуппозиция говорящего: X д о л ж е н смыслить — по его профессии, служебному положению и т. п.

4.5.8. Конструкция $S_{им}$ *за* $S'_{твор}$ (лексически S=S') — типа *комиссия за комиссией*, *гости за гостями*, *командировка за командировкой: И вот пошла комиссия за комиссией*, *проверка за проверкой*, *всех измотали*, *издергали*, *просто житья нет* — в ситуации, когда было две-три комиссии, говорящий, отрицательно воспринимающий этот факт, хочет создать у слушателя преувеличенное представление о количестве комиссий и частоте проверок [10].

---

[10] Безотносительно к разговорной речи и к идее гиперболизации эта и описываемые ниже (4.5.9 и 4.5.10) конструкции отмечены в Грамматике—80, т. 2.

Б. Выражение гиперболы глагольными конструкциями.

4.5.9. Конструкция $S_{род} — V_{повелит. ед.}$: *Фруктов — завались! Вина — залейся!; Грибов — косой коси!; Земляники — горстями греби!;*

С добавлением *только*: *Работы — только поворачивайся!; Дел — только успевай вертеться!*

4.5.10. Конструкция $S_{род} + не + V_{инф. сов}/V_{2\text{-е л. сов, наст., ед.}}$: *Людей — не сосчитать (не сосчитаешь)!; Подарков — не унести (не унесешь)!; Народу — не протолкнуться (не протолкнешься)!*

Вариантом этой конструкции является конструкция с $S_{вы}$ вместо $S_{род}$; в этом случае существительное обозначает свойство, состояние и т. п.: *Ну и духотища — не продохнуть (не повернешься).*

В позиции S может быть также целое предложение: *Захламили комнату — не войти (не войдешь)!*

Во всех этих случаях имеется в виду трудность исполнения действия, выражаемого глаголом (трудно сосчитать, трудно унести, трудно протолкнуться и т. д.), но не его полная невозможность, как можно заключить из буквального смысла сочетания *не* с глаголом.

4.6. Интонационное подчеркивание гиперболы. На слово или конструкцию, употребляющиеся в гиперболической функции, как правило, приходится особая подчеркивающая, выделяющая интонация: *Вéчно ты опаздываешь!; Она никомý не верит; Вина — залéйся!*

4.7. Гипербола и жест. В качестве средства, усиливающего гиперболу, часто используется жест: *Работы — во!* Жест: говорящий ладонью проводит на уровне своего горла (='по горло') или над головой (='выше головы'); *У него голова, как котел* (оберучный жест, преувеличенно показывающий размеры головы).

Гиперболический жест может и замещать словесные средства, при этом в высказывании сохраняются лишь дейктические элементы, соотносительные с жестом: *Выходят двое — вот такого роста* (говорящий показывает), *с такими вот плечищами* (показывает); *Она на меня вот такими глазами* (говорящий показывает: обе ладони, каждая согнута в полукольцо, на уровне глаз) *таращится, ничего понять не может.*

Иногда и этих дейктических элементов не бывает, и на высказывание или вопрос собеседника говорящий может ответить одним гиперболическим жестом (в ситуациях обозначения размеров предмета): А. *Ну, и крупная попадалась* (о рыбе)? Б. разводит руки на максимально возможную ширину (явно преувеличивая размеры пойманной рыбы).

5. Рассмотренный материал, как это очевидно, нуждается в более глубоком и детальном изучении, в частности, с точки зре-

ния условий появления гиперболы в речи. Однако даже беглый обзор разнообразных языковых средств, используемых в целях гиперболизации, позволяет сделать вывод о широкой распространенности гиперболических высказываний в ситуациях непринужденного устного общения. Вместе с другими приемами экспрессивного подчеркивания, выделения определенных фрагментов сообщаемого гипербола составляет специфику РР, отличающую ее от различных жанров кодифицированного литературного языка [11].

ЛИТЕРАТУРА

Арбатский Д. И. Множественное число гиперболическое // Рус. яз. в школе, 1972, № 5.

Вежбицка А. Дескрипция или цитация? // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1982. Вып. 13.

Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. 2-е изд. М.: Высшая школа, 1972.

Гловинская М. Я., Земская Е. А., Капанадзе Л. А., Красильникова Е. В., Розанова Н. Н. Русская разговорная речь: Фонетика; Морфология; Лексика; Жест. М.: Наука, 1983.

Грайс Г. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. XVI.

Девкин В. Д. Немецкая разговорная лексика. М.: Высшая школа, 1973.

Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: Русский язык, 1979.

Красильникова Е. В. Некоторые проблемы изучения морфологии русской разговорной речи // Проблемы структурной лингвистики. 1981. М.: Наука, 1983.

Крысин Л. П. Опыт лексикографического описания группы однокоренных глаголов (*резать* и его производные). М.: Ин-т русского языка АН СССР. Предварительные публикации, 1976. Вып. 85—86.

Лаптева О. А. Русский разговорный синтаксис. М.: Наука, 1976.

Леонтьев А. А., Носенко Э. Л. Некоторые психолингвистические характеристики спонтанной речи в состоянии эмоционального напряжения // Общая и прикладная психолингвистика. М.: Наука, 1973.

Падучева Е. В. Актуализация предложения в составе речевого акта // Формальное представление лингвистической информации. Новосибирск: ВЦ СО АН СССР, 1982.

Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. 1 и 2.

Русский язык и советское общество. М.: Наука, 1968. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка.

Шмелева Т. В. Средства выражения модусного смысла 'преувеличение' // Системный анализ значимых единиц языка: Изд-во КГУ, 1986.

[11] Автор благодарит участников семинара под руководством Ю. Д. Апресяна (ВНИИ «Информэлектро») и семинара под руководством Е. М. Вольф (Институт языкознания АН СССР) за деятельное обсуждение доклада, прочитанного автором на занятиях этих семинаров. Текст доклада, с учетом высказанных замечаний, был положен в основу данной статьи.

Е. В. КРАСИЛЬНИКОВА

ИНФИНИТИВ — ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ
(к соотношению их функций в подсистеме русской разговорной речи)

Сопоставление функций инфинитива и имени существительного в русской разговорной речи может вестись в двух направлениях: 1) в связи с анализом того, какая тенденция — к глагольности или к номинативности преобладает в синтаксисе РР и находят ли отражение особенности синтаксиса в морфологическом противопоставлении глагол — имя (см. раздел «Морфология» в РРР 1973); 2) в связи с определением характера отношения именительного падежа и инфинитива к другим членам соответствующих парадигм — имени существительного и глагола (если обе формы являются немаркированными, должно обнаружиться принципиальное сходство в наборе и содержании позиций, в которых они выступают). Книжная подсистема (точнее говоря, данные о конкуренции инфинитива и отглагольных существительных, о синтаксисе инфинитива в книжной речи, содержащиеся в основных исследованиях, указанных в библиографии) служит активным фоном анализа, но сравнение с ней РР не является задачей этой статьи. Из двух аспектов проблемы основное внимание уделяется второму; из двух членов отношения на первом плане в этой статье находится инфинитив (употребление отглагольных имен требует специального описания). Источником сведений об употреблении именительного падежа служат публикации на эту тему (О. А. Лаптевой, Е. А. Земской, О. Кафковой, Е. В. Красильниковой); кроме того, используются выводы о парадигматических и синтагматических условиях выбора именительного падежа в РР, сделанные в работе, завершенной мною в 1984 г.

При анализе функционирования инфинитива в разговорной речи должны быть учтены основные особенности синтаксической системы РР.

1. Соединение двух (или более) пропозиций в высказывании происходит в РР по иным правилам, чем в книжной подсистеме. В полипредикативном высказывании РР распространены бессоюзные связи, соединение без антецедентов. При тождестве субъекта в предикате могут стоять «двойные глаголы» (две морфологически подобные формы, ни одна из которых не указывает на отношение подчинения другой). Все следствия, которые проистекают из этого для конструкций с личными формами: усиление неопределенности синтаксических связей и семантической диффузности отношений, самая множественность семантических интерпретаций, повышение зависимости истолкования конструкций от лексического наполнения и конситуативных условий и др., имеют место

и при инфинитивном выражении пропозиции, но степени свободы и степени неопределенности здесь возрастают из-за того, что инфинитив лишен показателей синтагматической связи (он может только примыкать) и является наиболее бедной по своему парадигматическому содержанию глагольной формой. «Инфинитив — немаркированный член по отношению к предикативным и непредикативным глагольным формам. В аффиксах инфинитива нет указания, что эта форма используется предикативно, нет указания и на ее непредикативность» (Панов 1966, 85). На этой основе происходит расширение позиций употребления инфинитива в РР.

1.1. Двойные глаголы [1]: Как же так можно *жить всё терять* // (жить, всё теряя); Да нет / ну вспомнить что же / самый смысл там *постоять получить удовольствие* // (постоять и получить удовольствие); Н. выбирая себе место в аудитории, говорит знакомым: (Пойду повыше) / А тут с вами *садиться наверняка простудиться* // (если тут сядешь, наверняка простудишься).

1.2. Полипропозитивные конструкции с разными субъектами: Вы не возражаете *открыть*?; Здесь немножко не уберете / *проехать*? (чтобы мне можно было проехать); Конечно это на зиму // Очень оригинально / оденешь в ясли *ходить* // (оденешь ребенку).

1.3. Полипропозитивные конструкции с одним субъектом: Я вам звонила *поздравлять* //; Если кто-нибудь из вас захочет / то я могу на себя взять *устроить* вам пансионат там во Франции и всё такое // (РРР. Тексты); Я уже одевался *уходить* //; Он ненавидит *мыть посуду* //; Он не выдержит *так сидеть* //; Задачи тоже надо потренироваться *все-таки решать* //.

Легко увидеть, что в РР инфинитив появляется при более широком круге глаголов. Правда, очевидны линии семантической аналогии с лексемами общелитературного ряда. Аналогичные явления наблюдаются в сочетаемости имен существительных: Условий *помыться* не было никаких // (ср. возможностей помыться); Значит Вы не компания *поесть*?; Сторонники *хохотать* нашлись? (РРР. Тексты).

В РР инфинитив появляется регулярно в косвенной речи: Саша / оденься // Я же тебе сказала по-моему *одеться* //; Звонила Яна // — Что сказала? — *Позвонить* //; Если скажет *приезжать* / что тогда делать?; Ну вот с часу до пяти // Марченко какой-то // (врач — будет принимать) Сказали *приходить* / там запишут // (РРР. Тексты); Но вы говорите *капнуть*, разве можно капнуть, это сразу сожжет материал (Саратов). Эти факты подтверждают предположение О. П. Ермаковой о том, что в случаях типа: Да-

[1] В качестве иллюстраций в статье используются, кроме записей автора, записи, сделанные в Саратовском и Таганрогском университетах (см. приложение к докторской диссертации Г. Г. Инфантовой), а также материалы из хрестоматии «Русская разговорная речь. Тексты» (М., 1979). При примерах соответственно даются пометы: Саратов, Таганрог, РРР. Тексты.

вайте спать, ребята! — Подожди, тут какой интересный разговор, а ты — спать следует видеть пропущенный глагол речи: ты говоришь (Ермакова 1963, 421). Поскольку в прямой речи, переводимой в косвенную, выражается побуждение или присутствуют модальные значения (надо, следует), можно предположить влияние на выбор инфинитива глаголов типа *велеть*, *просить*. Но тождественны ли синтаксические связи: *просил позвонить* и *сказал позвонить?* Нельзя не заметить близость инфинитива косвенной речи с инфинитивом переспроса (см. ниже).

Определение конструкции как моно- или полипредикативной (термин предикация в этом употреблении противопоставлен термину пропозиция, (моно)предикативная конструкция может быть полипропозитивной, ср. аналогичное употребление в работах Т. В. Шмелевой и В. М. Хегай, посвященных синтаксису инфинитива) в РР также иногда оказывается сложным. *Не возражаете открыть*, *одевался уходить* — эти конструкции могут быть сближены с: а) *Позволите открыть*, *собирался уходить*; б) при опоре на другие семы: *Он одевался к обеду* (*чтобы уйти*). Модусные семы находит В. Г. Гак в употреблениях: *Она измучилась ждать. Он охрип кричать* (не может больше) (Типология конструкций. . . 1985, 20). В РГ 1980 ряду конструкций с инфинитивом приписывается «общее, недифференцированное отношение связанности одного явления, действия, состояния с другим, вызванности одного другим, в отдельных случаях с элементом значения обусловленности». Приводимые авторами примеры из разговорной речи: *Сердце радуется глядеть на них; Терпение лопнет ждать; Голова распухнет все это считать; Рука отнимается писать* — действительно могут быть истолкованы как включающие инфинитив в роли каузатора: *Рука отнимается от писания*, но возможна постановка их и в другой ряд с оценочным значением: *Тяжело писать; Приятно глядеть на них* (ср. еще: *Какое его дело лезть в чужую жизнь*), ведь параллелизм в замещении позиций словом и предикацией — регулярная черта синтаксиса РР. Эти примеры показывают, что вытеснение инфинитивом отглагольного существительного также является фактором увеличения неопределенности.

Инфинитивный сегмент, стоящий в постпозиции к предикации, при тождестве субъектов действия обычно имеет целевое значение и принадлежит к реме: Сегодня наши все поехали в колхоз, на плантации валерианы — *помочь*. Позвонила Ася и мы с нею проболтали (хотя и Саша был дома). Он на кухне отбивные отбивал — *жарить* (из писем, пунктуация автора писем). В препозиции инфинитив выполняет роль темы: А *крошить* можно действительно тот нож взять //.

1.4. Отсутствие в инфинитиве указания на предикативность/непредикативность позволяет ему замещать «собственно субстантивные» позиции:

а) «событийного подлежащего» при глаголах: Мне *сосать* помогает // (о лекарстве — когда сосу, если сосать, сосание); У нас сегодня жара была 26 градусов // Все плохо спали // — Ой-ой-ой // А *открыть* не помогает? (Таганрог); У меня никогда не совпадало *писать* и *выступать*;

б) позиции агенса, объекта (при этом инфинитив указывает на лицо или предмет): Скажите / *плавать* (те, кто занимается плаваньем) там пришли?; Если шерсть купить / то *связать* (того, кто свяжет) можно найти //; А где *сушить*? (те грибы, которые будут сушить); Но там же есть *отпустить* по-моему // (о коротком платье); А вот у нас в запасе нет *поменять*?; У Вас не будет *разменять* 15 копеек?; Завтра они тоже устраивают какое-то *выпить-закусить* //; Щас я притащу *пообедать* //; Лида найди (телевизионную) программу на будущую неделю. . . Я много там отметила *смотреть* //; Тогда Таня нужно ей дать *печатать* //; *Есть-то* тебе готовить? Ср. примеры с местоименным подчеркиванием актантной позиции: Завтра вызывают *этого*. . . *чинить* //; Где у вас *эти*. . . *рассылать*? (РРР 1973, 270).

«Предметные» инфинитивы можно соотнести с сочетаниями типа: *что смотреть*, *чем разменять*, иногда с отглагольными именами: *еда*, *обед*. В случаях подразумевания лиц на месте инфинитива не всегда могут быть использованы имена — узуального типа (*вязальщица*) или идентифицирующего (*чинильщик*). Они неуместны, если речь идет о потенциальных окказиональных исполнителях действия.

Инфинитив в РР может примыкать к имени конкретного предмета, задавая ограничивающий признак: «предназначенность предмета» (см. РРР 1973, 265). В несовершенном виде примыкающий инфинитив обычно указывает на типичное, стандартное, узуальное действие с предметами: *щетка сапоги чистить*, ср. *щетка для чистки сапог*. Типичные контексты употребления подобных сочетаний — экзистенциальный вопрос (есть, нет) или высказывания с модальными словами *надо*, *нужно*, с побуждением. Поясняющее дополнение часто стоит во множественном числе, называя класс предметов: Есть щелкунчики орехи колоть? Тип референции предмета — экзистенциальный — неопределенный.

Если инфинитив имеет форму совершенного вида, возможно иное членение высказывания и другой тип референции имени. Ср.: У тебя есть *полотенце руки вытирать?* и Дай мне вот то *полотенце / руки вытереть* // (дейктически выделен определенный предмет, группа инфинитива, примыкает ко всей предикации). Поэтому примеры с инфинитивом совершенного вида приводят на мысль прежде всего этот тип истолкования структуры высказывания: У тебя есть деньги *ей дать*?; У вас нет портнихи *платье сшить*?; У тебя есть ваза *на шкаф поставить*? (примеры Е. А. Земской). Можно ли здесь видеть именное примыкание и семантику предназначенности? Как кажется, если примыкание возможно,

то семантическое отношение к предмету здесь должно быть более сложным: У вас нет портнихи, которая могла бы (именно) платье сшить?; У тебя есть ваза — такого типа, что ее можно было бы на шкаф поставить?

Нужно признать, что в некоторых случаях может сохраняться неоднозначность синтаксического членения и диффузность семантических отношений, которые могут сниматься в контексте. Возможны двойственные истолкования синтаксических связей инфинитива в высказывании: Вы у нас *распечатывать* не брали ключ? (для распечатывания бутылок — не брали ключ; не брали ключ для распечатывания бутылок). На фоне именной группы с неопределенным местоимением: А нет *чего-нибудь пожевать?* или с существительным: А нет *корочки пожевать*? — инфинитивные обозначения предметов могут оцениваться как эллиптированные. Вторая возможность, представляемая именно системными отношениями в РР, введение правила повышения синтаксического ранга для разного рода определителей имен, которые здесь регулярно выступают в позициях определяемых (имен). Не для всех случаев, однако, можно восстановить именную группу. Третья возможность — искать системные правила обозначения актанта предикацией, в которых форма глагола личная или инфинитивная будет связана с типом референции обозначаемого предмета (в широком смысле).

Обозначения предметов и лиц, очевидно, неоднородны. Более регулярны инфинитивные обозначения предметов. Это связано с характерным способом называния предмета по функции: а) Дай *чем писать* //; б) Галь / ты не знаешь что такое солутан? Это *лить* / в нос / или *полоскать*? — Это капают в воду и пьют //; Что это? — *Мыться* // Мочалочка //; По-моему фены это гадость // — Что? — Фены // — Это *сушить* волосы?; Я и говорю танцплощадка какая замечательная // — Это не танцплощадка / это *загорать* //. Возможны как таксономические определения по узуальному постоянному свойству, так и идентифицирующие определения по актуальной предназначенности: А это что лежит? — *Выбрасывать* //.

По нашим наблюдениям, может быть недостаточным, инфинитивные характеристики лиц — ситуативные, переменные, не узуальные для лица. Это относится и к примыкающим к существительным лица инфинитивам: У вас нет *молодых людей послать на базу*?; Я ищу *санитарку посидеть у больного* //. Очевидно ограничены и синтаксические позиции таких употреблений инфинитива: ср. *кто-нибудь кто вяжет, найти кого-нибудь связать; найти связать.*

Наличие идентифицирующей функции у инфинитива можно показать на противопоставлении: Скажите / *плавать* там пришли? (тренер спрашивает по телефону, пришли ли участники группы, с которой она работает) и Вы пришли *плавать* или *играть*? (В пер-

вом случае можно видеть лишь примыкание к нулевому подлежащему). Идентифицирующая функция инфинитива проявляется в сочетании его с указанием. Например, объясняющий устройство магнитофона говорит, указывая на клавишу: *Это открывать* //. Приведем текст из повести В. Быкова «Карьер»: И тетка Барановская принесла ему обед — чугунок молодой картошки, большую кружку молока, поставила все на ящик, вздохнула. — *Вот покушать.* Чтоб скорее поправлялся. Частица *вот* имеет обычную сочетаемость с предметными именами: *Вот каша.* Показательны и инфинитивные ответы на вопросы *кто* и *что*: Ну я скажу когда придет эта. . . — *Кто?* — Ну *брать карточки* //. Соединение задачи идентификации лица с задачей выяснения намерений лица можно видеть в вопросах типа: *Вы звонить?; А вы кто? — А я посидеть у вас* // (диалог на заседании литобъединения). Совокупность этих употреблений, не укладывающихся в рамки грамматического описания книжной подсистемы, доказывает глубокую связь инфинитива в подсистеме РР с функцией идентификации предметов, тем самым усиливаются аргументы и в пользу актантного (предметно-личного) истолкования приведенных выше употреблений инфинитива.

1.5. Среди примеров уже встретились конструкции, в которых при подлежащем местоимении инфинитив занимает место сказуемого. Прежде всего можно выделить «неточные» ответы на вопросы типа: *Вы кто?* (см. выше); *Вы куда? — Я позвонить* //. Иногда это как бы ответ на невысказанный вопрос: *Я только* спросить // (ср. материалы в: Тимофеев 1950).

Инфинитив со значением начала действия получил отражение в художественной литературе и описан исследователями (см. Ермакова 1963, Васильева 1967 и др.): Он *бежать.* Он *было бежать* (ср. Она *в плач.* Она *было в плач*). Инфинитивная форма сказуемого возможна лишь при активном субъекте (Т. В. Булыгина), допускает разные временные перспективы (О. П. Ермакова). Обязательной, по-видимому, является связь с левым (реже правым) окружением: Появился волк — он *бежать.* Выбежала собака и *лаять* на меня. К условиям употребления этой конструкции, как кажется, нужно отнести разговорную «сказовость», т. е. актуализованность рассказчика и его намерений привлечь внимание слушателя. Этим можно объяснить семантическую обособленность высказываний со 2-м лицом, в которые, по наблюдениям О. П. Ермаковой, включаются слова *сразу, сейчас*: А ты уж сейчас *ябедничать*, у-какой! Говорящий здесь не ведет рассказ, а обращается к слушающему с упреком или другими подобными чувствами. Еще очевиднее цели воздействия на слушающего в реактивных репликах типа: Ты у меня *разговаривать*, идол? (пример О. П. Ермаковой).

Инфинитивы с отрицанием в предикате указывают на высокую степень проявления качества, чрезмерность количества, предель-

ность эмоциональной оценки. Их первичная функция — указание степени при предикате: Он тяжелый / *не поднять* //; Она разойдется / *не остановить* //. В РР они сдвигаются в предикат:

качественный: Батареи / *не дотронуться* // (ср. *огонь*); Выбор там конечно / с нашим этим магазином *не сравнить* //;

количественный: Народу *не продохнуть* // (ср. *толпа*, *куча*);

оценочный: Шляпа / *с ума сойти* // (ср. *прелесть*); Ну как? — Мягко говоря *убиться* // (о выбранном для другого лица подарке). Слова с экспрессивной, грубой окраской, нередко жаргонного характера для такого употребления характерны.

Кроме того, в РР реализуется предикат предназначенности: Вишня и не знаю зачем // — А огурцы? — Ну огурцы *обедать* // — А вишня тоже *обедать* на третье //; Это грязная висит? — Да // *Стирать* // и предикат раскрытия содержания: Ну вообще ведь никаких лекарств не существует. . . тут одно лекарство — *лежать* (Саратов).

2. Для РР характерна повышенная коммуникативная расчлененность текста и тенденция к грамматикализации актуального членения. Мы хотели бы прежде всего обратить внимание на углубление границ, отделяющих модусные типы значений: 1) с выделением в рему действия: А как можно? Что же можно? *Резать* что ли? Ведь это же вязаная вещь //; А что ты хочешь? Письмо *прочитать* еще? Да?; 2) с выделением в основную рему волевого отношения: Ну давай я тебе в одну минуту перепишу / хочешь? *Переписать?*

Модусная часть выделена в сегментированных (местоименных) конструкциях: Ну фильмы *стирать* / это *надо уметь* //; Две строчки / *написать* / нет / *не может* //; *Поколотить* орехи / он уж это *любит* //; Два дня из праздников *потерять* / это как-то *не очень улыбается* //; А тогда уже понимаешь получается: *вызывать — вроде неудобно*, *идти — я еще не могу*. Ну и теперь вот я думаю: ну *пойти* сейчас я уж, скажем, *могу* сейчас, туда *прийти*. А собственно *что* сейчас *это дает*? (Саратов). Последний пример очень показателен, так как в нем наглядно обнаруживается синтаксическое выравнивание разных структур (ср. Шмелев 1976, 96).

В разговорной речи эта тенденция заходит наиболее далеко. Ряд: *суетиться нехорошо; суетиться / надоело; суетиться / я ненавижу* (*я не хочу*) — как кажется, может вобрать в себя и такие разноструктурные конструкции, как: 1) Он ногу посмотрит, куда поставить, поставит, и даже *прыгнуть побоится*, ну и *драться не дерется* (Саратов) (ср. *Драться / нет не может* //); 2) (женщина говорит о том, что читать по-французски она может совершенно свободно, а) *Писать / я наверно получу кол* // (оценочная часть заполнена целой предикацией); 3) *Получать* письма *любишь* / а *писать / Пушкин* //; Ты *работать мальчик* / а *есть мужичок* // (модусная часть заполняется именем, включающим в данном кон-

тексте семантику «возможностей»: Пушкин умеет, любит; мальчик может меньше, чем мужичок).

Разрыв диктальной и модусной части может доходить до того, что модусная часть вообще редуцируется, что может восполняться более яркой интонацией инфинитивной части. Например: Ну вот не выйдешь; ну замерзает вода в чайниках на кухне, когда тридцать градусов и *открыть на всю ночь* (форточку) это же. . .; Ну в общем я бы на их месте не ставил двойки // *Осенью там приходить / ждать / чего-то там принимать* //; А ты не могла бы в пятницу прийти хоть к полпятого? — *Отпрашиваться* //; Таня // *Так играть* / прям(о) в театре / ох господи боже мой! (о бытовом поведении). Ср. также материалы в: Васильева 1967.

Использование инфинитива в роли подчеркнутой темы (или ремы) регулярно при выражении других типов семантических отношений. Несколько примеров:

— Это второй рост //

— А подшивать его / видите. . .

— Да ведь одинаковые они!

— Не-ет // А *подшивать* его / слишком карманы будут низко / грубовато //

— Вы не подскажете в ту сторону *ехать* остановка туда или сюда?; Ипатьевский *выходить* это собор где //; Ну приехали мы туда / э-э вышли / покрутились // *Ехать* назад выяснилось / что / ракеты не идут в Таганрог // (Таганрог).

Вынос инфинитива в тему может сопровождаться повтором той же глагольной лексемы в рематической части в соответствующей форме времени и наклонения: Что там интересного? — Не знаю / что там интересного // Когда я была на кафедре никого не было // А *спросить* специально / чего б это я *спрашивала* специально? (Таганрог); А *перекусить*-то / где мы *будем перекусывать*?

Возможно союзное оформление инфинитивной части: Нет / *если* далеко *ехать* то конечно одному *ехать* не интересно //; Нет / *ежели* даже уж *идти работать* / так я б *пошла* преподавателем //; А *чтобы ездить* 15—20 человек сразу на рыбалку, они *не ездят*, потому что у каждого есть какой-то секрет. К этому ряду примыкают и повторы с отрицанием: Я все делаю по хозяйству // *Гладить* только *не глажу* //; *Есть-то* почти ничего *не ем* //, Как кажется, эти конструкции отличаются от нерасчлененных усилительных конструкций типа *знать не знаю* именно темо—рематической расчлененностью, в реме актуализована семантика чистого отрицания. В сегментированных конструкциях (с вопросительно—относительным местоимением) инфинитив может обозначать рему: Что он еще мастер делать / это *жарить* картошку //.

3. Реализация многих указанных выше синтаксических конструкций обусловлена в РР текстовыми факторами, правилами

развития текста одним говорящим и правилами диалогического взаимодействия говорящего и слушающего.

Повторность материала в диалоге, симметричность структур исходной и ответной реплик влияют на закрепление парадигматических отношений конструкций и регулярность синтагматических связей внутри них. Ср.: *Это очередь за сапогами?* — Почему? *Это очередь войти* //; *Это* очень *старое*? (о масле) — Угу / *это жарить* //.

Другой тип диалогического отношения предполагает повтор глагольной лексемы в инфинитиве или с заменой личной формы на инфинитив: Очень хочется погулять // — Ну *гулять* погода прекрасная //; Подморозило // Вот сегодня-то и надо гулять // — У меня молния сломалась *гулять* //; Ладно не переживай // — Знаю я их горластиков / *переживать* // (ср. «эхо—реплики» В. Д. Девкина)

Инфинитив регулярно появляется в «тематической» части переспроса: Разменяйте пожалуйста 20 копеек // — *Разменять* / пожалуйста //; Я тебя сейчас еще плохо слышу. Ну ты из дома звонишь? — Ну перезвони, а? — *Перезвонить?* Ну давай (Саратов).

Мы не касаемся здесь обширной группы инфинитивов — повторов в сочетании с частицами: Обижаешься? — *Вот еще обижаться*, описанных Н. Ю. Шведовой. Отметим фразеосхему с инфинитивом в ответной реплике: Она говорит давай откроем // Я грю *никакого открывать* //. В разговорной речи используется диалогический прием подстраивания инфинитива в структуру предшествующей реплики с полемическими целями: Нет, надо палочку, знаешь, надо на спичку. . . ватку тоненькую и *капнуть* ее в уксусную эссенцию и. . . — *И сжечь*. — Нет, зачем? — Эссенцию на пятно. . . Эссенция может сжечь, что же вы не знаете это? (Саратов).

В связном тексте одного говорящего также возможен тематический повтор инфинитива: Кроме занятий мне надо еще шить // *Шить* я тебе буду мешать?; Зачем я буду в ней спать / я буду снимать *спать* //. При переходе предиката в тему последующего высказывания регулярны замены личных форм на инфинитив (в сегментированных конструкциях): Даже я *хожу* на лекции // *Ходить* / оно приятнее / вольготнее //; Лучше бы у меня были мальчишки / сын бы *уехал* женился // — Да / *уехать* главное // (о жизни в семье с детьми говорят две женщины); А она *пишет* // Да это не имеет значения // *Писать* / это не имеет значения //; Как это одну девчонку за близнецов *приняли* // (прогноз до рождения ребенка) Еще мальчика *спутать* / это еще можно понять //. Ср. с заменой вида: Надо подавать дипломную работу // а *подать* / и *не показать* никому / мало ли там каких промахов я наделал // Налепил там черт-те чего // Все-тки позвонил ему //.

В тексте одного говорящего при заданности определенного смыслового повтора может иметь место замена личной формы инфинитивной, как бы со снятием при повторе избыточной информации. В приводимом ниже примере речь идет об обобщенной ситуации, соединенной с оценкой. По-видимому, это одно из наиболее благоприятных условий для подобных замен (в данном примере в качестве стимула появления инфинитива могло быть и слово нужно): Он будет до утра / ходить // *Молчишь / плохо* // *Разговариваешь / плохо* // Он должен. . . я не знаю что ему нужно // *Соглашаться / ему не нравится* // В общем ужасно //.

4. Особого внимания заслуживают факты употребления инфинитива с предлогом[2] — крайняя степень проникновения глагола в сферу имени существительного. Они обычно появляются в речи как бы с окраской языковой вольности, но тем не менее с большой неуклонностью. Их неслучайность в подсистеме РР доказывает ограниченный круг предлогов тематического, делиберативного характера, а также — с семантикой цели и предназначенности.

а) *Об поспеть* не может быть и речи //; Теперь *насчет поесть* / я собираюсь пойти на рынок /

б) — А не хочет ли кто-нибудь пойти погулять?

— А что / у нас хлеба хватит на завтра // Худеть будем //

— Ой, хитрый народ! Я *про гулять* / они про хлеб // А *про завтракать* вы узнали? Ср. пример из литературы: Да, в отпуске, — отвечал Потапов, — собираюсь уезжать. Про уезжать он ляпнул чисто случайно (С. Иванов. Из жизни Потапова. Новый мир, 1983, № 9).

в) *На купить* у меня денег нет // Приведем и более редкие примеры: Что такое портной? Это человек который умеет шить // А что такое мастер? Он все *кроме шить* // (здесь возможен и эховый повтор); Больно вкусный повод *для пожаловаться* //

5. Сближение инфинитива и существительного проявляется и в области синтаксического сочинения. В РР расширены возможности сочинения морфологически разнородных форм а) в роли обстоятельств цели-места: Все ушли там по магазинам, потом *на базар и купаться* (Саратов); Ну а я поехала / думала на часок // Так собственно рассчитывала // — На какой пляж? Старый или новый? — Да не *на пляж* / а *на яхте покататься* // (Таганрог). Ср. еще: Ну *просто так* ходила, а *не заниматься;* б) в роли актантов: Она же туда прямо везет готовую еду // Обратно значит ей. . . она берет э. . . там *постирать* и еще *что-нибудь* //[3].

---

[2] Они уже отмечались в кн.: Русская разговорная речь 1983, с. 97 и 234.

[3] Ср.: «Функциональная близость инфинитива и существительного обнаруживается в том, что они могут употребляться как однородные члены: Принеси мне *сигареты* и *попить* //; Дай мне *поесть* и *сегодняшнюю газету* //» (Е. А. Земская, РРР 1983, с. 98). В связи с анализом строчки А. Т. Твардовского: Он сперва просил *водички*, а потом просил *поесть* — в литературе

В качестве однородных часто выступают имена и инфинитивы, подчиненные глаголам, требующим предикатных актантов: Я люблю *кататься на лыжах* и *велосипед* (пример Е. Н. Ширяева — Типология конструкций с предикатными актантами 1985, 39). В этом типе сочинения не инфинитив подтягивается до именной функции, а имя осмысляется как знак ситуации. Сочинение (а также сравнение) с инфинитивом, по-видимому, ограничено неактуализованными ситуациями: Может ей больше захочется *собаку*, чем *поступать* (Саратов); *Хорошая порция грогу*, *не выходить на улицу*, и все проходит благополучно. Но со мной случилось непредвиденное (из письма).

Отметим также сочинение инфинитивной группы с прилагательным: Черного не надо // Надо купить *им отдать* и *белого* // (купить бородинский хлеб, чтобы им отдать).

Инфинитив — неактуализованная форма глагола, в ее содержании отсутствуют сведения о субъекте действия (лице), числе и роде, как показателях отношения действия к субъекту, времени и наклонении (о реализации этих свойств инфинитива в общелитературном синтаксисе см.: Шмелева 1980). Инфинитив, соединенный сочинительной связью с предикативной формой, когда он обозначает резкое начало (неожиданного) действия, встает в ряд со следующими формами, лишенными тех же показателей: Он *узнал и бежать;* Он *узнал и трах кулаком* по столу. Ср. еще: Он *узнал и наутек; Забывать* уж *стал* тебя и вдруг *встреча* (этот пример В. Г. Гак интерпретирует следующим образом: «Номинализация позволяет устранить указание на известный субъект» — Гак 1977, 97).

Итак, в РР наблюдается более глубокий, чем в книжной речи, заход инфинитива в сферу употребления имени существительного, так как он способен занимать актантные (личные, предметные) позиции в высказывании. Параллелизм в системе позиций укрепляется и со стороны имени существительного, способного благодаря свертыванию предикации в актант представлять в соответствующих позициях предикацию.

Целый ряд сближений в синтаксическом функционировании именительного падежа и инфинитива может быть связан с выражением отношений идентификации. 1. *Это ваше лекарство* //; *Это запить* //. 2. У вас есть *щетка сапоги* (*по*) *чистить?* А *блестящее платье женщина* ушла //. 3. А *красное пальто* за кем?; Где *сушить?* Выделительный признак, выраженный инфинитивом, это узуальное или потенциальное действие, в последнем случае имеет место особого рода «ситуативная идентификация» предмета, в предельной степени реализованная в ответе на вопрос: А *Вы кто?* — А *я посидеть* у вас //.

уже высказывалась мысль о том, что такое сочинение для книжной речи нехарактерно (Шмелев 1965, Золотова 1980).

Инфинитив и именительный падеж проявляют значительное сходство в текстовом поведении. Существуют общие закономерности в использовании их как средств связи диалогических реплик: Подморозило // Вот сегодня-то и надо *гулять* // — У меня молния сломалась *гулять* //; Кто это будет два часа стоять чтобы взять *два килограмма?* — Я *два килограмма* стою //; как средств темо-рематического членения: А *цветы* / *за цветами* ухаживать надо //; А *спросить* / чего б это я *спрашивала* специально?; как средств деривации при логико-семантическом развертывании текста. В частности, на шаге деривации, связанном с дезактуализацией предиката или актантов (при переходе от конкретного случая к обобщению) может происходить замена предикативной формы глагола инфинитивом (см. примеры выше), косвенного падежа именительным падежом (иногда с заменой ед. числа на множ. число): Съешь *огурчик* // — *Маринованные огурчики* / это уже не для меня //. Инфинитив и именительный падеж в подобных случаях часто сочетаются с оценочными наречиями на *-о*. Ср.: Сейчас *линия неважно* / сейчас *важно накрутить* на себя как можно больше //.

И инфинитив, и именительный падеж способны к постпозитивному примыканию к предикации, для первого характерно указание на цель, для второго — на причину. Сходства в употреблении данных форм не могут носить случайного характера, но характер отношения их к другим членам соответствующих парадигм должен быть установлен на основании анализа позиционного распределения всех членов парадигм.

Таким образом, можно сказать, что инфинитив является формой, связующей в РР имя и глагол в большей степени, чем в книжной речи. Это находит отражение и в синтагматических, и в парадигматических связях инфинитива. При описании синтаксиса инфинитива мы столкнулись, однако, с неразработанностью научного аппарата, необходимого для адекватного отражения системных отношений в РР. Существующая синтаксическая номенклатура оказалась недостаточной для того, чтобы естественным образом соотнести формальные и семантические структуры. Специфика РР проявилась прежде всего в своеобразии способов «вкладывания» нескольких пропозиций в «предикативную схему» более высокого ранга, в частности, в правилах свертывания пропозитивных структур; в выражении логико-семантических отношений, актуального членения, в организации связного текста.

ЛИТЕРАТУРА

Васильева А. Н. Материалы для изучения разговорной речи. (Глагол: Формы времени, инфинитив, императив). М., 1967.

Гак В. Г. Номинализация сказуемого и устранение субъекта // Синтаксис и стилистика. М., 1977.

Ермакова О. П. О некоторых синтаксических функциях инфинитива // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1963. Т. XXII. Вып. 5.
Золотова Г. А. О синтаксической природе современного русского инфинитива // Филол. науки. 1979. № 5.
Ицкович В. А. Очерк синтаксической нормы. М., 1982.
Панов М. В. Русский язык // Языки народов СССР: Индоевропейские языки. М., 1966.
Русская грамматика. М., 1980.
Русская разговорная речь. М., 1973 (РРР 1973).
Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981 (РРР 1981).
Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983 (РРР 1983).
Сухотин В. П. Синтаксическая синонимика в современном русском литературном языке. М., 1960.
Тимофеев К. А. Об основных типах инфинитивных предложений в современном русском литературном языке // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950.
Типология конструкций с предикатными актантами. Л., 1985.
Шмелев Д. Н. О синтаксической членимости предложения // Рус. яз. в школе, 1965. № 2.
Шмелев Д. Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М., 1976.
Шмелева Т. В. Пропозиция и ее репрезентация в предложении // Вопросы русского языкознания. Вып. 3. Проблемы теории и истории русского языка. М., 1980.
Barnetová V., Beličová-Křížková H., Leška O., Skoumalová Z., Straková V. Русская грамматика. 2. Praha, 1979.
Kafková O. K vystavbě vypovědi v běžně mluvené ruštině: (Funkce nominativu a infinitivu). Praha, 1976.

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. СТИХОВЕДЕНИЕ

М. Л. ГАСПАРОВ

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ПИСАТЕЛЯ: ТЕЗАУРУС ФОРМАЛЬНЫЙ И ТЕЗАУРУС ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ

(М. Кузмин, «Сети», ч. III)

Выражение «художественный мир писателя» (или произведения, или группы произведений) давно уже сделалось расхожим, но до недавнего времени употреблялось оно расплывчато и неопределенно. Лишь в последние десятилетия, как кажется, удалось вложить в него объективно установимое содержание. Художественный мир текста, представляется теперь, есть система всех образов и мотивов, присутствующих в данном тексте. А так как потенциальным образом является каждое существительное (с определяющим его прилагательными), а потенциальным мотивом — каждый глагол (с определяющими его наречиями), то описью художественного мира оказывается полный словарь знаменательных слов соответственного текста. Чтобы эта совокупность образов стала системой образов, а опись художественного мира превратилась в описание художественного мира, она требует количественного и структурного упорядочения: во-первых, словарь этот должен быть частотным, а во-вторых, он должен быть построен по принципу тезауруса. Частотный тезаурус языка писателя (или произведения, или группы произведений) — вот что такое «художественный мир» в переводе на язык филологической науки.

Еще Б. И. Ярхо, не ставя задачи исчерпывающего описания художественного мира, вычислял степень наличия (например) темы любви в изучаемом тексте как долю слов, так или иначе относящихся к любви, от общего количества слов в тексте (Гаспаров, 1969). Важно, что при этом «относящимися к любви» считались не только слова этого семантического поля, но и синтаксически связанные с ними: не только слово *любовь*. . ., но и слова . . .*сильна, как смерть*. Потом, когда Ю. И. Левин впервые перешел к составлению полных частотных словарей сборников Мандельштама и Пастернака (Левин 1966) и к наблюдениям над их семантическими пропорциями, то такие сочетательные связи перестали учитываться. Нам известно несколько работ, описывающих художественный мир поэта по принципу частотного тезауруса (см., напр., Борецкий 1978а, 1978б, 1979 — сопоставле-

ние художественного мира трех античных баснописцев) — все они, во-первых, ограничиваются учетом только существительных и прилагательных (глаголы труднее систематизируются и дают менее яркую картину), а во-вторых, группируют слова, разумеется, только по тематическому сходству, а не по тематической смежности: *любовь* отходит в разряд «психология», а *смерть* в разряд «биология», как бы они ни были связаны в тексте.

При таком подходе страдают, главным образом, две стороны словарной семантики: многозначность и метафоричность. Если слово *день* употреблено в контекстах *ясный день*, *минувшие дни* и *а из стекла того* [-волшебного зеркала] *струился день*, то трудно надеяться, что первое употребление попадет в рубрику «неживая природа: атмосфера», второе — «общие понятия: время», а третье — «общие понятия: зримость». Скорее, в тезаурусе будет отмечено: «Общие понятия: время — . . .день (3 употребления)». Если слово *тень* употреблено в контекстах *тень дерева*, *тень друга*, *тень на челе*, *тень в зеркале*, то тоже велика опасность, что в частотном тезаурусе эти значения смешаются. И подавно можно быть уверенными, что в словосочетаниях *свет любви*, *пламень любви*, *волны любви*, *розы любви*, *крест любви* и *ярмо любви* слово *любовь* останется в рубрике «человек: психология», а *пламень*, *волны*, *розы*, *крест* и *ярмо* разойдутся по рубрикам «неживая природа: огонь», «неживая природа: вода», «живая природа: растения», «человек: общество: религия» и «вещи: сельскохозяйственные орудия». Как обойти такие трудности — это пока остается делом интуиции и такта каждого отдельного исследователя.

Все это нимало не ставит под сомнение ценность частотных тезаурусов такого рода: нужно сперва знать, какие разнородные образы присутствуют в сознании поэта, и лишь затем ставить вопрос, как это разнообразие сочетается в единство. Но на самый этот вопрос наш тезаурус ответа не дает. Составив такую опись образного состава текста, мы не можем произвести обратной операции: реконструировать по полученной описи исходный текст. Ясно, что для такой реконструкции нужны дополнительные сведения — указания на специфические связи слов именно для данного текста. Обычный тезаурус (типа Роже), группирующий чувства к чувствам и оружие к оружию, а потом объединяющий чувства и ум в разряде «душевный мир», а оружие и одежду в разряде «вещи», — это тезаурус, построенный на сходстве. Такой тезаурус, который группировал бы чувства (напр., *храбрость*) и оружие (напр., *копье*) по текстовым ситуациям (напр., *сражение*), был бы тезаурусом, построенным на смежности — смежности самой различной степени, как в рамках фразы, так и в рамках целого произведения или группы произведений. Тезаурус первого, традиционного типа — по сходству — можно назвать тезаурусом формальным; тезаурус нового типа — по смежности — тезаурусом функциональным.

Если нужны напоминания о том, как важны именно эти ассоциации по смежности при восприятии художественного мира, то достаточно привести одно стихотворение того поэта, о котором у нас пойдет речь далее — из «Осенних озер» М. Кузмина: «С какою-то странной силой владеют нами слова, и звук немилый иль милый — как будто романа глава. *Маркиза* — пара в боскете и праздник ночной кругом. *Левкои* — в вечернем свете на Ниле приютный дом. Когда назовут вам волка — сугробы, сумерки, зверь. Но слово одно: *треуголка* владеет мною теперь. Конечно, тридцатые годы, и дальше: Пушкин, лицей. . .» и т. д. Мы видим, как естественны, выразительны и кузмински-характерны все эти ряды ассоциаций — и в то же время, как далеки они от формальных рубрик «общество», «растительный мир», «животный мир» и «вещи: одежда».

Мы попытались построить параллельно тезаурусы обоих типов для одной и той же группы текстов — для 25 стихотворений М. Кузмина (1907—1908) из книги «Сети», составляющих в сборнике III часть и разделяющихся на три цикла. Они обладают тематическим единством, интуитивно ощутимым, но нелегко формулируемым (труднее, чем, например, для соседних «Александрийских песен»); они позволяют сопоставлять внутритекстовую смежность в рамках стихотворения, цикла, раздела, а в случае нужды привлекать для сопоставления данные по другим разделам книги и книгам автора. Для начала мы ограничились опять-таки тезаурусом имен существительных — систематизация прилагательных, а тем более, глаголов и наречий разработана еще недостаточно. Структура формального тезауруса, разумеется, не копирует механически Роже или иной общеязыковый образец, а рассчитана специально для анализа поэтического текста и подлежит дальнейшим усовершенствованиям (ср. несколько иную структуру в работах М. И. Борецкого).

Материал: *М. Кузьмин.* Сети: Первая книга стихов. М.: 1908. С. 107—143: ч. III, I) «Мудрая встреча», 9 стихотворений, 172 словоупотребления имен существительных; II) «Вожатый», 7 стихотворений, 180 словоупотреблений; III) «Струи», 9 стихотворений, 148 словоупотреблений. Всего в трех циклах 285 слов, 500 словоупотреблений имен существительных (целиком повторяющиеся строки в стих. «С тех пор всегда я не один» не учитывались).

Формальный тезаурус (числа — количество словоупотреблений):

I. Общие понятия: а) целое, части, движение, сила: мир 3, конец 2, покой, разделение, сила 3, слабость, удар; б) форма: круг, узор, черта; в) количество: вес, мера; г) причинность: беда, жребий, судьба; д) пространство: глубина, даль 3, простор, страна 2; е) время: вечер, время 4, грядущее 2, год, день 8, лето, май, минута, ночь, пора, полдень, прошлое, срок, утро 3, час 2; ж) чув-

ственные свойства: блеск 3, блистанье, пурпур, свет 10, сияние 3, сумрак, тень 4, тьма, темнота, цвет; звук 2, молчание, тишина; горение, холод; з) знаковость: двойник, знак, клеймо, образ, сигнал. Всего 93 словоупотребления.

II. Природа неживая: а) вселенная: звезды, Земля, небо 2, небосвод, планета, солнце 3; б) атмосфера: гром, заря 3, молния, облак(о) 2, радуга, туман; в) земля: алмаз 3, золото, камень, пещера, холм 2; г) вода: берег, волна 2, водопад, вода 3, воды, влага, капля, лед 2, море, пролив, поток, пучина, река 3, родник, снег, струя 3; д) воздух: воздух 2; е) огонь: дым, огонь 3, пламень 3, пожар. Всего 60 словоупотреблений.

III. Природа живая: а) целое: луг, поле; б) растительность: купина, куст, роза 6, сосна, хмель, цветок 2; в) животный мир: конь, птица, петух; г) организм и его продукты: жало, крылья 3; воск. Всего 22 словоупотребления.

IV. Человек телесный: а) тело: грудь 3, жилы, кровь 4, нога 3, плечи, палец 3, рука 6, сердце 14, спина, стопа, тело, хромец; б) лицо: взор 4, глаз 7, губы 2, голос, дуновение, дыхание, лик 3, лицо 4, око 3, слеза, ухо, уста 2, черты 2, чело, язык 2; в) жизнь и смерть: бремя, гибель, мертвый, могила, мученье, прах, рана 2, смерть, тление. Всего 84 словоупотребления.

V. Человек духовный: а) целое: душа, дух 2; б) ощущения: слух; в) ум: загадка, мысль, сомненье 2; г) речь: лепет, речь, слово 2; д) воля: хотение; е) чувство: блаженство, восторг, веселье, любовь 17, отрада 2, радость, страданье, скорбь 2, страх 3, тоска, томленье, трепет, ярость; ж) нравственность: вера, грех, грешник, соблазн, скверна. Всего 51 словоупотребление.

VI. Человек общественный: а) поселение: град (=город), село; б) иерархия: вождь 2, господин; в) семья: брат 2, жених, сестра 2; г) дружба: гость 2, друг 4, милый 2, поспешник; д) общение: беседа, величание, встреча 3, свидание 3, разлука 4; верность, измена, клятва 2, милость, обман, охрана; е) хозяйство: сокровище; ж) право: беззаконница, запрет 3, оковы 2; з) война: Александры, бой, конница; и) религия: бес, вечерня, кумир, молитва, рай 3, серафим; к) искусство: соната, хор. Всего 58 словоупотреблений.

VII. Человек деятельный: а) борение, дело, подвиг, призыв; искатель, плакальщик, пытатель; б) возврат 2, лёт, плавание, путь 8, шаг; вожатый 3, путник, скиталец; в) засада, победа, преграда; воин 2, пленный; г) дар 3; д) лобзание, объятие, поцелуй, прикосновение. Всего 41 словоупотребление.

VIII. Вещи: а) дом, здание, келья, комната, коридор, крылья, ограда 2, сад 2, сень 2, ступень; б) врата, дверь 2, окно, оконце, порог 2; в) дорога, мост; костыль, посох, челнок, якорь; г) костер, печь, свеча 5; д) веретено, весы, кудель, молот, ярмо; зеркало 4, рожок, сосуд, стекло 4, цепь 2, чаша; е) броня, знамя, копье 2, латы 5, меч 7, нож, стрела, тетива, труба 3; ж) кадило, колокол, ладан 2, лампада 2, риза[2]; з) венец, венок, кольцо 2, наряд, пер-

стень, плащ, риза[1] 2; и) книга, страница, строка. Всего 91 словоупотребление.

Функциональный тезаурус (числа — номера стихотворений по порядку; «14²»=«дважды упоминается в стихотворении № 14»):

А) Общие понятия: 1) благая сила: око 5, любовь 6, (рука 6), свет 17; 2) злая сила: бес 14, тьма 17; 3) судьба: судьба 2², жребий 16, [сестры 10, веретено 10, кудель 10], страницы 2, [река 2, капли 2]; пленный 2, оковы 2, 5; 4) мера: мера 4, вес 4; весы 3; сотня 14; без конца 13; 5) время: грядущее 15, 8 (свет 8), прошлое 15 [сосуд 15, потонувшие сокровища 2], день 16, час 16, минуты 13, до зари 13, 22², утра 11². Всего 37 словоупотреблений.

Б) Лица. Ба) «Я»: 1) человек телесный: силы 6, хромец 6; мученье 25, рана 22, кровь 22², (струею 22); 2) внешность: рука 13, палец 13, 15, спина 16; шаги 5; 3) духовный мир: душа 4, дух 14, 17, сердце 1, 7, 11, 12, 13, 17², 18³, 21², 22, 24 (чаша 17, алмаз 17, 19), грудь 14, 21, 22, жилы 14, [крылья 5, 8]; 4) Ощущения: взор 2, 15, глаз 2, 6, 17, 19 (облак 6), слух 17, ухо 2. Всего 120 словоупотреблений;

Бб) «Ты»: 0) друг 3, 12, 13, поспешник 4, [посох 4, путь]; гость 11², путник 11; вожатый 10, 13², вождь 14, 16, господин 16, воин 14, 15, жених 12, [серафим 14]; милый 18²; 1) человек телесный: силы 17, слабость 17, тело 24, кровь 24, дыханье 24, [воск 24, пурпур 24, роза 24, вода 24, воздух 24²]; 2) внешность: черты 11, 13, лик 4², 15, лицо 11, 13, 15² (сияние 13), [молния 15]; око 20, 21 (блеск 20), глаз 4, 16 (свет 16), взор 15 [струя 15]; уста 8, 15 (огонь 15), губы 12, 21; чело 21, плечи 12, крылья 12, рука 12, 13, пальцы 8, нога 10, 12, 15, стопа 10; прикосновение 8; 2а) атрибуты: броня 16, латы 10, 12, 13, 16, 20 (блистанье 10, блеск 16); меч 15 (радуга 15), копье 15, конь 15, клеймо 12; ризы 21, сиянье 21, 24, странный наряд 7. Всего 48 словоупотреблений;

Бв) «Мы»: 5) эмоции: любовь 3, 4², 5, 11, 12, 16, 17³, 18³, 19, 25² [воды 4, водопад 4, родник 4, ярмо 12, струя 17, кровь 17, розы 17, горение 8, огонь 19, пламя 19, пламень 22, пожар 24, саламандры 19], покой 4, веселье 22, радость 21, отрада 1, 23, восторг 21, блаженство 14 [рана 14], лёт 17, объятия 3, поцелуй 3; томленье 6, тоска 1, скорбь 4, 5, [бремя 5], страх 5, 6, 8, трепет 7, тень (на челе) 21, страданье 25, слеза 4, плакальщик 2; 6) воля: хотение 8, [якорь 23]; борение 8, пытатель 2, искатель 2; 7) ум: мысль 3, обман 9, загадка 7, сомненье 16, 17, [пламень 17]; 8) речь: лепет 7, слово 11, 23, речь 7, беседа 11, молчание 8, голос 20, язык 22, 25, взор 13, рука 25; 9) дело: дело 3; 10) нравственность: грешник 4, грех 14 [жало 14, риза 14], соблазн 14, скверна 5; 11) общество, общение: сестра 3, брат 3, 7; знаки милости 16, лобзание 14, величание 8, клятва 8, 15, верность 15, [цепи 19, 24, мост 19, оконце 19, планета 19, земля 19, день 19, ночь 19], перстень 13, кольцо 13, 15; измена 25, разделение 8; 12) религия: вера 5, подвиг 5, молитва

23, вечерня 5, ладан 23, кадило 23, дым 23, пещеры 5; земной кумир 12; 13) искусство: книга 16, строки 16; песня 8, пенье 16, 25^2, хоры 8, соната 20 (звуки 20). Всего 50 словоупотреблений.

В) Событие: 1) срок: срок 2, время 5, 17, пора 11, лето господне 11, год 11, день 9^3, 11 (белый камень 11), час 9 [алмаз 9, блеск 9, венец 9, тень 9, узор 9, черта 9, сень 9, сосна 9, холм 9, утро 9, полдень 9, вечер 9]; сигнал 2, петух 17, труба 2^2, 21, колокол 21, свет 9 (туман 9); 2) встреча: встреча 1^2, 7, свидание 1, 17, 25, призыв 17 (звуки 17); 2а) дар: дар 13, 16^2, зеркало 13, 15^2, 16, стекло 13^2, 15 (день 13); тень 13, образ 16, двойник 16; 3) путь: путь 6, 7, 14, 19, 21, 23^2, дорога 24, коридор 13, ступень 13, без возврата 7, 13, [плаванье 25, пролив 25]; скиталец 13; костыли 6 (други 6), дорожный рожок 22, дорожный плащ 21; 4) препятствие: преграда 23, разлука 21, 25, запрет 24, 25^2; река 13, 19, поток 13, [пучина 13, воды 13, волны 13, 15, глубина 15, (челнок 13); темнота 13, небосвод 13; огонь 15, пламенный простор 15, огненное море 15, [купина 15]; ярость 13, смерть 13, гибель 13; 4а) борьба: беда 18, засада 18, охрана 14, бой 10, удар 16, (гром 10); меч 11, 18^3, 22, 23, стрелы 24, тетива 11, копье 10, знамя 10, конница 10 (беззаконница 10), молот 19, костер 25, нож 25; победы 11, [Александры 19]; 5) Цель: конец 19, берег 24, холмы 13, куст 13, роза 13, 18^3, страна иная 13, дали 7, свет 7; порог 6, 7, врата 7, сад 6^2, рай 6, 9, 22, небесный град 23. Всего 140 словоупотреблений.

Г) Окружение: 1) ближнее: здание 1, дом 11, сень 11, крыльцо 11, комната 1, келья 1; ограда 20^2, стекла 1, окно 3, дверь 3^2, круг 12, свет 12; печи 3, ладан 1, ризы 1, золото 1, лампада 4, 20, свеча 1^2, 3, 7, 20, свет (свечей) 11, 20; 2) дальнее: мир 19, дали 2^2, день 2^2, май 2, свет 2, 10, цвет 2, тень 2, тишина 10; небо 15^2, солнце 2, 21, звезды 4, сумрак 21, облако 21, дуновение 8, влага 18; села 13, поле 10, луг 2, цветы 2, 10 (венок 10), хмель 10, птицы 2 (пенье 2); 3) в целом: мир 5, внешний мир 12, здешние страны 9; время 8, 19, тление 8, прах 8, [мертвый 14, могила 14]; холод 1, лед 1, 4, снег 1. Всего 69 словоупотреблений.

Разница между двумя картинами очевидна. Не говоря уже о том, что в функциональном тезаурусе слова *день*, *тень* и им подобные дифференцируются по значениям и расходятся в разные рубрики, можно заметить, например, как разделяются слово *стекло* (синоним окна и синоним зеркала), *взор* (*мой взор* — элемент душевной жизни человека, *твой взор* — элемент внешности человека), *рука* (к кому. . .мне *руки* протянуть; целую *руки* твои; *рукою* крепкой Любовь меня взяла), как перемещаются слова *крылья* (не часть птичьего организма, а символ человеческой душевной силы — ср. заглавие известной повести Кузмина), *камень* (белым *камнем* отмечен этот день), *дым* (*дым* и так идет из кадила), *пещера* (я подвиг великой веры свершить готов, когда призовешь в *пещеры*). Понятно, что такая рубрикация точнее передает интуитив-

ное восприятие этих слов в кузминском тексте. В словосочетаниях типа *блеск очей*; *из уст его огонь*; *стекала кровь струею* и т. п. слова *блеск*, *огонь*, *струя*, следуя за главными, попадают в семантический разряд «человек телесный» (такие и подобные слова взяты в функциональном тезаурусе в круглые скобки). Наконец, слова, входящие в состав сравнений, метафор и пр., тоже относились к рубрике не по основному своему, а по переносному значению: мой друг прекрасен, как серафим; ты, как воск, окрашенный пурпуром, таешь; горит в груди блаженства рана (такие слова взяты в квадратные скобки). В рубриках «срок» и «судьба» половина словоупотреблений оказываются переносными. По существу, такие образы существуют в художественном мире произведения на особом положении — не как «основные», «реальные», а как «вспомогательные», «условные» (швейцара мимо он *стрелой*. . . — говорится об Онегине, но это не значит, что стрела входит в предметный мир «Евгения Онегина»). Иногда они разрастаются в целые картины, и все же остаются вспомогательными (в стихотворении № 9 «Двойная тень дней прошлых и грядущих. . .» описание полуденной тени от сосен занимает половину стихотворения, и все-таки это лишь сравнение для основного образа *роковой час*); иногда получают самостоятельное развитие, и тогда граница между вспомогательными и основными образами становится трудно различима (во фразе в моем сердце — *роза любви* — *роза* несомненно была бы вспомогательна; но *розы любви* расцветающие видит глаз; из-за *розы* меч горящий блещет — здесь уже такой уверенности нет) — у символистов и потом у авангардистов это бывает чаще, у Кузмина (в «Сетях») сравнительно редко.

В результате таких сдвигов пропорции основных семантических полей в функциональном тезаурусе заметно меняются по сравнению с формальным. Сильно сокращаются разряды «вещи» и «природа»: и перстень, и ярмо, и цепь, и пламя, и роза, и планета оказываются лишь символами человеческих состояний и отношений. Сокращается также разряд «общие понятия»: много слов, обозначающих «время», переходит в рубрику «событие: срок», а много слов типа *блеск*, *свет*. . . — в рубрику «человек: внешность». За счет этого расширяются прежде всего разряды «лица» (на «человека духовного» по формальному тезаурусу приходилась одна десятая часть всех словоупотреблений, по функциональному — почти четверть) и «события». Если приравнять функциональный разряд «общие понятия» к одноименному формальному (I), «дальний мир» — к «природе» (II—III), «лица» — по рубрикам к «человеку телесному», «человеку духовному» и «человеку общественному» (IV, V, VI), «события» — к «человеку деятельному» (VII), а «ближний мир» — к «вещам» (VIII), то картина про-

порций будет такая:

Разряды:	I	II—III	IV	V	VI	VII	VIII
Формальный тезаурус:	18,5	16,5	17,0	10,0	11,5	8,0	18,0 %
Функциональный тезаурус:	7,5	8,0	3,5	35,0	12,5	28,0	5,5 %

Можно отметить и еще некоторые любопытные подробности. К «я» относится 123 словоупотреблений, к «ты» 84, общее соотношение 6 : 4. Но по разряду «человек телесный» это соотношение оказывается 2 : 8, а по разряду «человек духовный» — 9, 5: 0, 5; «я» в наших стихах раскрывается, главным образом, изнутри (что вполне естественно), а «ты» — извне (что уже менее предсказуемо: вполне возможны стихи, в которых поэт так вживается в «ты», что изображает его также преимущественно изнутри — таков Пушкин в своих элегиях). В первом из трех циклов нашего материала отношение «я : ты» — 8 : 2, во втором — 3 : 7, в третьем — 7 : 3; из трех наслаивающихся образов «ты — гость», «ты — вожатый» и «ты — милый» наиболее детализованным оказывается второй. На разряды «окружение» и «общие понятия» в первом цикле приходится 35 % словоупотреблений, во втором — 20 %, в третьем — 10 %: поэт как бы старается вначале представить лиц и действие на фоне декораций, а потом оставляет эту заботу.

Главная, однако, разница в том, что по формальному тезаурусу нельзя было реконструировать исходную совокупность текстов, а по функциональному уже отчасти можно: «Миром правит Любовь, сила благая, бдящая и светлая; человек — пленник в оковах неведомой судьбы, но для каждого наступает роковой срок, когда раздается сигнал и открывается путь к свету; вожатым на этом пути становится гость и друг, лицо его сияет, из уст его огонь, на плечах — латы; он вручает дар — зеркало со своим образом; человек предается ему клятвой верности, скрепленной лобзанием и перстнем, и тогда в нем, измученном, оживает сердце, в него входит любовь, изгоняя страх и скорбь, суля восторг и блаженство. . .» и т. д. — такой почти механический пересказ функционального тезауруса связными фразами уже дает картину, довольно близко отражающую художественный мир данных стихотворений Кузмина. Можно даже пойти дальше, опираясь на кузминскую синонимику и на частотность его излюбленных слов: «Сердце трепещет и горит огнем в предощущении любви; час трубы настал, свет озаряет мне путь, глаз мой зорок и меч надежен, позабыты страхи; роза кажет мне дальний вход в райский сад, а ведет меня крепкая рука светлоликого вожатого в блеске лат», — такая развертка набора самых употребительных слов нашего тезауруса может считаться как бы пересказом ненаписанного стихотворения Кузмина из нашего раздела «Сетей».

Можно заметить, что предлагаемое описание мира по функцио-

нальному тезаурусу — «Миром правит Любовь. . .» и т. д. — напоминает импрессионистические характеристики вроде: «Мир Фета — это ночь, благоуханный сад, божественно льющаяся мелодия и переполненное любовью сердце. . .» или «В стихах Багрицкого веет вольность сурового моря и бескрайней степи, и этот ветер становится торжествующей бурей революции. . .» и т. п. (примеры условные). Это так; только те образные связи, которые в таких характеристиках угадывались наобум, здесь опираются на объективно установленные закономерности сочетаний образов по смежности в данном тексте. Точно так же ведь и формальный тезаурус: «положительные эмоции — столько-то словоупотреблений, отрицательные эмоции — столько-то» восходит к импрессионистическим характеристикам вроде: «Любимое слово писателя НН — *страх*: листаем и видим: *страх* сдавил ему горло, липкий *страх* подползал к сердцу, *страхами* вставала уличная ночь. . .» (пример условный; такие приемы любил К. Чуковский). И там, и здесь наука делает одно и то же дело: объективными показателями подтверждает и уточняет (или опровергает) непосредственное интуитивное впечатление от текста.

Формальный тезаурус остается незаменим как средство межтекстового анализа (функциональный — как средство внутритекстового). Возьмем еще раз пропорции 8 разрядов формального тезауруса нашей III части «Сетей» и сравним их с теми же пропорциями в IV части «Сетей» («Александрийские песни», 690 словоупотреблений существительных):

Разряды:	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
III часть	18,5	12,0	4,5	17,0	10,0	11,5	8,0	18,0 %
«Александрийские песни»	9,5	11,0	8,0	16,5	6,5	27,0	5,5	17,0 %

Цифры подтверждают и уточняют интуитивное впечатление: мир «Александрийских песен» — более конкретный (вдвое ниже доля «общих категорий»), более вещественный (доля «вещей» — та же, но эти вещи предстают не как сравнения и метафоры для чего-то иного, а сами по себе), более живой (почти вдвое больше становится «живой природы»), более внешний («человек духовный» сокращается на треть, а «человек общественный» возрастает почти вдвое), более созерцательный («человек деятельный» заметно сокращается; кроме того, половину этого разряда в «Александрийских песнях» составляют названия профессий — *угольщик*, *красильщик*, *танцовщица*, *воин*, *вор*. . . — стоящие на грани разряда «человек общественный» и совершенно нехарактерные для III части). Подобное сопоставление функциональных тезаурусов вряд ли было бы возможно: функциональный тезаурус «Александрийских песен» (еще не составленный) имел бы, вероятно, слишком непохожий вид. Можно сказать, что формальный тезаурус показывает, как обогащается восприятие данного текста от за-

паса общеязыковых ассоциаций, накопившихся в результате знакомства со многими другими текстами; функциональный тезаурус, наоборот, показывает, как запас общеязыковых ассоциаций обогащается и обновляется спецификой данного нового текста. Формальный тезаурус позволяет сравнивать тексты по составу лексики внутри семантических гнезд; функциональный тезаурус — по структуре этих семантических гнезд.

Является ли рассматриваемая структура элементом идиостиля? Это зависит от того, какое содержание мы вкладываем в понятие «идиостиль». С одной стороны, нет: если идиостиль — это те явления языка, которые неминуемо присутствуют в речи автора, о чем бы в этой речи ни говорилось, то наш тезаурус охватывает не столько словесный, сколько образный уровень речи, т. е. именно специфику того, «о чем в ней говорится». С другой стороны, да: наш тезаурус — это картина нестандартных семантических связей, присущих не языку вообще, а только данному автору (произведению, группе произведений), и как таковая, по-видимому, имеет право называться идиостилем.

Для дальнейшего совершенствования техники составления функциональных тезаурусов представляются важными три направления.

Первое — самое очевидное: нужно расширять круг учитываемых слов — принимать к рассмотрению не только существительные, но и прилагательные (конечно, вокруг своих существительных), и глаголы (вокруг своих подлежащих и дополнений; собственно такие рубрики, как «событие» или «человек деятельный», гораздо естественнее заполняются именно глаголами), и даже местоимения: уже при нашем первом подступе понадобилось выделить поля «я» и «ты», а какие тонкости допускает игра местоимениями в лирике, давно и блестяще показано Р. Якобсоном. Разумеется, при таком расширении круга слов еще больше расширится круг учитываемых словосочетаний.

Второе: нужно дифференцировать виды и степени межсловесных связей по смежности, лежащих в основе функционального тезауруса, — например, внутри словосочетания, внутри предложения, между смежными предложениями, внутри целого текста. (Для формального тезауруса аналогичную иерархию представляют связи между словами одной рубрики, одного разряда, одного класса — см. Исхакова 1983). Мы попробовали выделить в нашем материале наиболее тесные связи — внутри словосочетания и внутри предложения: *други-костыли*, *свет любви*, *любовь и скорбь*, *сердце*, *как чаша*, *сердце* (точит) *кровь*, *кровь* (станет) *водою*, *светом* (развею) *тьму*, *свет* (горит) *до утра*, *с пеньем* (пойду) *на костер*. Таких связей в нашем тексте оказалось 162. Из них 94 сплетаются в одну большую группу (87 слов, 236 словоупотреблений: от любого из этих слов к любому можно перейти, сделав от 1 до 10 шагов по словосочетаниям — например, от *посоха* к *молнии*: *посох*

(нужен) *в пути, в пути* (испытаешь) *меч, меч сердце* (прободал), *сердца алмаз, Час, как алмаз, день и час, день* (струился) *из стекла, стекло* (хранит) *черты*, (видишь) *в чертах лицо, лицо как молния*); 33 — в 12 малых групп по 3—10 слов (всего 53 слова, 90 словоупотреблений); 35 представлены одинокими парами слов (всего 70 слов, 75 словоупотреблений). Т. е. из общего количества 285 слов (500 словоупотреблений) в тесные словосочетания входят 73 % (80 % словоупотреблений), в том числе в основной группе — 30 % (47 % словоупотреблений). Насколько такая степень словосочетательной связности текста является нормальной, повышенной или пониженной, — до обследования сравнительного материала сказать невозможно.

Наконец, третье: нужно расширять охватываемую группу текстов, сравнивая функциональный тезаурус одного стихотворения, цикла стихотворений, раздела в книге, целой книги, группы книг, всего творчества поэта. (Мы уже видели некоторые отличия в пропорциях функционального тезауруса трех циклов нашего материала). Интересно, что среди рассматриваемых 25 стихотворений есть одно (№ 11), в котором собраны почти все основные рубрики нашего тезауруса (сердце, любовь, дом, гость, путник, срок, путь на борьбу и победы): при желании все остальные стихотворения можно вывести из этого.

«Лето господнее — благоприятно».
Всходит гость на высокое крыльцо.
Все откроется, что было непонятно.
Видишь в чертах его знакомое лицо?

Нам этот год пусть будет високосным,
Белым камнем отмечен этот день.
Все пройдет, что окажется наносным.
Сядет путник под сладостную сень.

Сердце вещее мудро веселится:
Знает, о, знает, что близится пора.
Гость надолго в доме поселится,
Свет горит до позднего утра.

Сладко вести полночные беседы.
Слышит любовь небесные слова.
Утром вместе пойдем мы на победы —
Меч будет остр, надежна тетива.

Составление тезаурусов отдельных стихотворений — прием, неоднократно используемый Ю. М. Лотманом в его анализах поэтического текста (Лотман 1972). Его опыт показывает, что здесь часто оказывается важным самый широкий принцип рубрикации: «хорошее — плохое», причем и в положительном и в отрицательном поле могут объединяться слова из самых разных семантических разрядов. Можно предполагать, что по мере расширения

материала от одного стихотворения к циклу и т. д. этот оценочный критерий рубрикации будет все более слабеть, а объективные все более выдвигаться, пока, наконец, в пределе — при максимальном охвате материала — функциональный тезаурус текста не сблизится и не сольется с формальным тезаурусом языка.

В заключение воспользуемся случаем для публикации одного неизданного текста — как бы в оправдание того, что материалом для описанных «словарных» методов исследования были взяты тексты именно Кузмина. Это — небольшое произведение, по-видимому, конца 1920-х годов, показывающее, что форма словаря (в данном случае — алфавитного) была не чужда художественным экспериментам самого Кузмина. Оно производит впечатление алфавитного указателя характерной топики собственного творчества (раннего и позднего), составленного самим поэтом. Алфавитный принцип организации текста в поэзии известен еще с ветхозаветных псалмов, в прозе применялся гораздо реже. Здесь ассоциации напрашиваются не столько с литературными аналогами, сколько с изобразительным искусством («Азбука» Бенуа), или, что еще интереснее, с кинематографом: последовательность сменяющихся картин напоминает смену кадров. Это, может быть, не случайно: интерес Кузмина к кинематографу засвидетельствован (не говоря о мелких реминисценциях) циклом 1924 г. «Новый Гуль» и несохранившейся драмой «Смерть Нерона», план которой (ЦГАЛИ) показывает чередование сцен из римской истории и из современной жизни, близко напоминающее гриффитовскую «Нетерпимость».

Приложение

Без заглавия. (ЦГАЛИ, ф. 232, оп. 1, ед. хр. 28, л. 77).

1 Айва разделена на золотые, для любви, половинки. Предложить — вопрос, отведать — ответ.
2 Желтая бабочка одна трепещет душою на медовых шероховатых округлостях, пока не появится
3 всадник, и не будет
4 гостем.
5 Друг, —
6 он редок, как единорог, что завлек Александра Рогатого на заводи, где вырос город для счастья любви,
7 он слаще жасмина,
8 вернее звезды (в море, над лиловой тучей, в одиноком бедном окне).
9 Италия, вторая родина, нас примет! Коринфская капитель обрушилась, как головка спелой спаржи, и обломок стоит в плюще под павлиньим небом, как переполненная осенними, лопающимися от зрелой щедроты плодами, корзина.
10 И ты, Китай, флейтой лунных холмов колдуешь дружбу.
11 Лодка, лодка! место — двоим, третий тонет,
12 и мандолина миндально горчит слух. Испано-Рим и арабо-Венеция загробным кузнечиком гнусаво трещат, как крылышком богини Пэйто — убеждения.
13 Навес полосатый и легкий скроет твою убежденность, когда язычок умолкнет.
14 С облака на облако третий скачет все выше к фазаньим перьям зари. Дитя вдохновенья.

15 Пастух на синих склонах.
16 Рыбак усердно каплет.
17 Сыпется снег на черно-зеленый мох.
18 Еще неизвестная, но уже полная значенья трона на свиданье —
19 и утро, возвращенье.
20 Фонарь тушится. Он не нужен.
21 Огромный холм, как комод, как Арарат,
22 внизу часовой, будто убежал ангел из восточного рая.
23 Наконец, шатер, как скиния наслаждения, он закрыт.
24 Щегленок поет невинно для отвода глаз.
25 Но эхо перекладывает все это в другую тональность двусмысленно и соблазнительно.
26 Из шатра выходит юноша.
27 Он как яблоня. Впрочем, у шатра и вырастает яблоня, словно для сравнения не в свою пользу.

ЛИТЕРАТУРА

Борецкий М. И. Художественный мир и частотный словарь поэтического произведения (на материале античной литературной басни): Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1978, № 4.

Борецкий М. И. Художественный мир басен Федра, Бабрия и Авиана: Новое в современное классической филологии. М.: Наука, 1979.

Борецкий М. И., Кроник А. А. Опыт анализа некоторых сторон социально-психологической атмосферы античной басни (Федр, Бабрий, Авиан): Вестник древней истории, 1978, № 2.

Гаспаров М. Л. Работы Б. И. Ярхо по теории литературы: Труды по знаковым системам. Тарту, 1969. Вып. 4.

Исхакова Д. К. Особенности семантической связанности текстов английских лирических стихотворений XVI, XIX и XX вв.: Автореф. канд. дис. М., 1983.

Левин Ю. И. О некоторых чертах плана содержания в поэтических текстах: Структурная типология языков. М.: Наука, 1966.

Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста: Л.; Просвещение, 1972.

В. С. БАЕВСКИЙ

СТИХОСЛОЖЕНИЕ Б. ПАСТЕРНАКА

Тексты. Перед исследователем стихосложения Пастернака встает трудная проблема. Пока был жив поэт, жили, видоизменялись тексты его стихотворений, циклов, книг. В настоящей статье представлены результаты изучения самостоятельных книг стихов.

Самостоятельными, в отличие от книг, содержащих перепечатки произведений, включавшихся в более ранние издания, мы называем книги, составленные из стихотворений, прежде не публиковавшихся вовсе или печатавшихся только в повременной печати. Как нечто цельное, они создавались автором, воспринимались читателями и критиками.

Материал нашего исследования составляют:

1. Близнец в тучах. М.: Лирика, 1914 (БТ). 21 стихотворение, 462 стиха.
2. Поверх барьеров. М.: Центрифуга, 1917 (ПБ). 49 стихотворений, 1335 стихов.
3. Сестра моя жизнь. Берлин; Пг.; М.: Изд. З. И. Гржебина, 1923 (1-е изд. 1922) (СМЖ). 50 стихотворений, 1340 стихов.
4. Темы и варьяции. М.; Берлин: Геликон, 1923 (ТВ). 63 стихотворения, 1261 стих.
5. Стихи разных лет (СРЛ). 24 стихотворения, 1136 стихов. — Такую книгу Пастернак отдельно никогда не публиковал. Она сформировалась в два приема в однотомниках «Поверх барьеров» 1929 г. (20 стихотворений) и 1931 г. (4 стихотворения). Поэт систематически выделял ее в книгах избранных стихотворений, ощущал ее как единство и придавал ей немалое значение.
6. Второе рождение. [М.]: Федерация, 1932 (ВР). 27 стихотворений, 1147 стихов.
7. На ранних поездах (НРП). 37 стихотворений, 1241 стих. — Книга под таким названием вышла в 1943 г. в составе 26 стихотворений. Два года спустя поэт издал книгу «Земной простор», где напечатано 10 новых стихотворений и отрывок из поэмы «Зарево». Впоследствии поэт рассматривал эти тексты как единую книгу, вслед за ним так же поступаем и мы.
8. Стихотворения Юрия Живаго (СЮЖ). 26 стихотворений, 985 стихов. Опубликованы в кн.: *Б. Пастернак*. Стихотворения и поэмы. М.; Л.: Сов. писатель, 1965; День поэзии. М.: Сов. писатель, 1980; День поэзии. М.: Сов. писатель, 1981.
9. Когда разгуляется (КР). 44 стихотворения, 1366 стихов. Книга опубликована в составе издания: *Б. Пастернак*. Стихотворения и поэмы. М.: Сов. писатель, 1965.

Всего 340 стихотворений, 10 273 стиха.

Эту совокупность текстов, шаг за шагом сформированную поэтом и отражающую все стадии его духовной и творческой эволюции, можно назвать пастернаковским каноном.

При изучении стихосложения обычно стремятся охватить произведения поэта с предельной полнотой. Не претендуя на общее решение вопроса, мы полагаем, что применительно к Пастернаку такой подход лишь затемнил бы дело. Не введенные им в девять книг стихи на случай, стихи детям и некоторые другие, хотя и носят на себе неизгладимую печать его творческой индивидуальности, явно принадлежат другой версии его поэтического кода, другой аллели, как сказал бы генетик. Мы ограничиваем объем исследуемого материала пастернаковским каноном.

Средняя длина стихотворения Пастернака 30.2 стиха. По воспоминаниям Есенина, Блок учил его, что лирическое стихотворение должно быть коротким и укладываться в 20 строк (Грузинов 1927, с. 14). Средняя длина стихотворения самого Блока даже ниже, 17 стихов (Руднев 1972, 258). О том же сказано в стихах на языке статистики:

> Все это было на одном листе,
> На двадцати плюс—минус десять строчек <. . .>
>
> (Слуцкий 1963, 65)

Пастернак представляет значительное отклонение в сторону увеличения. На противоположном полюсе симметрично ему рас-

полагается Ахматова: средняя длина стихотворения в «Седьмой книге» 10.2 стиха. Для сравнения напомним, что в XIX в. соответствующие данные для Пушкина равны 26, для Лермонтова — 22.7, для Тютчева — 18.5 (Стихосложение 1979, 98, 385).

Воссоздавал ли Пастернак жизнь своих современников и современниц, обнажал ли в сознании человека XX в. глубинные мифологические пласты, варьировал ли классические темы и образы, имитировал ли музыкальную форму канона, баллады или сонатного аллегро, — неудержимый напор экспрессии требовал, говоря его собственными словами, лирического простора.

Ранние допечатные опыты поэта, сохраненные его братом, были опубликованы и прокомментированы Е. В. Пастернак и Ю. М. Лотманом. По большей части это недоработанные стихотворения и фрагменты, относящиеся к 1911—1913 гг. В дальнейшем мы учитываем эти ценнейшие материалы, принимая во внимание коренное их отличие от сознательно построенных, тщательно подготовленных и опубликованных автором книг (сокращенное обозначение ПО). Среди 70 опубликованных фрагментов нами отобрано 55 относительно законченных с количеством стихов 550. Как будет показано, в некоторых отношениях первые опыты естественно вписываются в общую картину эволюции поэта и дополняют ее неоценимо важными штрихами.

Методика. Нами осуществлен подход, разработанный и примененный ранее (Баевский 1974; Баевский 1982). В соответствии с особенностями материала и задачами исследования он всякий раз подвергается модификациям. Он сводится к тому, что стихотворная речь рассматривается не с точки зрения какого-либо одного аспекта (метрики, строфики, системы рифм и т. п.), а в совокупности всех основных аспектов, причем эти аспекты рассматриваются не изолированно, а как системное единство.

В пастернаковском каноне нами выделены для наблюдения аспекты метрики, ритмики, стихового синтаксиса, рифменной системы, строфики. Обойдена обширная область фоники: хотя за последние годы здесь открылись новые перспективы, она все еще недостаточно освоена, чтобы оперировать ее данными наряду с другими аспектами. Богатство звуковых повторов всегда привлекает в стихах Пастернака, на эту тему есть ряд работ, в том числе прекрасная диссертация (Dahl 1978). К некоторым результатам Елены Даль мы обратимся. Сам поэт говорит, что не посещал кружка А. Белого при «Мусагете», «потому что, как и сейчас, всегда считал, что музыка слова — явление совсем не акустическое и состоит не в благозвучии гласных и согласных, отдельно взятых, а в соотношении значения речи и ее звучания» (Пастернак 1982, 438).

Первоначально в пределах каждого аспекта мы выделили от 1 до 5 индексов, общим числом 20. Анализ показал, что некоторые индексы связаны прямой или обратной зависимостью, другие даже

дают весьма близкие показатели (между тем для дальнейшей статистической обработки важна их независимость), третьи имеют слишком дробные, статистически не значимые показатели. Мы элиминировали индексы, дававшие близкие или зависимые количественные характеристики, укрупнили чрезмерно дробные и оставили 10 индексов.

1. Количество размеров (по отношению к количеству стихотворений).

2. Количество текстов с усложненной метрикой (тонический стих + переходные метрические формы (ПМФ) + логаэд + полиметрические композиции (ПК)) по отношению к количеству стихотворений.

3. Количество стихов с ударением на 1-м икте по отношению к общему количеству стихов (в четырехстопном ямбе). При сопоставлении с данными других исследователей эти данные, согласно традиции, брались в процентах.

4. Количество стихов с ударением на 2-м икте по отношению к общему количеству стихов (в четырехстопном ямбе). См. уточнение в (3).

5. Количество стихов с пропуском ударений на иктах по отношению к общему количеству стихов (в дактиле, амфибрахии, анапесте).

6. Количество стихов, разорванных синтаксическими паузами, по отношению к общему количеству стихов (в четырехстопном ямбе).

7. Количество точных рифм (типа *комик* : *домик*) по отношению к общему количеству рифм. См. уточнение в (3).

8. Количество приблизительных рифм (типа *личину* : *причина*) по отношению к общему количеству рифм.

9. Количество строфических форм по отношению к количеству стихотворений.

10. Количество строф, завершающихся неустойчивой клаузулой (женской или дактилической), по отношению к общему количеству строф.

Все наблюдаемые величины оцениваются здесь не в абсолютных, а в относительных числах, что позволяет соотносить их между собой.

Важен каждый индекс, еще важнее их системная связь. Пастернак ее осознавал и настаивал на том, что все аспекты стихотворной речи непременно должны семантизироваться: «Часто стихотворение, в общем никакого недоумения не вызывающее, его вызывает только тем единственно, что оно — стихотворение; совершенно неизвестно, в каком смысле понимать тут метр, рифму и формальное движение стиха. А все это не только должно быть в поэзии осмысленно, но больше: оно должно иметь смысл, превалирующий надо всеми прочими смыслами стихотворения» (Пастернак 1972а, 154).

Каждая книга стихов отличается некоторой присущей ей мерой разнообразия. Благодаря своей универсальности, категория разнообразия — одно из фундаментальных понятий теории информации — позволяет исследовать связи между разными аспектами и индексами.

Мера разнообразия стихотворной речи есть случайная величина в статистическом смысле слова: в разных случаях она может принимать разные значения, причем заранее невозможно предсказать, какие именно. 10 индексов следует рассматривать как 10 испытаний, в результате которых получаются 10 значений случайной величины, характеризующей разнообразие стихотворной речи в пределах книги. «Непредсказуемость» — одна из характерных особенностей поэтического текста. С другой стороны, мы бессознательно владеем весьма точными представлениями о частотах самых разных речевых явлений. Нет оснований полагать, что факты стихотворной речи не подчиняются общему правилу: «Речевой опыт в целом имеет вероятностную структуру» (Фрумкина 1971, 18). Таким образом, наш подход в высокой степени адекватен исследуемому материалу.

С помощью корреляционного анализа были измерены сила и направление связей всех книг Пастернака (попарно) путем сравнения мер их разнообразия. С этой точки зрения не имеет решающего значения, какие именно 10 индексов выбраны в качестве значений случайной величины, участвующей в корреляционном анализе. Если исследование организовано правильно, мера разнообразия должна сходным образом проявиться в индексах, частично или даже полностью охватывающих другие стороны стихотворной речи. Это рассуждение получило подтверждение на ранних стадиях настоящей работы.

В процессе корреляционного анализа уровень значимости заранее не назначался. Получив коэффициент корреляции, мы устанавливали, какому уровню значимости он соответствует (Шторм 1970, 135, 201, 344; ван дер Варден 1960, с. 421). Результаты корреляционного анализа изложены в заключительном разделе статьи.

Метрика. Количество размеров. В ПО и БТ — умеренное разнообразие размеров, взрыв следует в ПБ: более $^2/_3$ текстов имеет индивидуальную, не повторяющуюся в пределах книги метрику. Поэт имел все основания сказать: *Полюбуйся ж на то, Как всевластен размер* (ПБ, с. 31). Позже Пастернак сказал, что «поверх барьеров» для него было не только названием книги, но и определением новой творческой манеры. В дальнейшем разнообразие метрики от книги к книге (за одним исключением) убывает, однако СМЖ, ТВ и СРЛ по этому показателю значительно превосходят первую книгу (табл. 1).

Усложненная метрика. Этот индекс выделяет те же четыре книги — ПБ, СМЖ, ТВ, СРЛ — еще более резко (см. табл. 1).

Здесь имеет усложненную метрику, т. е. принадлежит к тонической системе (дольник, тактовик, акцентный стих), логаэдической системе («Конец», СМЖ), ПМФ, ПК от 59,2 % до 25 % текстов, тогда как среди других книг максимум составляет 13,5 % (НРП), а минимум 3,7 % (ВР).

Начиная со ВР, как и в раннем БТ, в метрике господствует четырехстопный ямб. Он для Пастернака знак связи с пушкинской традицией (о чем свидетельствует, в частности, его распространенность в ТВ). В пастернаковском каноне он стоит на первом месте и по количеству стихотворений, и по количеству стихов. Второе

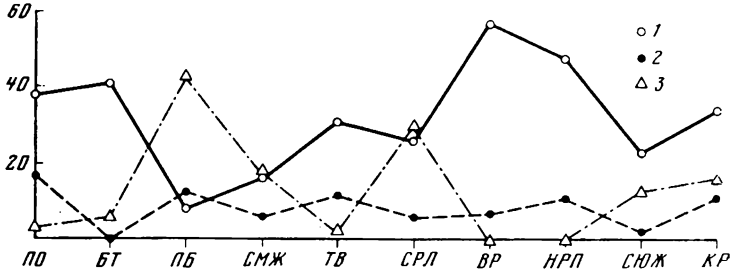

Рис. 1. Процент стихотворений:
1 — 4-х стопный ямб; *2* — ПМФ; *3* — ПК

и третье места принадлежат конгломератам ПМФ и ПК. Эти три категории в совокупности дают более половины всего материала. Рис. 1 показывает распределение их по книгам.

Своеобразие метрики Пастернака выясняется при сопоставлении с распределением форм в поэзии XX в. В 1890—1924 гг. четырехстопный ямб по количеству стихов составлял 18,9 % (Гаспаров 1974, с. 48); в БТ его вдвое больше, в ПБ — вдвое меньше. В 1925—1935 гг. этот размер занимает 16,4 %, во ВР — 56,7 %, в три с половиной раза больше, и т. д. В то же время дольник, который в 1925—1935 гг. с 18,6 % стоит на первом месте, опережая ямб, во ВР начисто отсутствует. Спектр метрических форм на протяжении творчества Пастернака сугубо индивидуален и изменчив.

Ритмика. Первый и второй икты четырехстопного ямба. Ритм пастернаковского четырехстопного ямба обладает двумя определяющими особенностями: ударность 1-го икта выше, чем 2-го, и не отмечается никакой эволюции в течение полустолетия. Уже в ПО ударность 1-го икта выше, чем 2-го, на 13,4 %, почти как в ТВ и ВР. Единственное отклонение представляет ПБ, однако оно не показательно: в этой книге всего 4 текста, 104 стиха написано четырехстопным ямбом. Разность между ударностью 1-го и 2-го иктов в других книгах незначительно отклоняется от средней по пастернаковскому канону (см. табл. 1).

Сопоставление со стихом Брюсова и А. Белого (Тарановски 1955, 20, 22; Тарановски 1966, 129) убеждает в зависимости Пастернака от их ритма. Но Пастернак осуществлял профиль ударности с нагруженным 1-м иктом и ослабленным 2-м более последовательно, чем любой другой поэт XX в. В связи со сказанным стоит тяготение поэта к редким и уникальным ритмическим формам. Например, в «Музыке» он дважды дает форму с пропуском ударений на двух первых иктах, практически отсутствующую в классической поэзии: *Или, опередивши мир* ‹. . .›; *Или консерваторский зал* ‹. . .› Раритетна и форма с пропуском ударений на 2- и 3-м иктах при дополнительном ударении на первом слоге: *Цель творчества — самоотдача* ‹. . .›

Ритмика трехсложных размеров. Пастернак единственный среди русских поэтов более или менее систематически пропускал ударения на иктах дактиля, амфибрахия и анапеста. За исключением начального икта дактиля, где такие пропуски диктует речевое распределение ударений, в XIX и начале XX в. все икты как правило заполнялись ударениями. Пастернак уже в ПО среди всего 28 стихов трехстопного амфибрахия демонстрирует случай ритмического новаторства: *Я чуял над собственным бредом Всплеск тайного многолепестья.* Это поразительная смелость для начинающего поэта. Уже в первой книге Пастернака количество стихов с пропуском ударений на иктах трехсложных размеров примерно таково, как по канону в среднем (см. табл. 1).

Пропуская ударения на иктах трехсложных размеров, Пастернак часто вводит ударения на неиктах (Struve 1968; Гаспаров 1974, 150—160). «В трехсложных размерах полное овладение всеми оттенками художественной выразительности пропуска метрических ударений в их комбинации с внеметрическими ударениями на слабых слогах было достигнуто прежде других Пастернаком» (Колмогоров, Прохоров 1968, 430). В XX в. Исаковский, Мартынов, Рыленков, Твардовский, Самойлов, Евтушенко уклоняются от пропуска метрических ударений и постановки внеметрических. Антокольский, Яшин, Межиров допускают пропуски метрических ударений, но не культивируют внеметрические ударения. Наконец, Пастернак и в меньшей мере Асеев, Ахматова, Ушаков, Смеляков, Слуцкий используют и пропуски метрических ударений, и постановку внеметрических.

Синтаксические паузы. Основной структурной единицей стихового синтаксиса принято считать не предложение, а стих в его соотношении с синтаксической конструкцией (Брик 1927; Holthussen 1960). «Стих обладает более тесным единством интонации, чем высшие и низшие доли стихотворной речи» (Томашевский 1959, 22). Настоящий индекс отражает степень интонационного единства стиха, наличие либо отсутствие внутри его структурной синтаксической паузы: на границе предложений; между простыми предложениями, входящими в сложное; после обобщающих слов;

при выделении обособленных и однородных членов предложения (Щерба 1957, с. 28—30).

Поскольку стих обладает «тесным единством интонации», естественно ожидать, что синтаксические паузы будут избегать середины стиха и тяготеть к границе между стихами. Действительно, в стихотворной речи $^3/_4$ стихов не содержит синтаксических пауз (Баевский 1974, 24). Разница в степени насыщения стихотворной речи синтаксическими паузами у поэта зависит только от длины стиха (от количества в нем слогов): чем длиннее речевая цепочка, тем чаще в среднем она членится паузами. Для построения данного индекса мы исследовали наиболее распространенный в каноне и единственный представленный во всех книгах размер, — четырехстопный ямб.

В ПО стихов, разорванных синтаксической паузой, 23,5 % (см. табл. 1). Данный коэффициент весьма близок к средним данным, о которых сказано выше. Здесь уже видна поэтическая культура, но еще ничто не предвещает взрыва. А взрыв последовал немедленно. В БТ синтаксическая пауза нарушает интонационное единство 51,0 % стихов. Это единственный известный нам в поэзии случай, когда синтаксическими паузами затронуто больше половины всего текста. Вся дальнейшая эволюция стихосложения Пастернака выглядит с рассматриваемой точки зрения как постепенное, растянувшееся на полвека угасание этого взрыва.

Вначале поэт создавал свою лирику как энцефалограмму, синхронно отображающую каждый всплеск эмоций, каждое движение мысли, каждый волевой порыв. У него есть стихотворение «Гроза моментальная навек». Подобные заглавия могло бы носить большинство текстов ранних книг: «Любовь моментальная навек», «Война моментальная навек», «Смерть моментальная навек». . . Постепенно функция внутристиховых пауз, с enjambement и без него, меняется. Эффект спонтанности устраняется. Поэт более не стремится создать иллюзию потока сознания и чувств, он представляет в стихах итоги осмысления своих чувств, переживаний, наблюдений.

Движению стихового синтаксиса близко соответствует эволюция звуковых повторов. Наиболее сложна их структура в БТ, далее от книги к книге их сложность уменьшается (Dahl 1978, 116, 120—121). Параллельность развития на фонологическом и синтаксическом уровнях необыкновенно выразительна и заставляет ставить вопрос о цельности языкового образа мира в лирике Пастернака.

Точная / неточная рифма. Главная особенность рифменной системы русской поэзии XX в. состоит в распространении неточной рифмы и в убывании точной; эти два типа рифмы оказываются в обратной зависимости (Самойлов 1982, 224). Фаза интенсивных поисков начинается около 1913 г., достигает высшей точки в начале 20-х годов и заключается в течение десяти лет между серединой

20-х и серединой 30-х годов (Гаспаров, 1981, 15). При значительных колебаниях на протяжении 1900—1980 гг. в рифме в общем нарастают неточность и связанные с нею явления (Шепелева 1983, 218).

Точность рифменного созвучия обычно связана с совпадением суффиксов и флексий, неточность основана на совпадении корней. Когда главную роль играют корни, рифма семантизируется, лексические значения рифмующих слов актуализируются (Маяковский, т. 12, 106). Развитие в русском стихосложении неточной рифмы есть формальный показатель насыщения ее смыслом (Jakobson 1962). Пастернак вместе с Маяковским и Асеевым сыграл решающую роль в этом процессе.

В ПО неточная рифма составляет 12,5 % (см. табл. 1). Это самая скромная для Пастернака величина. Однако в русской поэзии в это время неточные рифмы составляли в среднем около 5 % (Гаспаров 1981, 26). Таким образом, молодой поэт, набрасывавший свои строки на обороте студенческих конспектов, решительно революционизировал традиционную рифменную систему. В БТ процент неточных рифм вдвое выше, в ПБ вдвое выше, чем в БТ, в СМЖ — на 13,4 % выше, чем в ПБ. За пять лет произошел взрыв необыкновенной силы, и рифма Пастернака осталась точной только на $^1/_4$, почти исключительно за счет мужских клаузул.

В том же направлении, лишь несколько менее интенсивно, преобразилась за эти годы рифменная система Маяковского и Асеева, по тому же пути, хотя и не столь решительно, пошли и другие поэты. А сам Пастернак, взрывом проложив русскому стиху путь к неточной рифме и предельно ограничив сферу точной, начиная с ТВ стал двигаться в противоположном направлении.

Можно думать, что общее увлечение неточной рифмой отчасти и вызвало поворот поэта к рифме точной. Он полагал, что неточная рифма имеет право на существование и эстетически оправдана, когда за нею стоит новое глубокое содержание, как у Блока и Маяковского. В этом случае даже при рифменном «разнозвучии» стихи гармонируют своей содержательностью. Там же, где формальное новаторство не оправдано глубокими «мировоззрительными источниками и резервами», оно нетерпимо (Пастернак 1972, 453).

Приблизительная рифма. Хотя направление ее эволюции то же, что и точной рифмы (см. табл. 1), интенсивность весьма отлична. Так, по сравнению с ПБ точная рифма в СМЖ сократилась на 33 %, приблизительная — на 11 %; по сравнению с СМЖ точная рифма в ТВ возросла на 14 %, приблизительная — на 46 %, и т. п. Важно отметить, что в конце жизни Пастернак почти вернулся к структуре рифменной системы ПО. Соотношение точных, приблизительных, неточных рифм в ПО 60.4 : 27.1 : 12.5, в КР 60.9 : 24.6 : 14.5.

Строфические формы. Усложнение строфической организации вплоть до ее разрушения было свойственно экспериментам новаторов первой четверти XX в., в том числе Пастернаку. Функцию усложнения в значительной мере выполняли теневые рифмы, благодаря которым возникали дополнительные связи внутри строфы и между строфами. Усложнение и разнообразие связано со стремлением возможно полнее использовать экспрессивные и семантические возможности строфической формы. Противоположным пределом эволюции строфической системы стало почти безраздельное господство четверостиший перекрестной рифмовки (прежде всего четырехстопного ямба) в «Когда разгуляется».

Индекс разнообразия строфических форм изменяется от книги к книге в широких пределах, причем направление изменений не похоже на эволюцию показателей в других аспектах. Значение индекса плавно возрастает от ПО до СМЖ, чтобы через ТВ опуститься в СРЛ почти до уровня БТ. А далее следует взлет во ВР, падение в НРП, новый взлет в СЮЖ и новое падение в КР. Этот колебательный процесс с тремя вершинами в СМЖ, ВР и СЮЖ демонстрирует постоянное напряженное внимание поэта к организации строфики.

Неустойчивые / устойчивые клаузулы. В речи фраза оформляется интонационно, причем интонация зависит от движения тона на ударных слогах. Безударные слоги, особенно конечные, по тону нейтральны (Реформатский 1967, с. 134). Поэтому мужское окончание стиха и всей строфы придает им значение законченности, женское, дактилическое и гипердактилическое — соответственно все большей незаконченности.

У Пастернака бросается в глаза большое количество женских и дактилических окончаний строф. Если в поэзии XX в. они составляют примерно 25 %, то в пастернаковском каноне — 34,7 % от общего числа строф. В этом — одна из причин впечатления незавершенности, недоговоренности, спонтанности, которое производят стихотворения Пастернака. Эта тенденция получает предельное развитие в СРЛ и в трех предшествующих книгах, но ограничена в БТ и в последних четырех книгах.

Периодизация. Все наблюдаемые величины от книги к книге изменяются по-разному. Максимумы разных индексов приходятся на СРЛ, СМЖ, ПБ, БТ и даже ПО. В индексах ритма эволюция не наблюдается вовсе. Минимумы приходятся на ВР, НРП, КР. Ясно, что построить строгую периодизацию на основании таких зыбких данных невозможно. Если можно усмотреть некоторую общую закономерность, то она состоит в движении от большего разнообразия стиховых средств к их ограничению, что и отмечают все имеющиеся периодизации, обобщенные и приблизительные.

Большой поэт всегда дает новое содержание. Оно органически связано с новой формой. Исследуя историю стихосложения Па-

стернака, мы открываем путь научной периодизации его творчества.

Табл. 2 показывает, что меры разнообразия стиховых средств всех книг Пастернака связаны положительной корреляцией, и это не тривиальный вывод. Поэт и его читатели усматривали глубокую разницу между некоторыми книгами. Разница есть: если СМЖ и ТВ, писавшиеся почти одновременно, имеют коэффициент корреляции 0.92, то СМЖ и КР — лишь 0.52. Первый коэффициент, приближающийся к 1, свидетельствует о высокой степени близости; второй показывает, что некоторое сходство, имеющееся между книгами, может быть и случайно. Однако ни один коэффициент не опускается ниже 0.52, не приближается к 0, тем более не имеет отрицательного значения, что свидетельствовало бы об отсутствии связи между стиховыми системами книг или об их взаимном отталкивании.

Между тем, когда мы таким же методом изучали положение книги КР среди современных ей книг других поэтов (Баевский 1982, 262—263), были обнаружены и положительные, и близкие к нулю, и отрицательные корреляции, причем абсолютное значение коэффициента ни разу не превысило 0.70. Таким образом, стиховая система пастернаковского канона демонстрирует внутреннее единство, и все расхождения между книгами, вся эволюция — это расхождения, эволюция в пределах единой системы.

Коэффициентам 0.87 и выше соответствует уровень значимости 0.001 и выше. Коэффициентам от 0.76 до 0.86 соответствуют уровни значимости от 0.01 до 0.001. Коэффициентам от 0.63 до 0.75 соответствуют уровни значимости от 0.05 до 0.01. Коэффициенты ниже 0.63 (ниже 5%-ного уровня значимости) следует считать статистически не значимыми.

Наше внимание в первую очередь привлекают коэффициенты, расположенные по большой диагонали табл. 2. Они характеризуют связь хронологически соседних книг. Ввиду их особой важности эти данные графически представлены на рис. 2, где ось ординат есть ось коэффициентов корреляции.

Отчетливо выделяются ПБ, СМЖ, ТВ, СРЛ, коэффициенты корреляции которых необыкновенно высоки, 0.92 и выше между любыми двумя соседями в этом ряду, а также между ПБ и ТВ. Несколько ниже (хотя тоже высоки) коэффициенты корреляции между СРЛ, с одной стороны, и ПБ и СМЖ, с другой. СРЛ вобрали тексты с крайними датами 1916 («Город») — 1931 («Другу»). За полтора десятилетия стихосложение поэта эволюционировало, и начало отхода от поэтики рубежа 10—20-х годов отразилось на ослаблении связи между СРЛ и более ранними из трех предшествующих книг. Таким образом, СРЛ — до известной степени переходная книга, но все же она замыкает период, начавшийся ПБ, и принадлежит ему.

Своеобразное место занимает БТ. Его корреляция с ПБ слаба, чуть выше границы значимости. Сильнее связан он с ПО, замыкая первое трехлетие творчества.

ВР открывает третий период. Составляющие его книги относительно слабо связаны со своими соседями (коэффициенты корреляции от 0.69 до 0.74). При большей компактности книг во времени связь между ними выше, при меньшей — ниже, а третий период растянулся на три десятилетия. Это естественно.

Удивительно, что в последнем периоде корреляция соседних книг ниже, чем несоседних. Особенно сильно связаны книги через одну: ВР и СЮЖ (0.94), НРП и КР (0.98, самый высокий коэффициент в нашем материале). Думается, здесь, как и всюду, за

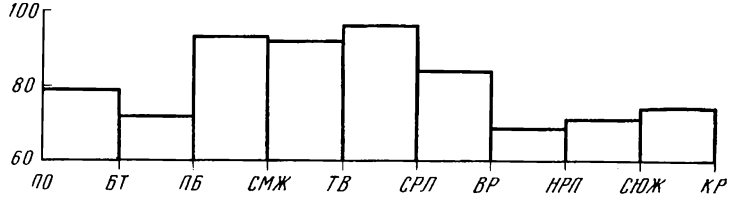

Рис. 2.

тесными связями стиховых средств стоит содержательное сближение.

Наконец, необходимо обратить внимание на то, что последняя книга сильнее коррелирует с ПО и БТ, чем с предпоследней книгой. В течение полустолетия поэт совершил некоторый цикл от относительной простоты к высшей сложности и от нее к относительной простоте и в конце жизни в определенном смысле приблизился к ее истокам.

Три периода, выделенные на основании корреляционного анализа, могут быть соотнесены с эволюцией стихосложения в отдельных аспектах, с творчеством поэта за пределами лирики, с фактами общественной и личной биографии поэта, политической и общественной жизни страны. Разумеется, предлагаемая периодизация не может считаться окончательной, она устанавливается нами как основание для дальнейших исследований.

I период. 1911—1913 гг. Занятия философией, участие в кружке А. Белого при «Мусагете». В 1913 г. Пастернак кончает университет и появляется в печати как поэт. ПО и стихотворения БТ. От следующего периода они отличаются преобладанием четырехстопного ямба, малым разнообразием метрики, относительно высоким процентом точных рифм. Преодоление символизма. Первые прозаические опыты. Первые недоработанные переводы из Рильке.

II период. 1914—1930. Выделяются две фазы.

1-я фаза. 1914—1922 гг. Мировая война, революция, гражданская война, самое начало нэпа. На рубеже этой и сле-

дующей фазы Пастернак женится и совершает поездку в Германию. Стихотворения ПБ, СМЖ, ТВ. Разнообразие метрики, в первых двух книгах преобладание ПМФ и ПК, разнообразие строфических форм, высокий процент строф с неустойчивой завершающей клаузулой охватывает все три книги и распространяется на следующую фазу. Время наиболее интенсивного лирического творчества «поверх всех барьеров», преодоление авангардизма. Прозаические опыты от «Апеллесовой черты» по «Три главы из повести». Переводы из Б. Джонсона, Г. Сакса, Гете, Клейста, Суинберна.

2 - ф а з а. 1923—1930 гг. Нэп, 1-я пятилетка. В конце — смерть Маяковского. Основная часть СРЛ (19 текстов из 24). Резкое падение интенсивности лирического творчества. Эта фаза объединяется с предыдущей не только высшим процентом строф с неустойчивой завершающей клаузулой, но и преобладанием ПК, а отличается возросшим процентом точной рифмы. Преодоление ЛЕФа, фронтальная переработка ранних стихов. Поэмы, опыт романа в стихах «Спекторский». Проза от «Воздушных путей» по «Охранную грамоту».

III период. 1931—1959 гг. Выделяются две фазы.

1 - я ф а з а. 1931—1945 гг. Предвоенные пятилетки и война. Вторая женитьба. ВР, НРП. Эту фазу объединяет со следующей значительное преобладание четырехстопного ямба, ничтожное количество текстов с усложненной метрикой, относительно малый процент строф с неустойчивой завершающей клаузулой. Самое заметное отличие: в 1-й фазе полностью отсутствуют ПК, чего у Пастернака больше никогда не было. «Начало прозы 1936 года», недоработанная пьеса «На этом свете», очерки о войне, о Клейсте,

Таблица 1

(ПО)	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
	346	236	813	679	035	235	604	271	093	453
БТ	429	048	845	714	075	510	626	138	429	141
ПБ	694	592	846	856	181	404	380	080	633	412
СМЖ	600	320	842	810	028	403	255	071	780	389
ТВ	460	238	899	766	067	358	290	104	573	409
СРЛ	458	250	854	804	036	327	451	117	458	510
ВР	333	037	892	826	015	365	421	153	888	268
НРП	297	135	828	750	178	167	497	268	216	328
СЮЖ	560	120	870	706	101	199	509	299	840	350
КР	250	068	835	753	086	190	609	246	272	270

Все числа умножены на 1000.

Верлене и Шопене. Переводы грузинских поэтов, Шевченко, Петефи, Словацкого, западноевропейских лириков, трагедий Шекспира.

2-я фаза. 1946—1959 гг. После войны. Последняя любовь. СЮЖ, КР. Преобладание философской и медитативной лирики, фронтальная переработка старых стихотворений. Проза от «Николая Бараташвили» по «Люди и положения». Недоработанная драма «Слепая красавица». Переводы трагедий Шекспира, «Фауста» Гете и ряд других работ.

Таблица 2

(ПО)	БТ	ПБ	СМЖ	ТВ	СРЛ	ВР	НРП	СЮЖ	КР
	79	59	48	70	85	54	94	57	91
БТ		67	63	80	82	82	82	76	88
ПБ			93	88	84	73	60	71	58
СМЖ				92	83	83	52	75	52
ТВ					96	90	77	85	76
СРЛ						84	85	81	85
ВР							69	94	75
НРП								71	98
СЮЖ									74

Все числа умножены на 100.

ЛИТЕРАТУРА

Баевский В. С. Типология стиха русской лирической поэзии // АДД. Тарту, 1974.

Баевский В. С. Стих и поэзия // Проблемы структурной лингвистики. 1980. М.: Наука, 1982.

Брик О. М. Ритм и синтаксис // Новый Леф, 1927, № 3—6.

Варден ван дер Б. Л. Математическая статистика. М.: Иностранная литература, 1960.

Гаспаров М. Л. Современный русский стих. М.: Наука, 1974.

Гаспаров М. Л. Второй кризис русской рифмы // Värsiõpetuse aktuaalseid probleeme ja soome-ugri värsitehnika küsimusi: Studia metrica et poetica. Tartu, 1981.

Грузинов И. В. Есенин рассказывает о литературе и искусстве. М.: ВСП, 1927.

Колмогоров А. Н., Прохоров А. В. К основам русской классической метрики // Содружество наук и тайны творчества. М.: Искусство, 1968.

Маяковский В. В. Полн. собр. соч. В 13-ти тт. М.: ГИХЛ, 1955—1961.

Пастернак о Блоке. Сообщение и публикация Е. В. Пастернак // Блоковский сборник. 2. Тарту, 1972 (Пастернак 1972).

Пастернак Б. Л. Воздушные пути. М.: Сов. писатель, 1982.

Реформатский А. А. Введение в языковедение. М.: Просвещение, 1967.

Руднев П. А. Метрический репертуар А. Блока // Блоковский сборник. 2. Тарту, 1972.
Русское стихосложение XIX в. М.: Наука, 1979.
Самойлов Д. С. Книга о русской рифме. М.: Худож. лит., 1982.
Слуцкий Б. А. Сегодня и вчера. [М.]: Молодая гвардия, 1963.
Тарановский К. Ф. Четырехстопный ямб Андрея Белого // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. X, 1966.
Томашевский Б. В. Стих и язык. М.; Л.: ГИХЛ, 1959.
Фрумкина Р. М. Вероятность элементов текста и речевое поведение. М.: Наука, 1971.
«Чудо поэтического воплощения»: (Письма Бориса Пастернака) / Публикация и комментарий Е. В. Пастернак // Вопросы литературы, 1972, № 9 (Пастернак 1972а).
Шепелева С. Н. Некоторые закономерности эволюции русской рифмы. XX век // Проблемы структурной лингвистики. 1981. М.: Наука, 1983.
Шторм Р. Теория вероятностей: Математическая статистика. М.: Мир, 1970.
Щерба Л. В. Опыты лингвистического толкования стихотворений. I: «Воспоминание» Пушкина // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957.
Dahl E. Некоторые особенности звуковых повторов Бориса Пастернака. Göteborg, 1978.
Holthussen J. Zum Problem der poetischen Syntax bei Boratynskij // Die Welt der Slaven, 1960, N 3—4.
Jakobson R. К лингвистическому анализу русской рифмы;
Jakobson R. Studies in Russian Philology // Michigan Slavic Materials. 1962, N 1.
Struve G. Some Observations on Pasternak's Ternary Metres / Studies in Slavic Linguistics and Poetics in honour of B. O. Unbegaun. N. Y., 1968.
Тарановски К. Руски четворостопни јамб у првим двема деценијама XX века // Јужнословенски Филолог, XXI. Београд, 1955—1956.

Н. В. ПАВЛОВИЧ

ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА И ПОЭТИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ

Цель этой статьи — описать значения нескольких слов поэтического языка и на их примере показать, что:

1) если описание достаточно полное (т. е. значения выделяются на большом числе текстов 18—20 вв.), то выявляется регулярность таких семантических признаков слова, которые «не видны», или кажутся случайными в узком кругу текстов;

2) часть значений слова входит в более крупные семантические единицы — образные парадигмы, поэтому признак, который кажется случайным в семантике слова, становится в систему (осмысляется нами как регулярный), если найдены те существующие в поэтическом языке образные парадигмы, в которых участвует данное слово.

Рассмотрим значения слов *звезды*, *луна* и *месяц*, выделенные на текстах русской художественной литературы 18—20 вв. Не-

сколько замечаний относительно способа описания. Значение слова описывается набором его лексико-семантических парадигм (о лексико-семантической парадигме см. Шмелев, 1977, о поэтической, или нестандартной лексико-семантической парадигме см. Павлович, 1981 и Павлович, 1986). Слово сближается с рядом других слов (семантически далеких, несходных — в том смысле, что в нормативном языке они не сближаются) вплоть до взаимозаменимости при некоторых условиях. Если сближение регулярно, то эти слова образуют парадигму с некоторым семантическим инвариантом (признак или устойчивая группа признаков). Этот инвариант и представляет собой значение лексемы.

Парадигмы слова бывают двух типов: обратимые (обозначаются X ↔ Y) и необратимые (X → Y). Обратимость означает взаимозаменимость (например, словом *звезды* могут обозначаться *бриллианты*, и наоборот, словом *бриллианты* могут обозначаться *звезды*). Необратимость — это замена односторонняя, например, слово *дым* может означать *звезды*, но не наоборот. Отношение обратимости редко бывает симметричным, чаще всего сближение в одну сторону сильнее, в другую — слабее. Так, парадигма: «луна (месяц) → щит» — частая, а «щит → луна (месяц)» — редкая (соотношение примерно 10 : 1). Кроме того, отношение обратимости указывает на то, что оба слова X и Y могут означать нечто третье — Z. См. ниже последние примеры в парадигме «звезды ↔ цветы» (N4). Еще пример. Существует парадигма «солнце ↔ глаз». При этом *солнце* может означать *глаз* (*око*), *глаз* может означать *солнце* и оба слова могут, сближаясь, означать нечто третье, например, *солнечные блики*: — Наш! — запели дубравы и рощи / Сотнями *глаз*, зорких *солнышек*, / Ветвей благовест (Хлебников).

В описании значения слова парадигмы перенумерованы. После самой парадигмы приводятся примеры из текстов. Стрелка перед группой примеров указывает на то, какой основной признак (X-а или Y-ка) реализуется в них. Так, в парадигме 3 сло́ва *звезды* в примерах, следующих после стрелки →:, глаза, очи, взгляд обозначают звезды, после стрелки ←: звезды означают глаза, очи, взгляд, стрелка же ↔: указывает либо на неопределенность контекста (неясно, звезды или глаза), либо на нечто третье. Значения, выделенные словарем языка Пушкина, здесь не приводятся ввиду ограниченности объема статьи.

Звезды

1. *звезды* ↔ свечки, лампады, лучинки, светильники, фонари, каганцы: Светил возженных миллионы / В неизмеримости текут, . . . Но огненны сии *лампады* (Державин); Лишь ярко звездочка одна, / *Лампадою* гостеприимной / На крае неба зажжена (Жуковский); О дивном сонме звезд златых, / Бесчисленных *лампад* всемирного чертога (Кюхельбекер); . . .по небу звезды как *лам-*

пады навешаны (Лесков); . . .и, тихо мигая, как бережно несомая *свечка*, затеплится на нем вечерняя звезда (Тургенев); И ночь зажжет свои *лампады* вековые (Надсон); Когда пойдут по небесам ночным *лампады* зажигаться над землею! (Ап. Григорьев); В просвете — *свечи* первых звезд (Брюсов); Синюю звездочку *свечкой* / Я пред тобой засвечу (Есенин); Вечер синею *свечкой* звезду / Над дорогой моей засветил (Есенин); Знать, что небо в вечеру / Над избой затеплит *свечки* (Клюев); Теплятся звезды-*лучинки* (Клюев); Нынче месяц нам *фонарик*, / Завтра звезды нам *лампадка* (Цветаева); В небесах зажглися *свечи* / Провожающих зарю (Ахматова); Черная ночь. / Без звездных *фонарей* (Маяковский); . . . и звезд, как сизых *свечек*, шевеленье (Пастернак); И в том шатре были звезды-*каганцы* (Бабель). Тут высыпают звезды светлым роем — *Светильники*, зажженные извечно (Луговской); ←: Как звезды в небесах пустынных, / Кой-где чуть светят *огоньки* (Рылеев); Щурясь от свечки, пламя которой колеблется. ., как лучистая, мутнокрасная звезда (Бунин).

2. *звезды* →огонь, пламя, пожар, костер, пылающее, горящее . .: С *горящими* небо пылает звездами (Тютчев); И след *огнезвездный* (Тютчев); дождь *огнистых* звезд (Брюсов); Со звезд полуночным *огнем* (Хлебников); . . .тушить *пожар* созвездья Псов (Хлебников); . . .*пламя* блистающих звезд (Хлебников); . . .*костер разожженных* созвездий (Маяковский); Все расцвело, полыхает / *Пламенем* звездных *костров* (Павлович); Над ним звезды *пожарик* красный (Заболоцкий); *Пылает* за окном звезда (Мандельштам); . . .Кучи звездного *огня* (Заболоцкий), Звезда, как *полымя*, бушует, перед нами (Заболоцкий).

3. *звезды* ↔ глаза, очи. →: На небе ярко сверкнула, как живой *глаз*, первая звездочка (Гончаров); Сии светила, как живые *очи*, / Глядят на сонный мир земной (Тютчев); Долго ль впивать мне мерцание ваше, / Синего неба пытливые *очи*? (Фет); С вышины лазурной ночка голубая / Смотрит вниз на землю звездами-*очами* (Надсон); Прекрасен лик звезды с прозрачным *взором*. . . (Бальмонт); Трепетание звезд, их мерцанье *стоокое* (Бальмонт), И крупные звезды блестели / Печалью нездешних *очей* (Бальмонт); . . . Лишь звезды — *очи* ночи бурной! (Блок); Звезды — *очи* (Блок); Вдали — иного бытия / *Звездоочитые* убранства (Белый). Всходили и гасли звезды. . . Всходили и гасли *очи* (Цветаева); Осенние звезды засветились на небе, точно, выплакавшись, там открылись удивленные и добрые *глаза* (Платонов); Звезды в небе — *глазом волчьим* (В. Багрицкий); Блистают звезды *светлыми зрачками*, / Ресницами морозными мигая (Луговской); . . .Медведица мерцала *семиоко*. Взирали свысока семь звездных *глаз* (Казакова); Только ночь надо мной *глазаста* (Самойлов); ← : Как звезды блещут *очеса* (Жуковский); И светятся, как звезды ночи, / Под шлемом удалые *очи* (Жуковский); *Очи* ее, светозарные звезды (Жуковский); . . .и храбрых *очи*, / Как звезды тихой ночи (Ба-

тюшков); *Глаза* у ней как звездочки (Языков); А *глаза*, / Как две звезды востока! (Языков); В ваших звездах, черны *очи* (Лермонтов); И *взор* безмолвный блестит звездой (Лермонтов); Сияет ярче звездный *взгляд*. (К. Павлова); Теплы были звезды *очей* (Фет); Как юно-нетленные звезды, / Твои загораются *очи* (Фет); . . .из которого светились, как звезды, масленые, добрые и сонные *глаза* (Л. Толстой); И многозвездным *взором* / Весь мир мой охвачу (Ф. Сологуб); Нет заката *очам* твоим звездным! (Блок); Погасли звезды синих *глаз* (Блок); Лишь *глаза* ее светят как звезды (Хлебников); *Глаз* голубых блестел стожар (Хлебников); И вот за то тебе спасибо, / Что, цепенея, / Двух звезд моих не видишь. . . (Цветаева); Словно звезды *глаза* голубели (Ахматова); . . .где свет веселый / Серых звезд — ее *очей*? (Ахматова); Я видал эти синие звезды *очей* (Кедрин); И в *глазах* твоих звездных (Заболоцкий); ↔: Что мне светит — звезды, *очи* ль (Вяч. Иванов); И в новых небесах увидишь / Лишь две звезды — мои *глаза*. / Миг! В этом небе глаз упорных / Ты вся отражена (Блок);

4. *звезды* ↔ цветы, сирень, ландыш, чертополох. . . →: Но луна сияньем косит звездные *цветы* (Брюсов); Прими *стоцветная* звезда! (Блок); *Цветы* и звезды так сближены, что похоже, и небо попало под лейку, и теперь звезд и белокрапчатой травки не расцепить (Пастернак); Звезды напряженные *цвели* (Луговской); Роскошная звездная ночь *цвела* над такыром (Трифонов); ←: . . .как звезды, меж снегов *цветы* (Державин); За листком листок срывая / С белой звездочки полей (К. Павлова); Звезда развалин! (о лилии) (Вяч. Иванов); Ты, как звезды, в травах светишь (о ландыше) (Брюсов); *Сирени* темной в час разлуки / Пятиконечную звезду (Блок); Эти звезды с острыми концами. . . (о чертополохе) (Заболоцкий); ↔: Пусть любви могущий гений / Даст нам звездные *цветы* (А. Бестужев-Марлинский); Ты был осыпан звездным *цветом* / Ее торжественной весны (Блок); И в сердце звездится *сирень* (Бальмонт); . . .*расцветала* звездами гора-цвет (Ремизов); Плащ — *семицветием* звезд слетает / В туман (Белый); Ночи запах — эти звезды / В ноздри буйные вдыхая (Хлебников); Путь мой — в *черемухе* звездной! (Ю. Мориц).

5. *звезды* ↔ листья →: *Листьями* звезды льются (Есенин); ← : *Листва* набегом ржавых звезд / Летит на землю (Э. Багрицкий).

6. *звезды* ↔ ягоды, земляника, вишни, грибы. . . →: В ней лесными *ягодами* бредовой ясности зажглись первые звезды (Пастернак); Вот и звезды, как *грибы*, / На опушке туч буланых (Клюев); . . .Мельчайшая звезда свисает *земляникой*. . . И *земляничную* звезду на стебельке (Ю. Мориц); И по-прежнему звезды, как *вишни*, / За забором Вселенной срывать (Светлов); ←: Звездится в траве *земляника*. А. Толстой.

7. *звезды* ↔ алмазы, жемжучины, бриллианты, безделушки, перстни, обручальные кольца, ордена. . . →: Скоро повысыплют

звезды *алмазные* (Фет); *Алмазных* звезд (Надсон); *Бриллиантом* лучистым и ярким. . . Тихо блещет звезда, как живая (Бунин); Южное ночное небо в крупных *жемчужных* звездах (Бунин); *Алмаз* предутренней звезды (Бунин); Где ночью, в синеве, всемирные *алмазы* (Брюсов); *Алмазы* звезд (Брюсов); А ночью встретит вольный взор / Лишь глубину да сеть *жемчужин* (Брюсов); И далекие звезды застыли. . . Как огни *бриллиантовой* пыли (Бальмонт); . . .как эти *безделушки неба*, звезды (Хлебников); . . .звезд *алмазные копи* (Маяковский); Значит — кто-то называет эти плевочки *жемчужиной*? (Маяковский); . . .звезд *ордена!* (Маяковский); Сверкни, звезды *алмаз* (Белый); . . .*алмазные* русские ночи (Ахматова); Ночь *брильянтовой* чашей горит (Заболоцкий); Звезды пылают во тьме, как *обручальные кольца* (Бабель); Катятся звезды, к *алмазу алмаз* (Тихонов); Взошли мои *алмазные* Плеяды (Тарковский); ←: И *перстни* подражали звездам ночи (Хлебников); ↔: Стихов эфирных зыбь / Вскипит *алмазом* звезд (Белый).

8. *звезды* →ожерелье, венец, кокошник. . : Вот уж небо в звезды рядится, / Как в узорчатый *венец* (Рылеев); Где сквозь далеких звезд *кокошник* (Хлебников); Даруя небу *ожерелье* (Хлебников).

9. *звезды* →кольчуга, щит, шлем, шишак. . .: Заблещет звездный *щит* Стожар (Бунин); Нагибая звездный *шлем*. . . Облеченный в звезд *шишак* (Хлебников); Великая сияла ночь *кольчугой* / Мединской, золотой (Луговской).

10. *звезды* ↔ монеты, пятачки, пятиалтынные, червонцы. . . →: А звезды-то, звезды, точно новенькие *пятиалтынные*! (Чехов); . . .и звезды, сперва большие и светлые, как серебряные *пятачки* (Л. Андреев); И кули с *червонцами* звезд (Хлебников); ↔: Целый день сырой осенний воздух / Я вдыхал в смятеньи и тоске; / Я хочу поужинать, и звезды / Золотые в темном кошельке! (Мандельштам).

11. *звезды* →сонм, хор, соединенье, рой, стая, хоровод, леса, караван, званый вечер, большое общество: Звезд величавый *хоровод* (Ап. Григорьев); . . .звездный *сонм* горит (Тютчев); . . .падучих звезд прекрасный *рой* (Хлебников); И к восточных звезд *лесам* (Хлебников); . . .звездных *стай* осколки (Ахматова); Все те же *хоры* звезд (Ахматова); звезд соединенья; *караваны* сонных звезд (Заболоцкий); звездный *рой* (Луговской); Крупные звезды — как *званый вечер*. Млечный путь — как *большое общество* (Пастернак).

12. *звезды* ↔ стезя, межа, дорога, путь. . . →: Уже небесный лев . . . — и пламенной *стезею* / Течет по светлым небесам! (Тютчев); И звездная дышит *межа* (Блок); В небе — звездные *дороги* (Блок); . . . и весь мир, будто странник, шел по небесным, по звездным *дорогам* (Платонов); ←: Невский млечным *путем* тек вдаль. (Бабель).

13. *звезды* →узор, узорочье, вязь, сеть, ветка. . : Вечных созвездий *узор* золотой (Бунин); . . .Бесстрастных звезд узоры (Ф. Сологуб); . . . звезд *узор* живой (Бунин); Под синим, блистающим звездным *узором* (Луговской); Звездное седое *узорочье* (Луговской); . . . звездные тонкие *сети*! (Луговской); . . .росистую *ветку* Млечного пути (Хлебников); Была росистая *ветка* черных небес (Хлебников); . . .и подает ей *ветку* — звезду с неба (Ремизов).

14. *звезды* →нити, линии, пояс, лента (см. Блок, Хлебников, Тарковский).

15. *звезды* ↔ россыпь, пыль, труха, крошки. . . →: Что небо звездное — *песком* посыпанный листок (Некрасов); . . .нечастых звезд мерцающая *россыпь* (Вяч. Иванов); . . .*рассыпные* снопы звезд (Пастернак); И звезды *сыплют* снежный *прах* (Блок); Враг *пыльного* созвездия (Хлебников); А звезды — это *пыль!* (Хлебников); Созвездий светит *пыль* (Есенин); Я дышал звезд млечных *трухой* (Мандельштам); . . .и в звездах небо козье / *Рассыпалось* (Мандельштам); . . . под владычеством *пылящихся* звезд (Пастернак); Над ним созвездьями *пылит* гора (Луговской); . . .вкус звездных хлебных *крошек* (Р. Казакова);← : Картою созвездий — *прах* (Цветаева); ↔: Под ноги лечь у тебя на дороге / Звездной *песчинкою* в звездный *песок* (Тарковский); Плащ мой — в серебряной звездной *пыли* (Ю. Мориц).

16. *звезды* →дым; . . .куда прозрачным *дымом* / Нисходит Млечный путь (Бунин); Сей кубок, звезды сеющий, как *дым*, / Как млечный *дым*, как млечный *дымный* путь (Белый); Еще я в *дымящихся* звездах (Тарковский).

17. *звезды* → сев, посев: Тлеют *севы* звезд победных (Вяч. Иванов); «Курлы, курлы», — в полночном звезд *посеве* (Луговской); И *засеяна* звездами черная ночь (Луговской); И звезд едва мерцающий *посев* / На черноземе тучном небосвода (Павлович).

18. *звезды* ↔ снег (снежинки), лед (льдинки, крупицы льда), иней. . . →: Как в мразный, ясный день зимой / Пылинки *инея* сверкают. . . Так звезды в безднах под тобой (Державин); О *снежный* свет / В небесном поле! (Вяч. Иванов); . . .и только небо слабо и зеленовато светилось, и в нем, как *крупицы льда* в воде, истаивали звезды (Трифонов);← : Вечерний дождь звездами начал стынуть (Фет); среброзвездный *снег* (Блок); Бывало, вьюга ей осыпет / Звездами плечи, грудь и стан (Блок); К белым звездочкам в буране (Пастернак); ↔: Звездный *иней*, звездный *иней* / Будь, упав на звук, смелей! (Хлебников); Светит *снежной* звездой и последним ласкает покоем / Мое горькое счастье — простая могила твоя (Павлович).

19. *звезды* ↔ соль. →: Крупной *солью* сыпались на двор зимние звезды (Мандельштам); . . . идти под *солью* звезд (Мандельштам); Звездный луч, как *соль* на топоре (Мандельштам); Тает в бочке, словно *соль*, звезда (Мандельштам); ↔: . . . .если хлебнуть этого

варева притушенной жизни, замешанной на густом собачьем лае и *посоленной* звездами (Мандельштам); Под *солью* звезд — не гаснет рана, / Но кто-то в мощи беспределен (Ю. Мориц).

20. *звезды* ↔ роса, капли, брызги, слезы, кропящие, дождь →: *Слезою* светлой искрится звезда (Бунин); Всегда холодная, пустыня звезд над нами. . . Как *брызги слез* немых (Бальмонт); И потому теперь в туманности эфира / Рассыпались огни безвременной *росы* (Бальмонт); Там серебряной *росой*. . . Ночь усыпала себя (Бальмонт); Взгляни в ночные небеса, /Где пала звездная *роса* (Брюсов); Пусть звезды. . . Тебя *кропят* (Брюсов); Шлейф, *забрызганный* звездами (Блок); И яркая заяснилась *слеза* — / Алмазная, алмазная Венера (Белый); . . . *слезы* звезд просеивались (Маяковский); Чтоб звезды *обрызгали* / Груду наживы (Э. Багрицкий); Дождь звезд (Хлебников). Свет звезды — как первая *слеза* (Кедрин); . . .звездчатыми *брызгами* искрясь (о небе) (Ю. Мориц); ← : россыпь звезд (о росе) (Пастернак); ↔: То, может, блестела звезда, / Иль сверкала *росой* паутина? (Хлебников); Я возлюбил души пустыню. . . Извечная она, как мать, / В темнотах бархатных восстанет, / *Слезами* звездными рыдать / Над бедным сыном не устанет (Белый).

21. *звезды* →бисер В эфирной вышине, как *бисер* золотой, / Горят лучистых звезд далекие узоры (Надсон).

22. *звезды* ↔ пена →: О, млечный путь, зачем ты *пена?* (Хлебников); . . .вскипая *пеной* звезд (Белый); Пламя белое, звездная *пена* / Вихри вьют на висках трубача (Ю. Мориц); ↔: Что в каждом взоре *пенится* звезда (Тихонов).

23. *звезды* → буквы, строфы, строки, точки, многоточия, росчерк, рисунки, письмена, клинопись, скрижаль, книга, рассказ, каталог, приказы, рапортички, грамота: Была ему звездная *книга* ясна (Баратынский); . . . уж пишет *грамоту* / Господь червонным золотом / По синему по бархату (Некрасов); . . .им *книга* упованья / По воле Вечного начертана в звездах (Ап. Григорьев); Как *письмена*, мерцают в тверди синей / Плеяды, Вега, Марс и Орион (Бунин); Над нами небо, как раздранный свиток, / Все в *письменах* мильонолетних звезд (Антокольский); И в печальные *строфы* слагаются *буквы* созвездий (Брюсов). Ах, если б снять с небесной полки / Созвездий *книгу* (Хлебников); . . .идет читать *клинопись* созвездий (Хлебников); . . .Чтоб читать *приказы* звезд (Хлебников); Кому жестоких звезд соленые *приказы* (Мандельштам); . . .Пишут и пишут свои *рапортички* (о звездах) (Мандельштам); . . .блестящим реют *многоточьем* (о звездах) (Заболоцкий); За *росчерк* звезд над головой (Тарковский); Старинные, как смерть, *рисунки* звезд (Луговской); . . .пересчитаю их по *книге* ночи (Тарковский).

24. *звезды* →мысли: Как светло сонмы звезд пылают надо мною, / Живые *мысли* божества! (Тютчев).

25. *звезды* →геральдика, герб: И царственным *гербом* / Горят алмазные плеяды (Бунин); Сверкает ночь *геральдикою* звезд (Инге).

26. *звезды* ↔ иглы, булавки, пики, зубцы, зубья, бивни, осколки, колючесть, острое, иглистое, колючие ерши. . . →: Для блеска звездных *игол* (Хлебников); Город был поднят *бивнями* звезд (Хлебников); . . .рвя о звездные *зубья* (Маяковский); . . .звездное *репье* (Маяковский); . . .голубая, / *Звездами вбитая* высь (Есенин); . . .*прободающих вечность звезд* (Есенин); Ныне на *пики* звездные (Есенин); Черный бархат *истыкан* так щедро / бесконечностью огненных звезд (Белый); Звезд *иглистые* алмазы (Ахматова); В плетенку рогожи глядели *колючие* звезды (Мандельштам); Последней звезды безболезненно гаснет *укол* (Мандельштам); Мерцают звезд *булавки золотые* (Мандельштам); . . .Мне в сердце длинной *булавкою* / Опустится вдруг звезда? Мандельштам. Ночь наглоталась *колючих ершей* (Мандельштам); И звезды золотой *зубец* (Цветаева); . . .и пучки *колючих* туманностей (Пастернак); . . .*Обглоданная* звездами листва (Э. Багрицкий); Омытые звезды белы и колючи (Луговской); . . .*колючие* звезды качались в цветах (Заболоцкий); . . .пламень звездного *осколка*! (Заболоцкий); Лиловатый восток *прокалывали* первые звезды (Н. Плотников); ↔: И только и свету — что в звездной *колючей* неправде (Мандельштам); Вот почему мне так любо гасить жар литературы морозом и *колючими* звездами (Мандельштам).

27. *звезды* →пух: Звезда, как *пух* (Мандельштам); Точно по всему Млечному пути тянул *пух* семенившегося одуванчика (Пастернак); А ночь насыпает в мои глаза / Голубиных созвездий *пух* (Э. Багрицкий).

28. звезды →выстрелы, расстрел. . . .*выстрелов* звезд / В черный лоб ночи (Хлебников); Где роем звезд *расстрел* небес (Хлебников).

29. звезды →жестокость, грубость. Я *жесток*, как звезда века столетий (Хлебников); Кому *жестоких* звезд соленые приказы. . . (Мандельштам); Твердь сияла *грубыми* звездами (Мандельштам).

30. *звезды* ↔ птицы, канарейки, ласточки, малиновки, гуси. .: →: *Малиновкой* журчащею / Слетит в кусты звезда (Есенин); *Ласточки*-звезды / Канули вниз (Есенин); Звезды поют — *канцелярские птички* (Мандельштам); . . .не звезды — *канарейки ночи* (Заболоцкий); →: *Гуси* перекликаются и снова перестраиваются, как темный млечный путь (Хлебников); ↔: Множество звезд, множество *птиц* / Вдруг поднялось кверху! (Хлебников).

31. *звезды* →пчелки, мошки, мотыльки, бабочки, рой, черви, кишащее, вьющееся. . : . . .гляньте на божьи звездочки, — что *пчелки* роятся! (Тургенев); Кружит звезд *мотыльковый рой* (Есенин); Нельзя дышать, и твердь *кишит червями* (Мандельштам); Звезды — *черви* (Бурлюк); . . .звезды вьются, как *желтые мошки* (Луговской); И звезды. . . Как *бабочки* с незрячими гла-

зами (Тарковский); Звезда садится *бабочкой* на листья (Луговской).

32. *звезды* →клещи: Вселенная спит, / положив на лапу / с *клещами* звезд огромное ухо (Маяковский).

33. *звезды* →риза, ряса, рогожи, шлейф, плащ, ковер, полотенце, ситец. .: И *ризу* звездную расстелет над горами (Надсон); . . .звезды светлые *шлейфом* влача (Блок); Звезд золотые *рогожи* (Павлович); Несся сквозь звездных сияние *ряс* (Хлебников); В *плаще* мнимых звезд ходят. . . (Хлебников); . . .а *шлейфа* млечный путь моргающим пажем (Маяковский); . . .если звезд *ковер* тобою выткан (Маяковский); . . .Сверкающее это *полотенце* (Тарковский).

34. *звезды* ↔ волосы, косы, мохнатое. . . →: И темные *косы* Млечного Пути (Хлебников); *Косматая* звезда. . . *Волосатая* звезда древних! (Цветаева); Словно *космища* кудесниц, / Звезды в яблонях висят (Есенин); *Мохнатые* звезды под небом висели (Луговской); . . .огромная *мохнатая* звезда (Искандер); ← : Я главу свою *власозвездную* (Есенин).

35. *звезды* →река, водоем, омут, море, пучина: Как звезд *река*. . . (Тютчев); звездное *море* (Блок); *омут* звезд (Вяч. Иванов); *пучина* звездная (Блок); звезд *водоем* (Хлебников); созвездий *река*, звездная *река* (Луговской).

36. *звезды* →молоко, белый сок: . . .и в звездах небо козье / Рассыпалось и *молоком горит* (Мандельштам); Млечный путь наполнен *белым соком* (Луговской).

37. *звезды* →беседа, перешептывание, говор, песня, напев, лютня, звон, звонница, верещанье, карканье: Звезды в небе им внимали. . . И *беседу* продолжали (Тютчев); В чарах звездного *напева* (Есенин); Молча *ухает* звездная *звонница* (Есенин); И *звенит* голубая звезда (Есенин); И *верещанье* звезд щекочет слабый слух (Мандельштам); И *карканье* звезд; *говор* звезд; *лютня* звезд (Хлебников); Ночь была *песнею* звезд (Платонов).

38. *звезды* →молитвы, псалмы, месса. *Молятся* звезды (Фет); И, *молитвой* пламенея, / Станут звезды пред творцом (К. Павлова); С голубизны незримой кущи / Струятся звездные *псалмы* (Есенин); Рыжие звезды служат ночи *мессу* (Э. Багрицкий).

39. *звезды* →колдуньи, шалуньи, лукавые: Звездочки-*шалуньи* в небесах горят (Надсон); И звезды, *колдуньи* мечтательные (Брюсов); Луна, летящая среди *лукавых* звезд (Луговской).

40. *звезды* →ход, ток, теченье, разбег, вихрь, вал, бушевание: Звезд ток; теченье звезд (Хлебников); *Вихри* звездные (Блок); *вихри* звезд (Бальмонт); . . .И безумных звезд *разбег* (Мандельштам). Что созвездья вот подымается *вал* (Хлебников).

41. *звезды* →бред, безумие, страсть, беспокойство: Чтоб досягнуть звезды, низвергшись в звездный *бред* (Бальмонт); И *безумных* звезд разбег (Мандельштам); . . . под черной *страстью*

неба переливается аллея (Бабель); Звезды *страсть* свела на землю! (Цветаева).

42. *звезды* →табор, цыгане: *Цыгане* звезд / Раскинули свой *стан*. (Хлебников); Весь пляшущий на небе *табор* (Хлебников).

43. *звезды* →подруги зари, денницыны сестры: *Подруги* кроткие *зари* (Хлебников); Я звезда — *денницына сестра* (Тарковский).

44. *звезды* →орало: Мирийные целины просек *оралом* звездным (Хлебников).

45. *звезды* ↔ слава, победа. →: . . .очи / Он отвращал от звездной *славы* ночи! (Тютчев); Небесный свод, горящий *славой* звездной (Тютчев); И полной *славой* тверди звездной (Тютчев); звезды *победные* (Вяч. Иванов); . . .звездный кров / В сиянье вечных *слав* (Ахматова); →: см. Пушкин, Лермонтов.

46. *звезды* →золото, серебро, кованное: Звезды *перекованы* небесным *ковачом* (Луговской). См. выше *золотые баранки*, *серебряные пятаки* и др.

47. *звезды* →ясность, чистота, целомудрие (см. Тютчев, Бунин).

48. *звезды* →божества: Они, как *божества*, горят светлей. . . (Тютчев).

49. *звезды* →конница, колымага, кораблик, колесо: Звездная *конница* сполохогривая (Хлебников); *кузов* своей звездной *колымаги* (Пастернак); *кораблик* вечный в млечной вышине (Р. Казакова); *колесо* звезд (Хлебников).

50. *звезды* →шатер, замок, архитектура: Ты звезды распростер без счета / *Шатру* подобно пред собой (Ломоносов); Поставим лестницы / К *замку* звезд (Хлебников); Могучая *архитектура* ночи! (Тарковский).

51. *звезды* →курган: Звездный насыпан *курган* (Хлебников).

52. *звезды* →коврига, хлеб, коржик, баранки: И месяц плачущему сыну / Дает вечерних звезд *ковригу* (Хлебников); . . .вологодских звезд — золотых *баранок* (Э. Багрицкий); . . . мой выпеченный кем-то звездный *коржик* (Р. Казакова).[1]

---

[1] Вообще говоря, значение слова приведено не полностью. Кроме лексических парадигм, слово участвует в лексико-синтаксических парадигмах и в сложных образах, которые должны быть отражены в описании значения поэтического слова. Так, звезды участвуют в модели «появление звезд»: X выводит *Y*, X бросает (раскидывает, сыплет, усыпает. . .) Y, X зажигает Y, X вышивает (ткет) Y, X одевает (рядит, убирает) Y, X стелет (расстилает) Y, X чертит (пишет, рисует. . .) Y, где X — ночь, вечность бог, господь, всевышний и т. д., а Y — любые члены приведенных парадигм и их сочетания: *Ночь выводит звезд хор*, *Вечер насыпает пух созвездий*, *Господь пишет грамоту* и т. д. Кроме того, есть модель «исчезновение звезд», «отражение звезд в воде», «звезды и заря», «звезды и луна». Примеры сложных образов с участием звезд: Небо словно вымя, / Звезды как сосцы (Есенин); На нем был котелок вселенной, / А звезды это пыль. / Не каждый день гуляла щетка, / Вычесывая пыль (Хлебников).

Многие из приведенных парадигм имеют общие признаки, но все они различаются. Так, парадигмы 18 и 19 имеют общие признаки: «россыпь — форма — тающее — белое». Но 18 включает еще «холод» и «блеск». Парадигма 21 включает признаки: «россыпь — блеск — ценное». На первый взгляд, 31 и 32 ничем не отличаются. Но 31 включает признак «кишение, роение», а 32 — «острое» (проникающее, впивающееся).

Рассмотрим теперь значения слов *луна* и *месяц*. Поскольку большинство их значений совпадает, они приводятся вместе, и в этом случае после номера (перед стрелкой) ничего не стоит. Объем статьи не позволяет привести примеры текстов, указаны только авторы.

Луна (месяц)

1. →шар, круг, диск, медный таз (Языков, Гончаров, Блок).
2. →блин, колобок, круг горного сыра (Пастернак, Искандер, Окуджава).
3. →голова, череп (Вяч. Иванов, Маяковский, Бабель, Луговской).
4. ↔ лик, лицо (→: Жуковский, ←: Державин, Пушкин, Жуковский, Кюхельбекер).
5. →перл, оникс, агат, коралл, янтарь, перламутр, задымленное стекло (К. Павлова, Глинка, Бальмонт, Белый, Ахматова).
6. *луна* →серьга (Бабель).
7. →страж, обходчик, комиссар, врач, пастырь, пастух, дозорщица, свидетель (Брюсов, Блок, Клюев, Ахматова, Луговской).
8. →богиня (бог), Селена, Диана, Сирена, богородица (Жуковский, Тютчев, Вяч. Иванов, Цветаева).
9. луна →царица (Баратынский, Рылеев, К. Павлова, Фет, Бальмонт).
10. ↔ щит, рыцарский доспех (→: Жуковский, Языков, Кюхельбекер, А. Толстой, Тургенев, Брюсов, Блок, Цветаева, ←: Державин).
11. *луна* ↔ монета, полтина, золотой (→: Брюсов, Блок, Пастернак, Луговской ←: Тихонов).
12. *луна* ←: орден (Мандельштам).
13. ↔ дыня, ананас, апельсин, лимон (ломтик дыни, лимона. . .) (→: Маяковский, Есенин, Ахматова, Артемов, Луговской, ←: Луговской).
14. ↔ глаз, око, взор, взгляд (→: Брюсов, Цветаева, Клюев, Ахматова, Луговской, Тихонов, ←: Некрасов, Хлебников, Есенин, Пастернак, Цветаева, Ахматова, Луговской).
15. →окно (Клюев, Ахматова).
16. →челн, ладья, кормчая, фелука, парус (Вяч. Иванов, Брюсов, Ахматова, Самойлов).

17. ↔ серп, клинок, меч, секач, лезвие, гильотина, нож (→: Бунин, Сологуб, Блок, Бальмонт, Белый, Вяч. Иванов, Маяковский, Ахматова, Луговской, Тарковский, ← : Хлебников).

18. →осколок, обломок, отрезок (Блок, Белый, Ахматова, Заболоцкий).

19. →лук, коромысло, изогнутый перст, лейкоцит, сайка, сосиска (Некрасов, Блок, Есенин, Багрицкий, Ахматова).

20. →рог, рожок, клык (клыкастый/-ая, круто-, сребро-, желто-, дву-рогий/-ая) (Жуковский, Рылеев, А. Толстой, Ап. Григорьев, Надсон, Брюсов, Блок, Белый, Есенин, Клюев, Бабель, Багрицкий, Заболоцкий, Луговской, Тарковский, Самойлов).

21. *луна* →ущерб, бедность (Платонов, Тарковский).

22. *месяц* →поджарость (Мандельштам).

23. →золото, серебро, сталь, олово, оковы, чеканка (Жуковский, Рылеев, Тургенев, Бальмонт, Блок, Луговской, Тарковский).

24. →золото, медь, бронза, ржавчина (Языков, Гончаров, Тургенев, Мандельштам, Луговской).

25. ↔ лампада, факел, свечка, лучинка, фонарь (→: Жуковский, Кюхельбекер, Лермонтов, Вяч. Иванов, Блок, Клюев, Цветаева, Платонов, Кедрин, Окуджава, ← : Луговской).

26. →зарево, огонь, пожар (Глинка, Л. Толстой, Луговской)

27. →мертвец, мертвое, безжизненность, бездыханность (Рылеев, Некрасов, Фет, Бунин, Брюсов, Блок, Ахматова, Мандельштам, Луговской).

28. ↔ бесстрастность, немость, холодность, невозмутимость (→: Кюхельбекер, Сологуб, ← : Мандельштам).

29. ↔ задумчивость, дремотность, томность (Батюшков, Кюхельбекер, Лермонтов, Тургенев).

30. ↔ грусть, печаль, унылость (→: Батюшков, Грибоедов, Одоевский, А. Бестужев-Марлинский, Капнист, Бальмонт, Сологуб, ← : Сологуб).

31. →холод, застылость, лед, прохлада, зябкость, окоченелость (Батюшков, Сологуб, Белый, Есенин, Брюсов, Блок, Павлович, Пастернак, Цветаева, Асеев, Луговской, Искандер).

32. →боль, безумие (Сологуб, Блок, Бальмонт).

33. →ужас, жуть (Белый, Маяковский, Ахматова).

34. →обман, обманчивость, неверность, ложь, лживость (Жуковский, А. Толстой, Аксаков, Фет, Блок, Брюсов, Бальмонт, Ахматова).

35. →одиночество, вдова, пустынность (Сологуб, Цветаева, Луговской)

36. →паяц, клоун Пьеро (хохочет, кривится, корчит. . .) (Блок, Есенин, Н. Матвеева).

37. →зеркало (Фет, Белый, Искандер).

38. →чары, магия, тайна, очарование, обаяние, волшебство, ворожея (Тютчев, Ап. Григорьев, Вяч. Иванов, Бальмонт, Есенин, Клюев, Луговской).

39. →ястреб, ворон, лебедь (Жуковский, Рылеев, Есенин, Ахматова, Цветаева).
40. *луна* →циферблат (Мандельштам).
41. ↔ конь, жеребенок, теленок, ягненок, щенок (→: Есенин, Бабель, Луговской, ←: Есенин).
42. *месяц* →шапка, камилавка (Есенин, Клюев).
43. *месяц* →колокол, язык колокола (Есенин, Луговской).
44. *луна* →багряница, риза, порфира, флер (Державин, Аксаков, Вяч. Иванов, Белый).
45. →маятник (Есенин, Ахматова).
46. *луна* →комар (Окуджава).
47. *луна* →гребень (Есенин).
48. *луна* →скрипка, пение (Есенин).
49. *луна* →злат бугор (Есенин).
50. *луна* →мед (Ахматова).
51. *луна* →цыганка, бродяга, блуждание (Ахматова, Цветаева, Бабель).
52. →пастух, пастырь (Жуковский, Кюхельбекер, Клюев, Цветаева).
53. *луна* →жница (Мандельштам).
54. →серебряная тень солнца, волчье солнце, солдатское солнышко, солнце тьмы (Хлебников, Платонов, Б. Костров, Луговской).
55. *месяц* →чистота, ясность (Вяч. Иванов, Фет).

Свет луны (месяца)

56. дым, туман, пороша, пепел (*луна* →кадильница) (Тургенев, Бунин, Бальмонт, Ахматова, Есенин, Луговской).
57. стрелы, клинья, перья, нити, жилы, струны, соломинки (Есенин, Бабель, Цветаева, Луговской).
58. яд (Ахматова, Цветаева, Луговской).
59. вино (Есенин).
60. пряжа (Клюев).
61. волосы (Есенин).
62. молоко, млечность, белила, бело-расплавленный ручей (Белый, Пастернак, Бабель, Мандельштам).
63. брызги, слезы, плач, ручей (*луна* →заревая слеза) (Тютчев, Вяч. Иванов, Есенин, Пастернак, Мандельштам, Ап. Григорьев, Тарковский, Луговской).

Так же, как и в случае слова *звезды*, здесь не приведены лексико-синтаксические парадигмы слов *луна* и *месяц* («Появление луны (месяца) на небе», «Месяц (луна) и тучи (облака)», «Передвижение луны (месяца) по небу» и т. д.) и не приведены сложные образы, в состав которых входят эти слова.

После того как сделано более менее полное описание слов, имеющих существенный общий семантический признак («небесные

тела»), их можно сопоставить. Из сравнения видно, что многие парадигмы, которые в семантике одного слова кажутся случайными, становятся в систему, т. е. оказываются частью более общих парадигм. О парадигме можно говорить лишь в случае регулярности данной семантической модели. Поэтому такие сближения, как: *звезды* →орало (Хлебников), *звезды* →курган (Хлебников), *луна* →циферблат (Мандельштам), *месяц* →шапка, камилавка (Есенин, Клюев), *луна* →комар (Окуджава), *луна* →гребень (Есенин), *луна* →скрипка (Есенин), *лунный свет* →вино, (Есенин), *лунный свет* → пряжа (Клюев) представляются, на первый взгляд, лишь свойством некоторого конкретного текста, а не принадлежностью языковой системы. Уже из сопоставления двух описаний (*звезды* и *луна-месяц*) видно, как непонятные в контексте одного слова парадигмы получают семантическую «поддержку»: *звезды* — курган и *луна* — злат бугор, *луна* — скрипка и *звезды* — песня, лютня. . . (парадигма 37), *луна* — комар и *звезды* — пчелки, мошки, бабочки. . . (парадигма 31), *месяц* — шапка, камилавка и *звезды* — шишак, шлем (парадигма 9), на самом деле, образуют более общие парадигмы типа: *звезды*, *луна* → курган, бугор; *луна*, *звезды* →скрипка, лютня, песня, беседа. . . и т. д.

Если же включить в описание такие слова, как *солнце*, *заря*, *закат*, *восход*, *рассвет*, то регулярность выделенных моделей станет еще более очевидной. Приведем примеры таких общих парадигм для слов *звезды*, *луна* (*месяц*), *солнце*, *заря*, *закат*, *рассвет*:

1) *звезды* →божества,
   луна, *месяц* →богиня (бог), Селена, Диана (9)
   солнце →бог, творец, Феб (Державин, Жуковский, и т. д.)
2) *звезды* →орало
   луна →жница
   солнце →плуг, орарь, сошник (Вяч. Иванов, Есенин)
3) *звезды* →курган
   луна →злат бугор
   заря →золотая гора (Павлович), алый холм (Луговской)
4) *звезды* →шлем, шишак. . . (9)
   месяц →шапка, камилавка
   заря →шляпа (. . .под *шляпой* зари — Хлебников)
5) *звезды* →пчелы, мошки. . . (31)
   луна →комар
   солнце →муха (. . . и пока солнце не дошло до середины блистающего неба. Оно дошло до середины и задрожало, как *муха*, обессиленная зноем — Бабель)
6) *звезды* ↔ птицы, ласточки, канарейки. . . (30)
   луна →ястреб, лебедь, ворон
   солнце →орел (Над морем солнце как *орел* дрожит — Мандельштам), *закат* →лебедь (*лебеди* заката — Вяч. Иванов)

рассвет → ястреб (Рассвет летел, как сизый, плавный *ястреб* — Луговской)

7) *луна* → гребень

заря → гребень (Заря поднимает *гребни* розовые / И медленно расчесывает облачные косы — Луговской)

8) *месяц* → колокол

звезды → колокольчики (Набоков)

солнце → колокол (Клюев)

заря → благовест (Вяч. Иванов)

9) *звезды* → выстрелы, расстрел

солнце, заря. . . → выстрел, фугас (Заря — как *выстрел* в темноту, — Пастернак. В белый день с бойниц истомы / Кто палит могильным оком? — Вяч. Иванов. А дальше, где солнце *фугасом* забило. . . — Луговской)

10) *луна* → окно

солнце → окно (Солнце — вечное *окно* / в золотую ослепительность — Белый. И солнца бледный, тусклый лик — / Лишь круглое *окно*. . . — Ахматова).

11) *луна* → мед

солнце, заря ↔ мед, сыта (За окном бугор и лес / Зорька в *сыту* окунула — Клюев. Марютка замолчала, посмотрела на белое солнце, изливавшееся холодным блистающим *медом* — Лавренев. *мед* осенней зари — Самойлов. Возьми на радость из моих ладоней / Немного солнца и немного *меда*. . . Из мертвых пчел, *мед*, превративших в солнце — Мандельштам. . . .в жбанах солнце. / Нет, не солнце — / *мед*! — С. Гудзенко)

12) *лунный свет* → сети

заря → невод (Не втащит *неводом* заря / Меня в свой тихий дом — Есенин)

солнечный свет → невод (Золотистые пятна чередовались с голубыми тенями этого, опутанного *неводом* лучей полдня, тела — Хлебников)

13) *звезды* ↔ волосы, косы, мохнатое . . . (34)

лунный свет → волосы

солнце → волосы, косы, кудри, косматое, руно (На косах солнца седоки — Хлебников. Растрепало солнце *волосы*. . . — Клюев. Кто-то ласковый рассыпал золотые *пряди* (о закате) — Блок. . . .выплывает *руно* золотое, искрясь — Белый. *Косматое* солнце; *косматый* пламень солнца, Солнце взлетает, / медью *волос* звеня — Луговской)

14) *звезды* → конница, колымага, кораблик (49)

луна → челн, ладья, фелука. . . (16)

солнце → конница, колесница, колесо, царский поезд, сани, повозка, носилки. . . (Ломоносов, Державин, Лесков, Вяч. Иванов, Клюев, Мандельштам, Луговской)

15) *лунный свет* → вино

солнце, *закат*, *восход*, *заря* →вино, коньяк, наливка. . . (Опять золотое *вино* / на склоне небес потухает — Белый. И было небо вновь *пьяно* / улыбкой брачною закатов — Белый. От воздушного *пьянства* онемела земля — Белый. Одежды вечера *пьянят* багряным цветом — Клюев. О ризы вечера, багряно-золотые, / Как ярое *вино*, пьяните вы меня! — Клюев. И в киновари *ренскового* солнца. . . — Пастернак. Цвета *наливки* смородинной, / Село, истлело, потухло — Пастернак).

16) *луна*, *месяц* →страж, обходчик, комиссар. . . (7)

солнце →страж, стражник, наблюдатель, часовой (Вяч. Иванов, Есенин, Пастернак, Бабель)

17) *звезды* →монеты, пятачки, пятиалтынные. . . (10)

луна →монета, полтина, золотой (11)

солнце →червонец, копейка, деньги (Но если солнышко *копейка*, / То где же рубль? — Хлебников. Всюду отблеск *червонца* / среди всплесков тоски — Белый. Нет сиянья *червонца* — Белый. Солнца *персидские деньги* щедро раздаривающая. . . — Мандельштам)

Мы не приводим многие другие общие для данных слов парадигмы, регулярность которых не вызывает сомнений (*звезды* ↔ свечки, лампады. . . (1), *луна*, *месяц* ↔ лампада, факел, свечка. . . (25) и *солнце* ↔ лампада, свечка, факел, фонарь; *звезды* ↔ очи, *луна* ↔ глаз, око и *солнце* ↔ око, глаз, Фебов зрак, диск всевидящий и т. д.).

Итак при описании значения слова в поэтическом языке необходимо учитывать образные парадигмы, в которые может входить это слово. Участие слова в более общей образной парадигме подтверждает устойчивость данного семантического признака — инварианта парадигмы.

ЛИТЕРАТУРА

Павлович Н. В. Семантика оксюморона: Дис. канд. филол. наук. М., 1981.

Павлович Н. В. Образование поэтических парадигм // Проблемы структурной лингвистики 1983, М.: Наука, 1986.

Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1977.

Н. А. КОЖИНА

ЗАГЛАВИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ: ОНТОЛОГИЯ, ФУНКЦИИ, ПАРАМЕТРЫ ТИПОЛОГИИ

«На скорлупу и на ядро бесцельно
Делить природу: все в ней нераздельно»
(*Гете*)

1. Заглавие открывает и закрывает произведение в буквальном и переносном смысле. Заглавие — минимальная формальная конструкция, представляющая и замыкающая художественное произведение как целое.

Факт существования такого явления, как заглавие, позволяет представителям порождающей семантики (Dressler 1970, Sopher 1979) обосновать наличие у текста (дискурса) глубинной семантической структуры и возможность построения иерархической макроструктуры произведения на базе отношений, возникающих между названием и основным корпусом текста.

Заглавие как формально (графически) выделенный элемент структуры текста занимает по отношению к тексту определенную функционально закрепленную позицию. Расположение заглавия п е р е д и н а д текстом способствует тому, что оно одновременно представляет собой как порог, так и предел текста.

Заглавие как порог стоит между внешним миром и пространством художественного произведения и первым берет на себя основную нагрузку по преодолению этой границы. В то же время заглавие — это предел, который заставляет нас вновь обратиться к нему, когда мы закроем книгу. Таким образом, происходит «короткое замыкание» всего художественного произведения в его заглавие (название). В результате подобной операции происходит выяснение смысла и назначения самого заглавия.

Мы оказываемся перед лицом следующей метаморфозы: заглавие как краткая словесная формула текста требует своего раскрытия в следующем за ним тексте — полной форме авторского замысла. Но полная форма признается правильной только тогда, когда она является завершенной по отношению к своей краткой форме — названию (Гальперин 1981, 24—25). По словам И. Р. Гальперина, текст, будучи ограниченным во времени и пространстве, «представляет собой снятый момент и в этой «снятости» является завершенным. Снятость же предопределена номинацией (наименованием) момента — названием» (Гальперин 1981, 134).

В названии оказывается снятым процесс развития текста. Название в таком рассмотрении — своего рода заглавие, поставленное в конце. В заглавии заключено все содержание текста, но оно не есть та форма, в которой это содержание может свободно

развиваться — напротив, оно сжимается в заглавии, сосредоточивается. Но в то же время заглавие содержит в себе большее, чем «снятый» текст: историю порождения текста автором и будущее «поле возможных интерпретаций» (Лотман 1972, 122) читателем.

Поэтому заглавие можно определить как пограничный (во всех отношениях: порождения и бытия) элемент текста, в котором сосуществуют и борются два начала: в н е ш н е е — обращенное вовне и представляющее произведение в языковом, литературном и культурно-историческом мире, и в н у т р е н н е е — обращенное к тексту.

2. Пограничный статус и функционально закрепленная позиция заглавия порождают между заглавием и текстом прямые и обратные связи. В этом отношении интересно рассмотреть связь заглавия (названия) с категориями проспекции и ретроспекции в тексте.

Всегда существует читатель, открывающий определенную книгу впервые. Для него заглавие — отправная точка его обращения к художественному миру произведения. В первый момент заглавие еще малосодержательно, но семантика, заложенная в одном или нескольких словах названия, дает первый ориентир, по которому будет организовываться восприятие текста как целого. Значит, заглавие — первый член прямой, проспективной связи между заглавием и текстом. Дальнейший процесс чтения эксплицитно или имплицитно заставляет читателя вновь неоднократно обращаться к заглавию: восприятие будет искать в нем основание связанности и соотнесенности последующих частей текста, его композиции. «Ступень за ступенью происходит организация материала по заданному в заглавии. Это как бы прямой порядок восприятия произведения и вместе с тем первый член «обратной связи», смысл и значение которого выясняется тогда, когда мы закроем книгу» (Гей 1967, 153). Таким образом, заглавие оказывается центром порождения разнонаправленных связей в художественном произведении, а композиционные и смысловые связи в тексте предстают как центростремительные по отношению к заглавию. Многочисленные сцепления, которыми обрастает заглавие в ходе чтения текста, перерождают семантическую структуру восприятия самого заглавия. Происходит н а р а щ е н и е с м ы с л а заглавной конструкции: она наполняется содержанием всего произведения. Заглавие становится формой, в которую отливается содержание текста как целого.

Так, лишь прочитав роман «Анна Каренина» Л. Н. Толстого, мы в состоянии расшифровать трагическое противоречие, заключенное в сочетании имени и фамилии главной героини, «которая не смогла освободиться от ненавистной ей фамилии, перестать быть Карениной» (Гей 1967, 153).

Знаменательно, что суммируя содержание книги «Текст как

объект лингвистического исследования», И. Р. Гальперин пишет: «Таким образом, название, являясь по своей природе выражением категории проспекции, в то же время обладает свойствами ретроспекции. Эта двойственная природа названия отражает то свойство каждого высказывания, которое, опираясь на известное, устремлено в неизвестное. Иными словами, название представляет собой явление тематически-рематического характера» (Гальперин 1981, 134).

Можно показать, что заглавия различных произведений поразному относятся к категориям проспекции и ретроспекции и тем самым создают вариативные отношения между художественным текстом и его названием. Такие названия, как «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н. В. Гоголя активизируют в основном прямые отношения. Заглавие представляет композицию произведения в развернутом для читателя виде: в нем заложена завязка повести, а также сходство (одинаковые имена) и несходство (разные отчества) главных героев. Прямые связи доминируют над обратными: заглавие обращено внутрь произведения.

Ярко выраженную обратную расстановку связей мы наблюдаем в заглавиях-вопросах и заглавиях-пословицах. Заглавие-вопрос (типа «Кто виноват?» А. И. Герцена, «Виновата ли она?» А. Ф. Писемского и др.) императивно требует ответа, который даст лишь прочтение книги. Сама постановка вопроса в заглавии «есть своего рода завершение» (Гальперин 1981, 132). Вопрос, открывающий и резюмирующий проблему, таким образом, является обращенным во внешний мир, сам знак вопроса в заглавии — призыв к открытому диалогу. Заглавия-пословицы афористически конденсируют в себе содержание следующего за ними текста и этим уже в самом начале замыкают его в образные рамки фразеологического единства. Так, замена А. Н. Островским прежнего названия пьесы «Банкрот» новым «Свои люди — сочтемся!» (с восклицательным знаком) отнюдь не случайна. Ведь автор в пьесе раскрывает не сам факт банкротства героя, а круговую поруку «своих людей», составляющих единое целое. В начале пьесы дан художественный вывод, к которому придет читатель лишь в ее финале.

3. Определив характер разнонаправленных связей между заглавием и текстом, логично перейти к вопросу о формах выражения этих связей. Различаются две основные формы связи: эксплицитная и имплицитная, причем каждая из форм может иметь свою степень выраженности. Направление и тип формальной выраженности определяют степень тесноты связи между заглавием и текстом.

Наиболее тесной связью обладают заглавия, прямо и эксплицитно развернутые в тексте произведения. Основной способ выражения данной связи — дистантный повтор. «Языковой элемент,

помещенный в заглавии, четко воспринимается и запоминается именно благодаря отдельности и важности последнего. Поэтому появление этого языкового элемента в тексте легко соотносится читателем с его первичным предъявлением и осознается как повтор» (Змиевская 1978, 51).

Предельная степень экспликации связи между заглавием и текстом достигается тогда, когда повторяющиеся элементы заглавия являются сквозными (т. е. пронизывают все произведение), а также помещаются в сильных позициях: начале или конце текста.

Начало и конец особенно ощутимы в малых формах. Это явление позволяет художникам слова часто использовать прием обрамления произведения заглавной конструкцией в лирических стихотворениях, рассказах, повестях. Среди прозаиков в совершенстве владел этим приемом В. Ф. Тендряков — ср. его повести «Весенние перевертыши», «Затмение» и др.

В больших формах, таких, как роман, заглавное слово или словосочетание не сразу включается в ткань повествования, а появляются в сюжетно-кульминационных точках литературного текста. Прием дистантного повтора в этом случае не только организует смысловую и композиционную структуру романа и выделяет ее наиболее важные узлы и сцепления, но и позволяет словам заглавия развить в семантической перспективе художественного произведения свою метафорическую заданность. В свою очередь метафорические возможности языковых знаков в заглавии порождают семантическую и композиционную двуплановость всего произведения.

С гениальным применением данного приема мы встречаемся в романе И. А. Гончарова «Обрыв». *Обрыв* и *дно обрыва* в прямом своем значении служат местом развертывания основных коллизий романа, столкновения различных композиционных линий. Но сосредоточение противоречивых чувств главных действующих лиц в этом «месте» столь велико, что происходит их разрыв — *обрыв*. *Обрыв* как просто место действия перестает существовать, в слове начинает доминировать метафорическое значение. Но именно в этой кульминационной точке романа мастерство Гончарова сказалось в том, что он не разорвал два значения, два плана слова *обрыв*. Именно поэтому Марк остается *«на дне обрыва»*, как ему ни помогает Вера «выбраться из *обрыва*», а Тушин, несмотря на то, что он «во второй раз скатился с своего *обрыва* счастливых надежд», помогает Вере «вырваться», перенося ее «через этот *обрыв*» и бросая «мост чрез него».

Таким образом, дистантный повтор порождает не только т е к с т, но и п о д т е к с т произведения и его заглавия.

Эксплицитный повтор заглавия в тексте может быть как многократным, так и однократным. Нередко однократный повтор своей единичностью не менее значим в структуре произведения, чем многократный, однако, он — в основном принадлежность малых

форм. Однократный повтор чаще всего реализуется или в самом начале, или в самом конце текста. Так, слова заглавия «Очарованный странник» Н. С. Лескова повторяются лишь в последнем абзаце повести. Очевидно, что произведения подобного типа построены по принципу «обратной связи», в них превалируют ретроспективные связи. Их заглавия «спрятаны за двигающимися сквозь сознание читателя страницами текста и лишь с последними получают логическую наглядность, которая раньше не ощущалась» (Кржижановский 1931, 23).

На первый взгляд кажется, что заглавие и текст, связанные имплицитно, характеризуются меньшей теснотой связи. Однако такое заключение часто оказывается призрачным, так как имплицитные отношения, видимо, выражают совсем другой уровень связи, чем эксплицитные. В случае имплицитной связи заглавие связано с текстом лишь опосредованно, его смысл может быть символически зашифрован. Но такое заглавие связано непосредственно с текстом как целой единицей и взаимодействует с ним на равных.

Полезными в этом отношении оказываются наблюдения Ю. М. Лотмана. Определяя на семиотическом уровне отношения, возникающие между текстом и его заглавием, ученый пишет: «С одной стороны, они могут рассматриваться как два самостоятельных текста, расположенных на разных уровнях иерархии «текст—метатекст», с другой стороны, они могут рассматриваться как два подтекста единого текста. Заглавие может относиться к обозначаемому им тексту по принципу метафоры и метонимии. Оно может быть реализовано с помощью слов первичного языка, переведенных в ранг метатекста, или с помощью слов метаязыка и проч. В результате между заглавием и обозначаемым им текстом возникают смысловые токи, порождающие н о в о е с о о б щ е н и е» (Лотман 1981, 6—7).

При таком рассмотрении эксплицитные связи между заглавием и текстом реализуются с помощью слов первичного языка, переведенных в ранг метатекста, а имплицитные — с помощью слов метаязыка. Тогда имплицитная связь выступает как наиболее обнаженная форма иерархических взаимоотношений «метатекст—текст».

Имплицитная форма связи между заглавием и текстом может проявляться разнообразно. При наличии прямой связи отсутствие эксплицитных лингвистических указателей развития темы заглавия в самом тексте не мешает заглавию служить главным «индикатором» ключевой темы произведения. Это происходит потому, что доминирующее влияние заглавия переводит читательское восприятие на более глубокий семантический уровень — символический. Происходит символическое, метаязыковое развертывание заглавия в тексте. Текст выступает как развернутая заглавная метафора. Таковы, например, взаимоотношения между заглавием

«На ножах» и антинигилистическим романом-памфлетом Н. С. Лескова.

Другой тип имплицитных отношений связывает многозначное символическое заглавие «Накануне» и повесть И. С. Тургенева. По словам автора, «повесть названа так скорее по времени ее появления». Полнозначное заглавие показывает, что Россия находилась накануне появления людей типа Инсарова. Первоначально повесть имела эксплицитное название «Инсаров», однако оно не устраивало Тургенева, поскольку не давало ответ на поставленные в произведении вопросы. «Накануне» изменило концепцию произведения. Заглавие оказалось «накануне» текста, что допускает лишь своеобразная позиция и функция заглавия как коммуникативной единицы общения: оно порождено содержанием того, чему предпосылается, а потому немыслимо вне его.

Очевидно, что при имплицитной связи окончательное замыкание текста заглавием происходит только тогда, когда в результате соприкосновения текста с заглавием возникают смысловые токи, рождающие единое новое сообщение.

Иной характер имплицитных связей существует между заглавием и текстом юмористического рассказа М. М. Зощенко «Страдания молодого Вертера». В тексте нет и намека ни на Вертера, ни на Гете; юмористический и иронический характер придает рассказу преднамеренное несоответствие аллюзивного заглавия содержанию произведения. В результате нарочитого противопоставления первичной семантики заглавия и семантики нового текста рождается новое отношение, по своей смысловой структуре полностью противоположное исходному у Гете.

4. До сих пор мы рассматривали заглавие лишь в отношении к тексту. Но о самом факте наличия особых связей между заглавием и текстом можно говорить лишь потому, что заглавие обладает относительной автономностью по отношению к тексту. Диалектическое единство автономности и неотделимости заглавия от текста возникает в результате борьбы его внешнего и внутреннего начал.

Благодаря своему выделению из основного корпуса текста заглавие может функционировать как в составе полного текста, так и независимо, как его заместитель и представитель. Как представитель текста вовне заглавие вынуждено конденсировать в себе всю смысловую и композиционную специфику произведения и адекватным образом вынести его на суд читателя. Недаром С. Д. Кржижановский писал, что «машина времени» сплющивает книги до объема заглавия, а литературные беседы сводятся подчас лишь к «обмену заглавиями» (Кржижановский 1931, 4).

Заглавия — самые краткие литературно-языковые документы своего времени. Заглавие сохраняет жизнь своему произведению — продолжительность этой жизни во многом зависит от смысловой емкости заглавия: конденсируя в себе текст, оно хранит и его ху-

дожественную информацию. Можно сказать, что язык заглавий художественных произведений — самая экономная форма хранения истории литературы.

В борьбе внешних и внутренних свойств заглавия рождается одна из существенных его характеристик — подвижность, которая имеет многообразное проявление. Она может выражаться в смене заглавий как в период становления текста, так и во время его самостоятельной жизни в разных изданиях — по воле автора, редактора, цензуры. Другим проявлением подвижности служат двойные заглавия с союзом *или*. Они рождаются как попытка примирения внешнего и внутреннего начал в заглавии. Двойное заглавие стремится соединить в себе логику и эмоцию, понятие и образ, собственно название и поучение. Часто раздвоение заглавия отражает не столько мысль автора, сколько расслоение читателя по наиболее привычному для него способу контакта с заглавием. Неслучайно поэтому двойные заглавия стали широко использоваться в современной литературе и публицистике. Первоначально возникнув как попытка стилизации заглавий XVIII—XIX вв., они все больше набирают свою конструктивную силу. Ср.: названия книг Ю. Левитанского «Письма Катерине, или Прогулка с Фаустом» и А. Кривицкого «Тень друга, или Ночные чтения сорок первого года», рассказа Ю. Трифонова «Воспоминания о муках немоты, или Фединский семинар сороковых годов»; или заглавия статей в «Литературной газете» за 1983 год: «Метаморфозы Пенелопы, или Ловушка для читателя», «Пение без пения, или Имитация творчества» и др.

Двойные заглавия в отличие от тех, которые были изменены в ходе создания и остались за текстом (ср. «Художник» → «Вера» → «Обрыв» И. А. Гончарова), выносят на поверхность текста уже две формальные конструкции. Это первый показатель того, что краткая форма названия не всегда в силах справиться со всеми возложенными на нее функциями. И когда «собственно заглавию» (названию) не хватает собственных размеров, оно вступает в «сотрудничество» с подзаголовками и эпиграфами. Выход за свои собственные пределы является еще одним проявлением подвижности заглавия.

Заглавие и подзаголовок художественного произведения в большей или меньшей степени подобны двойным заглавиям. Однако более выраженная формальная и функциональная расчлененность дает большую свободу в организации структуры обоих членов и их связи. Существует много разновидностей подзаголовков — их можно классифицировать как по содержательности, так и по степени художественного воплощения информации. Но основной их функцией является способность дать читателю дополнительное к названию представление о стиле, жанре, композиции и тональности текста — о тех смысловых кодах, которые следует активизировать в читательском сознании для полного восприятия худо-

жественного произведения. Связь между подзаголовком и заглавием настолько тесна и подвижна, а подзаголовок бывает настолько полнозначным, что он может занять место первоначального названия. Так, заглавие и подзаголовок «Рождественская ночь в вагоне. *Путешествие с нигилистом*» (1882) Н. С. Лескова превратились в название «Путешествие с нигилистом» (1886).

Адекватно представить читателю авторскую заданность произведения помогают и эпиграфы. Эпиграф — следующая после заглавия ступень проникновения в текст, но все еще находящаяся над текстом и поэтому соотносимая с ним как целым. «Заглавие и эпиграф — это главное и придаточное предложения. Одно называет явление, другое стремится его пояснить . . . Но художественная функция у них одинакова» (Гей 1967, 153).

Через эпиграфы автор соединяет свое произведение и заглавие его с внешним миром, открывает внешнюю границу текста для проникновения языковых, литературных и т. п. веяний разных направлений и эпох, тем самым наполняя и раскрывая его внутренний мир. Эпиграф, формально скрытый заглавием, выражает и авторскую мысль, оценку, точку зрения под прикрытием маски другого лица и источника. Как содержательный и композиционный прием эпиграф выполняет роль экспозиции после заглавия, но перед текстом, и предлагает разъяснения или загадки для прочтения текста в его отношении к заглавию. Литературные цитаты и имя их автора, входя в состав эпиграфа, становятся отправной точкой приспособления читателя к новой системе семантических и композиционных ходов, вовлекая с собой в ее сферу образы и идеи цитируемого автора (Виноградов 1941, 404—408).

Само задание взаимоотношений «заглавие—эпиграф—текст» может быть разнообразно, но именно от него зависит полное понимание произведения. Эти взаимоотношения могут быть заданы по методу контраста: доказано, что эпиграфы каждой из «Повестей Белкина» А. С. Пушкина проецируют заглавие и композицию своей повести на экран другого литературного стиля, полемизируя с ним и пародируя его (Виноградов 1941, 540). Другую расстановку связей можно увидеть в романе Ф. М. Достоевского «Бесы». Эпиграфы к роману (один из них взят из Евангелия от Луки, другой — из стихотворения Пушкина «Бесы»), собственно и породившие его полемическое заглавие, лингвистически эксплицируют читателю метафорические отношения: «заглавие—текст», «эпиграф—текст».

Связи между заглавием и подзаголовком, заглавием и эпиграфом настолько взаимообусловлены, что они составляют единый комплекс, ориентирующий читателя в литературном пространстве. Следовательно, широкое понимание заглавия может включать в себя «сотрудничающие» с ним пограничные элементы.

5. Лучший способ понять некоторое явление — определить его функции. Под ф у н к ц и е й языкового элемента в лингвисти-

ческой поэтике понимается его определенное целевое назначение, добавочное к той роли, которую данный элемент играет в передаче непосредственной предметно-логической информации. Это добавочное назначение определяется и выявляется общей художественной системой произведения.

Пограничный статус определяет двойственную природу заглавия, которая, в свою очередь, порождает двойственный характер его функций. Соответственно этому все функции заглавия можно подразделить на внешние и внутренние. Разграничение проводится на том основании, что позиция читателя считается внешней по отношению к тексту, а позиция автора — внутренней. Отличительной чертой внешних функций является их коммуникативный характер. Внешние и внутренние функции заглавия находятся в постоянном взаимодействии.

Следуя концепции широкого понимания заглавия, мы соответственно выделяем у него три внешние и три внутренние функции, коррелирующие друг с другом:

внешние	внутренние
1) репрезентативная	1) называя (номинативная)
2) соединительная	2) функция изоляции и завершения
3) функция организации читательского восприятия	3) текстообразующая

Взаимосвязанные функции под номером три действуют на трех уровнях организации текста и включают в себя каждая по три подфункции: 3а) функция организации смысла — выделение смысловой доминанты и иерархии художественных акцентов; 3б) функция композиционной организации; 3в) функция стилистической и жанровой организации.

Называя функция выступает как внутренняя сторона репрезентативной функции, как функция, осуществляемая автором произведения в соответствии с внутренней заданностью текста. Репрезентативная функция обращена к читателю. Писатель, называя книгу, ставит перед читателем некоторую задачу, задает ему загадку. Помогает расшифровать эту задачу дальнейшее чтение книги. Конец текста должен заставить читателя вновь обратиться к названию произведения. «Название своеобразно сочетает в себе две функции — функцию номинации (эксплицитно) и функцию предикации (имплицитно)» (Гальперин 1981, 133). При первом знакомстве с текстом заглавие лишь имплицитно предстает как его репрезентант. По мере чтения текста, по мере диалога читателя с автором познается основание номинации произведения. Функция номинации постепенно трансформируется в функцию предикации: происходит наращение смысла заглавия. Заглавие образует высказывание о тексте. И уже в этом своем новом качестве заглавие не только

представляет текст, но и обозначает его. Пройдя через текст, название вновь обращается к читателю своей внешней стороной — заглавием в эксплицитной репрезентативной функции.

С этой точки зрения интересны заглавия, состоящие только из имен и/или фамилий главного действующего лица. С точки зрения первичного чтения произведений, репрезентативность и коммуникативность данных заглавий минимальны, по сравнению с заглавиями, состоящими из имен нарицательных. Имена собственные в этом случае выступают в заглавии в своей прямой назывной функции. По мере прочтения такого сочинения, а тем более с ростом его популярности и доли общественного внимания к нему, имя собственное, данное в названии, постепенно обрастает лексическими значениями своих предикатов. И уже в этом новом качестве, конденсируя идею всего произведения в свое «заговорившее имя», оно приобретает репрезентативную и другие коммуникативные функции. Можно сказать, что имена и фамилии, выведенные в заглавие, обрастают определенной характерной семантикой и узусом, в соответствии с которыми произведение будет входить в некоторую литературную парадигму (см. Лотман 1983, 112—117).

Соединительная функция выступает как внешняя по отношению к внутренней функции изоляции и завершения.

Заглавие первым устанавливает контакт между читателем и текстом и таким образом соединяет и соотносит художественное произведение с другими текстами и художественными структурами, внося данное заглавие в общую систему культурной памяти. Одновременно заглавие выделяет и отделяет свой текст от других текстов и тем самым обеспечивает ему необходимые условия существования и функционирования как самостоятельной единицы коммуникации: завершенность и целостность. Изоляция, отграниченность — необходимое условие создания внутренней организации художественного текста, системы его связей. Известно, что когда автор находит название своему тексту, а читатель расшифровывает замысел автора, текстовая ткань произведения обретает границы своего развертывания. Замыкание текста заглавием обеспечивает единство и связанность ранее разрозненных смыслов. Заглавие становится основным конструктивным приемом образования связности элементов текста и интеграции художественного произведения как целого. Заглавие, таким образом, становится формой образования и существования художественного текста как целостной единицы, становится формой, осуществляющей по отношению к тексту как содержанию функцию изоляции и завершения (см. Бахтин 1975, 35).

Но понятие отдельности текста относительно. Изоляция текста или включение его в состав некоего единства зависят от коммуникативного намерения автора. Границы самого текста, как и гра-

ницы заглавия, подвижны. Текст подвержен постоянным процессам изменения: то «происходит превращение текста в контекст», т. е. подчеркивание значимости границ текста, то превращение «контекста в текст» — стирание внешних границ (Лотман 1981, 5). Поэтому внутренняя функция изоляции и завершения находится в диалектическом единстве с соединительной внешней функцией заглавия.

Когда произведение литературы осознается как самостоятельная единица, возрастает роль функции изоляции и завершения его заглавия. Когда же произведение включается автором в определенный цикл или определенное новое единство с общим заглавием, заглавие исходного произведения становится одним из внутренних заглавий или вообще снимается автором (например, в поэтических циклах). Внутреннее заглавие, потеряв былую самостоятельность, становится зависимым от главного. Начинает активно работать соединительная функция: она соотносит исходное заглавие с главным и другими внутренними заглавиями новой большой формы, часто видоизменяя как его внешнее оформление, так и внутреннюю семантическую структуру.

Так, например, в ходе создания целостного цикла «Повести покойного И. П. Белкина» А. С. Пушкин меняет внешне притягательные заглавия повестей «Самоубийца» и «Зимнее приключение» на более спокойные и нейтральные «Выстрел» и «Метель» (Цейтлин 1962, 394—397). «В соответствии с законами своего стиля Пушкин делает *метель*, как и *выстрел* в повести того же названия, повторяющейся темой своей повествовательной полифонии» (Виноградов 1941, 457). Сняв броские заглавия у первых романтических повестей, Пушкин добивается интеграции цикла как целого. «Заглавия повестей как будто намекают на то, что для их группировки и размещения небезразличны вопросы повествовательной тематики и жанра», — суммирует свое художественное впечатление В. В. Виноградов (там же, 544—545). Так, повести с ярко выраженной романтической окраской постепенно сменяют реалистические с заглавиями, «внешне обозначающими лицо по его профессии («Гробовщик»), по должности («Станционный смотритель») или по сословию («Барышня-крестьянка») и вместе с тем выдвигающими образ главного героя или героини повести» (там же). Романтические образы все глубже погружаются в атмосферу подлинной жизни.

Дальнейшая логика описания приводит нас к рассмотрению функции организации восприятия и текстообразующей функции. Парадокс заключается в том, что описать текстообразующую функцию заглавия на уровне законченного текста оказывается возможным лишь через функцию организации читательского восприятия. Подобное прекрасное описание находим у Л. С. Выготского в книге «Психология искусства». Ученый взял за образец рассказ И. А. Бунина «Легкое

дыхание» (Выготский 1965, 191—213). Поэтика этого произведения построена на взаимодействии заглавия с композиционным строением текста.

Содержание рассказа — «житейская муть», неприглядная проза жизни. Однако впечатление от него не таково. Бунин дает ему название «Легкое дыхание». «Название дается рассказу, конечно, не зря, оно несет в себе раскрытие самой важной темы, оно намечает ту доминанту, которая определяет собой все построение рассказа. . . Всякий рассказ. . . есть, конечно, сложное целое, составленное из различных совершенно элементов, организованных в различной иерархии подчинений и связей; и в этом целом всегда оказывается некоторый доминирующий элемент, который определяет построение всего остального рассказа, смысл и название каждой его части. И вот такой доминантой нашего рассказа и является, конечно, *легкое дыхание* (там же, 204). Это словосочетание появляется лишь в самом конце рассказа в воспоминаниях классной дамы о подслушанном ею разговоре о смысле женской красоты. «Смысл красоты — в *легком дыхании*, — так считала героиня рассказа, о трагической смерти которой мы узнаем в самом начале текста. Вся катастрофа ее жизни в *этом легком дыхании*. «Теперь *это легкое дыхание* снова рассеялось в мире, в этом облачном небе, в этом холодном весеннем ветре», — заключает Бунин. «Эти три слова, — пишет Выготский, — совершенно конкретизируют и объединяют всю мысль рассказа, который начинается с описания облачного неба и холодного весеннего ветра» (там же, 204).

Такое окончание называется в поэтике pointe — окончание на доминанте. Композиция рассказа «совершает прыжок от могилы к *легкому дыханию*». Автор для того чертил в своем рассказе сложную кривую композиции, «чтобы уничтожить ее житейскую муть, чтобы превратить ее в прозрачность» (Выготский 1965, 200—201).

Большую роль в организации текста и его восприятия играет взаимодействие названия с подзаголовками и эпиграфами; особенно это касается жанрово-стилистического задания текста. Подзаголовки чаще всего задают жанр произведения. «Жанр — конвенция, соглашение, о значении и согласованности сигналов. Система должна быть ясна и автору, и читателю. Поэтому автор часто сообщает в начале произведения, что оно роман, драма, элегия или послание. Он как бы указывает на способ слушания вещи, способ восприятия структуры произведения» (Шкловский 1967, 220).

Кроме общих функций каждое заглавие, организуя читательское восприятие, может выполнять частную эстетическую функцию в своем конкретном произведении в зависимости от его стиля и жанра. Среди эстетических функций можно выделить следующие: символическую («Мертвые души» Н. В. Гоголя, «Алые паруса» А. Грина), иносказательную («Ка-

рась-идеалист», «Премудрый пескарь» М. Е. Салтыкова-Щедрина), функцию типизации и художественного обобщения («Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова; «Обломов», «Обыкновенная история» И. А. Гончарова), ироническую («Загадочная натура», «Беззащитное существо» А. П. Чехова), афористико-резюмирующую (заглавия-пословицы, заглавия-вопросы), рекламно-интригующую («. . .24 жемчужины» Л. Васильевой), эпатирующую (названия сборников футуристов «Дохлая луна», «Засахаре кры»). Заглавие художественного произведения может иметь и несколько эстетических функций, список которых можно продолжить.

Разные функции неодинаково представлены в каждом конкретном заглавии: каждое заглавие имеет свое распределение функций. Происходит взаимодействие и соперничество не только между внешними и внутренними функциями, но и функциями каждого вида в отдельности. Окончательный вариант заглавия зависит от того, какие тенденции озаглавливания автор избрал как превалирующие.

6. Вопрос о характерных распределениях функций заглавий приводит нас к проблеме типологии.

Ясно, например, что в заглавиях типа пушкинских «Медный всадник», «Пиковая дама», «Барышня-крестьянка» доминируют внутренние функции: уже в самой семантической структуре этих заглавных словосочетаний заложено внутреннее противоречие, которое разрешается в композиции произведения.

В «Медном всаднике», как и в двух других заглавиях Пушкина «Каменный гость», «Золотой петушок», заложено противоречие между прилагательными, указывающими на неодушевленные материалы (медь, камень, золото), и существительными, называющими одушевленные персонажи (всадник, гость, петушок). Этим противоречием предопределяется мотив оживания неживого (Jakobson 1973; Лотман 1975, 137).

В осложненной карточной символикой форме то же противоречие заложено и в заглавии «Пиковая дама», которое обозначает и игральную карту, и старую графиню. Словосочетание *пиковая дама* появляется в повести 4 раза: в заглавии, эпиграфе («*Пиковая дама* означает тайную недоброжелательность». Новейшая гадательная книга) и два раза в последних строках текста: «Вместо туза у него стояла *пиковая дама*», «Ему показалось, что *пиковая дама* прищурилась и усмехнулась». Так, в последней сцене игры происходит «оживление» *пиковой дамы* и ее отождествление со старухой, которое имплицитно было уже намечено в сцене галлюцинации Германна у гроба. «До заключительных строк шестой главы заглавие пушкинской повести и эпиграф к ней остаются загадкой. Их смысл только предчувствуется, только подразумевается» (Виноградов 1980, 265). В последнем восклицании Германна: «*Старуха!*» — расшифровывается двусмысленное калам-

бурное применение карточной терминологии в реплике: «*Дама ваша убита*». Происходит соприкосновение двух планов развития композиции, которое находит реалистическое объяснение в факте помешательства Германна.

«Барышня-крестьянка» выступает как заглавие-оксюморон, которое намечает смешение, слияние и разделение двух семантических планов сюжета: превращение барышни в крестьянку и обратно.

Заглавия, подобные разобранным выше, обладают богатой «внутренней формой» и являются внутренне направленными. Художественная выразительность и сила воздействия таких заглавий зависит от мотивированности и функциональной обусловленности отношений «заглавие—текст». Внутренне направленные заглавия активизируют комбинаторно-парадигматические возможности языка и работают на семантическом и композиционном уровнях организации текста.

Семантические и композиционные связи образуются за счет:

1) семантической многоплановости и субъектной многозначности слова («Выстрел», «Метель» А. С. Пушкина — Виноградов 1941);

2) реализации метафорических возможностей языковых знаков, порождающих семантическую и композиционную двуплановость произведения («Обрыв» И. А. Гончарова, «Затмение» В. Ф. Тендрякова);

3) сочетания слов из семантических групп, находящихся в отношении дополнительной дистрибуции («Каменный гость» А. С. Пушкина, «Некрещеный поп» Н. С. Лескова);

4) использования оксюморона («Живой труп» Л. Н. Толстого) или антонимических конструкций с союзом *и* («Живые и мертвые» К. М. Симонова);

5) вынесения в заглавие художественных деталей произведения, на основе которых строится смысловое обобщение («Шинель» Н. В. Гоголя, «Гранатовый браслет» А. И. Куприна);

6) сюжетной метафоричности слов, являющихся именами основных мотивов произведения («Портрет» Н. В. Гоголя, «Маскарад» М. Ю. Лермонтова);

7) активизации внутренних семантических отношений между словами и проекции этих отношений на композиционный уровень («Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского, «Война и мир» Л. Н. Толстого);

8) использования приема контраста между заглавием и содержанием текста произведения («Пастух и пастушка. Современная пастораль» В. П. Астафьева);

9) взаимодействия заглавия с внутренними надтекстовыми элементами — подзаголовками и эпиграфами.

Чаще всего мы имеем дело с комплексным использованием этих приемов. Так, в семантической структуре заглавия «Мертвые

души. Поэма» Н. В. Гоголя заложены почти все названные потенциальные возможности.

Заглавие может обладать и многоуровневой системой развертывания, включающей и неязыковые (математический, графический) уровни прочтения. Примером «широкого поля интерпретаций» при максимальной формальной сжатости служит заглавие прозаической работы А. А. Вознесенского «О». «О» — это и приобретающий лексическое значение предлог, и нуль, и «черная дыра», и просто буква алфавита, получившая в тексте особую фонетическую значимость. Почти каждый абзац произведения начинается на *О*: *однажды. . .*, *ответьте. . .*, *осмотрим. . .* и т. д. Интересно парирует возможные выпады против своего оригинального заглавия сам автор: «Разве буква, даже такая, как „*О*“, может стать сюжетом? Автор и сам признается в том, что он — нуль. Хе-хе. Так и озаглавил свой опус — „Андрей Вознесенский — *О*“».

Подобное высказывание писателя хорошо подтверждает тезис о том, что для читателя небезразличны те языковые и прагматические связи, которые возникают между заглавием и именем автора. Можно даже утверждать, что отношение «заглавие: „личный знак“ автора» рождает новое смысловое сообщение.

Внешне направленные заглавия рассчитаны прежде всего на прямой контакт с читателем и воздействуют на его эмоциональную сферу восприятия. В них доминируют внешние функции. Так, в заглавии романа «Эмилия, или Печальные последствия безрассудной любви» (1806) М. Е. Извековой воздействие на читателя производится за счет конденсации слов, эмоционально-выразительных по своей семантике в дидактических целях.

Внешне направленными являются и заглавия-вопросы, заглавия-пословицы. Неудивительно, что пословицы и поговорки чаще всего встречаются в названиях пьес, водевилей, киносценариев, фельетонов — в жанрах прямого контакта с читателем или зрителем.

Определенную внешнюю направленность имеют и двойные заглавия с *или*. Даже известный двойной вариант заглавия Н. В. Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души» продиктован был не столько требованиями цензуры, сколько стремлением привлечь к произведению разные читательские круги.

Иногда заглавие сочетает в себе внешние и внутренние функции в равных пропорциях. Подобное явление наблюдается, например, в аллюзивных заглавиях типа «Фауст», «Гамлет Щигровского уезда», «Степной король Лир» И. С. Тургенева. Из внешних функций у данных заглавий преобладает соединительная — она тянет за собой тему, сюжет и настроение произведений, ставших литературными образцами; из внутренних — функция композиционной организации. Тургеневские заглавия подобны по функциям эпиграфам. Показательно, что повесть «Фауст» имеет эпи-

граф из первой части трагедии Гете, а «Степной король Лир» открывается словами о шекспировских типах, и в частности, о короле Лире. Существуют примеры двойной аллюзии — например, заглавие эссе А. Орлова «Прогулка в стране Тургеневских Гамлетов» (1891).

Гармонично сочетает в себе внешнее и внутреннее начало заглавие романа В. М. Кожевникова «Корни и крона» (1982). Использование приема паронимической аттракции сразу привлекает внимание читателя к форме заглавия. Интересно, что эта форма была впервые найдена в поэзии — ср. заглавие стихотворения А. Вознесенского «Корни и кроны» (1960), посвященного Б. Пастернаку. Необычность формы порождает стремление глубже вникнуть в семантическую структуру названия, которая держится на двух смысловых опорах, взаимосвязанных союзом *и*. В таком заглавии начинает чувствоваться «теснота стихового ряда» (Ю. Н. Тынянов) наряду с тем, что расширяется семантический план взаимодействия паронимической конструкции с текстом.

* * *

«Книга, как и все вокруг нее, ищет возможности выйти н а и з а свою обложку, в свое в н е» (Кржижановский 1931, 31). Такую возможность она приобретает благодаря своему заглавию. Реализация этой возможности зависит от того, как и каким образом автору удается выразить в заглавии смысловую специфику текста, наиболее важные композиционные функции структуры произведения и его эстетическую информацию. Таким образом, заглавие определяет своему произведению его место в окружающем мире.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М., 1941.
Виноградов В. В. О языке художественной прозы. М., 1980.
Выготский Л. С. Психология искусства. М., 1965.
Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
Гей Н. К. Искусство слова. М., 1967.
Жиевская Н. А. Лингвостилистические особенности дистантного повтора и его роль в организации текста : КД. М., 1978.
Кржижановский С. Д. Поэтика заглавий. М., 1931.
Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Л., 1972.
Лотман Ю. М. Тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века // Труды по знаковым системам VII: Учен. зап. Тартуского ун-та. Тарту, 1975. Вып. 365. С. 120—142.
Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста // Труды по знаковым системам XII: Учен. зап. Тартуского ун-та. Тарту, 1981. Вып. 515. С. 3—7.
Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Л., 1983.
Цейтлин А. Г. Труд писателя: Вопросы психологии творчества, культуры и техники писательского труда. М., 1962.

Шкловский В. Б. Кончился ли роман? // Иностр. литература. 1967, 8.
Dressler W. Towards a Semantic Deep Structure of Discourse Grammar // Papers from the regional meating of the Chicago Linguistic Society. Chicago, 1970. P. 202—209.
Jakobson R. La statue dans la simbolique de Pouchkine // Jakobson R. Questions de poétique. Paris, 1973. P. 152—189.
Sopher H. Discourse Analysis: The Hierarchic Structure of Meaning Content. // Journal of Literary Semantics, 1979. VIII. N 2. P. 100—109.

Н. А. КОЖЕВНИКОВА

О СПОСОБАХ ЗВУКОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СТИХОТВОРНОГО ТЕКСТА

Звуковую организацию стиха можно рассматривать с разных точек зрения. В работах последнего времени исследователи прежде всего обращают внимание на звукосмысловые связи и способы их осуществления: анаграммы и паронимическую аттракцию (работы В. Н. Топорова, В. В. Иванова, В. С. Баевского, В. П. Григорьева и других). Предметом изучения становится и собственно звуковая сторона, прежде всего звуковая организация отдельных стихотворений.

В русской поэзии на протяжении XVIII—начала XX вв. последовательно используются устойчивые приемы звуковой организации стихотворного текста. Это разнообразные комбинации контактных и дистантных звуковых повторов и вариаций, возникающих в результате того, что глухим согласным одного слова соответствуют звонкие согласные другого слова. Эти приемы, создающие звуковую связность стихотворного текста, и будут рассмотрены в дальнейшем.

ДИСТАНТНЫЕ ПОВТОРЫ

Дистантные повторы могут занимать в композиции стихотворения разное место. В одних случаях они организуют строфу, в других имеют межстрофный характер.

Дистантные парные повторы играют важную роль в небольших текстах, в которых они обладают самостоятельной значимостью, скрепляя соотнесенные фрагменты текста. Дистантные повторы связывают слова, находящиеся в симметричной позиции: в первых строках строф: Над *виноградными* холмами — Там, в *горнем* неземном жилище (Тютчев); Пуская в свет свои *мечты* — Иль раб *мучительных* страстей (Фет); в других симметрично расположенных строках разных строф. В стихотворении Тютчева «Здесь, где так вяло свод небесный. . .» пара *погрузившись* — *грезы* связы-

вает третью строку первой строфы с третьей строкой второй строфы (Здесь *погрузившись* в сон железный — Как лихорадочные *грезы*).

Расположение строк, связанных звуковыми перекличками, может быть сдвинуто по сравнению со строфическим членением. Например, связаны не первые строки строф, а первая строка одной строфы и вторая строка следующей, как в стихотворении Пушкина «Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем», где слово *мятежным* имеет размытое соответствие во второй строке второй строфы: О как *мучительно* тобою счастлив я.

Дистантные повторы могут связывать первую и последнюю строфы стихотворения, в частности, первую и последнюю строки, а иногда даже первое и последнее слово. Эта закономерность характеризует не только небольшие стихотворения в две, три, четыре строфы, но и более развернутые тексты. Вот несколько примеров, почерпнутых из текстов разного объема: Я памятник себе воздвиг чудесный, *вечный* — Чело твое зарей бессмертия *венчай* (Держ.); Не верь, не верь себе, *мечтатель* молодой — Махающий *мечом* картонным; Сквозь *туман* кремнистый путь блестит — *Темный* дуб склонялся и шумел (Лерм.); Уж солнца *раскаленный* шар — *Коснулись* ключевые воды (Тютчев); *Не брани* меня, мой друг — На *серебряное* блюдо (А. К. Толстой); Когда к ночи *усталой* рукой — *Талый* воск догоревшей свечи; На белом небе все *тусклей* — Тебе, *тоскующее* я? (Анненский); Я по первому снегу *бреду* — Над древесными *бедрами* ив (Есенин).

Довольно последовательно устанавливаются точки соприкосновения между началом и концом в стихотворениях Фета: Как на черте *полночной* дали — Тебе *печальная* примета; Как *мошки* зарею — О, если без слова Сказаться душой было *можно*; Средь *кленов* девственных и плачущих берез — Пугать иные *поколенья* и т. п.; Все будто бы *кровли* да стены — Да *крыльев* лететь не дает; И *торчит* еще Церерой Ненавидимый бурьян — И Юпитера *встречает* лоно Геи молодой.

В развернутых текстах дистантные повторы складываются в цепочки, связывающие разные строфы стихотворения: *Молча* сижу под окошком темницы — *Меч* мой тяжелый и панцирь железный — *Мчись* же быстрее, летучее время (Лерм.); *Заревая* вьюга — А проснутся *завтра* — *Изорвут*, гляди (Фет).

Как правило, простые дистантные повторы и их цепочки входят в состав более сложных звуковых композиций.

МНОГОКОНСОНАНТНЫЕ СЛОВА И ИХ ОТРАЖЕНИЯ

Несколько типов контактных и дистантных повторов заключают в себе многоконсонантное слово и его отражения. Звуковой рисунок строки и строфы зависит от того, в какой степени соприкасаются соотнесенные слова. Наиболее тесны связи в цепи, когда

многоконсонантное слово соотносится со словами, в разной мере отражающими его консонантный состав, но связанными и с ним, и между собой повтором двух или даже трех начальных согласных:

Громады гор, зазубренные скалы
Из океана высятся *грядой*.

(Бунин)

Подобный же рисунок возможен и при дистантном повторе: О как их *блеск* меня тревожит! — Дрожат от *боли* и *бессилья* (Тютчев). В этих случаях многоконсонантное слово уподобляется контактному повтору однотипных созвучий. В некоторых стихотворениях к многоконсонантному слову восходит объединение однотипных созвучий. Например, звуковой состав многоконсонантного слова *наступил* в первой строфе стихотворения Пушкина «Осень» имеет два отражения в следующей строфе (*последние листы*): Октябрь уж *наступил*. Уж роща отряхает *Последние листы* с нагих своих ветвей. Такой рисунок возможен и при дистантном расположении соотнесенных созвучий. Слово *Палестина* в стихотворении Лермонтова «Ветка Палестины» имеет несколько отражений, среди которых контактный повтор, связанный синтаксически: Иль *пели песни* старины, Когда *листы* твои *сплетали* Солима бедные *сыны*. Подобные звуковые построения могут входить в состав более сложных: Как ясность *безоблачной* ночи — И все, что *лучом* их *случайным* — *Блаженством* овеяно тайным — *Лишь* мне, молодая царица. . . (Фет).

Такие построения существуют наравне с другими, в которых слова, в разной степени отражающие консонантный состав многоконсонантного слова, либо вовсе не пересекаются друг с другом, либо — это более обычно — пересекаются лишь частично. В этих последних случаях многоконсонантное слово и его отражения можно уподобить повтору разнотипных согласных.

1) Многоконсонантное слово предшествует более простым словам, в разной мере отражающим его консонантный состав. Происходит своего рода распадение многоконсонантного слова, которое иногда сопровождается переменой качества отдельных звуков. Звуковой рисунок строк меняется в зависимости от расположения соотнесенных слов. Многоконсонантное слово и его более простые отражения могут быть сконцентрированы в строке: Лишилась *власти*, *славы*, *сил* (Лом.); Нет, *просвистал* в *твой парус·ветер* ночи (Жук.); Он *славить* мне *велит Леса*, долины, воды (Барат.); И *белизна* всю *зелень облила* (Тютчев); *Светлые*, *словно* из *стали* (Некр.); Я стою на *прибрежьи*, в *пожаре прибоя* (Бальм.); *Потускнел* на небе *синий лак* (Ахм.).

Если соотнесенные слова распределены между соседними строками, они могут располагаться двояко. Многоконсонантное слово оторвано от своих отражений: Но *просветленный* и немой, *Овеян*

властью неземной (Фет); *Стамбул* для сладостей порока *Мольбе* и *сабле* изменил (П.); *Мучительный*, ужасный крик Ночное *возмутил молчанье* (Лерм.); при перемене качества одного или нескольких согласных: На *мавзолеях* у вождей, *Властителей земель*, морей (Держ.); Там над водой *младенец*, восхищенный *Луной*, *подъемлет* крик; В *блаженной* памяти моей Одной *улыбкой нежной боле* (Фет); Точно древние своды во храмах *пещерных* В подземелье *Перуна*, высоком и *черном* (Бунин).

При другом расположении одно из простых слов примыкает к многоконсонантному: То *стеклянная стена* О *скалы* раздроблена (Языков); Сквозь *обветренные ветки* Стаи черные *ворон* (Фофанов); Вновь пропитал *Кентавр ткань* праздничной одежды Настоем *трав* и ядом змей (Бунин).

Консонантный состав многоконсонантного слова может быть распределен между словами соседних, сменяющих друг друга строк: В дыму огонь *блестел*. Звучал *булат*, картечь визжала, Рука бойцов колоть *устала* (Лерм.).

Многоконсонантное слово может стоять на стыке строф, так что оно относится к одной строфе, а его отражения к другой: Отчего прослыл я *скандалистом?* — Не *злодей* я и не грабил *лесом* (Есенин); Над миром *расплескав* крыла. Но было тихо в нашем *склепе*, И *полюс* в хладном серебре (Блок).

Аналогичный рисунок характеризует и строки, оторванные друг от друга: В степи мирской, печальной и *безбрежной* — *Бежит*, кипит, сверкая и *журча*; Под ними спит сей *властелин* — Сей *остальной* из *стаи славной* (П.); Ночь тиха. *Пустыня* внемлет Богу — *Спит* земля в *сиянье* голубом (Лерм.); Я *задремал*, главу понуря — Как камень от *удара млата* (А. К. Толстой); *Обледенелый* сад — И солнца *бледный* тусклый лик — Предчувствием *беды*, Сквозь тонкий *лед* еще сквозят. . . (Ахм.).

Одно из отражений многоконсонантного слова, так же как в уже рассмотренных случаях, может примыкать к нему, другие же распределяются в смежной строке: *Славная* вещь — под окном в клетке держать *соловья*. Грустно в *неволе* певцу, но чары *сильны* у природы (Фет.). Аналогичный рисунок возникает и при дистантном повторе: *Вскормленный* в неволе *орел* молодой — Туда, где синеют *морские края* (П.). Многоконсонантное слово, которое распадается на более простые слова, стоящие в непосредственной близости к нему, может иметь полное и глубокое соответствие на расстоянии. Например, слово *содроганье* в строке стихотворения Пушкина «Пророк» имеет не только два соответствия, непосредственно следующие за ним: И внял я неба *содроганье*, И *горний* ангелов полет И *гад* морских подводный ход, — но и более полное соответствие на расстоянии: И он мне *грудь* рассек мечом, И сердце трепетное вынул (ср. пару *внял* и *вынул*).

2) Многоконсонантное слово замыкает цепь более простых слов, из которых оно как бы возникает. Постепенное нарастание

количества согласных может характеризовать строку: *Следить* за *ласточкой стрельчатой* (Фет), но чаще оно обнаруживается в более развернутых отрезках текста. Более простые слова сосредоточены в строке, многоконсонантное слово находится в соседней строке:

Целует руки, *сети рвет*,
Любви, *восторга* слезы льет.
(П.)

И *конь давно* не выступал
По нем *подкованным* копытом.
(Фет)

Неуловимый свет разлился над землею,
Над кровлями *безмолвного* села.
(Бунин)

Многоконсонантное слово и одно из его соответствий могут рифмоваться:

Я *молю*, как *жалости* и *милости*,
Франция, твоей земли и *жимолости*.
(Мандельштам)

В более сложных случаях многоконсонантное слово вбирает в себя звуковой состав нескольких слов: Пускай Пергам давно во прахе, Пусть *мирно дремлет* тихий *Дон*, Все тот же ропот *Андромахи* И над Путивлем тот же стон (Вл. Соловьев). Иногда слова, предваряющие многоконсонантное слово, распределены по двум строкам: *Вдруг* звуки стройно, как *орган*, Запели в *отдаленье*; Невольно *дрогнула* душа При этом стройном пенье (Фет).

Подобный же звуковой рисунок возникает и при рассеянном повторе: И *силен*, *волен* был бы я — Не голос яркий *соловья* (П.); *Есть речи* — значенье. . . — Ему я *навстречу* (Лерм.); Как *весел* грохот *летних* бурь — *Широколиственно* и шумно (Тютчев); Частых *перьев опахала* — из листвы *вспорхнула* птица (Анненский); с переменой тональности: В *печи трещит* огонь — Звук колокольчика *трепещет* в тишине (Фет). Такое расположение созвучий лежит и в основе более сложных построений: И *веет* прямо на нее Своею вечною *струею* — И *встретить* очевидный день Душа с *восторгом* вылетает (Фет).

Существенно меняется звуковой рисунок соотнесенных строк, когда исходные слова рассредоточены по соседним строкам, так что одно из них примыкает к многоконсонантному слову:

Одинокая *пальма* стояла над ним
На *холме опахалом* своим.
(Бунин)

Памятным мне будет месяц *вьюжный*,
Северный встревоженный февраль.

(Ахм.)

Слова, предваряющие многоконсонантное слово, рассредоточены по сменяющим друг друга строкам: И, *откликаясь*, ворон черный *Качает* мертвую сосну. Внизу *клокочут* водопады (Блок). Подобное ступенчатое расположение соотнесенных слов возможно и при дистантном повторе: Нежданной *молнии* игра, Как *меч*, блеснувший на мгновенье — Как я люблю твое *молчанье* (Бунин); *Теплый* ветер тихо веет, Жизнью свежей дышит *степь* — *Сыплют* с неба трель за трелью. . . (Фет).

В более сложных случаях многоконсонантное слово подготавливается и постепенно складывается из консонантного состава нескольких более простых слов. Если в цепь входит несколько слов, происходит постепенное обогащение и усложнение консонантного состава этих слов: Алмазна сыплется *гора* С высот четыремя скалами, Жемчугу бездна и *сребра* Кипит внизу, бьет вверх *буграми*; От *брызгов* синий холм стоит (Держ.); *Старый* дом мой пронизан метелью, И *остыл* одинокий очаг. Я привык, чтоб над этой *постелью* Наклонялся лишь *пристальный* враг (Блок).

3) Многоконсонантное слово располагается между двумя более простыми словами и вбирает в себя консонантный состав слов, его окружающих: движение по восходящей линии сменяется движением по нисходящей. Соотнесенные слова могут быть сосредоточены в строке: *Врата отверзла* в мир *заря* (Лом.); Лунный *свет сверкает ярко* (Фет); Что мне звезды — *луна* — *небосклон* — *облака* (Полонский); *Острей стрекочет* легкая *сорока* (Бунин); Был он *ревнивым*, *тревожным* и *нежным* (Ахм.).

Если многоконсонантное слово и его отражения рассредоточены между двумя строками, то одно из простых слов помещается в той же строке, что и многоконсонантное слово:

Шутя, несчастных и счастливых,
Вертушки милые *творят*.

(Барат.)

Пурпурной полосой огня
Прозрачный озарен закат.

(Фет)

Мои, вы, о *дальние* руки,
Ваш *сладостно-сильный* зажим. . .

(Анненский)

Соотнесенные слова могут распределяться между разными строками, которые непосредственно следуют друг за другом: Он

видит, что и *дубы* мшисты Кряхтят, падут с вершины *гор*, Перун *дробит бугры* кремнисты И пожигает влажный *бор* (Держ.).

Так могут быть организованы и более развернутые отрезки текста. Строки, начинающие стихотворение Пушкина «Кто знает край. . .», содержат слова, консонантный состав которых частично отражает консонантный состав слова *развалин*, которое стоит в середине цепочки: *синевой*, *волной*, *развалин*, *лавр*, *на воле*:

Кто знает край, где небо блещет
Неизъяснимой *синевой*,
Где море теплою *волной*
Вокруг *развалин* тихо плещет;
Где вечный *лавр* и кипарис
На воле гордо разрослись.

Звуковой эффект текста зависит не только от общего принципа его организации, но и от его звуковой плотности. В некоторых текстах отражения многоконсонантного слова следуют друг за другом, непосредственно или с небольшими перерывами.

Так организовано стихотворение Анненского «Второй фортепьянный сонет», в котором постепенно «возникает», а затем «распадается» слово *кристальный*:

Над *ризой* белою, как *уголь* волоса,
Рядами *стройными* невольницы плясали,
Без слов *кристальные* сливались *голоса*,
И *кастаньетами* их пальцы потрясали. . .
Горели синие над ними небеса,
И *осы* жадные плясуний донимали,
Но слез не выжали им муки из эмали,
Неопалимою *сияла* их *краса*.

В текстах другого типа, напротив, соотнесенные слова оторваны друг от друга большими отрезками текста. В стихотворении Фета «Морская даль во мгле туманной. . .» слова *дым* и *гряда*, предваряющие слово *громада* в третьей строфе, содержатся соответственно в первой и во второй строфах, и только слово *не дрогнет* примыкает к слову *громада* непосредственно.

И, наконец, звуковая плотность стихотворения может варьироваться. Определенные звуки нагнетаются в одном месте и разреживаются в другом. Начало стихотворения Мандельштама «В тот вечер не гудел стрельчатый лес органа. . .» и начало третьей строфы: И сила страшная ночного возвращенья — объединены перекрестно расположенными размытыми созвучиями: *вечер — возвращенья*, *стрельчатый — страшная*, *лес — сила*. Слово *вечер* ведет к слову *коричневый* в начале второй строфы:

Старинной песни мир, *коричневый*, зеленый,
Но только *вечно* молодой,
Где соловьиных лип *рокочущие кроны*
С безумной яростью *качает* царь лесной.

Консонантный состав слова *коричневый* рассыпан по словам *вечно*, *рокочущие кроны*, *качает*. Он вновь собирается во второй строке последней строфы: Та песня дикая, *как черное вино*. Только что рассмотренные способы звуковой организации в развернутых текстах используются как основной принцип.

Прежде чем появляется многоконсонантное слово, его консонантный состав в разных вариантах распределяется между разными словами. Прежде чем в стихотворении Ап. Григорьева «Молитва» появляется многоконсонантное слово *громадного*, его консонантный состав то концентрируется в строке, полностью или частично, то распределяется между разными строками:

По *мере горенья* Да молится каждый Молитвой смиренья Иль ропотом жажды. Зане выгорая, *Горим мы недаром* И *мир* покидая таинственным паром, Как *дым* фимиама, Все дальше от взоров, Восходим до хоров *Громадного* храма. . .

В стихотворении Бунина «Из дневника» появлению слова *балкон* предшествует три пары сочетаний, отражающих его консонантный состав или варьирующих его: В окно я вижу груды *облаков*. . . И яркость неба влажно-*голубого*. . . *Клены* золотые И *белые* березки у *балкона*; ср. дальше: двери на *балконе* Уже давно *заклеены* к зиме.

Возникновение и последующее распадение многоконсонантного слова образуют звуковой стержень текста. В стихотворении Пушкина «Буря» слова *скале* и *белой* в первых двух строках: Ты видел деву на *скале* В одежде *белой* над волнами — ведут к слову *блеск*, которое в свою очередь распадается на слова *алым*, *бился*: Когда луч молний озарял Ее всечасно *блеском алым* И ветер *бился* и летал. В басне Крылова «Слон на воеводстве» к слову *преступленье* ведет целая цепь простых слов: *силен*, *лес*, *слон*, *толст*, *прост*, *вступило*, *плуты*. Разные его отражения объединены в строке: «О *плуты*! — *Слон* кричит, — какое *преступленье*!» За ним следуют слова *тулупы*, *не потерплю*, *не троньте*.

СОЧЕТАНИЕ КОНТАКТНЫХ И ДИСТАНТНЫХ ПОВТОРОВ

Однотипные созвучия в строке или соседних строках прежде всего организуют этот небольшой отрезок текста, отражая тяготение к звуковому сближению рядом стоящих слов. В композиции целого строки, организованные таким образом, могут занимать разное место. Некоторые глубокие повторы не имеют отражений за пределами строки или соседних строк. Действие звукового повтора или вариации ограничено строкой или соседними стро-

ками. Во множестве же случаев строка и соседние строки, содержащие контактные повторы, приобретают в стихотворении существенную организующую роль, которая особенно возрастает в развернутых текстах. Контактный повтор дополняется дистантным повтором, давая отражения в разных местах текста.

Контактные повторы не имеют закрепленного места, даже в небольшом стихотворении. Они могут располагаться и в конце, и в начале, и в середине стихотворения, образуя разные звуковые композиции. Объединение созвучий или их вариаций, вынесенное в начало стихотворения, имеет соответствие в его конце: *Подруга* дней моих суровых, Голубка *дряхлая* моя — Теснит ее всечасно *грудь* (П.); *Там дамы* щеголяют *модами* — Как вечер *дымно*-голубой (Блок), *Костел*-маяк — примета мореходу — На ребрах гор *скалистых* и нагих — *Скользят* в пролетах башни, и порою. . . (Бунин). Пара, связывающая начальные строки, имеет соответствие в середине стихотворения: С веселым *ржанием* пасутся табуны И римской *ржавчиной* окрасилась долина — *Державным* яблоком катящиеся годы (Мандельштам). Пара, связывающая третью и четвертую строки первой строфы, имеет соответствие в последней строке: И *стройный* мусикийский шорох *Струится* в чутких камышах — И ропщет мыслящий *тростник* (Тютчев).

Объединение созвучий, тяготеющее к концу стихотворения или стоящее в его конце, предваряет слово с той же группой согласных. Таков рисунок расположения созвучий в двухстрофном стихотворении Анненского «На воде». Слово *желтый* во второй строке первой строфы: Околдована желтой луной — имеет соответствие в начале второй строфы: Ни о чем не *жалеть*, ничего не *желать*. Слово *тоскливо* в первой строке его же стихотворения «Октябрьский миф» приобретает двойное соответствие в последней строке стихотворения: *Растекается* по *стеклам*.

Контактный повтор, стоящий в середине стихотворения может иметь соответствие либо в его начале: *Ласточки* пропали — *Лист* сухой валится (Фет), либо в конце: *Расти*, *покорствуй*, *крест* неси — В *красе* заплаканной и древней (Блок), либо и в начале, и в конце одновременно: Послушна наша *ладия* — Я *Лету*, созданную мной, И стены мира *облетаю* — Звезда разрозненной *плеяды* (Барат.).

В некоторых стихотворениях в таких композициях роль звукового повтора играет повтор лексический. В стихотворении Лермонтова «Листок» повторяется слово *чинара*, которое входит в строку, основанную на звуковом повторе: У *Черного* моря *чинара* стоит молодая. Три строфы стихотворения Фета «Как *нежишь* ты, серебряная *ночь*!. . .» содержат слово *ночь*, ср. *Темнота* и *туман* застилают мне путь — Я не ждал, не гадал, в *темноте* поскакал (А. К. Толстой); *Флаг* бесполезный опущен. Только *флюгарка* на крыше. . . — Сладки мне песни *флюгарки* (Блок); *Алым*

трепетом пали на статую — Перепутаны *алою* пряжей, И плывут из *аллей* бриллиантами. . . (Волошин).

Поскольку в звуковой композиции стихотворения участвуют не только собственно звуковые повторы, но и вариации, ближние и дальние связи слова могут не совпадать. Полному и глубокому повтору соответствует слово, варьирующее центральное созвучие. В стихотворении Лермонтова «Русалка» синтаксически связанной паре *колебала — облака*: И шумя, и крутясь, *колебала* река Отраженные в ней *облака*, — предшествует строка, в которой содержится слово *голубой*: Русалка плыла по реке *голубой*, — консонантный состав которого варьирует центральное созвучие. Таковы же соотношения варьирующихся созвучий в стихотворении Блока «Осенняя воля»: Вот оно, мое веселье, *пляшет* — Над *печалью* нив твоих *заплачу*.

В других случаях одно из слов, входящих в состав размытого сочетания, приобретает более полное соответствие на расстоянии: В великолепный *мрак* чужого сада — Бродил *угрюмый* — все *кумиры* сада. . . (Пушкин); Лучи их *сладостных* очей — И взором *ласточек следил* (Лермонтов); Кот поет, глаза *прищуря* — *Спрячь* игрушки да вставай, Подойди ко мне *прощаться* (Фет); *Плащом* твои *плечи* окутал — И душу *палящая* тень; Ты прошла *голубыми* путями, За тобою *клубится* туман — Но с *глубокою* верою в Бога. . . (Блок). В строках Жуковского: Здесь у *ручья вечернею* порою *Прощальну* песнь он заунывно пел, — слово *вечерний* имеет сразу два соответствия, но одно из них неглубокое — *у ручья*, другое размытое — *прощальну*. На расстоянии же слово имеет глубокую параллель: *очарованье* (Что жизнь, когда в ней нет *очарованья?*).

И, наконец, далекое соответствие смешанного, размытого сочетания представляет собой еще одну вариацию исходного звукового комплекса. В стихотворении Пушкина «Зимнее утро» сменяют друг друга вариации: *г-л-б/к-л-п/к-б-л*: Под *голубыми* небесами *Великолепными* коврами — *Кобылку* бурую запречь, в стихотворении «Памятник»: *г-л-в/х-в-л/к-л-в*: Вознесся выше он *главою* непокорной. . . — *Хвалу* и *клевету* приемли равнодушно. По этому же принципу организованы такие соотнесенные строки, как Седая *мгла* вьется вкруг *холмов*. . . — *Умолкли* птиц живые голоса — в стихотворении Баратынского «Осень» или: В *угрюмом мраке* пропадал — А утром *храм* был светел — в стихотворении Бунина «Айя-София».

Еще один тип соотношения между исходной парой и ее соответствием основан на том, что размытое сочетание звуков приобретает на расстоянии неполное и неглубокое соответствие. В порабощенные *бразды Бросал* живительное семя — Их должно *резать* или стричь (П.).

При несовпадении количества звуков у рядом стоящих соотнесенных слов одно из них может иметь более полное соотве

ствие на расстоянии: Теперь и *тень* в саду *темна*, И трав сильней благоуханье, Зато какая тишина, Какое *томное* молчанье (Фет).

Слова, связанные глубоким повтором и сконцентрированные в строке или соседних строках, имеют на расстоянии менее полное соответствие. Паре *вечерний — очарованье*, связывающей строки в центре стихотворения Тютчева «Последняя любовь»: Помедли, помедли, *вечерний* день, Продлись, продлись, *очарованье*! — предшествует слово *суеверней*, консонантный состав которого отчасти совпадает с консонантным составом центральной пары.

Исходное объединение однотипных созвучий может иметь и не одно соответствие в тексте, в особенности, развернутом. Вынесенное в начало текста, такое объединение становится источником звуковой волны, которая может проходить через все стихотворение. В стихотворении Лермонтова «Родина» созвучие *п-л-н*, скрепляющее соседние строки: Ни слава, *купленная кровью*, Ни *полный* гордого *доверия* покой, — видоизменяясь и преобразуясь, проходит через все стихотворение: *Проселочным* путем люблю скакать в телеге — Дрожащие огни *печальных деревень* — Люблю дымок *спаленной* жнивы. — Я вижу *полное* гумно — Смотреть до *полночи* готов На пляску с топаньем и свистом Под *говор пьяных* мужичков. Исходное созвучие доходит до последней строки стихотворения, где имеет ослабленный, преобразованный вариант. Сквозное центральное созвучие организует строки, связанные с исходными другими звуковыми перекличками: *доверия—деревень*, *кровью—говор*. Те строки, которые не имеют соответствий в начале стихотворения, связаны между собой: *вижу—жнивы*.

Напротив, объединению однотипных созвучий, отодвинутому на конец стихотворения, может предшествовать цепь слов, содержащих это созвучие. В стихотворении Лермонтова «Баллада» объединению созвучий в конце стихотворения: И *стон* раздался под *стеной* — предшествуют слова *потянув*, *тайной*, *тень*. Так организовано и стихотворение Тютчева «Вот от моря и до моря. . .». Сквозной звуковой ряд начинается словом *вот*, первым словом стихотворения, и заканчивается контактным повтором *Севастопольских вестей*. Между началом и концом ряда располагаются слова *славы* (первая строфа), *вестовой* во второй строфе (И за ним следя глазами Вдоль по нити вестовой). В третьей и четвертой строфах слова центрального ряда сочетаются с контактными повторами: *Сел* и *каркнул* и *крылами* Замахал он *веселей*; И *кричит* он, и ликует, И *кружится все* над *ней*.

Если объединение созвучий имеет не одно, а несколько соответствий, они могут быть выдержаны в разных тональностях. Так, в стихотворении Фета «Первая борозда» объединению созвучий в соседних строках: Ветерок *благоухает* Сочной почвы *глубиной*—предшествуют два слова *плуг* и *глыбы*. Объединение однотипных созвучий может лишь тяготеть к началу или концу

цепи соотнесенных слов, но не начинать или кончать ее. В стихотворении Лермонтова «Свидание» слово *вечерний* во второй строке первой строфы: Погас *вечерний* луч — соотносится с объединением *сумрачной — чинарою*, связывающим вторую и третью строки следующей строфы: На *сумрачной* горе Под свежею *чинарою*. В начале следующей, третьей строфы содержится слово *черные*, которое продолжает этот ряд: Внизу огни *дозорные* лишь на мосту горят И колокольни *черные*, как сторожи стоят. Начало третьей строфы связано с началом шестой, которая содержит еще одно преобразование центрального созвучия: *Прочь, прочь*, слеза *позорная*. Кипи, душа моя! Твоя измена *черная* Понятна мне, змея! Лексический повтор (*черный*) сопровождается повтором звуковым: *дозорные — позорная*, совпадает и место этих слов в строфе — конец первой строки.

Если объединение однотипных созвучий включает в себя многоконсонантное слово, то с ним полностью или частично соотносится сквозной звуковой ряд. Стихотворение Ап. Григорьева «Город», начинающееся объединением слов, связанных и в звуковом, и в смысловом отношении: Да, я люблю его, *громадный гордый град*, организуют отражения слова *громадный*: *другие, граниты, страдание* (1-я строфа), *гранит, страдание, горе, море, дани* (2-я строфа). Начало третьей строфы: И пусть *горят* светло *огни* его палат — продолжает центральную звуковую цепь, в которую включается слово *горят*, и соотносится с шестой строкой этой же строфы, в которой частично повторяется ее рисунок: В *окне* ль с богатою *гардиной*. В четвертой строфе варьируется исходное сочетание: А в те часы, когда на *город гордый мой*, — но дальше звуковое движение замирает — основной звуковой комплекс *г-р-д* уже не возникает, а о слове *громадный* напоминают такие далекие отголоски, как *рой* и *день*.

В еще большей степени зависимость сквозного ряда от многоконсонантного слова становится ясной тогда, когда исходное объединение созвучий размыто. В стихотворении Пушкина «Поэту», первые строки которого скреплены размытым сочетанием *не дорожи — восторженных*: Поэт! *не дорожи* любовию народной. *Восторженных* похвал пройдет минутный шум, — сквозная звуковая цепь соотносится со словом *восторженных*, вслед за которыми идут слова *живи, усовершенствуя, всех строже, твой треножник*. В стихотворении А. К. Толстого «Вновь растворилась дверь на влажное крыльцо. . .» слово *растворилась* становится источником целого ряда слов, в то время как его подобие *дверь* соотносится лишь с одним словом *доверие*. Ряд проходит через третью строку первой строфы: Дымятся. Теплый *ветр* повеял нам в лицо, — которая связана с первой не только словом *ветр*, но и рифмой, через четвертую строку второй строфы: Сегодня *возвестил*, что жизнь пришла иная, третью строку третьей строфы: И *вторят* им бегущие ручьи, Колебля *тростника* желтеющие перья, — вторую

и четвертую строки последней, четвертой строфы: Пускай же, как они по глине и песку *Растаявших* снегов, журча, уносят воды, Бесследно унесет души твоей тоску Врачующая *власть* воскреснувшей природы. Соотнесенные строки, помимо сквозного центрального созвучия, которое идет от слова *растворилась*, объединены еще и побочным созвучием, которое выглядит то как *р-ш* (*пришла*), то как *р-ч* (*ручьи*, *журча*, *врачующая*). Строки, заключающие эти слова, связаны и другими звуковыми перекличками. Сочетание *растворилась дверь* — устойчивая формула, повторяющаяся у разных поэтов. Не заключающая в себе ничего необычного со смысловой точки зрения, она в то же время чрезвычайно важна в ином отношении — именно она определяет звуковую организацию стихотворения.

Источником сквозного звукового ряда, вокруг которого группируются разнотипные контактные повторы, может быть многоконсонантное слово, от которого ответвляется один из этих повторов. Таков звуковой рисунок первой строфы пушкинского стихотворения «Осень», о котором уже шла речь. Поскольку источником звукового ряда может быть и контактный повтор и многоконсонантное слово, оба эти приема иногда совмещаются. Ряд начинает многоконсонантное слово, а объединение однотипных созвучий возникает как следствие его развития. Таково слово *навстречу* в стихотворении Пушкина «Зимнее утро». В непосредственной близости от него находятся его отражения: *Навстречу северной Авроры*, Звездою *севера явись*. Оно же становится источником длинного звукового ряда, который включает слова: *вечор*, *мрачные* во второй строфе, в следующей строфе содержится объединение: *Прозрачный* лес один *чернеет* и слово *речка*. Заканчивает ряд слово *запречь*, которое уже соотносится не столько с исходным словом, сколько со словом *прозрачный*.

Многоконсонантное слово вступает в контакт с парными повторами. Если парный повтор стоит в начале ряда, то в него может включаться многоконсонантное слово, звуковой состав которого частично пересекается с центральным созвучием, и тогда часть ряда можно представить как результат распадения многоконсонантного слова. В стихотворении А. К. Толстого «Ты жертва жизненных тревог. . .» многоконсонантное слово *сопротивленья* следует непосредственно за объединением созвучий *р-т-в*, начинающим стихотворение: Ты *жертва* жизненных *тревог* И нет в тебе сопротивленья, Ты, как *оторванный* листок, Плывешь без воли по теченью. Ты, как на жниве сизый дым, Откуда *ветер* ни повеет. . В более сложных случаях многоконсонантное слово и контактный повтор соприкасаются лишь частично. Многоконсонантное слово, помимо отражений, объединяющих его с контактным повтором, имеет и своеобразные отражения.

ВАРЬИРОВАНИЕ КОНТАКТНЫХ ПОВТОРОВ

Распространенная разновидность дистантных повторов — повторение объединений однотипных созвучий, контактный повтор, имеющий более или менее сходное соответствие на расстоянии. Соотнесенные объединения такого рода, как правило, не совпадают. Они отличаются друг от друга либо количеством, либо качеством согласных, либо расположением пар, либо всем вместе взятым. Пара *брызгами—разбегаясь* в стихотворении Лермонтова «Дары Терека», отмеченная О. Бриком: Слезы *брызгами* летят. Но по степи *разбегаясь*, — соотносится с другой парой, с иным количеством согласных: *Обагрила* знойной крови *Благородная* струя.

В строках, связанных лексическим повтором, повторяющееся слово также имеет разные соответствия. В стихотворении Пушкина «Герой» повторяющееся слово *чума* имеет два разных соответствия и образует с ними размытые сочетания: Клейменный *мощною чумою* — И хладно руку *жмет чуме*. В стихотворении Тютчева «Нет моего к тебе пристратья. . .» соотнесены друг с другом концы строф, каждая из которых имеет вполне своеобразный облик. Одно из слов совпадает, но меняется второе слово. Конец первой строфы содержит пару *цветущее—свет*: Цветущее блаженство мая. Румяный свет, златые дни? — конец второй строфы — пару *свежий—светлый*: Набресть на свежий дух синели Или на светлую мечту. . .

Варьирующиеся объединения однотипных созвучий имеют в композиции разных стихотворений разное место. В одних случаях они соотносятся только друг с другом, в других — имеют точки соприкосновения с другими словами стихотворения. Между объединениями однотипных созвучий могут быть промежуточные звенья в виде отдельных слов, содержащих это же созвучие.

Объединения однотипных созвучий предваряет дистантный повтор отдельных слов с этими созвучиями. В стихотворении Пушкина «Бесы» соотносятся не только объединения однотипных созвучий, которые имеют то двухконсонантный, то трехконсонантный состав: В поле бес нас *водит*, *видно*; *Домового* ли хоронят, *Ведьму* ль замуж *выдают*, но и отдельные слова с соответствующим созвучием: *Невидимкою* луна — Средь *неведомых* равнин, — связанные между собой более глубоким повтором четырех согласных *н-в-д-м* и вариацией *к-х*, ср. *Мутно* небо, ночь *мутна*. Повторы такого типа могут быть осложнены, если в них включено многоконсонантное слово, которое имеет два несоотнесенных друг с другом отражения. Так соотносятся строки: Ни огня, ни черной хаты, Глушь да снег. . . *Навстречу* мне Только *версты* полосаты Попадаются одне и *Завтра*, Нина, *Завтра* к милой *возвратясь* — в стихотворении Пушкина «Зимняя дорога». Слово *черный* остается

за пределами этих пар, хотя оно соотносится со словом *навстречу*, подготавливая его.

На протяжении стихотворения может меняться расположение соотнесенных пар слов: словам, сосредоточенным в строке, соответствуют слова, распределенные между соседними строками. Пара *лед—дол* из стихотворения Пушкина «Осень», на которую обратил внимание Брюсов: Звенит промерзлый *дол* и трескается *лед*, — имеет соответствие в паре *лиет—тлеет*, связывающий соседние строки: Огонь опять горит — то яркий свет *лиет*, То *тлеет* медленно. Аналогичный рисунок в стихотворении Пушкина «Труд»: Что же *непонятная* грусть *тайно* тревожит меня — Или жаль мне труда, молчаливого *спутника* ночи, Друга Авроры златой, друга *пенатов* святых?

Все отмеченные особенности соотнесенных пар могут совмещаться в одном стихотворении. В стихотворении Фета «Приметы» пара *голубой—облаков* связывает вторую и третью строки: Как в дымке *голубой* и небо и вода. Лишь *облаков* густых с заката до востока. . . В конце стихотворения ей соответствуют слова, сосредоточенные в строке: На берег выбросит *обломки корабля*.

В развернутых текстах на фоне сквозных звуковых рядов выделяются и частные звуковые ряды, которые организуют небольшие отрезки текста.

Звуковая доминанта стихотворения или его части может быть связана с широким использованием двухконсонантного созвучия, вокруг которого группируются слова с разными трехконсонантными созвучиями. Одно из трехконсонантных созвучий может стать ведущим в звуковой цепи, объединяя большую часть слов ряда и отодвигая на периферию иные созвучия с той же двухконсонантной группой.

В стихотворении Лермонтова «Валерик» ряд рассеянных созвучий и их разные объединения, организованы группой согласных *р-д*, которая входит в состав групп *г-р-д*, *п-р-д*, *т-р-д*, *н-р-д*, при явном преобладании *г-р-д*. Одно из таких объединений находится в начале стихотворения: Душою мы *друг другу* чужды, Да *вряд* ли есть *родство* души, — затем следуют довольно многочисленные слова, содержащие созвучие *р-д* и разные его вариации: *по порядку*, *страданьем*, *другое*, *благодарен*, *труды*, *виноградных*, *рядком*, *горят*, *гортанный*, *другой*, *ударил* и т. д. При изображении схватки русских с горцами (Раз — это было под Гихами. . .) слова с группой *р-д* сгущаются, они неоднократно объединяются в строке и соседних строках, объединения эти недалеко отстоят друг от друга. *Вдруг* с криком кинулись на пушки; И *градом* пуль с вершин дерев *Отряд* осыпан. *Впереди* же Все тихо... — Пустили несколько *гранат* — *Вдруг* залп . . . глядим: лежат *рядами*, Что нужды? здешние полки *Народ* испытанный. . . Кровь загорелася в *груди*! Все офицеры *впереди* — Как звери, молча, с *грудью грудь* Ручей телами *запрудили* —

Пройдя завалов первый *ряд* . . . — Но высоко *грудь* И *трудно* подымалась, взоры *Бродили* страшно — Чу! в *арьергард орудья* просят. Наконец, появляется синтаксически связанное сочетание, объединенное центральным созвучием: А там вдали, *грядой* нестройной, Но вечно *гордой* и спокойной, Тянулись *горы*.

В развернутых текстах повторяются не только объединения однотипных созвучий, но и объединения разных созвучий. Как правило, повторяется лишь часть этих объединений. Звуковая композиция стихотворения в таких случаях определяется тем, что на фоне повторяющихся объединений разных созвучий есть и единичные контактные повторы. В стихотворении Пушкина «Дорожные жалобы» одна перекличка образуется между началом стихотворения: *Долго* ль мне *гулять* на свете — и началом шестой строфы: *Долго* ль мне в тоске *голодной* (ср. конец первой строфы: То в *телеге*, то пешком). Пара *размытом — мостом* (Иль во рву водой размытом Под разобранным *мостом*) перекликается с соответствующей парой седьмой строфы: То ли дело быть на *месте*, По *Мясницкой* разъезжать. Кроме того, стихотворение содержит и неповторяющиеся объединения разнотипных созвучий: Иль мне в *лоб* шлагбаум *влепит*; то ли дело *рюмка рома*.

Чем более развернут текст, тем больше таких повторяющихся объединений может выделяться. При этом может существовать и явно выраженная звуковая доминанта.

В «Полтаве» Пушкина центральный звуковой сквозной ряд, в который входят ключевые слова поэмы — *Петр*, *топор*, *ропот*, связывают воедино несколько групп соотнесенных слов. Среди них не только синтаксически связанная пара *Пирует Петр*, на которую обращали внимание исследователи (О. Брик, Д. Д. Благой), но и некоторые другие: *Нетерпеливая* жена Супруга злобного *торопит*; Сей *труп* живой, еще вчера Стонавший слабо над могилой. *Теперь* он мощный враг *Петра*. *Теперь* он, *бодрый*, *пред* полками Сверкает гордыми очами. Повторяющиеся группы согласных то концентрируются в строке и соседних строках, образуя в этом последнем случае многократные повторы, то рассредоточиваются, например, отделяются друг от друга строкой: Глядит: над ним, грозя *перстом*, Тихонько кто-то наклонился. Он вздрогнул, как под *топором* и т. п. Между этими объединениями рассеяно множество слов, связанных группами *п-т-р*, *п-р-с-т*: *приятен*, *приют*, *отпертая*, *спорить*, *прелесть*, *приступ*, *просто*, *преступница* и т. п. На этом фоне выделяются звуковые лейтмотивы, имеющие частное значение. Например, беседа Кочубея с Орликом выдержана в одном звуковом ключе: *Показанья* Мои все ложны. Я лукав. Я строю *козни*. Гетман прав. Чего вам боле? . . . Свершиться *казнь* твоя должна. Твое имение сполна В *казну* поступит войсковую. Таков *закон*.

Хотя отдельные слова, принадлежащие к этому ряду, в пер-

вую очередь *казнь* и *козни*, встречаются и в других местах поэмы, они не складываются в ряды и цепочки.

Чем более развернут текст, тем чаще могут повторяться объединения созвучий, скрепляющие разные его отрезки. В балладе Жуковского «Двенадцать спящих дев» повторяются объединения слов с группами *в-д-м*, *т-м*: Сидит, *задумавшись*, *Вадим*; Вдруг что-то пролетело; И облачко луну, как *дым Невидимый*, одело; Сердечной *думою томим*; Объял *Вадима* тайный страх; Глядит *в недоуменье*; *В недоумении Вадим*; *Вадим* възжает в *темный* лес и т. п. Повторяются и объединения слов с другими согласными: *к-р-с*: едва-едва *курится* в *костре* огонь; И обвивает светлый *крест Прекрасная* лилея; *м-л-к* (*м-л-г*): Колокола гудят, не *умолкая*; И от огней потешных *мгла* Зарделася ночная; Один с *холма* в окрестной *мгле* и т. п.; *в-р-т*: И, сгрянувшись, *затворы врат* Задвинулись утесом; Пустынный *ветер* шевелит В развалинах *травою*; Как бы с созданья в *мертвом* сне *Древа*, и не смущало. . .; И пала от *ворот* скала, И раздались их *створы* и т. п.

Особенность этих сквозных рядов в том, что они постоянно взаимодействуют друг с другом. К контактному повтору, содержащему слова одного из рядов, примыкает слово другого ряда: *м-г-л/к-р-с*: *Замолкли*. . . усыпились. И все в ужасной тишине; *Окрестность* как *могила*; / И в недре неприступных стен Молчание *могилы*; *Окрест*, их *мглою* покровен, Седеет лес унылый;/ И божий храм сияет Один с *холма* в окрестной *мгле*; *м-г-л/д-м*: И роют уж *могилу*. Заутра день взойдет во *мгле*, *Подымутся* стенанья; Между *обломками* столбов, Как бледный *дым мелькала*; И на *туманистом холме Могильный* зрится камень.

Кроме того, слова, содержащие рассмотренные группы согласных, сочетаются в строке или соседних строках, так что определенный звуковой рисунок неоднократно варьируется: В *туман* оделася река; *Окрестность* побледнела; На коня *Вадим*, *Перекрестясь*, садится; *Окрест* был воздух *растворен*; И дышит *ветерок окрест*; *Могилы* сторож дикий. И все как *мертвое окрест*; Но сон *смыкал* Глаза княжны *прекрасной*; *Могила потрясется*; И *видима* бродяща *тень*; *Влекомый тайной* силой, Наверх взбирается *Вадим* и т. д.

СМЕНА РАЗНОТИПНЫХ КОНТАКТНЫХ ПОВТОРОВ

Звуковая композиция некоторых текстов определена тем, что в них последовательно сменяются объединения разнотипных созвучий. Парные повторы разных групп согласных могут объединяться в небольших отрезках текста. Однотипные пары следуют друг за другом в строке: *Толпою полетят виденья* прежних *дней* (Барат.), в соседних строках:

Видений дня боимся мы,
Людских сует, забот *юдольных*.
(Барат.)

Одни лампады во *мраке храма* золотят
Столпов *гранитные громады*.

(П.)

Сияла ночь. *Луной* был *полон* сад. *Лежали*
Лучи у наших *ног* в гостиной без *огней*.

(Фет)

в строфе:

Мирно лежи у подножия лиры эллинской и *миртом*
Вечно-зеленой Эллады *венчайся*, порой наполняясь
Гулким ответом на *струны* ее, *потрясенные* ветром.

(Майков)

Тянут, стихают — и *тонут* следы
В *темном тумане*. Людская чуть курится.
Сонно в *осиннике* квохчут дрозды.
Чаща и дремлет и хмурится.

(Бунин)

Сосуществование разных парных созвучий определяет звуковой облик некоторых развернутых текстов. Стихотворения одного типа основаны на том, что объединения разнотипных созвучий следуют непосредственно друг за другом: Питомец радости, *покорный* наслажденью, Зачем, *коварный* друг, не внемля приглашенью, Ты наш *вечерний* пир *вчера* не посетил? Хозяин *ласковый* к обеду *пригласил* В *беседку*, где кругом, не заслоняя *сада*, Полувоздушная обстала колоннада (Фет); Май *жестокий* с белыми ночами, Вечный *стук* в ворота: выходи. *Голубая* дымка за плечами, Неизвестность, *гибель* впереди. . . *Хорошо* в *лугу* широком кругом В *хороводе* пламенном пройти, Пить *вино*, смеяться с милым другом И *венки* узорные плести. . . (Блок).

В других случаях объединения разнотипных созвучий рассредоточены по разным строфам. В стихотворении Фета «Сонет» три объединения разнородных созвучий. Первая и вторая строки объединены группой согласных *т-л-п*: Когда от хмелю *преступлений Толпа* развратная буйна, — пятая и шестая строки группой *к-л-н*: Мои сгибаются *колени* И голова *преклонена*, — девятая строка содержит повторяющуюся группу *т-н*: В *тени таинственного* храма. В стихотворении Блока «Тяжко нам было под вьюгами. . .» один контактный повтор связывает вторую и третью строки первой строфы: *Зиму* холодную спать. . . *Землю промерзлую* плугами. . . , второй повтор связывает конец второй и начало третьей строф: Будем звенящими косами Сочные *травы* срезать! Настежь *ворота* тяжелые! *Ветер* душистый в окно!

В некоторых текстах оба эти приема сочетаются. Например, одна из строф содержит два примыкающих друг к другу объединения. В стихотворении Державина «Снигирь» чередование разнотипных созвучий выдерживается довольно последовательно.

Конец первой строфы содержит два сменяющих друг друга объединения разнотипных созвучий: Сильный где, храбрый, быстрый *Суворов*? *Северны громы* в *гробе* лежат; — во второй строфе: *Ездить* на кляче, *есть* сухари, — в третьей строфе: *Шутками* зависть, злобу *штыком*.

В стихотворении Баратынского «На посев леса» шесть строф из восьми содержат объединения разнотипных созвучий, при этом в первой строфе два таких объединения: И *весел лес* своей младой одеждой; 2-я строфа: Но нет уже в *душе* моей *надежды*; Пред *вечным* днем я опускаю *вежды*; 5-я строфа: Но подо мной сокрытый *ров изрыв*; 6-я строфа: Любил, *ласкал* их пустоцветный *колос*; 7-я строфа: *Ответа* нет! *Отвергнул* струны я; 8-я строфа: И *пусть*! *Простяся* с лирою моей.

В стихотворении Фета «Когда Божественный бежал людских речей. . .» примыкающие друг к другу объединения отодвинуты в конец. Возникает такой рисунок строф — первая строфа: Когда *Божественный бежал* людских речей, — третья строфа: И всю эту *красу*, всю власть тебе отдам И *покорюсь* в борьбе неровной, 4-я строфа и конец стихотворения: «. . . Пред Богом-Господом лишь *преклоняй колени*!» И *сатана* исчез — и *ангелы* пришли В *пустыне* ждать его велений.

Роль связующего звена между строками, содержащими разнотипные контактные повторы, иногда играет лексический повтор: На *лодке весло удалое* — *Шевелись* же, *весло*, *шевелися*! (Фет). В стихотворении Тютчева «Гус на костре» повторяется слово *костер*, которое притягивает к себе разные соответствия. Между двумя объединениями однотипных созвучий *треск—костер* (Лишь слышен легкий *треск*, и в нижнем слое *Костра* огонь предательски сквозит) и *крестясь—костер*: Что принесла, *крестясь* и воздыхая, вязанку дров, как лепту, на *костер*—расположено слово *кесарь*. Слово *костер* повторяется и в строке: На *Гусовом костре неугасимом*; которая содержит контактный повтор иного рода.

Иногда каждому из разнотипных объединений сопутствуют слова, образующие дистантный повтор. Начало и конец стихотворения А. К. Толстого «На тяге» содержат разнотипные контактные повторы и связаны дистантным повтором *мелким—мелькнула*: Сквозит на *зареве* темнеющих небес И *мелким* предо мной *рисуется узором* — И снова предо мной, средь *явственного сна Мелькнула* дней моих погибшая *весна*?

В некоторых стихотворениях, содержащих разнотипные контактные повторы, часть их имеет отражения на расстоянии — то есть повторяется уже знакомый рисунок — контактный повтор сочетается с дистантным. Если в стихотворении совмещаются контактный и дистантный повторы одного созвучия и контактный повтор другого созвучия, то возможно разное расположение таких строк. В одних случаях разнотипные контактные повторы не соприкасаются друг с другом. В начале стихотворения Фета

«Зреет рожь над жаркой нивой. . .» содержится контактный повтор *рожь—жаркой*, который имеет соответствие в третьей строфе: Над *безбрежной* жатвой хлеба. Вторая строфа содержит повтор, не имеющий отражений за ее пределами и никак не соприкасающийся с другим контактным повтором: *Изумлен*, что день *не минул*.

В других случаях объединения однотипных созвучий оказываются связанными друг с другом, если они даже оторваны друг от друга. Один из способов связи заключается в том, что дистантный повтор, соотнесенный с одним из контактных повторов, содержится в той же строке, что другой контактный повтор, или непосредственно примыкает к ней. В небольших стихотворениях одно из таких объединений тяготеет к началу стихотворения или начинает его, другое тяготеет к концу или заканчивает стихотворение.

В стихотворении Тютчева «Осенней позднею порою. . .» одно объединение однотипных созвучий содержится в первой строфе: И белокрылые виденья На *тусклом* озера *стекле*, второе — в конце стихотворения, где частично варьируется консонантный состав слова *белокрылые*: Как *отблеск* славного *былого* Выходит купол золотой; ср. Кто смотрит *вскользь* через ограду На *тень* деревьев, *злак* долин — *Фонтан* на *воздухе повис* (Тютчев).

Между объединениями разнотипных созвучий могут быть и более развернутые связующие звенья: *Станицей* тучи *носятся*, *Тепло озарены* — Шумит *толпою праздною Народ*, чему-то *рад* (Фет). Построения такого рода могут быть в свою очередь осложнены дистантным повтором: В *недалекой* тени *непроглядных* ветвей И *сверкает* и плещется ключ — Так *ласкательно* шепчут *струи*, Словно робкие *струны воркуют* гитар (Фет).

Если в стихотворении сочетаются контактный и дистантный повторы одного созвучия и контактный и дистантный повторы другого созвучия, то их расположение может быть различным. Контактный и дистантный повторы разнотипных созвучий сменяют друг друга так, что дистантный повтор одного созвучия сочетается с контактным повтором другого. Возникает своего рода ступенчатое движение. В басне Крылова «Щука и кот» многократный повтор, связывающий рифмующиеся строки: *Смотри*, *кума*, чтобы не *осрамиться*: Недаром говорится, Что дело *мастера* боится — имеет соответствие в строке, которая заключает в себе другой контактный повтор, тяготеющий к концу: Кум *замертво* стащил ее *обратно* в *пруд*. Этот контактный повтор в свою очередь имеет соответствие на расстоянии: *Вперед* умнее быть.

При другом расположении контактных и дистантных повторов контактный повтор одного созвучия сочетается с дистантным повтором другого, и, напротив, дистантный повтор первого созвучия сочетается с контактным повтором второго: *Угрюмо* шмель гудит, *толкаясь* по *стеклу* — *Гром*, проворчав в саду, *скатился* за *гумно* (Бунин). Контактный повтор *толкаясь—стеклу* имеет

одно соответствие на расстоянии. Слово *гром*, напротив, приобретает на расстоянии два соответствия: полное — *угрюмо* и неполное — *гумно*.

Если в стихотворении есть явно выраженная сквозная звуковая цепь, в которую как одно из звеньев входит контактный повтор, другие ее звенья соприкасаются с разнотипными контактными повторами, не имеющими соответствий в тексте. В стихотворении Фета «Последнее слово» первый контактный повтор предварен словом *застигну*: Я громом их в отчаянье застигну, Я *молнией* их *пальмы* сокрушу. От этого слова тянется нить ко второму контактному повтору, который связывает первые две строки второй строфы: Я *стены* их сотру до основанья, Я камни их в *пустыне* размечу. Созвучие *с-т-н*, скрепляющее эти строки, имеет соответствие в конце стихотворения, а слово, его содержащее, непосредственно примыкает к третьему контактному повтору: И девы их в молитве *предо* мною Вотще *придут стенать* и умирать.

В некоторых стихотворениях дистантные соответствия двух разных контактных повторов сочетаются в строке или в соседних строках. С этой точки зрения интересно стихотворение Блока «Когда в листве сырой и ржавой. . .», в котором шесть контактных повторов и почти все они в качестве далекого соответствия имеют лексический повтор. Дистантные соответствия контактных повторов, содержащихся в первой и третьей строфе, стянуты в соседних строчках четвертой строфы, в результате чего возникает такой звуковой рисунок: Вобьет в *ладонь последний* гвоздь — *Смотрю* сквозь кровь *предсмертных* слез — И жалко *смотрит* из одежды *Ладонь*, пробитая гвоздем. Контактные повторы, содержащиеся в третьей и пятой строфах, помимо лексических повторов, имеют соответствия, сконцентрированные в третьей строке первой строфы. Так пересекаются строки: Когда *палач рукой* костлявой — Когда над рябью *рек* свинцовой — И вижу: по *реке широкой* Ко мне плывет в *челне* Христос — И *челн* твой — будет ли *причален*. Объединение второй строфы: *В сырой* и *серой* высоте Пред ликом родины *суровой* — соотносится с объединением пятой строфы: *Христос!* Родной *простор* печален! Изнемогаю на *кресте*, — также имеющим дистантные соответствия в виде лексических повторов.

В уже цитированном стихотворении Баратынского «На посев леса» отражения двух контактных повторов: И *весел лес* своей младой одеждой; и Пред *вечным* днем я опускаю *вежды* — сосредоточены в строке: Свои рога *венчал* он падшей *славой*!

В развернутых текстах сочетаются разные способы связей между сменяющими друг друга объединениями разнотипных созвучий. В стихотворении Пушкина «Зима. Что делать нам в деревне?. . .» строки: Стальными спицами *проворно* шевеля; Иль про *червонного* гадает короля, — содержащие повтор *проворно*—

червонного, связаны со следующим контактным повтором *стройные—створона* (Две белокурые, две *стройные* сестрицы — Как оживляется глухая *сторона*) сопутствующим созвучием, так что возникает дистантный повтор: *шевеля — оживляется*. Строки, связанные повтором *резвые—взоры* (И вальсы *резвые*, и шепот за столом, И *взоры* томные, и ветреные речи), одновременно содержат и дистантный повтор к паре *проворно—червонного — ветреные*, и пару к сопутствующему созвучию — *стальными—за столом*. Слово *ветреные* ведет к следующему объединению: Но бури севера не *вредны русской розе*, где оно приобретает пару — *вредны*. Этот пример дает некоторое представление о том, как происходит смена разных контактных повторов и их объединение.

«ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ» СТРОКИ

В соседних строках могут сочетаться два контактных повтора, которые не сменяют друг друга, как в только что рассмотренных случаях, а чередуются друг с другом, так что возникает либо симметричный, либо перекрестный рисунок строк. Такой рисунок повторяется и при дистантном повторе: Дымится *пыльный ирис* — В венке *спаленных роз* (Блок), при перекрестном расположении созвучий: Где сто *обжор*, не ведая *беседы* — Привел *обед* в счастливое *броженье* (Барат.), *Чинар* иль *виноградных* лоз — В *груди* его едва *чернели* (Лерм.).

Особое место среди построений такого типа занимают рифмующиеся строки, которые могут быть связаны глубокими звуковыми повторами. При смежной рифмовке соотнесенные слова расположены в соседних строках: *Горят* сердца их к бою *жарко*, *Гремит* Стокгольм трубами *ярко* (Лом.); И плотно так он *треснулся* на царство, Что ходенем пошло *трясинно* государство (Крылов), Мы вышли; я *мчался* на быстром коне, И кроткая жалость *молчала* во мне (П.); *Седой* паук, отшельник новый, Прядет *сетей* своих основы (Лерм.); *Вдруг* с треском ужасным рассыпался гром И *дрогнул* в основах потрясшийся дом (Тютчев); Старый Мазай *разболтался* в сарае: «В нашем *болотистом*, низменном крае. . .» (Некр.); Вот *утро* севера — *сонливое*, скупое — *Лениво смотрится* в окно волоковое; В печи трещит огонь — и серый дым *ковром* Тихонько стелется над *кровлею* с коньком (Фет).

Этот рисунок повторяется и при перекрестной рифмовке с той лишь разницей, что контактный повтор превращается в дистантный: Все в нем страшно онемело, Опустились *руки* вниз, И в распухнувшее тело *Раки* черные впились (П.); Безжалостный *квирит*, тебя я ненавижу За то, что на *земле* ты видел лишь себя, И даже в зрелищах твоих *кровавых* вижу, Что *музы* прокляли тебя (Фет). Если слова, связанные глубоким звуковым повтором или вариацией, непосредственно примыкают к рифмующимся, возникает глубокая звуковая параллель: Под *раскаленными*

лучами, Зарывшись в пламенных песках, Оно *стеклянными очами* Чего-то ищет в облаках (Тютчев).

Симметрия расположения соотнесенных созвучий часто нарушается. Созвучия, распределенные между двумя строками, стягиваются в строке:

На меня посмотрела *плутовка*!
Опустилась на ручку головка,
А с плеча, будто сдул ветерок,
Полосатый скатился *платок*.
(Лерм.)

Слова, сконцентрированные в строке, имеют соответствия в двух соседних строках:

Все *вторит* весело *громам*.
Ты скажешь: *ветреная* Геба,
Кормя Зевесова орла. . .
(Тютчев)

Аналогичная картина возникает и при дистантном повторе. Созвучия, образующие рисунок одной строки, распределяются при дистантном повторе между двумя строками: Мне не *бренчит* похвал какой-нибудь *гуслист* — Зато я в *илистых* и мягких берегах, Как *барыня* в пуховиках (Крылов); Открой *сомкнуты* негой *взоры* — Вся *комната* янтарным блеском *Озарена*. . . (П.), Над *грудой* мусора, где *плющ* тоскливо вьется — И шум на *площади*, и женщин вереница, И вновь увенчанный святой алтарь *горит* (Фет); *Тверская скудная* земля — В полях скрипучие *воротца*, И запах хлеба, и *тоска* — Где даже голос *ветра* слаб (Ахм.).

И, напротив, созвучия, распределенные между двумя соседними строками, стягиваются в строке: В тиши и *мраке* таинственной ночи Я вижу *блеск приветный* и милый — *Трава поблекла*, пустыня *угрюма* (Фет); Из них одной, *избранной* мною *Навстречу пристально* гляжу — *Разбрызнул ветер на лету* (Фет).

Одна из соотнесенных пар представляет собой лексический повтор или однокоренные слова: Для чего я не *родился* Этой синею *волной* — Был бы *волен* от *рожденья* (Лерм.); Серебрит и *волны* и листья, Он не *молкнет*, поет — *Мелкие волны* что-то шепчут с кормою (Фет). В стихотворении Мея «Вечевой колокол» созвучия, распределенные между двумя строками — Над рекою, над пенистым *Волховом*, На широкой Вадимовой *площади*, — затем стягиваются в сторону, при этом собственное имя повторяется, а сопутствующее созвучие варьируется: Я не ты, мой буйный *Волхов!* Я не *плачу*, — я пою! — *Волхов плещет*, и бьется и пенится.

Строки, по которым распределены соответствия разных созвучий, сконцентрированных в строке, могут не только примыкать друг к другу, как в только что приведенных примерах, но и быть оторваны друг от друга. Так возникают построения разной степени сложности. Строка, заканчивающая первую строфу стихотворения Фета «Узник»: *Повисла шатром*, имеет два соответствия, рассредоточенные по рифмующимся строкам следующей строфы: *Веселые* лодки, Железо *решетки*. Слова строки, которой начинается стихотворение Блока: Натянулись *гитарные струны* — имеют два соответствия — одно из них в этой же строфе: Только *тронь* его, другое в третьем четверостишии: И *гортанные* звуки. Строка, в которой концентрируются слова, имеющие отражения за ее пределами, может стоять между этими отражениями: *Блещет* солнце — радость мне! — *Ластюсь* к ним, как *облачко*. . .— Прах земной и *лист* древесный (Барат.). В более сложных случаях такой рисунок распределения соотнесенных созвучий сочетается с их параллелизмом: Не *ветер*, *вея* с *высоты* — Она *тревожна*, как листы — *Свистя* и *воя*, струны рвал (А. К. Толстой).

Между соотнесенными строками, связанными повтором разнотипных созвучий, могут быть и промежуточные звенья — строки, в которых частично отражается звуковой рисунок «параллельных» строк. В стихотворении Пушкина «Желание славы» между строкой: Я *наслажденьем* весь *полон* был, я *мнил*. . . — и строкой: Ты *помнила* мои *последние моленья*, — связанными повтором трех созвучий, располагаются строки, обращенные к разным словам этих строк: Как путник, *Молнией* постигнутый в пустыне — Я новым для меня *желанием* томим.

Возможен и иной рисунок промежуточных строк. В стихотворении Державина «Евгению. Жизнь Званская» между «параллельными» строками: На *бреге Волхова* разводим огнь дымистый — Вождя, *волхва гроб* кроет мрачный, — оторванными друг от друга, помещается строфа, в которой соответствующие созвучия распределены между строками, сменяющими друг друга:

Забавно в тьме челнов с сетьми, как *рыбаки*,
Ленивым строем плив, страшат тварь *влаги* стуком;]
Как парусы суда и лямкой *бурлаки*
Влекут одним под песнью духом.

Оба созвучия, входящие в состав параллельных строк, имеют на расстоянии более простое соответствие. В стихотворении А. К. Толстого «Как здесь хорошо и приятно. . .» так соотносятся третья и четвертая строки первой строфы, связанные двумя созвучиями, одно из которых имеет явный, другое скрытый характер: Орешника *лист ароматный* Тебе я в *тени настелю*, с последней строкой стихотворения — Что ты не *устала* со мной, где созвучие *т-н* распределено между двумя словами: *ты не*. И, на-

против, на расстоянии может происходить удвоение обоих разнотипных созвучий. В стихотворении Пушкина «Обвал» смежная рифма, связывающая первые строки стихотворения: Дробясь о мрачные *скалы*, Шумят и пенятся *валы*, приобретает двойное соответствие в конце: И конь *скакал* и *влекся вол*.

Параллелизм строк может разрушаться тем, что одно из созвучий объединяет не два, а три слова. Так происходит перераспределение роли разных созвучий, одно из которых становится главным, другое — сопутствующим: Где льется в *воздухе* сирен *благоуханье*, И *облако цветов* скрывает *свод* небес (Батюшков); В *сиянье* полночи *безмолвен сон* Кремля. Под быстрою стопой *промерзлая земля* Звучит (Фет); Я набекрень *надвину шляпу*, Я *плащ надену* на *плечо* (Сологуб), — при ином расположении созвучий: Две *тени большие*, две *тени* на старой *стене*, За ними *бежали* и *тесно* друг с другом сливались (Ап. Григорьев). В более сложных случаях разнотипные созвучия распределяются также неравномерно: В осенней *наготе стояли дерева* И *неприветливо* чернели; *Хрустела* под *ногой* замерзлая *трава*, И *листья мертвые*, волнуяся, шумели (Барат.).

При дистантном повторе двум или нескольким однотипным созвучиям одной строки соответствует одно созвучие, другая пара остается неизменной. Уже известный простой рисунок, когда контактному повтору на расстоянии соответствует дистантный повтор, осложняется тем, что соотнесенные строки связывает еще одна пара созвучий.

Контактный повтор предшествует дистантному: *Встает* заря во *мгле* холодной, На нивах шум работ *умолк* — *Мелькает*, *вьется* первый снег (П.). И, напротив, дистантный повтор предшествует контактному: И *нож* наточил *роковой* — И что-то *сверкнуло в руке обнаженной* (Лерм.).

Центр тяжести перемещается в конец стихотворения, где одно из исходных созвучий удваивается или утраивается: Здесь в *печальной Тавриде*, куда нас судьба занесла — И покинув корабль, *натрудивший* в морях *полотно*, Одиссей *возвратился*, пространством и временем *полный* (Мандельштам).

В таких построениях роль сопутствующей пары играет лексический повтор: *Роют* псы землю, вкруг завывают, *Воет* и *ветер*, *воет* и *дом* — Ты *возвратишься* в *дом* своей весной (Держ.); Под *броней* с *простым набором* — Как *бряцает бронь* (А. К. Толстой). Лексический повтор принимает участие и в более сложных построениях: Шумит на *дворе* непогода. А в *доме* давно уже *спят* — И *дом* навсегда *запустеет*, Заглохнут *ступени травой* (А. К. Толстой).

Удвоение одного из созвучий иногда сопровождается распределением других созвучий между двумя строками: *Лишь ласточка* взрезает Нить жемчуга *на влаге* — *Ушли* за днем *послушно Последних* туч *волокна* (Фет).

Между подобными построениями в свою очередь могут быть промежуточные звенья, частично отражающие их звуковой рисунок: *Суровый славянин*, я слез не *проливал*, Но понимаю их; изгнанник *самовольный* И светом и собой, и жизнью недовольный — Близ праха *славного* мой след уединенный — Брегов забвения оставя хладну *сень* — Не *славой* — участью я *равен* был тебе, Здесь *лирой северной* пустыни оглашая . . . (П.).

Перераспределение роли разных созвучий характеризует и разные отрезки развернутых текстов: Как ни *тепло* чужое море, Как не *красна* чужая даль, Не ей поправить наше горе, Размыкать *русскую* печаль — И долго я рыдал и бился О *плиты* старые челом, Чтобы *простил*, чтоб *заступился*, Чтоб осенил меня *крестом* (Некр.). Консонантный состав одного из слов первого отрывка — *тепло* многократно отражается во втором: *о плиты*, *простил*, *заступился*, парному повтору *красна—русскую* соответствует слово *крестом*. В развернутых текстах перераспределение роли разных созвучий при известном постоянстве их набора происходит несколько раз.

«Параллельные строки» входят в состав более сложных построений. Одно из созвучий, их образующих, представляет собой одно из звеньев развернутого звукового ряда. Другое созвучие сопутствует этому ряду. Так, в стихотворении совмещаются два принципа организации стихотворного текста — объединение однотипных созвучий и звуковой параллелизм. Центральный звуковой ряд сопровождает несколько пар разнотипных дистантных повторов. Построения такого рода уже упоминались в другой связи (при разборе стихотворений «Родина» Лермонтова, «Город» Аполлона Григорьева и др.). Это тип расположения созвучий можно продемонстрировать и еще на нескольких примерах.

В стихотворении Пушкина «Пора, мой друг, пора! . .» центральный звуковой ряд начинает контактный повтор *час—частичку*: Летят за днями дни, в каждый *час* уносит *Частичку* бытия. Первое соответствие контактного повтора *счастье* (в этом случае становится явной ориентация на зрительный облик слова) заключено в строке: На свете *счастья* нет, а есть покой и воля, — которая одновременно содержит побочные созвучия *нет*, *есть*, восходящие к слову *уносит*. Второе соответствие сопровождает другое побочное созвучие, отсылающее к слову *бытия*: В *обитель* дальнюю трудов и *чистых* нег.

В начале стихотворения Баратынского «Есть милая страна. . .» соседние строки скреплены парой *быстром—браздящем*: В садах Армидиных, на *быстром* корабле, *Браздящем* весело равнины океана. Это размытое объединение имеет соответствия, рассеянные по всему стихотворению: Под сению *берез* ветвистых — И *брызжет* мельница. Деревня, луг широкой. Исходное созвучие видоизменяется сначала в *б-л-з* (случаи такого рода редки): Она, с *болезненным* румянцем на щеках, — а затем в более обычное

п-р-с: Мы плачем. . . но *прости*! Печаль любви сладка. Центральное созвучие сочетается с сопутствующими созвучиями, отсылающими к началу стихотворения: *равнины—деревня*, *Армидиных—румянцем*, *в садах—сладка*. Последнее слово центрального звукового ряда *прости* помещено между словами, образующими контактный повтор: *плачем—печаль*.

В роли сопутствующего созвучия может выступать лексический повтор. В стихотворении Лермонтова «Листок» слово *родимой*, стоящее в конце первой строки (Дубовый листок оторвался от ветки *родимой*), имеет двойное соответствие в четвертой строфе. Соседние строки скрепляют глубокие четырехконсонантные созвучия, одно из которых выделено позицией — конец строки: Прими же пришельца меж листьев своих *изумрудных*, Немало я знаю рассказов *мудреных* и чудных. Связь с начальной строкой укрепляет и лексический повтор: *листок—меж листьев*. Звуковое движение в этом стихотворении осложнено тем, что между этими явно соотнесенными словами есть промежуточное звено: консонантный состав слова *родимой* в первой же строфе распределяется между двумя оторванными друг от друга словами *до* Черного *моря*.

Аналогичный звуковой рисунок возникает и в тех случаях, когда центральный звуковой ряд идет не от контактного повтора, а от многоконсонантного слова. «Распадение» многоконсонантного слова сопровождается повтором сопутствующих созвучий, которые на протяжении стихотворения могут меняться. Так, в стихотворении Фета «Не спрашивай, над чем задумываюсь я. . .» соотносятся третья и четвертая строки второй строфы, первая и вторая строки пятой строфы и третья и четвертая строки шестой строфы: Так голубь, бурею застигнутый, в стекло, Как *очарованный*, *крылом* лазурным бьется. — Не мчались *ласточки*, звеня, перед окном, И мошек не *толклись* блестящих *вереницы*. . . — *Закаркал ворон* вдруг, *чернея* в высоте, — *Закаркал* как-то зло, отрывисто и резко. Слово *очарованный* дает разные отражения — в первом случае это слово *вереницы*, во втором — два слова *ворон*, *чернея*. В первом случае удваивается одно сопутствующее созвучие — *стекло—ласточки—толклись*, во втором случае между соотнесенными строками возникает иная связь *крылом—закаркал*.

Так, в результате взаимодействия контактных и дистантных повторов и вариаций возникают разнообразные звуковые композиции, создающие звуковую связность текста.

ЗАГЛАВИЕ И ТЕКСТ

Звуковые связи существуют не только внутри стихотворного текста, но и между текстом и заглавием. В звуковые пары или ряды включаются заглавия некоторых стихотворений. В самых простых случаях слово заглавия имеет соответствие в слове текста:

«*Скульптор*» — *неторопливо* (Барат.), «*Истерия*» — *остроконечный* (Майков), «*Школьник*» — *ельник* (Некр.), «*Одуванчик*» — *венчик* (Фофанов), «*Демон*» — *дымно* (Блок). Аналогичная картина возникает и тогда, когда заглавие повторяется в тексте: «*Череп*» — *перчатки* (Майков).

Если заглавие состоит из двух или нескольких слов, звуковое соответствие может иметь только одно из них: «*Могила* бойца» — *мгла* (Лерм.), «*Туманное* утро» — *на темя* башен и руин (Фет), «*Зимнее* небо» — *змеиным*, *на земле* (Пастернак). Однако в некоторых случаях соответствия имеют оба слова: «Вольный сокол» — *холено* (твое не холено крыло), *скалой* (Фет).

Если в заглавии стихотворения многоконсонантное слово, его звуковой состав может отражаться в тексте по-разному. В светлое поле выходит то одна, то другая часть его консонантного состава. Звуковой состав заглавия отражается в словах, не пересекающихся друг с другом: «Заклинание» — И с неба *лунные* лучи *Скользят* на камни гробовые (П.) или частично совпадающих: «Грузинка» — *газ*, *узорный* (Полон.), «Колодники» — *длинные*, *колени*, *раздолье*, *дикую*, *день* (А. К. Толстой), «Купальщица» — *плеск*, *лик*, *плащ* (Фет).

Заглавия — собственные имена также имеют соответствия в тексте стихотворений: «Мадона» — средь *медленных* трудов (П.), «Кассандра» — *казнь*, «Париж» — *пряжа* (Брюсов), «Коломна» — *колокольня* (Ахм.); заглавию стихотворения Блока «Девушка из *Spoleto*» соответствует строка: Дева, не жду *ослепительной* встречи. Так же как апеллятивы, собственные имена начинают цепи слов, отражающие их консонантный состав: «Финляндия» — *ледяного*, *отдаленных*, *на дольнем*, *след* (Барат.), «Греция» — *роза*, *грустно*, *грации* (Фет), «Руставель» — *разливается*, *влит* (Полон.).

Заглавие стихотворения может быть тесно связано с первой строфой и — еще у́же — с первой строкой стихотворения, в которую непосредственно перетекают некоторые заглавия. Слово *вечернее* в заглавии оды Ломоносова «Вечернее размышление о Божием величестве» имеет соответствие в первой строфе: Поля покрыла *мрачна* ночь; Взошла на горы *черна* тень. Звуковой состав заглавия оды Державина «Властителям и судиям» частично повторяется в первой строке: *Восстал* Всевышний Бог, да *судит*. Слово *клеветникам* в заглавии «Клеветникам России» Пушкина соотносится со словом *вития* в первой строке: О чем шумите вы, народные *витии*, которое в свою очередь связано со словами *святыня*, *весть* в дальнейшем тексте. Таковы же соотношения между заглавием стихотворения и первой строкой в таких стихотворениях, как «Истина» (В *пустыне* бытия), «Запустение» (Я *посетил* тебя, пленительная *сень*) Баратынского.

Звуковые импульсы, идущие от заглавия, могут локализоваться в слове, в строке, но могут растекаться по всему стихотворению. Заглавие начинает звуковой ряд, который проходит

через стихотворение: «На коварство» — *кровопийцам*, *покров*, *крови*, *Кромвели* (Держ.), «Утопленник» — *поплетусь*, *полатях*, *впились*, *захлопнул*, *лопнул*, *напролет* (П.), «Затворница» — *твердила*, *встречала*, *ветер*, *заветный*, *возврата*, *ветер*, *тревожно* (Полон.) и т. д. Название стихотворения Баратынского «Пироскаф», как отметил В. П. Григорьев, отзывается в словах *с паром* и *парус*, объединенных в строке: Братствуя с *паром*, Ветру наш *парус* раздался недаром, — затем появляются слова *спор*, *вопросов*. Название стихотворения Тютчева «Листья» соотносится со словами *блестим* и *летим*, при этом не только в звуковом, но и в смысловом отношении. Слово *палат* в заглавии стихотворения Фета «На развалинах цезарских палат» имеет в тексте разные соответствия — в слове *лепетал*, с одной стороны, и в слове *палач*, с другой, которому предшествуют слова *плющ*, *площадь*. В стихотворении Лермонтова «Баллада» заглавие начинает ряд: *младая*, как мраморный *идол*, *бледна*, *не бледнея*, *любя*, *хладный*. Источником звукового ряда могут быть двусловные, частично пересекающиеся заглавия: «Старый сазандар» — *рад*, *усы седые*, взгляд *сердитый*, *струн*, *переступить*, *дар*, в *раю* (Полон.).

Заглавное слово, повторяющееся в тексте, может быть окружено своими звуковыми подобиями, которые поддерживают и подчеркивают его значимость. Таково, например, слово *стекло* в «Письме о пользе Стекла» Ломоносова: Но *столько* ли уже, *Стекло*, твоих похвал, Что нам в тебе вино и мед сам слаще стал?; *Лекарства*, что в *Стекле* хранят и *составляют*; Когда бы *блеск Стекла* дать помощи не мог; Виной *толиких* бед бывало ли *Стекло*? Консонантный состав слова организует некоторые контактные повторы, не включающие в себя ключевое слово: Доказывает то подземный *католик*, *Кадя* златой его в *костелах* новых *лик*. В той или иной мере консонатный состав ключевого слова отражен в словах *кость*, *секут*, *Кастиллиан*, *нескладных*, *телескопы*, *скудель*, *открылись*, *истолковать*, *искал*, *склонность* и т. д. Консонантный состав слова *дракон* в одноименной поэме А. К. Толстого отражается и варьируется в словах *дорога*, *гранит*, *гадина*, *горит*, *гора*, *горе*, *громада*, *корни*, *коренья*, *кора*, *корона*, *судороги*, *гордо* и т. п.

Особое положение заглавного слова, которое можно рассматривать как ключевое слово текста, позволяет истолковать рассмотренные звуковые построения как одно из проявлений анаграммирования.

В то же время звуковые связи между заглавием и текстом — одно из важных проявлений общего, гармонического принципа звуковой организации текста.

О. И. СЕВЕРСКАЯ

ПАРОНИМИЧЕСКАЯ АТТРАКЦИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ

Явление паронимической аттракции (ПА), получившее значительное распространение в поэзии XX в., привлекает внимание все большего числа исследователей. В публикациях последнего десятилетия (Вишнякова 1974; 1981; Григорьев 1975; 1977; Минаева, Феденев 1982; Ткаченко 1982) разрабатываются вопросы, связанные с языковым статусом ПА, особой «морфологией» ПА и ее основными единицами, с общей типологией ПА, ее местом в ряду других способов словопреобразования; изучаются возможности стилистического функционирования аттрактантов в тексте. В отечественной лингвистике в наиболее полном и завершенном виде теория ПА представлена в работах В. П. Григорьева (Григорьев 1975; 1977; 1979).

В существующих исследованиях ПА рассматривается как явление звукового уровня поэтического языка, при котором соотнесение слов как смысловых единиц текста и возникновение между ними сложных семантических связей определяется близостью их звукового облика. Другие языковые характеристики аттрактантов признаются несущественными. Заметим, что разработанная В. П. Григорьевым типология ПА (Григорьев 1979, 280—283) опирается только на фонетические характеристики соотносимых слов. Второй особенностью современных исследований ПА является недостаточно четкое расчленение явлений языка и речи и вследствие этого отсутствие определенности в понимании составляющих ПА. Обращает на себя внимание и отсутствие единства терминологии.

Принимая во внимание эти особенности, можно наметить следующие перспективы в развитии теории ПА: 1) разграничение паронимии и парономасии, с одной стороны, и ПА — с другой, как явлений языка и речи; решение этого вопроса представляется наиболее принципиальным; 2) рассмотрение ПА как явления, затрагивающего все уровни поэтического языка; 3) конкретное описание содержания и сущности семантических процессов; 4) разработка типологии ПА с точки зрения особенностей образования звукосмысловых рядов в тексте.

Цель настоящей статьи — дать описание ПА как семантического трансформационного процесса. В соответствии с этим рассматриваются условия осуществления ПА, определяемые первичными языковыми характеристиками аттрактантов; исследуется механизм семантических трансформаций, возникающих в результате аттракции и составляющих содержание паронимического процесса; оцениваются результаты семантических процессов.

Материалом исследования послужили стихотворения и поэмы М. Цветаевой, входящие в однотомник большой серии «Библиотеки поэта» (это издание представляется наиболее полным и хорошо комментированным).

ПА И ЕЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ

В последнее время внимание исследователей привлекает статус паронимии как явления языка и речи. О. В. Вишнякова сущностью паронимии считает функционально-звуковую параллельность лексических единиц. Паронимии, объединяющей в лексико-семантическую парадигму однокоренные близкозвучные слова с разными значениями, О. В. Вишнякова противопоставляет парономасию — сближение в речи сходно звучащих слов разных корней, при котором одномоментно возникает определенная семантическая связь между членами лексической пары (Вишнякова 1974, 42). Другую точку зрения высказывает В. П. Григорьев. Паронимией он называет сближение в тексте паронимов, к которым относит преимущественно разнокорневые близкозвучные слова. Термин «паронимия» в данном случае употребляется как синоним терминов «парономасия» и «паронимическая аттракция» (Григорьев 1979, 262—264). Сходной точки зрения придерживаются Л. В. Минаева и В. Б. Феденев, относящие к паронимам любые слова, которые в силу близости звучания могут «смешиваться» в речи (Минаева, Феденев 1982, 93).

Нам представляется целесообразным разграничить явления языка и речи следующим образом.

ПА мы определяем, вслед за В. П. Григорьевым, как систему парадигматических отношений между сходными в плане выражения словами, реализующуюся в конкретных текстах путем сближения коррелятов в речевой цепи и способствующую возникновению между ними сложных семантических связей.

В качестве составляющих ПА мы рассматриваем паронимы, парономасы (термином «парономасы» пользуется Л. П. Ткаченко, см. Ткаченко 1982, 6) и лексико-семантические дериваты, принадлежащие системе языка.

Паронимы — однокоренные слова одинаковой категориальной принадлежности, обладающие определенной фонетической близостью, но различающиеся оттенками значения, например, *осудить/обсудить*. Для паронимов характерна близкая денотативная соотнесенность.

От паронимов мы будем отличать деривационные ряды типа *гневный/гнев*, *земля/земляной/земельный/землекоп* и др. как явления другого уровня абстракции лексико-семантической системы языка.

Парономасы — разнокорневые слова, незначительно различающиеся по фонетическому составу, например, *горе/горечь/грусть*.

Парономасы не характеризуются, как правило, близкой денотативной соотнесенностью, но способны образовывать устойчивые ассоциативные связи.

При ПА представление об основном значении связывается с повторяющимися комплексами согласных; гласные выполняют роль своеобразных «аффиксов» со значением либо словообразования, либо словоизменения. Это позволяет говорить о выделении особой паронимической основы — квазиморфемы. Квазиморфемой можно считать любой сегмент лексической единицы, который является полным или частичным омофоном другого такого же сегмента другой лексической единицы (Степанов 1975, 52). Минимальная квазиморфема ограничивается двумя тождественными согласными.

УСЛОВИЯ ВХОЖДЕНИЯ АТТРАКТАНТОВ В ПАРОНИМИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Сближение слов при ПА обнаруживается на фонетическом уровне поэтического языка. Однако возможность сближения аттрактантов определяется не только фонетическими, но и другими их языковыми характеристиками. В противном случае можно говорить только о глубоком звуковом повторе, ср.: . . . Я все раздумываю, кому Достанется волчий мех, Кому — разнеживающий плед И тонкая трость *с борзой*, Кому — серебряный мой браслет, Осыпанный *бирюзой*. . .[1] Поэтому представляется необходимым оценить такие характеристики аттрактантов, как их принадлежность семиологическим классам слов, фонетические, словообразовательные, грамматические особенности, роль в логико-синтаксической структуре предложения.

Основной массив аттрактантов в поэтическом языке М. Цветаевой составляют нарицательные имена, наиболее информативные с точки зрения лексического содержания. Как правило, в паронимическом ряду сочетаются аттрактанты, принадлежащие одному семантическому классу и даже одной семантической категории.

Среди аттрактантов-существительных наблюдаются следующие типы группировок: 1. абстр.—абстр., ср.: *Божеству* ли *с убожеством* Снорить?; Дитя *разгула* и *разлуки*, — Ко всем протягиваю руки; Легкий огнь, над кудрями пляшущий, — *Дуновение* — *вдохновения*!; Я видела *бессонницу* леса И *сон* полей;

[1] Особого внимания заслуживает вопрос о соотношении ПА и рифмы, до сих пор не разрешенный. Главное отличие ПА от рифмы в типологическом плане — обязательное наличие семантической связи между членами паронимической пары. Кроме того, для аттрактантов не обязательно положение конца стихотворной строки, в отличие от рифмующихся слов. Вообще же вопрос о «паронимической рифме» требует серьезного изучения (см. Григорьев 1979; Самойлов 1982).

Любовь ли это — или *любованье*?; 2. конкр.—конкр., ср.: В теле— как *в трюме*, В себе — как *в тюрьме; Плю-щом* впилась, *Кле-щом*: вырывайте с корнем! Как *плющ*! Как *клещ*!; 3. конкр.— абстр., ср.: Весною стоков водосточных И *проволокою пространств;* Любовь, это значит *лук* Натянутый: *лук: разлука* и т. д.

Многочисленные паронимические ряды основаны на соположении глагольных лексем: Где *не ужиться* (и не тщусь!), Где *унижаться* — мне едино; Что *видели — не выдадут* Крестьянские глаза!; *Любят* — думаете? Нет, *рубят* Так! нет — *губят*! нет — жилы рвут!; В поте — *пишущий*, в поте — *пашущий*!. . . и др.

Широко используется аттракция прилагательных: И не страшно нам ложе *смертное*, И не сладко нам ложе *страстное*; Мне и доныне Хочется грызть *Жаркой* рябины *Горькую* кисть; И тот, кто ранен *смертельной* твоей судьбой, Уже *бессмертным* на *смертное* сходит ложе.

Наречия — наименее используемый в ПА семантический класс нарицательных имен. Можно привести единственные примеры: Гора горевала о том, что *врозь* нам *Вниз*, по такой грязи — В жизнь. .; *Порознь*! — на языке двузначном — *Поздно* и *порознь* — вот наш брак!

Имена собственные отличаются неполнотой смысловой структуры, однако в поэтическом языке способны повышать свою семантическую ценность. Имена собственные вступают в звукосмысловые связи: 1) с именами собственными на основе приписываемого семантического инварианта, например: Но был один *у Федры* — Ипполит, Плач *Ариадны* — об одном Тезее! (это касается собственных имен с широкой коннотативной сферой); 2) с именами нарицательными, например: *Ипполит! Ипполит! Болит!* В тексте имя собственное может приобрести значение, близкое к сигнификативному.

Дейктические знаки используются М. Цветаевой только в сочетании с полнозначными словами: *Хотеть* — это дело *тех*. А мы друг для друга — *тени* Отныне. . .; И *домой*: В неземной — *Да мой*. Однако подобные паронимические ряды крайне редки.

Связочные знаки практически не используются. В аттракцию вступают предлоги с яркой «внутренней формой»: *Загород*, *пригород*: Дням конец, *За городом!* Понимаешь? *За!* Вне! Перешед вал! (синонимичны значения предлога и аффикса соотносимого слова); Струенье. . . *Сквоженье. . . Сквозь* трепетов мелкую вязь (синонимичны значения предлога и корня соотносимого с ним слова).

Словесные знаки, отличающиеся неполнотой смысловой структуры, встречаются в паронимических парадигмах в сочетании с полнозначными именами. При этом происходит не только актуализация собственной семантики знаков такого типа, но и определенное повышение их семантической ценности.

При сближении слов различной категориальной семантики, различие это определенным образом компенсируется. Наиболее важным фактором сближения становятся связи между аттрактантами, реализующиеся в логико-синтаксической структуре предложения.

Отмечаются регулярные структурные типы паронимических парадигм, соответствующие «семантическим осям» языкового сознания: 1. «предмет—действие», 2. «предмет—свойство», 3. «действие—признак».

Многочисленны примеры паронимических парадигм, в которых оба компонента входят в предикативную основу предложения: *Гора горевала* о нашей дружбе: Губ непреложнейшее родство! *Гора говорила*, что коемужды Сбудется — по слезам его; Вот и *разлучены Неразлучные*. . .; не уступают им по числу реализаций парадигмы, члены которых представляют предикат и объект: Другие всей *плотью по плоти плутают*. .; Вы побеждали и *любили Любовь* и сабли острие. . . и др.

В паронимических рядах могут быть также реализованы следующие семантические отношения: 1) «предикативный признак — его квалификатор»: Ужели в раболепном гневе За милым *поползу ползком*; 2) «субъект — его квалификатор»: *струистая лестница Леты*; 3) «объект — его квалификатор»: . . . Зашелестит амазонка По звонким, *пустым ступеням расставанья*. Примеры парадигм такого рода характеризуются достаточно большой частотностью.

Немногочисленны, но все же не случайны, примеры паронимического сближения слов, соответствующих: 1) предикативному признаку и квалификатору субъекта: *Греми, громкое* сердце!; В легком щелканье ночных копыт *Громкое* имя твое *гремит*; 2) предикативному признаку и квалификатору объекта: И вот; навьючив на верблюжий горб, На добрый — стопудовую заботу, Отправимся — верблюд смирен и горд — *Справлять неисправимую* работу; 3) субъекту и объекту: *Божеству* ли *с убожеством* Спорить?; Но моя *река* — да *с твоей рекой*, Но моя *рука* — да *с твоей рукой* Не сойдутся, радость моя, доколь Не догонит заря — зари; 4) объекту прямому и объекту косвенному: Я *про́воды* вверяю *провода́м*; 5) субъекту и квалификатору предиката; 6) объекту и квалификатору предиката. В парадигмах такого рода связь между аттрактантами опосредуется более тесными отношениями, возникающими между каждым из членов паронимической пары и каким-либо другим компонентом логико-структурной схемы предложения.

Нами не зарегистрированы примеры паронимического сближения, определяемого отношениями между субъектом и квалификатором объекта, объектом и квалификатором субъекта, а также связями типа «признак. . .—признак. . .» Представляется, что, в силу неподкрепленности аттракции тесными семантическими

связями, возможные реализации парадигм такого рода будут иметь единичный и случайный характер.

Степень удаленности аттрактантов друг от друга не влияет сколь-нибудь существенно на силу семантического эффекта ПА. Аттракция может происходить на уровне словосочетания: Зашелестит амазонка *По* звонким, *пустым ступеням расставанья*; предложения: Этих вот всех *Суетностей*, от которых *сна нет*; СФЕ: В бесстрастии *Каменноокой камеи*, В дверях не помедлю. . . . . Не крадущимся перешибленным зверем — Нет, *каменной* глыбою Выйду из двери — Из жизни. — О чем же Слезам течь, Раз *камень* с твоих Плеч! и т. п. Однако заметим, что семантический эффект, несколько более сильный, возникает при аттракции на уровне словосочетания или на уровне сложноподчиненного предложения с присловной связью.

Безусловно сильной становится аттракция, при которой в паронимической парадигме связываются синтаксически равноправные слова: Правят юностью нежной сей *Гордость* и *горечь; Раковинный сокровенный* свод Рук неприсваивающих. .; Из лепрозория *лжи* и *зла* Я тебя *вызвала* и *взяла* В зори! и др. Сильный семантический эффект возникает и в том случае, если аттрактанты представлены в сравнениях, соположениях, параллельных ритмико-синтаксических конструкциях: *Реки* держатся, как *руки*, Когда любимый рядом. .; Прочь, не *пастбище*, а *пустошь* — Страсть!; Страннику — *дорога*, Мертвому — *дроги*. Каждому свое; и т. д.

Аттрактанты, встречающиеся в паронимических рядах в поэтическом языке М. Цветаевой, с точки зрения их морфемного состава могут быть разделены на две большие, приблизительно равные по объему, группы: разнокорневые (парономасы) и однокоренные (паронимы и, главным образом, лексико-семантические дериваты). С одной стороны, наличие общего корня заранее облегчает и обусловливает возможность семантического взаимодействия. С другой стороны, анализ материала показывает, что функционирование в тексте и разнокорневых, и однокоренных аттрактантов подчиняется одним и тем же законам осуществления ПА.

Аналогия морфемного членения коррелятов не является непременным условием осуществления аттракции, но может стимулировать смысловое сближение. При аналогичном морфемном членении аттрактантов может происходить: 1) актуализация корня: Благословляю *ежедневный* труд, Благословляю *еженощный* сон; Под твоим перстом — Что господень хлеб, *Перемалываюсь*, *Переламываюсь*; 2) актуализация аффикса: Где *отступается* Любовь, Там *подступает* Смерть-садовница; 3) перераспределение «вещественной» и «формальной» — по терминологии Ю. Н. Тынянова (Тынянов 1965, 156) — частей слова: Как рождаются *в мир* — Я не знаю; но так *умирают* (*у-мир-а-ть* ‘уходить из мира,

покидать мир людей', здесь мы имеем дело с вычленением псевдопрефикса, ср. *унести, убрать; мир* 'весь род человеческий', 'противоположное духовной жизни', ср. *умереть для мира* 'отречься от суеты').

В ПА могут вступать слова, принадлежащие разным частям речи, и, следовательно, имеющие различные грамматические характеристики. Однако чаще наблюдается аттракция морфологически однородных слов. Тождественная грамматическая форма аттрактантов поддерживает фонетическое сближение: Тщета! Во мне она! Везде! Закрыв глаза: *без дна* она! *без дня!*, ср. *дно/день*. Различие морфологических характеристик может способствовать образованию семантического эффекта: *Завоеватель?* — Нет, *завоеванье!* ('активность'/'пассивность').

Немаловажным условием осуществления аттракции служит семантическая связь между значениями аттрактантов. Между значениями членов паронимической парадигмы наблюдаются отношения: 1) сходства: Это *уезжают—покидают*, Это *остывают—отстают*; 2) противоположности: Кто *бескорыстней* был? — Нет, я *корыстна!*; 3) противоречия: *Смешок*. Сквозь *смех* — *Смерть*; 4) «включения»: Из сокровищницы подобий Вот тебе — *наугад — гаданье*. . . При сочетании коррелятов в речевой цепи в качестве связующего компонента могут выступать категориальный компонент, архисема (родовое значение), дифференциальная сема, общая для двух коррелятов, потенциальная сема (не нашедшая своего отражения в значении слова потенциальная характеристика его денотата), ассоциативное/коннотативное значение. В случае соположения слов, не имеющих, казалось бы, ничего общего, используется свойство семантической непрерывности языка: «. . . из любого семантического поля, через более или менее длинную цепочку посредствующих звеньев, можно попасть в любое другое поле, так что семантическое пространство языка оказывается в этом смысле непрерывным» (Апресян 1974, 252).

Итак, анализ материала показывает, что паронимическая аттракция, проявляющаяся на фонетическом уровне, подготавливается системой поэтического языка в целом; в основе ПА лежат факты естественного языка. Воздержимся пока от окончательной формулировки условий, при которых возникает аттракция: для этого требуется провести анализ многих примеров, выходящих за пределы рассматриваемого идиолекта, а также тех случаев, в которых аттракция не возникает, несмотря на наличие звукового сходства. Но все же заметим, что для осуществления ПА необходимо выполнение хотя бы одного из следующих условий: наличие логико-синтаксической связи между аттрактантами; включенность значений аттрактантов в одну логико-понятийную сферу; принадлежность аттрактантов к одной лексико-семантической парадигме: квазисинонимы, квазиантонимы, квазиконверсивы, гипо-

нимы и т. д.; соотносимость членов пары по грамматическим признакам. Необходимым условием сближения является контекст, обеспечивающий образную мотивировку аттракции (Григорьев 1979, 276).

СОДЕРЖАНИЕ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В УСЛОВИЯХ ПА

При ПА значения слов подвергаются семантическим трансформациям. Под семантической трансформацией мы понимаем изменение системных значений слов и создание новых смыслов в условиях семантического контекста. Семантические трансформации осуществляются на основе определенных операций над смыслами (описание моделей этих операций см.: Ревзин 1977, 221).

1. *С / а*: в смысле *С* сема *а* акцентируется, приобретая больший вес, чем это предписано словарем. Ср.: А я — руки настежь! — застыла — столбняк! Чтоб *выдул* мне *душу* — российский сквозняк! Под влиянием смысла аттрактанта *душа* в значении лексемы *выдуть* акцентируется сема ‘очищение’ (ЛСВ ‘вывевать, провевать, очищать от сора’).

2. *С + а*: к смыслу *С* присоединяется сема *а*, являющаяся для него факультативной. Ср.: Древа *вещая весть!* Лес, *вещающий*: Есть Здесь, над сбродом кривизн — Совершенная жизнь. . . В паронимическом ряду смыслу слова *весть* приписывается дополнительный признак ‘прорицание’. Ср. также: *Красота* и *бессмертие*, — Вот в двудонном ковше Жениха-виночерпия Дар невесте: душе. Под влиянием аттрактанта *бессмертие* ‘жизнь духовная’ и ключевого слова контекста *душа* смыслу слова *красота* приписывается признак ‘одухотворенность’.

3. *С \ а*: в смысле *С* подавляется некоторая существенная сема *а*. Ср.: Тщета! Во мне она! Везде! закрыв Глаза! *без дна* она! *без дня!* И дата Лжет календарная. . . В результате аттракции в смысле слова *день* подавляется сема ‘время суток’.

4. *С∪Р*: смыслы *С* и *Р* объединяются, хотя каждый сохраняет некоторую самостоятельность: значения как бы просвечивают одно через другое (семантическая интерференция). Семантическая интерференция может основываться на актуализации сем, входящих в словарное значение аттрактантов. Ср.: Никто, в наших письмах роясь, Не понял до глубины, Как мы *вероломны*, то·есть — Как сами себе *верны*. Аттрактанты *верный* ‘неизменный в своих чувствах//неизменно поступающий согласно чему-л.’ и *вероломный* ‘нарушающий верность//содержащий обман, измену’, притягиваясь за счет контрастных признаков ‘неизменный’/‘изменчивый’, как бы «обмениваются» признаками: *верный* приобретает дополнительный признак ‘обманчивый’, *вероломный* — признак ‘всегда один и тот же’. Семантическая интерференция может быть связана с актуализацией коннотативных/ассоциативных признаков

значения одного из аттрактантов. Ср.: *Боль*, как нота Высящаяся. . . Поверх *любви* Высящаяся. . . На основе коннотации «любовь-болезнь» смыслу аттрактанта *любовь* приписывается признак ‘страдание’.

5. $C \cup P \,/\, e$: одновременно объединяются смыслы *C* и *P* при приобретении большего веса общими для них семами *e*. Ср.: Ведь я *островитянка* С далеких *островов!* (семантический инвариант ‘стоящее особняком среди остального’) и др. Одновременно с выделением общих сем могут акцентироваться и оттенки смыслов, т. е. дифференциальные семы: Никогда не родиться бы лучше, Чем этот *жалобный*, *жалостный*, каторжный вой О чернобровых красавицах (соответственно ‘содержащий жалобу’/‘достойный сожаления’ при семантическом инварианте ‘унылый, грустный’).

6. $C \otimes P \,/\, a$: при противопоставлении смыслов подчеркиваются контрастные семы *a*; признак, определяющий сближение, остается значимым. Ср.: *Божеству* ли *с убожеством* Спорить? (‘величие’$\otimes$‘крайняя незначительность’, основа сближения — признак ‘возможность что-л. решать’); О, по каким морям и городам Тебя искать? *Незримого — незрячей*! (‘невидимый’$\otimes$‘невидящий’, общая сема ‘зрение’) и др.

7. $C \otimes P \,/\, a \,/\, e$: подчеркиваются семы *a* контрастные и одновременно подавляются семы *e*, общие для *C* и *P*. Ср.: Тихонько, Рукой осторожной и тонкой *Распутаю путы*. . . (подчеркиваются семы ‘освобождение’$\otimes$‘оковы’, подавляется сема ‘запутанное’); На ложе из лож Сложившим великую ложь *лицезренья*, Внутрь *зрящим* — свидание нож (подчеркиваются семы ‘обращенность вовне’$\otimes$‘обращенность вовнутрь’, подавляется сема ‘зрение’).

Подобные операции над смыслами осуществляются не только при ПА, но и при других способах словопреобразования. Как правило, указанные операции над смыслами не встречаются изолированно. Семантические трансформации осуществляются путем последовательных изменений смыслов в семантическом контексте.

РЕЗУЛЬТАТЫ СЕМАНТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПРИ ПА

В результате семантических трансформаций формируется новый смысл, который имеет точки соприкосновения с семантическими полями всех слов, входящих в аттракцию. Образующийся смысл в своей основе имеет реалему (Новиков 1982, 71), т. е. определенный инвариант референтов, реалий, такой элемент класса реальных предметов, явлений, свойств, качеств, процессов, который отражает их общие наиболее существенные свойства.

В результате семантических трансформаций можно наблюдать: 1) изменение значения хотя бы одного члена паронимической парадигмы; 2) изменение значений всех аттрактантов; 3) образование «объединенного смысла». Рассмотрим это на примерах.

В результате объединения смыслов на основе актуализации коннотативных признаков значение одного из аттрактантов может становиться «связанным», «фразеологизироваться». Ср.: Это — *проводами* стальных *Проводов* — голоса Аида Удаляющиеся. . . По операции объединения смыслов значение слова *провод* 'нитеобразный предмет, проводящий что-л.' дополняется признаком 'охранять кого-л. на пути' под влиянием аттрактанта *прóводы*, потенциального коррелята **провожать* и на основе оживления коннотации «нить Ариадны». Сочетание *прóводы проводóв* встречается в другом контексте: Я *прóводы* вверяю *проводáм*, где слово *провод* употребляется в том же значении.

Результатом операции объединения смыслов при одновременной актуализации общих сем может быть выделение коннотативного/ассоциативного признака и возникновение коннотативного значения — коннотемы у обоих членов паронимической пары. Ср.: Выше, выше, — и слились В *Ариаднино*: ве-ер-нись, Оберни́сь!; В предсмертном крике Упирающихся *страстей* — Дуновение *Эвридики*. .; Но был один — *у Федры* — Ипполит. Плач *Ариадны* — об одном Тезее!; *Перестрадай* же меня! Я всюду. . . Имена собственные *Ариадна*, *Федра*, *Эвридика*, вступая в аттракцию с нарицательными именами *перестрадать* и (через *перестрадать*) *страсть*, приобретают дополнительный семантический признак 'страдание', что приводит к выделению коннотемы. Ср. также: Меж нами *струистая лестница Леты*. . ; *По* звонким, *пустым ступеням расставанья*. . . В смысле слова *Лета* выделяется коннотема 'утрата', которая становится лексическим значением имени собственного; сочетание *струистая лестница Леты* приобретает смысл 'последовательность утрат'.

Результатом соединения смыслов однокоренных аттрактантов с одновременной актуализацией их общей части является выделение семантического инварианта в значениях всех членов парадигмы. Актуализация повторяющихся корневых морфем аттрактантов приводит к появлению нового инвариантного значения 'крайняя степень проявления признака, названного основой'. Ср.: Ужели в раболепном гневе За милым *поползу ползком* — Я, вынашенная во чреве Не материнском, а морском! ('крайняя степень унижения'), Ты — *Господь* и *Господин*, а я — Чернозем и белая бумага ('вся полнота власти') и др.

Операции семантической интерференции и противопоставления смыслов могут приводить к образованию «объединения смыслов», т. е. некоторого инварианта смысла, отражающего различные существенные черты предметов, явлений, процессов, взятые в единстве их противоположностей. Ср.: Я — хранитель твоему добру: *Возращу* и *возвращу* сторицей. Я — деревня, черная земля. Ты мне — луч и дождевая влага. Аттрактанты, имеющие максимальное сходство в фонетическом и грамматическом отношении, синтаксически равноправны. Это позволяет выделить сочетания

**возрастить сторицей* и **возвратить сторицей*. В обоих случаях налицо нарушение сочетаемости. Однако аналогия с нормативным фразеологизмом *воздать сторицей* 'воздать в стократном размере, вознаградить' заставляет приписать смыслу аттрактанта *возрастить* 'помочь вырасти' дополнительный коннотативный признак 'стократное увеличение', а смыслу *возвратить* 'отдать обратно полученное' — признак 'в стократном размере'. В контексте стихотворения сближение аттрактантов на основе приписанных им коннотативных признаков становится ключевым; ср. образные сопоставления: *хранитель=черная земля, чернозем; добро=луч, дождевая влага*. В результате семантической интерференции возникает «объединенный смысл» сочетания слов *возрастить и возвратить сторицей* 'воздать стократно добром за вложенное добро', отражающий две предполагающие друг друга существеннейшие стороны одного и того же явления. Сочетание *возрастить и возвратить сторицей* «фразеологизируется». Аналогичные процессы можно наблюдать и в другом случае: Из лепрозория лжи и зла Я тебя *вызвала* и *взяла* В зори! В результате семантической интерференции на основе значений слов *вызвать* 'заставить уйти, позвать за собой' и *взять* 'принять с какой-л. целью или обязательством' образуется «объединенный смысл» сочетания *вызвать и взять* 'вызволить и заботиться о дальнейшей судьбе'. Ср. пример противопоставления смыслов: Кто я теперь? — Единая? — Нет, тыща! *Завоеватель?* — Нет, *завоеванье!* В результате противопоставления смыслов слов *завоеватель* 'тот, кто покоряет, завоевывает, победитель' и *завоеванье* 'то, что покорено, завоевано', 'достижение', 'приобретение' по признакам 'субъект действия'/'результат действия', возникает «объединенный смысл» 'победитель и побежденный, покоряющий и покоренный одновременно'. Аналогичные примеры многочисленны: Огнепоклонник! Красная масть! *Завороженный* и *ворожащий!; Голос* всех *безголосых* Под бичом твоим и др.

Все рассмотренные примеры касаются тех случаев, когда ПА выступает только как способ словопреобразования, характерный для поэтического языка.

Регулярное образование новых смыслов в условиях ПА позволяет рассматривать осуществляемые семантические трансформации как специфическое явление лексической номинации.

При ПА может иметь место образование окказионализмов, мотивированных одним из членов паронимической парадигмы: Так *вглатываются в глоток*: Вглубь — до потери чувства!; Так дети, *вплакиваясь в плач*, *Вшептываются в шепот*; Так дети, *вкрикиваясь в крик*, Вмалчиваются в тихость и т. д.

В некоторых случаях формируется новое значение слова, которое становится системным на уровне идиолекта поэтического языка: *провод* 'путеводная нить', *страсть* 'умерщвление духа', *весть* 'прорицание', *веки* 'орган внутреннего зрения' и др. На ос-

нове таких значений образуются устойчивые паронимические связи, формируется паронимический фонд поэтического языка. Так, например, в идиолекте М. Цветаевой устойчивы сочетания *лицезренье/зреть; видеть/ведать/не выдать; зрачок/зоркий/прозорливый/зреть; веки/век/Вечность; страсть/бессмертие/грусть/красота/смерть/страшный/стыд* и др. Таким образом, ПА не только опирается на системные явления поэтического языка, но и способствует их формированию на уровне идиолекта.

Специфика отношений именования, возникающих в результате ПА, определяется двойной мотивированностью поэтического слова; преобладают процессы вторичной номинации. В качестве объекта наименования избирается фрагмент действительности, картина мира в определенном разрезе со всей сложностью взаимосвязей явлений и процессов. В сфере сигнификации объекту наименования соответствует реалема. Можно предположить, что в известной степени процессы наименования в условиях ПА сходны с номинацией предложением: «В то время как слова или словосочетания выступают как названия отдельных предметов, отдельных свойств и прочих. . . атрибутов материи, выделенных именно в силу отдельности их осознания, предложение именует предметы и явления в их взаимной связи, но в их расчлененности» (Кубрякова 1977, 226).

ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
Вишнякова О. В. Паронимия как языковое явление // ВЯ, 1981, № 2.
Вишнякова О. В. Паронимы в русском языке. М., 1974.
Григорьев В. П. Паронимическая аттракция в русской поэзии XX в. // Сб. докладов и сообщений Лингвистического об-ва Калининского гос. ун-та. Калинин, 1975, V.
Григорьев В. П. Паронимия // Языковые процессы современной русской художественной литературы. Поэзия. М., 1977.
Григорьев В. П. Поэтика слова. М., 1979.
Кубрякова Е. С. Теория номинации и словообразование // Языковая номинация: Виды наименований. М., 1977.
Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М., 1970.
Минаева Л. В., Феденев В. Б. «Паронимия» в языке и речи // ВЯ, 1982, № 2.
Новиков Л. А. Семантика русского языка. М., 1982.
Ревзин И. И. Современная структурная лингвистика: Проблемы и методы. М., 1977.
Самойлов Д. С. Книга о русской рифме. 2-е изд. М., 1982.
Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики. М., 1975.
Ткаченко Л. П. Паронимическая аттракция в русском языке и ее место в курсе лексической стилистики для иностранных студентов-филологов: Автореф. канд. дис. М., 1982.
Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка. М., 1965.

Р. Г. КАДИМОВ

О ПРИНЦИПАХ ЗВУКОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В ПОЭЗИИ В. МАЯКОВСКОГО И С. ЕСЕНИНА

Двойственная природа слова издавна побуждала поэтов искать соответствие между двумя его сторонами — формой и содержанием, звуком и смыслом. Этот вопрос решался и в поэзии начала XX века. Связь звучания и смысла была в это время осознана как самостоятельный прием — паронимическая аттракция. «Случайности исторического развития лексики национального языка... поднимаются в паронимии до уровня поэтической семантики, а... у многих поэтов становятся весьма существенными элементами идиостилей» (Григорьев 1979: 278).

Этот прием, имеющий свои корни в предшествующей поэзии, был поэтически «сформулирован» такими поэтами XX в., как В. Хлебников, В. Маяковский и др. Хотя вопрос о соотношении содержательного и звукового начал так или иначе решался в поэзии всегда, отношение поэтов к указанным двум сторонам слова было неодинаково. Чтобы обнаружить лежащие в основе индивидуальных стилей особенности отношения к слову, рассмотрим стили В. Маяковского и С. Есенина, резко отличные друг от друга. Поскольку в паронимической аттракции (ПА) более тесно смыкаются две стороны языкового знака: формы слов используются для того, чтобы вызвать смысловые эффекты, — представляется, что исследование этого приема в творчестве поэтов также поможет выявить особенности индивидуальных стилей.

В стихах Маяковского много примеров ПА, складывающихся из разных сочетаний входящих в аттракцию слов: *пустыня стынет; ландышами дыша*; накажем *мерзавцев* за *зависть*; чтобы природами хилыми не *осквернили скверы*; от *горя горблюсь*; со всей вселенной *сигналом сигнала; ноздри задорно* высморкал; *мрамор Рима; траурное ура; траур* у *рта;* в *горле горе* комом и т. д.

При чтении Маяковского и Есенина складывается такое впечатление, что ПА есть только у Маяковского, а у Есенина ее нет. Но при специальном анализе оказывается, что оба поэта уделяют звуковой организации стиха чрезвычайно большое внимание. Мало того, что звуковых повторов в поэзии Есенина нисколько не меньше, его поэзия содержит и явные случаи ПА: Я строгал, *чинил челны*; Отпущу себе *бороду* и *бродягой* пойду по Руси; Иль *белобрысым босяком*. .; И треплет ветер под *косынкой* Рыжеволосую *косу* (слова эти разнокорневые и этимологически не связаны: косынка — от слова «косая»); Его *приход неприхотливый*; К *наковальне наклонясь*; смыкайтесь же *тесной стеною*; Я б *по-резал розы* эти; Эти *уста* не *устали*; В новом *лес огласится* свисте-

Держат *липы* в зеленых *лапах*; Клен и *липы* в окна комнат, ветки *лапами* забросив. .; *скрывая скорбь*; С детства нравиться я понимал / *Кобелям* да степным *кобылам*; Как *заборная* громкая *брань*; На *лоб нахлобучив*; как *коварная свекровь*; Сохнет стаявшая *глина*, / На сугорьях *гниль* опенок; Чтоб *озорливая* душа / Уже по *зрелому* запела; Когда *пальнуть* придется по *планете; лимонный* и *лунный* свет; Знаешь холод *осени синий*; Черных *нефть-фонтанов* и др.

В тексте Есенина паронимические сочетания не так заметны, как у Маяковского. Восприятию примеров из стихов Есенина как ПА в значительной мере способствует то, что они приведены нами без широкого контекста и сконцентрированы в одном месте.

В текстах Маяковского обращают на себя внимание и неглубокие звуковые повторы, тогда как в поэзии Есенина даже глубокие повторы звуков не стремятся себя обнаружить. Представляется, что эти различия являются свойствами индивидуальных стилей поэтов и связаны со спецификой функционирования в них языковых единиц. Специфическое функционирование единиц языка накладывает отпечаток на творчество поэтов и создает особенные, отличные друг от друга характеристики индивидуальных стилей. Последние в свою очередь согласуются с мировоззрениями поэтов.

Исходя из конкретного анализа поэтических текстов Маяковского и Есенина, мы будем обосновывать тезис, объясняющий, на наш взгляд, как общие характеристики индивидуальных стилей поэтов, так и указанные особенности восприятия ПА в их творчестве.

Есенин и Маяковский в качестве доминирующих единиц поэтики опираются на разные стороны функционирования основной единицы языка — слова. «Неделимой ячейкой», используемой в поэзии Есенина в качестве строительного материала, является звуковой ряд и звук, связанный с представлениями «чувства-идеи».

Поэзия Маяковского ориентирована на использование всякой единицы языка преимущественно в качестве знака определенного значения.

Есенин исходит из синкретического восприятия природы и предпочтения природного «разума». Он опирается на образ, поэтому его поэтике свойственна «тенденция к размыванию границ слова, к звуковому объединению серии слов льющимся звуком» [1]. У Маяковского наблюдается объединение звуков, образов, слов вокруг отдельных смысловых центров, поэтика его рассчитана не на звуковой ряд, а на смысловой, на «предметный смысл речи». Передача поэтического содержания в поэзии Маяковского происходит путем использования всех единиц языка (вплоть до от-

[1] Так Н. А. Кожевникова определяет одну из тенденций в поэзии В. Иванова (Кожевникова 1984: 207).

дельных сочетаний звуков, иногда встречающихся в его поэзии) как знаков — смысловых единиц речи.

Мысли о возможности двойного функционирования слова содержатся в статье В. Хлебникова «О современной поэзии» (1920): «Слово живет двойной жизнью. То оно просто растет как растение, плодит друзу звучных камней, соседних ему, и тогда начало звука живет самовитой жизнью, а доля разума, названная словом, стоит в тени, или же слово идет на службу разуму, звук перестает быть «всевеликим» и самодержавным; звук становится «именем» и покорно исполняет приказы разума. То разум говорит «слушаюсь» звуку, то чистый звук — чистому разуму» (V, 222).

О противопоставлении слова, которое существует «как неделимая, целостная и отдельная от всего иного единица смысла», писал С. Аверинцев относительно стихов В. Иванова в противопоставлении стихам Бальмонта, «как воплощению слова, разомкнутого навстречу другим словам» (см. Кожевникова 1984: 207).

О противоположных устремлениях в поэзии Иванова и Бальмонта пишет и Н. А. Кожевникова: «С одной стороны, отграничение соотнесенных слов, противопоставление их звуковому окружению.., с другой, — растворение их в близкой звуковой среде». Здесь же: «А. Белого интересует звук как таковой. Тем не менее количество звуко-смысловых сближений у него постепенно возрастает» (Кожевникова 1984: 207—208). И дальше говорится, что объединение паронимов и аллитерация сосуществуют в творчестве этих поэтов.

Указанные тенденции, сосуществующие в творчестве всех поэтов, более обнаженно представлены в поэзии Есенина и Маяковского, обнаруживающих тяготение к полярным началам: стихийному и сознательному, интуитивному и рациональному, факту природы и творению рук человека — артефакту.

Поскольку все поэты имеют материалом обычный язык, ни та, ни другая тенденции не могут прослеживаться в чистом виде, можно говорить только о доминирующей в индивидуальном стиле функции языковых единиц. И во времена Пушкина некоторые поэты пользовались звукосмысловыми сопоставлениями, а во времена Маяковского — чисто звуковыми. Но в творчестве каждого значительного поэта складывается, создается определенный центр из ведущих принципов, вокруг которого организуется все остальное. В свете этой доминанты предстают и качества всех отдельных элементов.

Каждый поэтический прием имеет свои характеристики и содержание. Но если оказывается, что одна и та же материальная единица (слово) лежит в основе двух поэтических приемов, то качество материальной единицы перетягивается тем приемом, который более значим и более распространен в поэтической речи вообще и в индивидуальном стиле поэта в частности. Материаль-

ные (языковые) единицы воспринимаются как носители того содержания (приема), который является у данного поэта доминирующим [2]. У Маяковского это — знак как смысловая единица языка, слово в функции знака, у Есенина — звуковой ряд, связанный с представлениями о «чувстве-идее».

В удельном весе паронимической аттракции в творчестве поэтов наблюдается большая разница. У Маяковского этот показатель на порядок выше, чем у Есенина, так как в двух указанных случаях приходится говорить о разных качествах, складывающихся в силу количественных различий. В поэзии Маяковского этот прием вырастает до уровня доминирующего принципа обращения с языковым материалом. Вторая сторона качественного различия связана с сознательностью употребления приема Маяковским и отсутствием сознательной установки на паронимию у Есенина[3].

Поскольку одним из конституирующих признаков ПА являются смысловые преобразования, а единицей мысли в языке является предложение, сила и слабость паронимической аттракции ярче всего обнаруживается в использовании ею смысловых отношений, складывающихся в предложении. В особенности это можно сказать об отношениях главных членов предложения — подлежащего и сказуемого, связь которых может быть согласованием не только по форме, но и по смыслу. В поэзии может наблюдаться намеренное, иногда натянутое сближение по звучанию существительного с глаголом-действием. В случае ПА между подлежащим и сказуемым возникает претензия на смысловой изоморфизм, побуждающий в некоторой степени к осмыслению их близости.

Характеризуя основные позиции сочетания близкозвучных слов в поэзии начала XX в., Н. А. Кожевникова отмечает, что «сочетания подлежащего и сказуемого, связанные звуковой близостью, занимают одно из последних мест по степени распространенности. . .» (Кожевникова 1984: 204). Именно эти отношения являются наиболее отличительными и в творчестве Маяковского и Есенина и потому наиболее показательными для характеристики их идиостилей.

Редкие случаи звуковой близости главных членов предложения в творчестве Есенина появляются спорадически, без намеренного стилистического ударения: Веки *выглодала даль*; На лице часов в усы *закрутились стрелки*; В новом *лес огласится* свисте; И *зве-*

---

[2] По удачному сравнению и в красных, и в черных чернилах — бóльшая часть воды, но то малое, что отличает — создает определенное качество, не похожее на другое, вносит принципиальное отличие.

[3] В случаях, когда слова могут восприниматься как аттрактанты паронимии и в то же время находятся в позиции рифмы, В. П. Григорьев говорит о мобилизации этих слов рифмой, об обремененности даже целого типа паронимии (консонантного) инерцией традиционной рифмы (Григорьев 1977: 193).

нит голубая *звезда; Пальцы пляшут* твои в полукруг; новый в небосклоне / *Вызрел Назарет* и др. В ранней редакции стихотворение «Троицыно утро, утренний канон. . .» была строка «Ах, развейтесь кудри, *обсекись коса*», содержащая ПА. Отказ от неё в поздней редакции этого стихотворения также может свидетельствовать об отсутствии у Есенина установки на извлечение смысловых эффектов, вызываемых паронимической аттракцией.

В то же время паронимическое сочетание подлежащего со сказуемым является частым у Маяковского: *Пенится пенье. . ./ Площади плещут; Слезают слезы* с крыши в трубы,/к руке реки чертя полоски; *дрожат миражи;* Кого *озирает горизонт?; пустыня стынет;* Прощающейся конницы *поцелуи цокали; Зал зацвел* от оваций; Скоро криком *издерется рот; Замерли римляне;*/Буря на Тибре; *Пестрит передовица; Мотор заторкал; ночи начнутся; Луна склоняется;* Дождь обрыдал тротуары,/лужами сжатый *жулик,*/мокрый, *лижет* улиц забитый булыжником труп. . . и т. д.

Частыми у Маяковского являются и атрибутивные отношения между аттрактантами: в *соседнем саду*; Дым из-за дома догонит нас *длинными дланями; стодомым содомом; чинная чиновница ангельской лиги; проворный повар; поразительные паразиты; заносчивый нос; тело усталое* и т. д.

Ориентированность Есенина на звуковые ряды и Маяковского на слова может показать и сравнение контекстов, содержащих поддержанные определенным звуковым окружением собственные имена. В том, какой контекст им создается, прослеживается намеренность/ненамеренность ориентации поэта на значения слов.

Собственные имена в поэзии Есенина сопровождаются звуковыми повторами и не обнаруживают прямой нацеленности на семантические эффекты: Словно *Вольга* под ивой, / Ты поник головой; Верю: *завтра рано*, / Чуть забрезжит свет, / Новый над туманом / Вспыхнет *Назарет*; . . .Выставляет клыки, / Не кадят *Соловки* / В его синий *оскал*; Я видел: с ним он / Нам сеял мрак! / Нет, я не *Симон*. . ; Село, значит, наше — *Радово*, / *Дворов*, почитай, *два* ста. . . У Есенина собственные имена по принципу соответствия распадаются на звуковые повторы и не поддержаны смыслом: *Грузинские* кремнистые дороги. / Вино янтарное, / В глаза струит луна. . ; *Звань* к оружью под каждой оконницей / Знаю я, нынче ночью идет на *Казань*. . .

Иногда сходнозвучные собственные и нарицательные имена далеко отстоят друг от друга. Во второй строфе стихотворения «О Русь, взмахни крылами» собственное имя — «Идет в златой рядница / Твой Алексей *Кольцов*», а в восьмой строфе — «За мной незримым роем / Идет *кольцо* других». В 5-й строфе «Иорданской голубицы» содержится нарицательное имя «Мать моя — *родина*. . .», а в 9-й и 20-й строфах соответственно «Мой луговой *Иордань*.»: «Славить твою *Иордань*». 11-я строфа этой поэмы со-

держит другое собственное имя «Бродит апостол *Андрей*», а в 18-й строфе соответственно в 1-й и 4-й строках: Древняя тень *Маврикии* / Родственна нашим холмам, / Дождиком в нивы златые / Нас посетил *Авраам*.

Характерный случай из поэзии Есенина. В «Повести о Евпатии Коловрате» корневые согласные звуки этого собственного имени полностью повторяются в слове, находящемся далеко от заглавия, в тридцатой строфе, в которой имя *Коловрат* тоже не содержится: Не рязанцы ль встали мертвые / На побоище *кроволитное*? Случай, более характерный для текстов с рассеянной звуковой организацией, напоминающий анаграммы. Интересно заметить, что в названии письменного памятника «Повесть о *разорении Рязани* Батыем» и в его тексте, рассказывающем, как Евпатий Коловрат, вернувшись из Чернигова «во град *Резань* и виде град *разорен*, государи побиты, и множества народа лежаща. . ,» содержится случай, который можно было бы оценить сегодня как ПА. Тем не менее Есенин не счел нужным использовать этот семантический эффект.

У Маяковского, намеренно ориентирующего звуковые повторы на достижение смысловых эффектов, имена собственные часто включаются в ПА: *Сказанием* встает *Казань*; лежит себе *сыт*, как *Сытин*; *Помпеи помпезней*; *мрамор Рима*; *рати* / *прут* / на *Питер*; на *Перу наперли* судьи! . . / возле *Перу* летали по *прерии*. . ; Кровь / по ступенькам стекала на пол, / стыла / с *пылью* пополам, / и снова / *на пол* / *каплями* / *капала* / из-под *пули* / *Каплан*.

Об активном использовании Маяковским приема ПА свидетельствует и то, что поэт нередко обращается к нему и в прозе: . . .силу тысячи рук влил в *гудящие дуги* трамваев; Мне *дорог* пример из Хлебникова не как достижение, а как *дорога*; История. . . кровавыми буквами выписала *матери*-России *метрическое* свидетельство о рождении нового человека; Чему нас учат? . . *Вкусу искусства*; Человек деликатный, он сделал это по-русски, щадя национальное самолюбие *дюжины джентльменов* с рисовальными папками; Ходячий вкус и *рычаги речи*; Старая *красота* затрещала, как *корсет* на десятипудовой поповне и др.

Указанное направление обращения с языковым материалом наблюдается и при использовании иноязычной лексики. В «Мистерии-буфф»: Эй, *паша*, не *пошаливай*!

Иногда в ПА у Есенина и Маяковского включаются одни и те же слова. В «Пантократоре» Есенина: Мы *радугу* тебе — *дугой*. в «111-м интернационале» Маяковского: Серп, / огнем играя, / обнимайся с молотом *радугой дуги*; в «Флейте-позвоночнике»: слова мои — / *радугой судорог*. В «Марфе Посаднице» Есенина: *Раскололся* зыками *колокол* на вече; На соборах кремля *колокола заплакали*. В «150 000 000» Маяковского: В *колокола клокотать* чтоб — сердцу важно!

Очень часто встречается у Есенина образ зари: То не *зори* в струях *озера* свой выткали *узор*; на *озерах зари* лицо; Полыхают *зори*, курятся туманы, / Над *резным* окошком занавес багряный; О край *разливов* грозных. . . / Здесь по *заре* и звездам; выткался на *озере* алый свет *зари*. У Маяковского несколько примеров с этим словом: *Зевы зарев*, оскальтесь нагло; в *ризы зарев разодетых Лазарей*. Есенин: И на известку колоколен Невольно *крестится рука*. Маяковский: *крестил* / профессорской *рукой*. В начале стихотворения Есенина: Синее небо, цветная дуга, / Тихо степные *бегут берега*. В поэме Маяковского «Про это» два раза встречается строка: *Бегут берега* — / за видом вид.

В стихотворении Есенина «О Русь, взмахни крылами» два раза повторяется: С *иными именами* / Встает иная степь. Маяковский в «Гимне критику» говорит о каком-то обладателе какого-то имени и что «скоро критик из *и́менинного вымени* / выдоил и брюки, и булку, и галстук.»

В разных сочетаниях употребляется у поэтов слово *день*. У Есенина: Любя твой *день* и ночи темноту, / Тебе, о *родина*, сложил я песню ту; Потому так и *днями недавними*. . . У Маяковского: Нашего второго *рождения день*. . ; Человечьего *рождения день*; Что с тыщей / *дней* / в *родне*; Назревали, / зрели *дни*, / как *дыни*; До *дней* последних *донца*; Выстели *дно дням*. . .

У Есенина частыми являются случаи, которые можно характеризовать как звуковые повторы: Опять дорогой верстовою, / Наперекор твоей *беде*, / *Бреду* и чую яровое. . ; *Бреду дубравной* стороной. У Маяковского преобладают звуковые повторы, характеризующие лексические единицы — слова. Последние обычно даются контактно и связаны в предложении синтаксическими отношениями. Паронимическая аттракция у Маяковского строится, как правило, не на формульных и общеязыковых сочетаниях слов, а на новых, необычных. При этом аттрактанты часто нагружены и тропеическим значением.

Приведем некоторые случаи паронимических отношений в метафорах в поэзии Маяковского: *Бреду* по *бреду* жара; Подымите, / подымите мне / *веков веки!*; Там / за *горами горя* / солнечный край непочатый. / За голод, / за *мора море* / шаг миллионный печатай!; в *тисках* бесконечной *тоски*; *Ду́ши задушены* Сибирей саваном; Язык *оплюйте сплетнями!*; *Топота потоп*; *Слезают слезы* с крыши в трубы, / К *руке реки* чертя полоски; Ах, закройте, закройте *глаза газет*; *Чинопочитанья* проклятого *тина*; мертвое от *ливня лав*; Вам неумолкающих *слав слова*; Мы идем / *революционной лавой*. . ; В стены столетий / *воль вал* / бьет Третий / интернационал; Рука, / *кинжала жало* стисни!; *Горло голода*, / затянем / *петлей* железнодорожных *путей!*; *тревоги отрава*; на эстраду, колеблемую *костром оркестра* и др.

Оппозиция «слово — звук» может быть связана и с отмежеванием Есенина от анализа, с апелляцией к интуиции и непосред-

ственно к чувствам. Восприятие природы Есениным в значительной мере характеризует синестезия — взаимопроникновение и переход разных видов чувственного восприятия: *слушаю на ощупь*: Я слушаю. Я памятью *смотрю*: слышен *синий лязг* её подков. Слушая «разумную плоть» природы, поэт «слышит» и зрительные образы: *звездная звонница*; И *звенит* голубая *звезда*; *светил* тонкоклювых *свист*; В роще по *березкам белый перезвон*; Под *звон* надломленной *осоки*; *звонно* чахнут *тополя*; О *звон* далеких *лип!* / *Звездой* нам *пел* в тумане. . ; Чтоб *звон* твоей *лампады* / Под ветром *не погас*; *звенят* родные *степи*; О чем *звенит песок?*; со *звоном неба*; *звени*, *звени*, златая *Русь*. . . Эти и многие другие примеры показывают, что у Есенина «в звуковых образах воспринимаются цветовые, зрительные явления» (Эвентов 1979 : 94), поэтому его поэзия более опирается на звуковые образы, чем на определенные значения слов.

С общей ориентацией на артефакт у Маяковского в некоторой степени связана и ориентация на слово как единицу естественного языка и как создание человека — артефакт, в отличие от звука как первоячейки языка, близкой к природе.

Соотношение природного и созданного человеком занимали как Маяковского, так и Есенина, только одно произведение которого относят к собственно философскому жанру. Характерно, что поэт здесь, размышляя о тайнах природы и о творении рук человеческих, рассматривает звук и слово как разные единицы. Параллелизм стихотворения показывает, что Есенин также соотносит с природным началом — звук, а с творением человека — слово:

Кто скажет и откроет мне,
Какую *тайну* в тишине
Хранят растения немые
И где следы *творенья* рук?
Ужели все дела святые.
Ужели *всемогущий звук*
Живого *слова* сотворил?

(V, 96)

Поэзия, по представлению Есенина, может и должна быть ориентирована на то, чтобы слова «таяли», растекались на звуки. Слово может сковывать поэзию: Скучно слушать под небесным древом / Взмах *незримых* крыл. . . / Привязало, осаднило слово / Даль твоих времен, — говорится о лирическом герое поэта; — Близок твой кому-то красный вечер, / Да не нужен ты. / Всколыхнет он Брюсова и Блока, / Встормошит других. . . Характерная деталь. Есенин часто «отстраняет» свою поэзию от слов, предпочитая им звуки. Когда же он говорит о словах, встает образ другого, чуждого лирическому герою мира: *Я помню* время, оно как

звук, / Стучало клювом в древесный сук. / И *слышал* дух мой про край холмов, / Где есть рожденье в посеве *слов*. Если лирический герой Есенина помнит время, которое, как звук. . . (т. е. было причастно ему), то он только слышал про край (другой, далекий, неопределенный), где есть рожденье в посеве слов.

Совершенно другое отношение к единицам поэтической речи находим в поэзии В. Маяковского. Аналитический подход Маяковского ориентирован на слово как единицу мысли, как достижение человека и одно из главных орудий его деятельности. Именно слово является «неделимой ячейкой» поэтики Маяковского, ее строительной единицей — «слова-кирпичи». Слово и голос у Маяковского зримы и действенны: Мне лапы дырявит голоса нож; оттуда. . . по кабелю, / в и ж у, / с л о в о ползет («слово» выделено Маяковским жирным шрифтом): Спасите! — сигналю ракетой слов: Слова об лоб / и в тарелку / горохом. . . Я снова лбом, / я снова в быт / вбиваюсь слов напором. / Опять атакую и вкривь и вкось. . . слова проходят насквозь; Залпом глоток *гремим гимн!* . . В миры — слов звонконогие гимнасты; Товарищи актеры! / Слова наперевес! / Вперёд! Важное место отводится слову и во всех посвященных творчеству статьях Маяковского.

У Есенина слова «растворяются» в тексте, так на них действует их окружение и весь стиль поэта. Поэтому звуковой состав слов воспринимается в одном ряду с их окружением, явлением, однородным с звуковыми повторами, которые рассеяны в тексте. Это способствует снижению признака значения, уменьшению удельного веса этой характеристики слова и увеличению звуко-образных характеристик текста.

Противоположная тенденция наблюдается у Маяковского, который все «сверяет по именам». Поэт говорит о своей поэзии: Здесь каждый звук, / чтоб признаться, / чтоб кликнуть (поэма «Про это»). Если лирический герой Есенина обращается к героине: Что ж так имя твоё звенит / Словно августовская прохлада?; Имя тонкое растаяло, как звук, — то у Маяковского находим: Мне / ни один не радостен звон, / кроме звона твоего любимого имени.

В поэзии Маяковского сами звуки характеризуются признаком накопления и локального концентрирования, в результате чего образуются очаги значимых / смысловых / центров, функционирование которых тяготеет к смысловой доминанте. В конечном счете функционирование звуковых повторов приближается к функции слова как языкового знака, имени. Это мы видим в примерах, где у Маяковского из звуков складываются целостности — слова. Так, звучание лошадиных копыт организуется в слова: Били копыта. / Пели будто: / — Гриб. / Грабь. / Гроб. / Груб. Если у Есенина в «Небесном барабанщике» даны повторы звука *б*: Гей вы, рабы, рабы! / Брюхом к земле прилипли вы. . . // Души б росаем бомбами. . .; а в одной из строф все строки состоят из трех

слов, а средние слова всех строк содержат по одному звуку *б* (. . .победа. . .берег. . .белыми. . .скребут. . .) — так рассыпано звучание, то у Маяковского барабанная дробь «говорит» *бар бей, бар бань*: Были рабы. Нет рабов. . . Бей, барабан! / Барабан, барабань!. . / *Баарбей*! / *Баарбань*! Звуковые повторы у Маяковского организуются в слова и когда нет никакого звукоподражания [4].

Если у Есенина собственные имена распадаются на звуковые повторы: *Грузинские* кремнистые дороги. / . В глаза струит луна. .; Ты, *Рассея* моя. . . *Рас*. . . *сея*. . ., — то у Маяковского звуковые повторы собираются в слова: как сыпется с гор — готовы умереть мы / за Эс Эс Эс Эр! (8, 311). Фрагмент *сыпется с гор* — три *с* и одно *р*, отсутствовавший в первом варианте поэмы «Хорошо!», по-видимому, сознательно вводится автором в окончательный текст.

Звуковые эффекты, которые могли бы таковыми и остаться, организуются контекстом и подаются в нужном (ориентированном на смысл) качестве. В «Мистерии-буфф»: Глаза потри. / *Сам три*. / *Смотри*! Контекст у Маяковского играет важную, активную роль и ориентирован на достижение посредством звуков собственно смысловых эффектов. Приведем для примера строфу из поэмы «150 000 000»:

Наружу выпустив скованные лавины,
земной шар самый
на две раскололся полушарий половины
и, застыв,
на солнце
повис весомо.

Заканчивается строфа [5] соотнесением близких по форме и семантике слов — паронимической аттракцией (с точки зрения синхронии). Эта близость создается согласными звуками *в* и *с* — общими для обоих слов. Но если проследить с начала строфы, то увидим, что это звучание и значение накапливались исподволь, но не без определенной организующей воли самого поэта. В строфе совершенно одинаковое количество звуков [6]: *в* 9 и *с* (9). Можно было бы предположить, что это случайность, если бы не было сопровождения металингвистическим комментированием. В этом

[4] О лексикализации звукоподражаний типа *Заложил бы динамиту — ну-ка дрызнь* писал Г. О. Винокур. Ученый отмечал, что в более поздних произведениях этот процесс еще более заметен. (Винокур 1943: 112).

[5] Как единицу, имеющую определенную целостность, приведенные строки характеризуют как способ рифмовки (целая строфа), так и синтаксис (одно предложение).

[6] В данном случае имеются в виду буквы. Для этого немало оснований, на которые не раз указывали ученые, видящие у поэтов ориентацию на «звукобукву».

примере мы имеем дело с параллельным накапливанием формы (согласные звуки корня) и содержания (значения слов *две*, *полушарий*, *половины*, *повис весами*). Накопление формы и содержания реализуется в конце строфы в словах.

При включении слов в ПА часто доминирующим у Есенина оказывается не смысловое тяготение слов друг к другу, не связь значений слов, а стремление к созданию образа, иногда вовсе не основанного на предметном смысле слов, а лишь на их звучании и образности: *Заре* на *закорки* вскочить; Хвост *задрала заря*; *Зола зеленая* из розовой печи; *Месяц месит* кутью на полу; Молча ухает *звездная звонница*; *Звоном звезд* насыпая уши; *Листьями* звезды *льются*; Тихо *льется* с кленов *листьев* медь; *Лепестками* роза *расплескалась*. . .

В поэзии Есенина близкозвучные слова часто не имеют никакой другой поддержки, которая актуализировала бы смысловые сближения. У Маяковского наблюдается тенденция самыми разными способами, но целенаправленно доводить наметившуюся звуковую близость до близости семантической. Для этого подключаются разные уровни организации текста: звуковая близость слов; стремление к «морфологизации» (придание видимости морфем) совпадающих частей слов; контактное расположение близкозвучных слов в тексте; контекстуальная поддержка звуковых и семантических сближений; повтор слов, подчеркивающий их формальное и семантическое сходство, — вплоть до направления поэтической мысли и развития сюжета.

Пример из «Мистерии-буфф»: Трубочист: Мы *устали*, / не пройдешь шагов и *ста*. / Батрак: Голодны? *Устали?* / Разве бывает *усталь* у *стали?* / Прачка: Мы не *сталь*. / Кузнец: Так будемте *сталь*. / Не *останавливаться* на половине ж. .'.

Если у Маяковского слова включаются в ПА для «обнаружения» семантической близости, то Есенин не заботится об этом, довольствуясь лишь звуковой организацией стиха. Это может показать сравнение групп слов, связываемых поэтами с одним и тем же словом. Если, к примеру, взять слово *холод*, то у Есенина чаще встречаются пары слов, в силу метатетического расположения совпадающих согласных удовлетворяющие лишь звуковой организации стиха: *даль холодная* впила; В прозрачном *холоде* заголубели *долы*; И в душе, и в *долине прохлада*; Осенним *холодом* расцвечены надежды. / В дорогу *дальнюю*. . ; Не в *ладу* с *холодной* волей и др.

У Маяковского явно преобладают примеры, показывающие тяготение друг другу слов как по форме, так и по смыслу: в страсти — / *холоден*, как *лед*; И в мертвом *холоде* слез и *льдин*. В поэме «Про это»: Большая река. / *Холодина*. . . / Белым медведем влез на *льдину*. . . плыву на подушке-*льдине*. . . Лихорадюсь на *льдине*-подушке. Могут связываться даже далекие по своим семантическим полям слова. В поэме «Человек» сначала многократно повторяется

и тем самым активизируется звуковая тема (консонантный состав) слова «лед», затем она обнаруживается в слове «заколдованный» как своеобразная «производящая» основа: И падает — / опять! — на *лед* / замерзший изумруд. / Дрожит душа. / Меж *льдов* она, / и ей из *льдов* не выйти! / Вот так и буду, *заколдованный*, набережной Невы идти.

У Есенина часто сходнозвучные слова / исключая рифму / сближают близкие по природе, самоочевидные явления и действия: За рекой *поет петух*; То третью песню *пропел петух*; В чаще ветер *поет* иль *петух*; На дворе обедню стройную *запевают петухи*. Маяковского неизменно интересует семантика слова, даже переносные значения слова (*пустить красного петуха* — устроить пожар): Эх, / не *потухай*, — / *петух* милый!; Камин. . . / Окурок. . . / Сам кинул. / Пойти *потушить*. / *Петушится*. / Страх.

Интересно отметить некоторые особенности поэзии Маяковского и Есенина, описанные в вышедшей при жизни Маяковского статье о моторных импульсах стиха [7]. В статье говорится, что та или иная «степень моторности. . . является свойством, глубоко присущим самим стихам. . . Этим свойством обусловливаются важнейшие особенности поэтического стиля». Интересна для нас отмеченная в статье близость Маяковского и Есенина в использовании жеста, имеющегося у обоих, и в то же время различие в характере этого жеста. «Концентрическому» стилю Брюсова, редко допускающему жест, противопоставляется «эксцентрический» стиль Маяковского, требующий «широкого и довольно щедрого жеста — в значительной мере *семасиологизованного*». Патетический и эксцентрический стиль. . . творчества Есенина тоже требует жеста, но жеста несколько иного типа. . . Оба — декламаторы с чрезвычайно сильно выраженной моторностью, но у Маяковского преобладает *смысловой* акцент речи — и иллюстративно-динамический жест оратора или рассказчика, у Есенина — лирико-патетические интонации — и эмоционально психологический жест пластического характера (стр. 57). В другом месте статьи опять характеризуется стиль Маяковского, «для которого в области движения характерен сложный *семасиологизованный* жест» (с. 61).

Для Есенина типичными являются случаи, которые воспринимаются не как ПА, а как звуковые повторы: Ловит лапой луну; Задремали звезды золотые. / Задрожало зеркало затона. Строка стихотворения «Русь»: Помирился я с мыслями слабыми. . . — *с* одержит всего 14 согласных букв, из них 11 — *м*, *л*, *с*. Но ярко выраженного сталкивания и сопоставления значений, дополнительного к обычноязыковому семантического взаимодействия самих слов не происходит. Это же можно сказать о примерах: Крепок в руке роговой гребешок; Потому поэт не перестанет / Пить

Вышеславцева С. О моторных импульсах стиха // Поэтика, Л., 1927. С. 45—62.

вино, когда идет на пытки; Расплела волна венок из повилик; И полилась печальная беседа / Слезами теплыми на пыльные цветы; Со снопом волос твоих овсяных / Отоснилась ты мне навсегда. Последний пример повторяется в первой и последней строфах стихотворения. Из 27 согласных звуков этих строк 16 — *в*, *с*, *н*. Здесь и в некоторых других случаях можно отметить анаграмматическое появление звуковых тем слова *сон*. Но это не говорит о собственно паронимической аттракции: семантических сближений между значениями слов *сон*, *сноп*, *овсяный*, *навсегда* не происходит.

Надо отметить характерные более для благозвучия, чем для ПА, многочисленные в поэзии Есенина случаи повторов гласных звуков: Принакрытые се́реньким ситцем / Э́тих се́верных бе́дных небе́с. / Но, наве́рно, наве́ки име́ю / Не́жность гру́стную ру́сской души.

Недостаточная эффективность ПА в поэзии Есенина зависит от многих факторов, в числе которых можно указать: 1) стиховую позицию аттрактантов; 2) их синтаксические позиции; 3) знаменательность частей речи, которые используются в качестве аттрактантов; 4) контекст, который не подготавливает, не задает необходимое направление толкования; 5) сам стиль, настраивающий на восприятие пограничных случаев в качестве звуковых повторов — доминирующего элемента в индивидуальном стиле.

Иногда глубокие звуковые повторы в силу своей аморфности не дают возможности отчетливого сопоставления морфем и слов: Есть тоска *веселая* в *алостях* зари; Да сгубила пара лебедей; Далеко-далече там Багдад. . . / Но теперь ей ничего *не надо*. / Отзвенел *давно* звеневший сад; Золото *холодное* луны, / Запах олеандра и левкоя; Близкому и *дальнему мне люду*; Снова выплыли годы из *мрака* / И шумят, как *ромашковый* луг; А *солнышко*, *словно кошка*. . ; Младенцем *завернула заря луну* в подол; За знамя *вольности* / и *светлого* труда. . . Четыре звука совпадают в словах последнего примера, но в силу аморфности и размещения совпадающих звуков в разных аффиксах эффекта смыслового сближения не происходит.

К числу факторов, уменьшающих эффект ПА, следует отнести и незнаменательность одного из близких по звучанию слов: Ведь *недаром* с давних пор / Поговорка есть в *народе*; *Первая* радость не *впрок*; Только ближе к родимому краю / Мне б хотелось *теперь повернуть*; *Словно* нечисть *лесная*. . ; У *лесной* поляны. . . / Ели, *словно* копья. . .

Далекость семантических полей также препятствует смысловой аттракции между сходнозвучными словами: широко взмахнув *веслом*, как яйцо, нам сбросит *слово*; На *плетнях* висят баранки, / Хлебной брагой льет *теплынь*; Отдавая *плату теплым* молоком; Каждый сноп *лежит*, как *желтый* труп; *Голубые* воды. . . / *Гибельной* свободы в этом мире нет. Подобные сопоставления по зву-

чанию далеких по своим семантическим полям слов обнаруживаются в заглавии и тексте стихотворения Есенина «*Кобыльи корабли*»: *Рваные* животы кобыл, / Черные *паруса воронов*. / Не *просунет* когтей лазурь. . .

Явные случаи звуковой близости не поддерживаются близостью смысловой, в результате чего сопоставления слов остаются на уровне звуковых повторов. Звуковой повтор оказывается сквозным, проходит через всю строфу, но тем не менее не актуализирует смысловые смещения: И так *долго*, *долго* дрожала / Воды незамерзшей *гладь*. / В синюю высь звонко / *Глядела* она *скуля*, / А месяц *скользил* тонкий / И *скрылся* за холм в полях; Но она мне как *песня* была, / Потому что мои *записки* / Из ошейника *пса* не брала; *Луна* стелила тени, / Сияли *зеленя*. / За голые *колени* / Он *обнимал меня*. Эти примеры показывают характер размещения звуковых повторов в поэзии Есенина.

Даже находящиеся в одном предложении и расположенные рядом слова часто характеризуются смысловой неконтактностью, относясь к группам разных главных членов: Слушают сказ *старика косари*; *Клубит* и пляшет дым *болотный*; Родная *Русь*, я по *росе*. . ; *Родной* ли прах здесь *обрыдать*. Иногда сходнозвучные слова оказываются в начале и конце предложения: *Колесом* за сини горы / Солнце тихое *скатилось*.

Часто слова, которые могли бы иметь смысловые контакты, размещены в разных предложениях или в разных строках стихотворения: *Плачут* вербы, шепчут *тополя*; . . .пролей на нашу *плоть* / Да *опалят* уста огня. . ; Скачет по полю *стужа*, / Окна выбиты, *настежь* двери; Уж я хожу украдкой нынче в *лес*, / *Молюсь* осинам; . . .страшный вопль и *крик*, / *Отрекутся* люди. . ; И отшумим, как *гости* сада. . . / Так и *грустить* о них не надо; Укропом вялым пахнет *огород*. / На *грядки* серые капусты волноватой; Не затемнили *образ* твой, / И в *бронзе* выкованной славы; *Протянулась тропа* деревень. / Вижу лес. . . и обвитый крапивой *плетень*; Прочь от *робости* постылой, / *Сбрось* скорей постыдный страх; Плачет *леший* у сосны — / Жалко *летошной* весны; Там в полях, за синей гущей *лога*, / В зелени озер, / *Пролегла* песчаная дорога.

Иногда сходнозвучные слова оказываются в разных строфах: Пахнет *зреющий* снег. // Но *незримые* дрожди. . .; К твоей родительской *избе*. // И долго-долго в дреме *зыбкой*. . ; Золота овса давать *кобыле*. // Каждому здесь *кобелю* на шею. . ; Разбуди меня завтра рано, / О моя *терпеливая* мать! // . . .*Треплет* ветер под облачной кущей. . .

Часть сближений сходнозвучных слов в текстах Есенина являются формульными (О боже, боже, эта *глубь* — Твой *голубой* живот; В глаза *глубокие*, Как *голубые* роги; В *сердце радость* детских снов; Иные в *сердце радости* и боли; И звенит придорожными *травами* От озер водяной *ветерок*); общеязыковыми сближениями

(Он поэт, поэт *народный*, Он поэт *родной* земли; Меня *прогонит* от *порога*; думать под сосною. . . О *родимом доме*; Вернулся я в *родимый дом*; Что срывали *черную чадру*; Приоткинув *черную чадру*); или ставшими формульными в самой поэтической традиции (Светит месяц. *Синь* и *сонь*; На бугре *береза*-свечка В лунных перьях *серебра*. . .).

Кроме того, что у Маяковского неделимым элементом поэтики является слово, а у Есенина — звук, немаловажным для восприятия ПА оказывается отношение этих единиц к более крупным единицам. И здесь наблюдается существенное различие, связанное с мироощущением каждого из поэтов: у Есенина все единицы языка ориентированы на то, чтобы вписаться в строку, строфу. . , народную традицию, природу и т. д., у Маяковского на то, чтобы выделиться, обособиться, «самовыражаться».

ЛИТЕРАТУРА

Винокур Г. О. Маяковский — новатор языка. М.: Сов. писатель. 1943.
Вышеславцева С. О моторных импульсах стиха // Поэтика: Сборники по теории поэтического языка. Л.: Академия, 1927.
Григорьев В. П. Паронимия // Языковые процессы современной русской художественной литературы: Поэзия. М.: Наука, 1977.
Григорьев В. П. Поэтика слова. М.: Наука, 1979.
Есенин С. Собр. соч. в 5-ти т. М.: Худож. лит. 1961—1962.
Кожевникова Н. А. Об одном типе звуковых повторов в русской поэзии XVIII — начала XX в. // Проблемы структурной лингвистики 1982. М.: Наука, 1984.
Маяковский В. Полн. собр. соч. в 13-ти т. М., 1955—1961.
Филиппов Г. В. Русская советская философская поэзия. Л.: ЛГУ, 1984.
Хлебников В. Собрание произведений в 5-ти т. Л., 1928—1933.
Эвентов И. Человек и природа в лирике Есенина // Вопр. лит., 1979, № 11.

С. Н. ШЕПЕЛЕВА, В. М. ПЕТРОВ, В. С. КАМЕНСКИЙ

ВОСПРИНИМАЕМЫЕ ПАРАМЕТРЫ РИФМЫ
(опыт экспериментального исследования)

Данная статья посвящена эксперименту, который явился составной частью исследования, направленного на изучение статистических закономерностей эволюции русской рифмы. Исследование проводилось в рамках статистических массивов, относящихся к журнальным публикациям русской поэзии XIX—XX в. Анализ массивов показал достаточно нетривиальные результаты (Шепелева 1984). Оказалось, что три основных параметра рифмы, полученные дедуктивным путем (Шепелева, Петров 1981, 1982) претерпевают закономерные изменения: каждый из параметров

помимо монотонной компоненты (тренда) имеет еще и периодическую компоненту (минимальный период колебаний — около 9 лет). Эти три параметра:

М — местоположение рифменного созвучия — среднее из местоположений его левой и правой границ (выраженное в числе фонем), т. е. их расстояний от правого края строки (получается усреднением по обеим рифмующимся строкам);

Б — богатство рифменного созвучия — число пар фонем (тождественных или условно «идентичных» — достаточно близких по звучанию), составляющих его;

Т — отклонение созвучия от точности совпадения звучания его элементов.

Полученные эволюционные закономерности позволяют сделать предположение о том, что указанные параметры являются реально воспринимаемыми характеристиками рифмы. Для подтверждения этого предположения мы обратились к эксперименту, основной целью которого было нахождение тех параметров рифмы, которые влияют на ее восприятие.

1. МЕТОДИКА ЭКСПЕРИМЕНТА

Для эксперимента были составлены два набора из 12 рифменных созвучий каждый. Материал был подобран так, чтобы обеспечить получение максимально надежных результатов при достаточной элиминации побочных (связанных с техникой проведения эксперимента) эффектов. В наборах использовались рифмы одних и тех же 12 поэтов, по одной рифме каждого поэта в наборе. Кроме того, при подборе рифм было осуществлено выравнивание наборов по глубине основного гласного — числу следующих за ним гласных: каждый набор содержит по 4 мужских рифмы, 3 женских рифмы, одной неравносложной (с комбинацией мужского и женского окончаний) и т. д., с небольшими расхождениями в последних примерах. Нумерация рифм внутри каждого набора следует порядку удаления основного рифмующегося гласного от правого края строки, а при одинаковых расстояниях — степени продвижения созвучия вглубь строки; по этому признаку оба набора также практически выравнены, так что одинаковые номера в наборах имеют рифмы, близкие по обоим указанным признакам. В качестве примеров фигурируют окончания рифмующихся строк — по два знаменательных слова с примыкающими к ним служебными (см. Приложение 1).

Обладая значительным сходством по формальным характеристикам, наборы между тем существенно различаются в семантическом плане. Фрагменты набора 1 не имеют какой-либо общей, преобладающей, тематической окраски, тогда как все фрагменты набора 2 объединены темой, которую условно можно назвать любовно-лирической. Такое различие было придано наборам для

того, чтобы попытаться оценить влияние семантики на восприятие качеств собственно рифмы.

Эксперимент предполагал также проверку влияния посторонних, «привходящих» факторов в условиях его проведения, а также выявление «силы», «устойчивости» измеряемых феноменов, связанных с восприятием рифмы (а не каких-либо других характеристик карточки-объекта, способных, в принципе, обладать силой воздействия, сравнимой с силой воздействия рифмы). Для этих целей примеры были напечатаны на карточках различных цветов: набор 1 — на розовых и зеленых; набор 2 — на голубых и желтых. Создание этих модификаций преследовало также цель элиминирования влияния личности экспериментатора, обстановки эксперимента и т. п. технических деталей на получаемые результаты; для этого один из экспериментаторов опрашивал своих 24 испытуемых на «розовом» и «голубом» наборах, а второй — своих 16 испытуемых на «зеленом» и «желтом» наборах.

Для дополнительного эксперимента по проверке влияния «престижного фактора» (т. е. смещения оценок рифм под действием «престижного авторитета» поэтов — авторов этих рифм) был изготовлен набор из 11 белых карточек, на каждой из которых была написана фамилия одного из авторов используемых рифм.

В качестве испытуемых выступали 40 лиц с высшим или незаконченным высшим образованием — жители Москвы и Ленинграда в возрасте 20—30 лет (за редкими исключениями). Подбор испытуемых происходил с учетом опыта предыдущих аналогичных экспериментов (см., например: Петров, Каменский, Шепелева 1978). Опрос каждого испытуемого проходил в индивидуальном порядке; давая задание, экспериментатор оставлял испытуемого, не ограничивая его временем выполнения, и являлся для регистрации результатов. Основная часть эксперимента занимала у каждого испытуемого около 15—30 минут.

Задачей испытуемого было упорядочить по личному предпочтению предложенные рифмы, по-возможности отвлекаясь от их смыслового содержания. Для облегчения работы рекомендовалось сначала произвести грубое разделение примеров на 3 группы: «самые нравящиеся», «средние», «самые ненравящиеся», — а потом уже упорядочивать рифмы внутри каждой группы. В качестве результата работы представлялась строгая последовательность из 12 рифм (карточек), разложенных в порядке убывания предпочтения той или иной рифмы. Результаты упорядочения заносились в заранее заготовленную форму-таблицу (см. Приложение 2). Затем испытуемого просили назвать авторов рассматриваемых фрагментов или хотя бы эпоху, в которую, по его мнению, написаны данные строки. Эпоху можно было называть, пользуясь любыми терминами (например «вторая четверть XIX века», «время футуристов» и т. п.), но указывая время написания с точностью не менее трети столетия. Результаты узнавания экспериментатор

заносил (не показывая их испытуемому) также в специальную форму-таблицу (см. Приложение 3), проставляя в ней правильное узнавание автора или эпохи и фиксируя прочерком неправильные ответы или отсутствие ответа. Затем карточки убирались, после чего испытуемому предъявлялся второй набор рифм, и опрос снова проходил по описанной выше процедуре. Для исключения влияния порядка предъявления испытуемому наборов на получаемые результаты было введено правило: всем испытуемым с нечетными порядковыми номерами сначала предъявлялся набор 1, а затем набор 2, а всем испытуемым с четными порядковыми номерами — сначала набор 2, а затем набор 1. Так как опыт проводился двумя экспериментаторами, то у второго из них испытуемые с нечетными номерами опрашивались сначала по зеленой модификации набора 1, а затем по желтой модификации набора 2, а испытуемые с четными номерами — наоборот, сначала по желтому, а затем по зеленому варианту.

После выполнения этой (основной) части эксперимента испытуемому предлагалось ответить на вопрос: какой из двух предъявленных наборов рифм кажется ему «лучше в целом», «больше нравится». Полученный вариант ответа: «розовый», «голубой», «зеленый», «желтый» или «оба набора одинаково нравятся (не нравятся)» — также заносился в форму таблицу (см. Приложение 3). К сожалению, идея такого контрольного вопроса появилась только в процессе проведения эксперимента, поэтому у опрошенных первыми 9 испытуемых нам не удалось получить такой информации.

Затем испытуемый должен был выполнить последнее задание: произвести упорядочение набора из 11 перетасованных карточек с фамилиями поэтов в порядке предпочтения их творчества, также от грубого разделения, например, на 3 группы («самые любимые поэты», «средние», «наименее любимые») к строгому упорядочению авторов внутри каждой группы. Упорядоченная последовательность авторов (тех, с поэзией которых испытуемый считал себя достаточно знакомым), также фиксировалась в специальной форме—таблице (при этом неузнанные авторы кодировались знаком 0), см. Приложение 4. Процедурой эксперимента были предусмотрены 1—2 коротких перерыва в опросе для отдыха испытуемых (обычно после окончания работы с обоими наборами рифм или хотя бы с первым из этих наборов).

2. ОБРАБОТКА ИСХОДНОЙ ИНФОРМАЦИИ

По завершении эксперимента (на всех 40 испытуемых) были произведены: 1) поиск на ЭВМ двумерных конфигураций объектов-рифм и испытуемых; 2) поиск на ЭВМ двумерных конфигураций объектов-поэтов и испытуемых; 3) расчет (ручной) уровней компетентности в поэзии испытуемых.

А. Поиск конфигураций. Для обработки результатов упорядочений испытуемыми объектов (рифм или поэтов) применялся метод неметрического многомерного шкалирования в той же его модификации, которая была использована в работе Петров, Каменский, Шепелева 1978. Итогом работы программы являлись двумерные (плоские) конфигурации, на которых представлены объекты и «идеальные» точки всех испытуемых (отвечающие реконструированному сочетанию характеристик объектов, которое представляется данному индивиду наилучшим).

Б. Расчет компетентности. При изучении положения «идеальных» точек на полученных конфигурациях может оказаться полезным иметь в распоряжении исследователя уровни компетентности в поэзии испытуемых. Для оценки компетентности использовались результаты узнавания авторов или времени создания рассматривавшихся стихотворных фрагментов (см. Приложение 3).

Что касается соразмерения «ценности» правильной идентификации авторства и эпохи, то здесь мы исходили из следующих соображений. Можно считать, что компетентность испытуемого имеет два проявления: первое заключается в конкретном знании авторов каких-то строк, второе — в работе ассоциативных рядов, позволяющих правильно идентифицировать эпоху. Конечно, у разных испытуемых соответствующие психические механизмы и их проявления могут находиться друг с другом в разных соотношениях. Так, испытуемый № 20 обнаружил знания авторов 7 фрагментов (учет велся по всем 24 фрагментам обоих наборов — см. Приложение 3) и правильно указал эпоху в 13 случаях (в том числе в 6 случаях — только эпоху, а в остальных 7 случаях мы считали эпоху указанной правильно, поскольку был назван автор), и у него соотношение этих знаний составляет $^{7}/_{13}=0{,}54$. Для испытуемого же № 24 этот коэффициент равен 0, так как он не назвал правильно ни одного автора. Этот коэффициент стабилизируется при усреднении по отдельным группам испытуемых, а для всех 40 участников он равен $^{91}/_{374}=0{,}24$. Поскольку для простоты лучше приписывать каждой правильной идентификации эпохи 1 балл, то каждое правильное указание автора оценивалось, следовательно, в $^{374}/_{91}=4{,}1$ балла.

Однако специфика нашего эксперимента состоит в высокой вероятности случайного угадывания эпохи (по сравнению с которой вероятностью случайного угадывания автора можно пренебречь). Если (самый неблагоприятный случай) испытуемый дает ответ с точностью до трети века и делает выбор из всего XIX и первых двух третей XX века (т. е. всего — из 5 третей века; отнесение предлагаемых фрагментов к более ранним эпохам уже совсем маловероятно), то вероятность случайного попадания в истинную эпоху или в соседнюю треть века составляет $^{2}/_{5}$. Например, испы-

туемый № 1 правильно указал авторов в 4 случаях, а при возможном последующем угадывании из 24—4=20 эпох мог за счет случайности указать верно в среднем $^2/_5 \times 20 = 8$ эпох; поэтому ему следует за указание эпох прибавить лишь 13—8=5 баллов. Аналогичные расчеты были проведены для всех испытуемых. В Приложении 3 указан полученный таким образом «балл компетентности» каждого испытуемого.

Кратко остановимся на целесообразности (для анализа результатов эксперимента) разбиения шкалы компетентности на градации. Для этого надо определить уровень «шума», создаваемый случайными угадываниями эпох. Элементарные статистические выкладки показывают, что при среднем угадывании 8 эпох из 24 возможных отдельные участники эксперимента могут назвать правильно до 15 эпох (при коэффициенте доверия P=0,95). Мы же у тех испытуемых (их было 9), для которых вводилась «надбавка» за указание эпох, вычитали «случайных» лишь в среднем $^{81}/_9 = 9$ эпох; поэтому максимальная возможная ошибка у наших испытуемых не превышает 15—9=6 баллов. Этот уровень «шума» определяет минимальный размер одной градации (мы исходим из требования, чтобы за счет случайного «угадывания» в какую-либо градацию мог попасть испытуемый, в действительности находящийся не далее, чем в соседней градации). Тогда можем получить шкалу компетентности с градациями: 0—6 баллов, 6,1—12 баллов, 12,1—18 баллов, 18,1—24 балла, 24,1—30 баллов (полученные баллы компетентности лежат в диапазоне от 0 до 28,7 балла). Этим градациям соответствуют 17, 8, 7, 4 и 3 испытуемых. Учитывая малочисленность последних двух групп имеет смысл объединить последние три градации, чтобы иметь, по крайней мере, реальную возможность сравнивать «вкусы» испытуемых из первой градации (низкая компетентность) и из последней градации (высокая компетентность) при 95 %-й гарантии отсутствия ошибки в отнесении испытуемого к этим градациям. Поэтому при дальнейшем рассмотрении использовались следующие градации: 0—6 баллов (низкая компетентность, 17 индивидов); 6,1—12 баллов (средняя компетентность, 8 индивидов); 12,1 и более баллов (высокая компетентность, 15 индивидов).

3. РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРИМЕНТА

А. Природа измеряемых эффектов. Прежде всего надо убедиться в том, что мы измеряем эффекты, связанные с восприятием испытуемыми именно рифмы, а не какие-либо побочные явления (влияние случайных ассоциаций, личности экспериментатора и т. д.). Убедиться в этом можно еще до реализации на ЭВМ поиска конфигураций, при ручном обсчете исходной информации (содержащейся в Приложениях 2—3). Анализ показал, что влияние

цвета карточек (с рифмами), а также личности экспериментатора (и обстановки эксперимента) на результаты упорядочений несущественно. Желтый цвет оказался для испытуемых предпочтительнее, чем голубой. Тем не менее указанные факторы (равно как и порядок предъявления наборов) практически не влияют на упорядочения рифм внутри каждого набора. Был проведен также целый ряд иных подсчетов, показавших высокую «помехозащищенность» результатов.

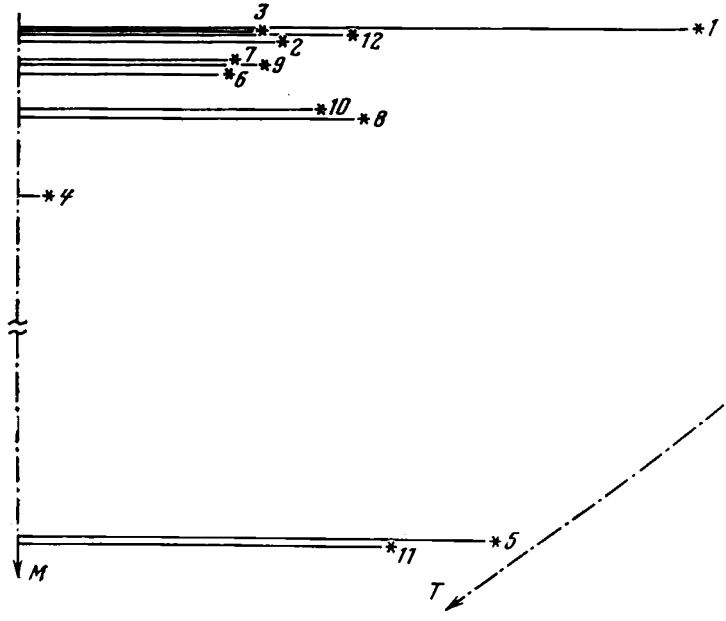

Рис. 1. Конфигурация объектов-рифм набора 2. Показаны проекции на ось местоположения (М). Отдельно проведена ось отклонения от точности (Т).

Б. Конфигурация объектов-рифм. На рис. 1 приведена полученная (на основе упорядочений, данных всей совокупностью испытуемых) конфигурация объектов-рифм набора 2. Коэффициент соответствия Ø (показывающий качество отражения конфигурацией результатов эксперимента) составляет 0,251. Конфигурацию рифм набора 1 см. В Šepeleva, Petrov 1984. Конфигурации, относящиеся к двум указанным наборам, обнаруживают высокое сходство друг с другом в смысле относительного расположения объектов-рифм; это служит аргументом в пользу устойчивости выполненных измерений.

На рис. 1 построена ось, отвечающая максимально допустимому упорядочению рифм по параметру М — местоположению созвучия. Проекции объектов-рифм на эту ось также построены

и образуют упорядочение: 1—3—12—12—2—7—9—6—10—8—4—5—11, — которое близко к теоретическому упорядочению объектов [1] по параметру М: 1—(2, 3, 4)—7—(6, 9)—(8, 10)—12—11—5; коэффициент ранговой корреляции Спирмена между этими двумя упорядочениями равен 0,603 (статистически значим на уровне лучше 5 %). Для набора 1 также удается построить аналогичную ось, с коэффициентом корреляции 0,515 (значимом на том же уровне). Это свидетельствует о том, что параметр М является существенным для восприятия рифмы, оказывая достаточно сильное влияние на ее оценку испытуемыми.

Близкую ось (на рис. 1 не показана) можно также построить для упорядочения рифм по такому параметру, как богатство созвучия (Б). Проекции объектов-рифм на эту ось ложатся в последовательности: 3—2—7—9—6—12—4—10—8—1—11—5, тогда как теоретическое упорядочение по этому параметру: 1—(2, 3, 4)—7—(6, 9)—(8, 10)—5—(11, 12). Коэффициент корреляции между этими упорядочениями равен 0,559 (значим на уровне 5 %). Аналогичную ось (хотя и незначимую на указанном уровне) удается построить и для набора 1. Это является аргументом в пользу существенности параметра Б для восприятия рифмы испытуемыми. Наконец, ось для параметра Т (отклонение от точности созвучия) также показана на рис. 1 (без проекций на нее объектов-рифм). Эта ось отвечает упорядочению: 1—12—8—2—10—3—9—7—6—5—11—4, — тогда как теоретическое упорядочение по этому параметру: (1, 2, 6 8, 9, 12)—(3, 4)—7—5—10—11. Коэффициент корреляции между приведенным экспериментальным и теоретическим упорядочениями равен 0,585 (значим на 5 %-м уровне). Аналогичную ось (хотя и незначимую на указанном уровне) можно построить и для набора 1. Следовательно, параметр Т также можно считать существенным для восприятия рифмы.

На полученной конфигурации был проверен также целый ряд иных гипотез, изложение которых, однако, выходит за рамки данной статьи. Не имея возможности привести все проверенные нами гипотезы, мы кратко опишем только некоторые из них (на их проверке хорошо демонстрируются возможности применяемого нами метода).

Гипотеза о существенности «опорности» рифмы, т. е. количества повторяющихся звуков слева от основного гласного, требует для рифм набора 1 последовательности: (1, 3, 6, 11)—(7, 9, 10, 12)—8—(4, 5)—2, а для рифм набора 2: (1, 3, 6, 9, 12)—(2, 7, 10)—11—4—(5, 8). В данном случае сразу нельзя сказать (в отношении обеих конфигураций), возможно ли провести такую ось. Здесь сначала придется провести

[1] Объекты, заключенные в скобки, имеют одинаковые («связанные») ранги.

на рисунке прямую, наиболее близкую (на глаз) к оси, дающей требуемую последовательность. Опуская на эту прямую перпендикуляры из всех точек-рифм, получим некоторую последовательность проекций; затем вычисляется коэффициент ранговой корреляции Спирмена между полученной последовательностью проек-

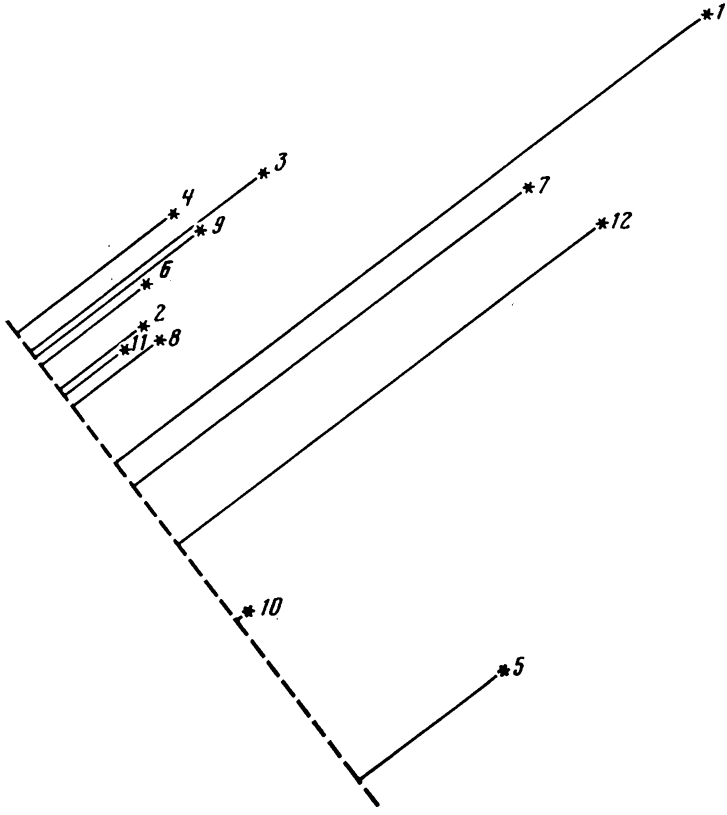

Рис. 2. Конфигурация рифм набора 1.

ций и гипотетической; проводится новая ось, и на ней повторяются те же операции; из всех опробованных осей выбирается та, которая имеет наиболее высокий коэффициент Спирмена, значение которого и служит потом основанием для того, следует ли принять или отвергнуть данную гипотезу. На рис. 2, 3 нанесены пунктирные оси, полученные в результате проведения именно такой процедуры. В данном случае для рифм набора 1 получаем последовательность проекций: 4—3—9—6—2—11—8—1—7—12—10—5, которая имеет с гипотетическим упорядочением коэффициент ранговой корреляции Спирмена равный 0,45. Эта величина весьма

мала, что свидетельствует о достаточно слабой (хотя и статистически значимой на уровне лучше 90 %) связи данного параметра с теми характеристиками, которые определяют восприятие и оценку рифм индивидами. Связь же можно считать достаточно сильной лишь тогда, когда коэффициент Спирмена принимает

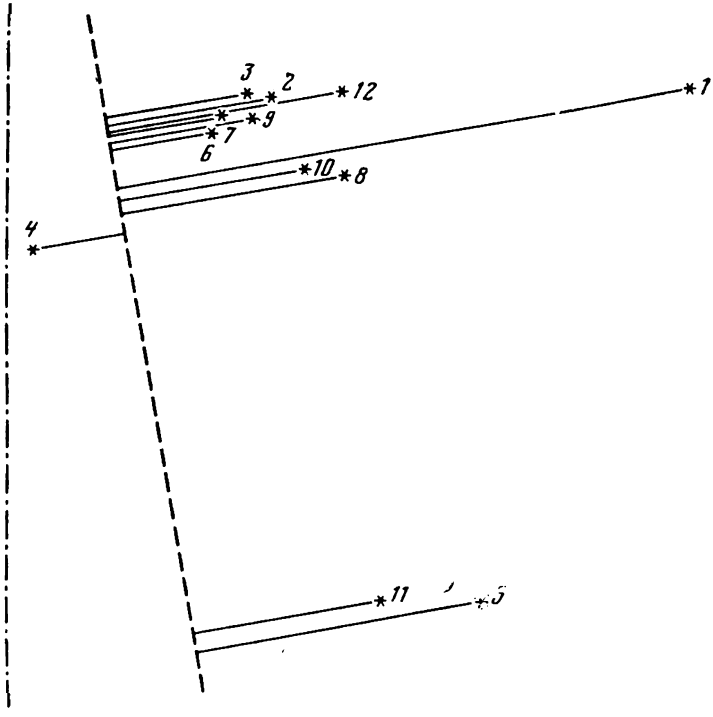

Рис. 3. Конфигурация рифм набора 2.

высокие значения, например, выше 0,7 (заметим, что при этом результаты становятся значимыми на уровне 99 % и выше). Поэтому для рифм набора 1 гипотезу о существенной роли «опорности» в восприятии рифмы следует отвергнуть. Для рифм набора 2 получаем последовательность проекций (см. рис. 3): 3—2—12—7—9—6—1—10—8—4—11—5, дающую с гипотетическим упорядочением коэффициента Спирмена 0,71 результат, который отвечает уровню значимости 99 %. Поэтому для набора 2 гипотезу о значимости «опорности» рифмы следует принять.

Гипотеза о существенности глубины созвучия требует от набора 1 последовательности: 1—3—6—5—8—4—(2, 7, 9, 11)—(12—10), а от набора 2 — последовательности: 1—(2, 3)—7—(6, 9)—10—4—(5, 11)—(8, 12). Наиболее близкими к таким последовательностям оказываются оси: для набора 1 —

использованная ранее пунктирная ось, для набора 2 — вертикальная ось (штрих-пунктирная линия на рис. 3). Эти оси дают последовательности: для набора 1 — (1, 3, 6, 11)—(7, 9, 10, 12)—8—(4, 5)—2; для набора 2 — 1—12—3—2—(7, 9)—6—10—8—4—5—11, которые приводят к коэффициентам Спирмена 0,58 и 0,56 соответственно, и (несмотря на значимость на уровне 95 %) из-за малости этих значений гипотеза отвергается. Однако достаточно не принять в рассмотрение только по одной явно «выступающей» (в каждом наборе) точке, а именно исключить из рассмотрения рифму 5 набора 1 и рифму 12 набора 2, и значения коэффициента Спирмена возрастут в обоих наборах до 0,79 и 0,80, что отвечает уровню значимости лучше 99 %. На этот факт стоит обратить внимание хотя бы потому, что выброшенные точки действительно являются «особыми» в обоих случаях: в наборе 1 рифма 5 — самая сильная неравносложная рифма, в наборе 2 рифма 12 — самая крайняя (пятисложная) по такому параметру, как глубина основного гласного. Оба эти признака имеют прямое отношение к изучаемому нами сейчас параметру — глубине созвучия. Возможно из-за своего крайнего положения («редкости») во всем многообразии рифм данные рифмы воспринимаются по-особому, для описания их нужно было бы ввести еще один параметр: тогда их «нарушающее» поведение в наборах прекратилось бы. Так или иначе, но при исключении этих рифм гипотеза о роли глубины созвучия должна быть принята.

Рассмотрим еще лишь одну гипотезу — гипотезу, связанную с соотнесением акустических и графических свойств рифмы.

Гипотеза о существенности разделения рифм на графико-акустические (с полным «визуальным совпадением» рифмокомпонентов, т. е. тождественных по написанию), акустико-графические (у которых разница в начертании стерта при произнесении) и акустические (основанные на подобии звучания при визуальных отклонениях) требует у набора 1 отнести к первой из упомянутых категорий рифмы 1, 3, 4, 6, 11, ко второй — 2, 9, 12, к третьей — 5, 7, 8, 10. Учтем еще, что рифма 9 имеет лишь одно визуальное отклонение, а рифмы 2 и 12 — больше. Учтем также уже упоминавшуюся особую роль неравносложия (при комбинации мужского и женского окончаний), вследствие чего рифмы 5 и 10 должны замыкать последовательность. В результате имеем порядок: (1, 3, 4, 6, 11)—9—(2, 12)—(7, 8)—(5, 10). Для набора 2 аналогичные соображения дают порядок: (1, 2, 6, 9, 12)—3—(7, 10)—(4, 8, 11)—5. Снова пунктирные оси на обоих рисунках достаточно хорошо удовлетворяют требованиям гипотезы, и коэффициент Спирмена равен 0,75 для обоих конфигураций, — результат, значимый на уровне лучше 99 %. Поэтому данную гипотезу следует принять.

Отметим, что все три принятые нами гипотезы: о б «о п о р-

ности» рифмы (справедливая, правда лишь для одного из наборов); о глубине созвучия (справедливая при исключении по одной рифме из каждого набора) и о влиянии графики — дают на каждой из конфигураций оси, почти совпадающие друг с другом, т. е. практически одну (нанесенную на рис. 2, 3 пунктиром) ось. Это может означать, в частности, что какая-то из данных гипотез подтверждается только потому, что в наших наборах или в поэзии вообще имеет место сильная корреляция между значениями рассмотренных параметров. Сказанное станет яснее из рассмотрения случая, в котором такая ситуация действительно наблюдается. Параметр «опорность» рифмы оказывается «живущим» только за счет своей связи с каким-то из двух других параметров. В самом деле, у рифм набора 2 число повторяющихся звуков слева от основного гласного («опорность») увеличивается одновременно с ростом глубины созвучия, и сила связи между ними может быть охарактеризована коэффициентом ранговой корреляции (между соответствующими упорядочениями), который равен 0,80. В то же время для набора 1 этот коэффициент гораздо меньше — 0,38. Также соотносится «опорность» со степенью «акустичности» рифмы: коэффициент Спирмена для набора 2 равен 0,89, тогда как для набора 1 — всего лишь 0,57. Таким образом, можно сделать вывод о том, что «опорность» рифмы все-таки не является существенным воспринимаемым параметром (возможная значимость его вторична, обусловлена связью с другими существенными параметрами) и соответствующую гипотезу надо отвергнуть.

Что же касается других двух гипотез, то значения соответствующих параметров рифм из обоих наших наборов взаимосвязаны, с коэффициентами Спирмена: 0,65 — для набора 1 и 0,81 — для набора 2. Поэтому в настоящее время мы не можем уверенно отвергнуть ни ту, ни другую из этих гипотез и считаем обе гипотезы справедливыми.

Наконец, укажем, что гипотеза о степени «акустичности» рифмы — это очередное проявление компаративного характера всех психических механизмов: в данном случае восприятие сводится к сравнению звучания рифмы и ее написания.

В. Конфигурация испытуемых. На рис. 4 приведена полученная совместная конфигурация рифм и испытуемых для набора 2. Конфигурация для набора 1 обнаруживает явное сходство с этой конфигурацией в плане относительной близости испытуемых друг к другу (что служит дополнительным аргументом в пользу устойчивости измерений).

Были осуществлены попытки связать положения «идеальных» точек испытуемых с их характеристиками. Следы одной из таких попыток отражены на рис. 4: треугольниками обозначены лица мужского пола, кружками — женского пола; эти знаки зачер-

нены полностью для лиц с высоким уровнем компетентности' наполовину — со средним уровнем компетентности и оставлены полыми для низкого уровня компетентности. Рядом с каждым знаком приводится порядковый номер испытуемого.

Нам не удалось выявить достаточно заметного влияния пола, характера образования, возраста и причастности к литературному

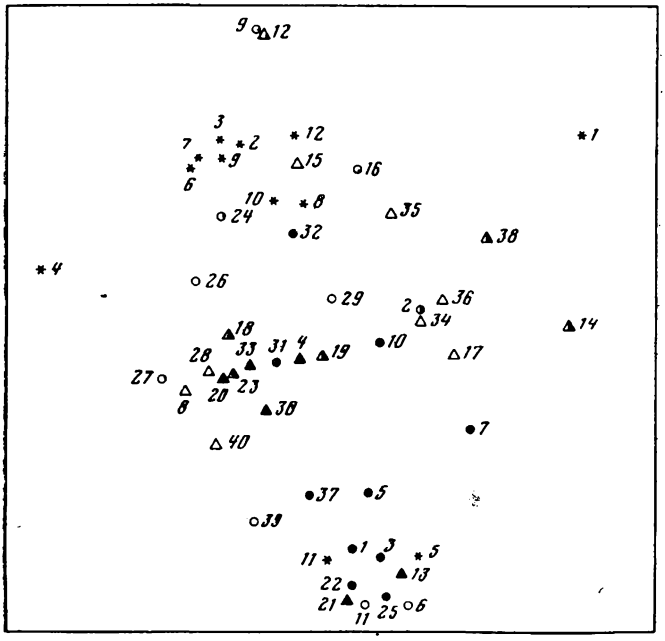

Рис. 4. Совместная конфигурация рифм набора 2 и испытуемых.

творчеству (равно как и парных комбинаций этих признаков) на положение «идеальных» точек индивидов. Заметна лишь некоторая тенденция преимущественного расположения «идеальных» точек высококомпетентных испытуемых в нижней части конфигураций, т. е. тяготение их к акустическим рифмам, точнее — к неравносложию (современным рифмам). В целом же три выделенных нами параметра (М, Б, Т) являются «общезначимыми» для всех испытуемых.

Г. Конфигурации поэтов и испытуемых. На рис. 5 приведена полученная совместная конфигурация поэтов и испытуемых (по результатам ранжирования ими поэтов); использована та же система обозначений, что и на рис. 4. Коэффициент соответствия Ø для этой конфигурации равен 0,197. На рис. 3 четко выделяются 3 группы: Пушкин, Лермонтов, Есенин; Маяковский, Блок, Пастернак; Прутков, Бунин, Фет (?). Отдельно находятся

точки, отмечающие Брюсова и Некрасова. Очевидно, предпочтения испытуемых определяются не одним, а несколькими факторами. Основание для объединения поэтов в первую группу — это (условно) — «народный» характер их творчества. Поэты второй группы, по-видимому, связываются в сознании испытуемых как «изощренные» поэты XX века; поэты третьей группы, возможно,

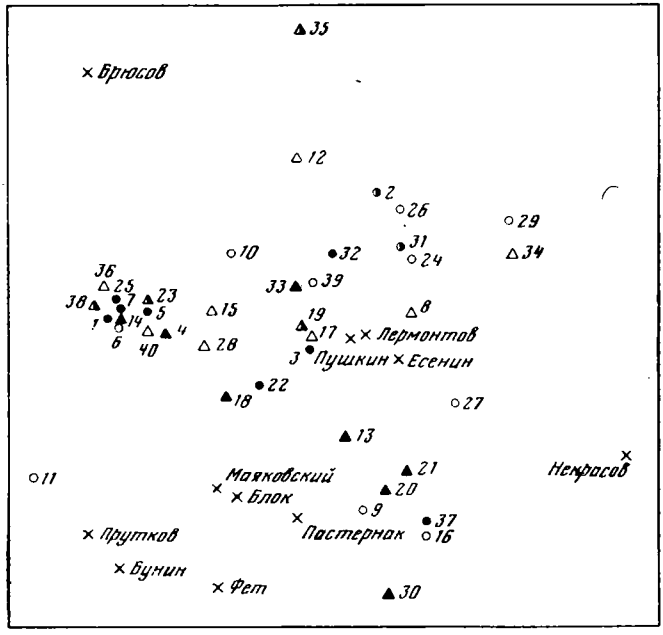

Рис. 5. Совместная конфигурация поэтов и испытуемых.

объединяются либо их меньшей известностью (как поэтов), либо фактом их прозаического творчества (Прутков, Бунин); отдельное положение Брюсова можно объяснить, например, его популярностью как переводчика, а Некрасова — острой социальностью его поэзии. Для корректной идентификации такого разделения поэтов в сознании испытуемых нужны дополнительные специальные эксперименты.

Попытки интерпретации каких-либо осей на рис. 3 результатов не дали. Гипотезы о влиянии результирующего упорядочения (то есть «популярности» по всему обследованному массиву) и узнавания авторства, а также о наличии хронологического упорядочения поэтов не подтверждаются. Как видно из анализа рис. 5, «идеальные» точки испытуемых в основном близки к поэтам первой и второй группировок, обычно далеки от поэтов третьей группировки и всегда далеки от точек Брюсова и Некрасова. Было

Приложение 1

Основные параметры рифм набора 1

№ п	Надпись на карточке	Автор	М	Б	Т
1	. . . нас заперла . . . молчит жена	Некрасов	0.5	1	0
2	. . . вам по калачу А не то поколочу	Пушкин	4	8	1
3	. . . видит пешеход . . . и церковный свод	Лермонтов	1	2	0
4	. . . плечо еще круглей . . . девичьих грудей	Бунин	3,25	5	8,5
5	. . . от мух кисея Лампы сияют	Маяковский	3	4	0,5
6	. . . бледнеет понемногу . . . жаба на дорогу	Фет	1,5	3	0
7	. . . домой, в огромность . . . пальто, опомнюсь	Пастернак	3	5	2,5
8	. . . чтоб сердце глуше . . . под музыку лягушек	Есенин	3,25	5	4,5
9	. . . погоди, прелестница . . . шелковую лестницу,	Прутков	4	8	1,5
10	. . . из-за плеча масками . . . ненужной масленицей	—	7	3	0
11	. . . бороду почесывает . . . сумрачно обтесывает	Брюсов	3,5	7	0
12	. . . брови изламывающий . . . звенящей и падающей	Блок	4	6	10

Основные параметры рифм набора 2

№ п	Надпись на карточке	Автор	М	Б	Т
1	. . . жаль того огня . . . и плачет уходя	Фет	0,5	1	0
2	. . . и кудри опустя . . . Вами, как дитя	Пушкин	1	2	0
3	. . . целый час . . . движенью глаз	Лермонтов	1	2	0,5
4	. . . от гребенок до ног . . . знал назубок	Пастернак	1	2	0,5
5	. . . было сне . . . твоя белоснежность	—	6	7	4
6	. . . когда золотистый . . . подбородок пушистый	Прутков	2,5	5	0
7	. . . с нею в поле . . . объятия до боли	Бунин	2	4	2
8	. . . мне осталась . . . осенняя усталость	Есенин	3,5	6	0

Приложение 1 (*продолжение*)

№ п	Надпись на карточке	Автор	М	Б	Т
9	. . . вянешь до времени . . . русского племени	Некрасов	2,5	5	0
10	. . . тени вечерние . . . все суевернее	Блок	3,5	6	6,5
11	. . . от кро́ви щеку . . . небесному кровельщику	Маяковский	4,75	9	7
12	. . . тайно сковывающий . . . душу очаровывающий	Брюсов	4,5	9	0

выявлено некоторое смещение в сторону поэтов второй группы «идеальных» точек лиц с гуманитарным образованием, а также лиц с высоким уровнем компетентности. Испытуемые, точки которых на рис. 4 близки друг к другу, не сохраняют, как правило, близости своих точек на рис. 5. Это свидетельствует об отсутствии заметной связи между «вкусами» испытуемых в отношении поэтов и в отношении рифм.

4. ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

Проведенный эксперимент позволил получить ряд конструктивных результатов, из которых основными (в рамках настоящей статьи) можно считать следующие:

1) на материале русской рифмы проведено исследование восприятия, доказавшее возможность достаточно «чистого» изучения влияния основных исследуемых (формальных) характеристик в условиях сильных побочных влияний, которые, однако, могут быть элиминированы;

2) подтвержден факт существенности для реального восприятия тех рифменных параметров (местоположение, богатство и точность), которые были ранее сформулированы теоретически и обнаружили интересные эволюционные закономерности;

3) получен массив экспериментальной информации, которая может быть использована для проверки различных литературоведческих и лингвистических гипотез.

ЛИТЕРАТУРА

Петров В. М., Каменский В. С., Шепелева С. Н. Прозрачность стиля прозы: опыт экспериментального исследования восприятия // Проблемы структурной лингвистики. 1976. М.: Наука, 1978.

Шепелева С. Н. Эволюционные особенности русской рифмы: XIX—XX век // Проблемы структурной лингвистики 1983. М.: Наука, 1984.

Шепелева С. Н., Петров В. М. К изучению закономерностей эволюции русской рифмы // Проблемы структурной лингвистики 1980. М.: Наука, 1892.

Shepeleva S. N., Petrov V. M. Psychological background of rhyme assonance perception // Physiological and psychological acoustics, acoustics of speech and music. České Rudějovice, 1984.

Приложение 2

Полученные в эксперименте ранги рифм

Порядковый номер индивида	Номер рифмы набора 1											
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1	11	2	1	8	3	5	6	4	9	7	12	10
2	12	8	5	4	1	2	11	3	9	10	6	7
3	10	3	6	11	2	8	5	7	4	1	12	9
4	12	6	9	11	2	8	3	1	7	5	10	4
5	10	2	9	6	12	8	1	7	3	11	4	5
6	11	10	7	12	3	6	4	5	8	1	9	2
7	5	8	9	10	2	6	1	7	12	3	11	4
8	11	12	3	2	8	1	4	6	5	7	9	10
9	8	2	7	3	10	6	9	1	4	11	5	12
10	9	2	3	11	1	12	5	10	8	6	7	4
11	7	4	8	10	5	6	9	3	12	1	2	11
12	10	2	6	3	12	5	8	7	1	11	4	9
13	7	2	11	8	1	12	5	3	9	4	10	6
14	10	4	9	12	3	7	11	5	8	1	2	6
15	10	5	4	2	12	1	9	6	7	11	3	8
16	10	9	6	1	11	3	4	7	2	12	8	5
17	2	12	9	6	3	4	5	8	11	7	10	1
18	7	3	2	9	11	4	8	5	1	6	10	12
19	6	7	12	9	3	11	2	10	8	5	4	1
20	12	3	6	10	2	5	7	1	4	11	8	9
21	9	1	6	3	5	11	4	7	2	10	8	12
22	12	6	9	5	2	8	3	1	4	11	10	7
23	12	5	10	11	2	7	3	9	1	8	6	4
24	9	1	5	4	11	6	7	2	3	12	10	8
25	12	3	11	7	5	10	9	4	6	1	8	2
26	10	5	6	4	9	11	1	7	3	12	8	2
27	12	10	9	7	1	4	6	3	5	12	11	8
28	11	5	9	2	12	4	7	1	6	8	10	3
29	12	10	9	8	5	6	4	3	7	2	11	1
30	10	2	7	11	9	6	4	5	1	8	3	12
31	9	11	1	8	4	10	5	3	6	7	12	2
32	11	6	8	2	10	9	3	7	1	12	5	4
33	11	1	5	12	4	10	3	2	8	9	6	7
34	11	9	6	4	7	12	3	10	2	5	8	1
35	10	5	6	3	11	8	7	9	1	12	2	4
36	8	10	3	11	7	12	2	9	6	4	5	1
37	5	10	7	11	4	6	1	3	12	2	9	8
38	7	12	1	9	11	10	3	5	6	2	8	4
39	12	8	7	3	1	6	5	4	2	9	10	11
40	12	6	3	10	7	5	2	8	1	11	4	9

Номер рифмы набора 2											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
9	8	11	4	2	12	5	10	6	1	3	7
6	7	4	11	9	5	8	1	2	10	3	5
7	3	9	6	2	11	12	5	8	4	1	10
12	7	9	11	3	8	5	1	10	2	6	4
10	11	12	8	1	6	9	2	7	5	3	4
4	6	3	11	1	8	10	2	9	5	2	7
4	1	11	10	3	8	9	5	12	7	2	6
12	10	6	2	3	8	4	7	1	5	11	9
4	1	5	2	11	6	3	9	8	7	12	10
8	3	12	10	7	9	11	2	1	5	4	6
9	11	8	5	1	6	10	12	3	4	2	7
4	7	2	3	12	5	6	8	1	10	11	9
4	7	9	6	2	11	8	3	10	5	1	12
3	6	9	8	1	5	7	4	10	2	11	12
8	3	10	9	11	4	7	6	2	1	12	5
7	8	6	10	12	5	4	1	9	3	11	2
4	10	9	12	6	11	8	3	7	2	1	5
11	7	6	8	12	10	1	2	4	3	5	9
10	7	6	11	8	5	9	1	12	3	2	4
12	11	6	4	10	7	5	1	9	3	2	8
7	9	3	10	4	8	1	6	5	12	2	11
8	7	9	3	2	11	6	4	10	5	1	12
12	6	8	5	11	7	9	3	4	2	1	10
10	8	9	7	12	2	3	5	4	1	11	6
6	5	12	4	1	11	8	10	9	3	2	7
11	5	4	1	12	10	8	3	6	2	9	7
12	11	8	1	10	7	6	3	4	2	5	9
12	4	5	3	11	9	1	8	7	6	2	10
8	12	10	6	5	9	3	1	7	4	11	2
12	7	9	6	2	10	8	1	5	3	4	11
12	8	3	10	4	9	5	2	6	1	11	7
10	8	4	11	12	6	5	2	3	7	9	1
12	3	4	8	5	11	9	1	10	2	6	7
9	7	5	12	2	11	6	4	8	3	10	1
4	6	5	11	12	7	8	1	10	2	9	3
5	10	8	12	4	9	7	2	6	3	11	1
6	4	8	3	10	7	12	9	11	2	1	5
1	8	3	10	12	11	9	5	7	2	6	4
11	10	9	2	3	12	7	4	6	5	1	8
10	6	11	3	8	5	7	2	9	4	1	12

Приложение 3

Узнавание рифм и оценка наборов

Порядковый номер индивида	Узнавание рифм набора 1											
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1	—	—	—	э	а	—	—	э	а	э	э	э
2	—	—	—	э	—	—	э	а	э	э	—	—
3	—	—	—	э	э	—	э	э	э	э	э	э
4	—	—	—	—	э	—	э	—	—	э	—	э
5	—	—	—	—	—	—	э	—	—	—	—	э
6	—	—	—	—	а	—	э	—	—	—	—	э
7	—	—	—	—	—	—	а	—	—	—	—	э
8	—	—	—	э	а	—	э	э	э	—	э	—
9	—	—	—	—	э	—	—	—	—	—	э	э
10	—	—	—	—	э	—	э	э	—	—	—	—
11	—	—	—	—	—	—	э	э	—	—	—	—
12	—	—	—	—	э	—	э	э	—	—	—	—
13	—	—	—	—	а	—	э	э	—	э	—	—
14	—	—	—	—	а	—	э	э	э	э	—	—
15	—	—	—	—	а	—	э	э	э	—	—	э
16	—	—	—	—	—	—	э	—	—	—	—	—
17	—	э	—	—	э	э	э	э	—	—	э	э
18	—	—	а	—	э	—	э	э	—	—	—	э
19	—	—	—	—	а	—	э	э	э	—	—	—
20	—	а	а	—	а	—	э	а	—	—	—	э
21	—	—	—	—	а	—	а	—	—	—	—	—
22	—	—	э	—	а	—	э	а	э	э	—	—
23	—	—	—	—	а	—	э	э	—	э	—	—
24	—	—	—	э	э	—	э	э	э	—	э	—
25	—	—	—	—	а	э	э	—	—	—	—	э
26	—	—	—	э	а	э	э	—	э	—	—	—
27	—	э	—	—	э	—	—	э	—	—	—	э
28	э	—	—	—	э	—	э	—	—	э	—	—
29	—	—	—	—	э	—	э	э	э	—	—	—
30	—	а	—	—	а	э	э	—	—	—	—	э
31	—	—	а	—	а	—	э	—	э	—	—	—
32	—	—	э	—	—	—	—	—	—	—	—	—
33	—	э	—	—	а	—	э	—	—	—	—	—
34	—	э	—	—	—	—	э	э	—	—	—	—
35	—	э	—	—	—	—	э	э	—	—	—	а
36	—	—	—	—	—	—	э	—	—	—	—	—
37	—	—	—	э	а	—	а	э	э	—	—	э
38	—	—	—	э	а	—	а	э	—	—	—	э
39	э	—	—	—	—	—	э	э	—	э	э	—
40	—	—	а	—	э	э	э	—	а	—	—	э

Узнавание рифм набора 2												Предпочтительный набор	Балл компетентности
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		
—	э	—	э	э	э	э	а	э	э	а	э		21,4
—	—	—	э	э	э	э	а	э	—	э	э		10,2
э	—	—	—	э	—	э	а	а	а	э	—		16,3
—	а	э	—	—	—	—	а	а	а	а	—		20,5
—	а	—	а	—	—	—	а	—	—	—	—		12,3
э	—	—	—	—	—	—	—	э	—	—	—		4,1
—	а	—	—	—	—	—	а	а	э	а	—		20,5
—	—	—	э	—	э	—	э	—	э	э	—		5,1
—	—	—	э	—	—	—	—	э	э	э	—	г	0
—	—	—	э	—	—	—	э	э	э	э	—	г	0
—	—	—	—	э	—	—	—	—	э	а	—	г	4,1
э	—	—	—	э	—	—	э	—	—	э	—	=	0
—	э	—	а	—	—	—	а	—	э	а	э	р	16,4
—	—	э	э	э	—	э	э	—	э	а	—	г	9,2
—	э	—	э	—	—	—	—	э	э	э	—	г	4,1
—	—	—	—	—	—	—	э	э	—	—	э	г	0
э	э	—	э	—	э	э	—	—	э	э	э	р	5,0
—	—	э	э	—	э	а	—	э	—	э	э	г	9,2
э	э	—	э	э	э	—	э	а	э	э	э	=	11,2
—	—	—	—	э	—	э	а	а	э	а	э	=	28,7
э	э	—	э	э	—	—	—	—	э	а	—	г	12,3
э	э	—	а	э	—	э	—	—	—	а	—	г	16,4
—	—	—	э	э	—	э	а	э	—	э	э	р	8,2
—	—	—	э	э	э	—	э	э	э	э	—	г	3,0
—	э	—	э	—	—	—	а	а	—	э	—		12,3
—	—	э	э	—	—	—	—	—	—	э	э	ж	4,1
—	—	—	э	—	—	—	э	—	—	—	—	ж	0
—	—	—	а	э	—	—	—	—	—	э	—	ж	4,1
—	э	—	э	—	—	—	а	—	—	э	—	ж	4,1
—	э	—	а	—	—	э	э	—	а	а	э	ж	20,5
—	—	—	—	э	—	—	э	—	—	—	—	ж	8,2
—	а	—	—	—	—	—	а	—	—	а	э	ж	12,3
—	—	—	—	—	—	а	—	—	а	—	—	ж	12,3
—	—	—	э	—	—	э	э	—	—	—	—	э	ж	0
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	ж	4,1
э	—	—	—	—	—	—	а	э	э	—	э	—	ж	4,1
—	э	—	а	э	—	—	а	а	—	а	а	э	ж	28,7
—	—	—	—	э	—	—	э	э	э	э	э	э	ж	8,2
—	—	—	—	—	—	—	э	а	э	а	э	э	ж	8,2
—	а	—	а	э	а	э	—	а	—	а	—	—	ж	28,7

Приложение 4

Полученные в эксперименте ранги поэтов

Порядковый номер индивида	Пушкин	Лермонтов	Фет	Некрасов	Прутков	Бунин	Брюсов	Блок	Есенин	Маяковский	Пастернак
1	3	7	9	11	6	5	8	4	10	2	1
2	1	3	8	7	9	10	6	5	2	4	11
3	1	4	6	9	11	7	10	3	5	8	2
4	2	8	6	11	10	7	9	1	3	5	4
5	1	4	5	11	10	7	0	3	9	6	2
6	3	7	4	11	10	1	8	2	6	9	5
7	3	8	6	11	10	7	5	1	9	4	2
8	2	1	5	6	11	9	10	8	3	7	4
9	2	3	7	8	10	1	11	4	6	9	5
10	1	2	11	10	9	5	8	3	4	7	6
11	5	3	8	6	0	2	7	1	10	4	9
12	3	4	7	5	0	0	0	6	2	1	0
13	4	3	0	7	8	0	9	1	5	6	2
14	1	9	4	11	10	8	6	2	7	5	3
15	1	4	7	6	5	8	3	2	9	10	11
16	1	5	0	3	0	0	7	6	4	2	0
17	2	6	7	9	0	10	8	3	5	4	1
18	3	1	6	9	0	4	8	2	7	5	0
19	1	4	6	10	11	7	9	8	2	5	3
20	4	3	5	8	10	6	11	1	2	7	9
21	2	5	9	6	10	8	11	4	3	7	1
22	5	4	0	8	7	0	0	3	1	6	2
23	1	7	10	11	9	5	8	3	4	2	6
24	1	3	0	5	0	0	0	6	2	7	4
25	1	5	4	10	0	6	7	2	9	8	3
26	2	1	9	6	10	11	7	5	3	8	4
27	4	1	9	5	8	10	9	3	7	6	2
28	1	2	0	9	7	5	0	6	4	8	3
29	1	5	7	2	9	8	0	3	4	5	6
30	1	6	0	5	3	4	9	0	8	7	2
31	4	2	8	6	11	9	7	5	3	10	1
32	1	2	7	9	10	6	8	3	5	11	4
33	1	4	7	10	11	9	8	2	3	6	5
34	1	2	5	3	11	10	9	8	4	7	6
35	2	1	6	7	5	0	4	9	3	10	8
36	5	4	8	9	0	0	2	1	6	3	7
37	1	3	5	2	10	7	11	4	9	6	2
38	8	5	2	11	9	6	3	1	7	10	4
39	5	1	11	9	10	8	7	4	3	2	6
40	2	6	9	10	3	4	0	1	5	7	8

Р. И. РОЗИНА

О КОММЕНТАРИИ

As learned commentators view
In Homer more than Homer knew.
(*J. Swift. On Poetry, 1 : 103*)[1]

Комментирование рассматривается обычно как сугубо прикладная область филологии. В то же время возможна и другая точка зрения, согласно которой комментирование — одна из самых важных областей филологии. Так же, как в лексикографии, в комментировании проверяется возможность творческого применения суммы всего накопленного филологического знания к описанию реального функционирования языка. Может ли в таком случае идти речь о теории комментирования? Хотя каждый комментируемый текст заставляет решать свои, особые проблемы, существует, однако, общая для всех комментариев цель — обеспечить понимание текста на всех уровнях, начиная от понимания семантики использованных в тексте языковых единиц и кончая пониманием семантики текста в целом. Представляется, что можно говорить, по крайней мере, о ряде общих принципов, на которых должно основываться создание комментария для того, чтобы эта цель была достигнута.

В своем «нижнем» пределе — раскрыть семантику языковых единиц — цель комментария совпадает с целью толкового словаря языка. В своем «верхнем» пределе — обеспечить понимание семантики текста в целом — цель комментария совпадает с целями некоторых специальных текстов, представляющих интерпретации комментируемого текста, начиная с предисловия и кончая монографическими исследованиями отдельных аспектов текста. Вместе с тем существуют некоторые уровни содержания текста, понимание которых может быть обеспечено только комментарием, но не словарем и не метатекстом.

Исходя из этого, можно рассматривать три типа принципов, которым подчиняется деятельность комментатора: принципы, определяющиеся тем, что комментарий — это особый тип словаря; принципы, определяющиеся тем, что комментарий — это особый тип текста; и, наконец, принципы, определяющиеся тем, что комментарий — это именно комментарий.

---

[1] Ученый комментатор отыскал
В Гомере то, чего Гомер не знал (перев. мой. — *Р. Р.*).

1. КОММЕНТАРИЙ КАК ТИП СЛОВАРЯ

Комментарий и словарь объединяет не только общая цель. Между ними существует и сходство структуры: так же, как словарь, комментарий строится из отдельных статей, левая часть которых — поясняемая единица, правая — «толкование». Подобно словарю, комментарий использует систему отсылок и систему помет. Разграничение словаря и комментария вообще снимается в такой возможной и достаточно часто встречающейся в комментариях части, как глоссарий, где поясняемые слова — принадлежащие к каким-либо ключевым для данного текста тематическим группам или же характеризующиеся высокой степенью употребительности в данном тексте — расположены в соответствии со словарным, алфавитным принципом порядка. Поэтому ряд проблем комментирования и лексикографии совпадает. Это проблема словника, проблема выбора помет и проблема содержания толкования. Помимо этого, существует промежуточная проблема, связанная со смежностью комментирования и лексикографии. Это проблема соотношения комментария и различных типов словарей.

1.1. Комментарий и различные типы словарей

Понимание текста предполагает понимание всех типов использованных в нем единиц. Это единицы, принадлежащие разным семантическим классам — предикаты и конкретная лексика, требующая знания обозначаемых ею реалий; единицы, различающиеся по своим социолингвистическим характеристикам — единицы литературного языка и находящиеся за его пределами или на его периферии единицы разговорной речи и просторечия, а возможно, и диалектные единицы; единицы, различные по своим стилистическим характеристикам, — в тексте может быть представлен весь диапазон стилистических пластов языка, от поэтической до сниженной и табуированной лексики; наконец, это единицы, различные по своей временной отнесенности — принадлежащие живому употреблению, еще не вошедшие в него или, наоборот, устаревшие и устаревающие слова и отдельные значения слов. В лексикографической практике каждый из этих типов единиц получает отражение и характеристику в специальных словарях; словаря, в котором с исчерпывающей полнотой были бы представлены одновременно все перечисленные типы единиц, не существует. Помимо этого, в тексте встречаются единицы, традиционно не включающиеся в лингвистические словари — имена собственные, сведения о которых (в основном об именах реальных лиц и топонимах) частично приводятся в энциклопедических словарях; цитаты, источники которых указываются в специальных словарях цитат; и особые единицы текста, которые не получают пояснений ни в каких типах словарей — сигналы аллюзий. Ком-

ментарий, который дает пояснения всем перечисленным типам единиц, как находящимся в компетенции лингвистических и энциклопедических словарей, так и выходящих за рамки существующих справочных изданий, представляет собой особый тип словаря, не встречающийся ни в практике лексикографии, ни вне ее — универсальный словарь. В этом словаре представлены фрагменты всех существующих типов лингвистических и нелингвистических справочников; кроме того, в нем есть некоторая дополнительная часть, какой нет ни в одном из этих изданий.

1.2. Проблема словника

В решении общей для лексикографии и комментирования проблемы отбора единиц словника лексикограф и комментатор исходят из разных соображений.

Цель идеального словаря — отразить уровень владения литературным языком, характерный для образованной части его носителей, обеспечивая понимание всех находящихся «в обращении» данной культуры текстов, созданных на данном языке, и порождение правильных текстов всеми носителями языка. Цель идеального комментария — покрыть разницу, существующую между уровнем владения языком, свойственным гипотетическому «среднему» читателю текста, и тем уровнем владения языком, который реально необходим для понимания только одного — данного, комментируемого текста. Поэтому словарь и комментарий противоположно направлены: при составлении словника лексикограф идет от круга текстов, актуальных для данной культуры, к словарю, включая в него все, что встретилось в этих текстах и предположительно может быть использовано при порождении будущих; комментатор же идет от словаря (который предположительно отражает языковую компетенцию «среднего» читателя) к комментарию, включая в него все то, имеющееся в тексте, что не получило отражения в словаре.

Первый шаг лексикографа поэтому — выбор текстов, предположительно представляющих речевые произведения той части носителей языка, уровень владения языком которой должен описать словарь. Первый шаг комментатора, напротив, выбор словаря, предположительно отражающего уровень владения языком будущего читателя текста.

Второй шаг комментатора — сопоставление текста со словарем и включение в словник комментария всего того, чего нет в словаре. Словарь выбирает из текстов частотное, общеупотребительное, типичное. Комментарий — из комментируемого текста — индивидуальное, малоупотребительное, нетипичное для определенного круга носителей языка. Комментарий включит все, что вне их компетенции — отсутствующие в словаре, из которого исходил комментатор, слова и отдельные значения слов; словоформы,

не соответствующие тем нормативным парадигмам, знание которых предполагается и в какой-то степени задается словарем; не зарегистрированные словарем фразеологические единицы и неидиоматические устойчивые словосочетания. Помимо этого, в комментарий войдут, как указывалось, те типы единиц, которые вообще не поясняются в лингвистических словарях. Решая вопрос о том, какие имена собственные из числа встретившихся в тексте должны быть включены в комментарий, комментатор исходит из представления о степени их общеизвестности. В идеале в основе этого представления лежит энциклопецический или лингвострановедческий словарь такого объема, который позволяет представить фоновое знание носителей языка. При отсутствии таких справочников, комментатор моделирует их «в уме», мысленно обращаясь к своей модели всякий раз при решении вопроса, комментировать или нет ту или иную единицу. Таким образом, комментарий, будучи универсальным словарем, представляет собой одновременно дополнение ко всем тем словарям и справочным изданиям, которые отражают совокупность лингвистических и нелингвистических знаний «среднего» члена языкового коллектива.

1.3. Система помет

В целом система помет, использующихся в комментарии, совпадает с системами помет тех словарей, фрагменты которых сочетаются в нем. При этом существует одна помета, которая характерна только для комментария и выполняет в нем чрезвычайно важную функцию. Это помета *здесь*, с помощью которой отмечаются те случаи, когда в контексте комментируемого текста какие-либо единицы имеют значения, не зарегистрированные ни одним словарем, включая словари максимально большого объема. С одной стороны, это случаи индивидуального, авторского употребления языковых единиц; с другой — это, возможно, первые случаи употребления этих единиц в значениях, которые впоследствии станут узуальными. В идеале комментатор всякий раз должен решить, имеет ли он дело с неполнотой словарей и их отставанием от развития языка или же с авторскими окказионализмами [2]. Однако даже если такая дифференциация невозможна, комментарий, в ко-

[2] Отталкиваясь от материала словаря, отражающего языковую компетенцию среднего носителя языка, комментарий в то же время может пересекаться с самыми полными словарями языка, регистрирующими все уже реализованные в текстах случаи словоупотребления. Например словарь Вебстера (3-е изд.) отмечает своеобразие употребления прилагательного bounteous в сочетании bounteous good looks в тексте повести Дж. Д. Сэлинджера «Зуи». Это же отмечается и в комментарии к повести (Дж. Д. Сэлинджер. Избранное. На англ. яз. / Составление и предисловие В. Бернацкой / Комментарии Р. И. Розиной. М.: Прогресс, 1982). Оксфордский словарь английского языка (The Oxford English Dictionary. Oxford: Clarendon Press, 1933) регистрирует первые случаи употребления в текстах лексико-семантических вариантов слов, вошедших в литературный язык.

тором последовательно используется помета *здесь*, может служить как источником сведений о семантике идиостиля, так и одним из источников по истории семантики литературного языка.

1.4. Содержание толкования

В толкованиях для единиц различных типов комментарий опирается на соответствующие словари. Но так же, как при решении проблемы словника, в представлении семантики слова комментарий и словарь оказываются противоположно ориентированными. Цель словаря — отразить семантику слова во всех типичных контекстах его употребления и обеспечить понимание слова во всех потенциально возможных контекстах. Цель комментария — дать максимально точное толкование слова в единственном, комментируемом контексте. Поэтому словарь идет от системы текстов к слову, представляя его во всей совокупности его значений. Комментарий идет от совокупности потенциально возможных, зарегистрированных в словаре значений слова к тексту, всегда представляя слово как лексему только в одном, контекстно обусловленном значении.

Вопрос о том, в каком значении выступает в тексте слово, возникает при комментировании и в отношении тех единиц, которые обычно рассматриваются в лингвистике как не имеющие интенсионала и не получают толкования в лингвистических словарях — в отношении имен собственных. Для понимания текста, как правило, важно знать не только и не столько то, какой объект обозначается именем собственным, сколько то, какие атрибуты этого объекта или какие связанные с ним сюжеты имеются в виду. Поэтому содержание комментария и энциклопедической статьи, поясняющей имя собственное, существенно различается. Сведения, которые приводятся в энциклопедическом словаре — это обычно указание референта имени собственного и его некоторых наиболее общеизвестных атрибутов, не связанных ни с какими специфическими контекстами. Именно эти сведения в комментарии могут оказаться второстепенными. Например, для восприятия рассказа Ф. Сэлливэна «Искусство сталкиваться со знаменитостями», в котором журналист пытается получить автограф у Греты Гарбо, переодетой в мужское платье, приводящиеся в комментарии к рассказу сведения об особенностях характера Гарбо, которая не любила публичных выражений внимания, была чрезвычайно застенчива и предпочитала путешествовать инкогнито, гораздо важнее, чем информация о дате рождения великой киноактрисы и фильмах, в которых она сыграла, хотя и эта информация необходима [3].

---

[3] Американский юмор XX-го века / Составление и предисловие С. Б. Белова / Комментарии Р. И. Розиной. М.: Радуга, 1984.

Точно так же избыточной, ненужной для понимания текста оказывается большая часть тех сведений, которые приводятся в энциклопедической статье о топониме. Как правило, упоминание топонима в тексте служит для создания исторического или социального фона, на котором разворачиваются описываемые события: топоним — своего рода символ, который у всех представителей общей с автором текста культуры вызывает жестко определенный набор ассоциаций. Например, Новая Англия — название исторически сложившейся общности северо-восточных штатов США — связывается в текстах американских авторов с представлением о старейшем центре образования и культуры. Когда героиня рассказа Шервуда Андерсона «Уроженка Новой Англии» попадает в штат Айова, это прежде всего символизирует столкновение старой, утонченной и уже обреченной на вымирание культуры с первозданным хаосом Дикого Запада, гораздо более значимое для развития событий рассказа, чем перемещение его героини в пространстве [4]. Именно эти ассоциации, отсутствующие у читателей, принадлежащих иной — временной или локальной — культуре, должны раскрываться в комментарии.

Таким образом, несмотря на то, что комментарий и словарь объединяют общность цели и структуры, существует по меньшей мере три основных различия словаря и комментария:

— комментарий — это универсальный словарь, не совпадающий по содержанию представленной в нем информации ни с одним из существующих типов словарей;

— комментарий — это словарь, покрывающий разницу между объемом тех (лингвистических и нелингвистических) знаний, которыми располагает «средний» читатель текста, и тем объемом, который фактически необходим для адекватного восприятия этого текста;

— комментарий — это словарь, вся информация в котором предназначена для понимания только одного, комментируемого текста.

2. КОММЕНТАРИЙ КАК ТИП ТЕКСТА

Раскрывая семантику языковых единиц, употребленных в системе текстов, на которые он ориентирован, словарь не обеспечивает понимания семантики каждого из этих текстов в целом. В отличие от словаря, комментарий, ориентированный на один текст, помимо задачи пояснения отдельных его единиц, берет на себя задачу трактовки текста как целого — т. е. задачу, общую с различными интерпретациями текста. Поэтому на те требования, которые предъявляются к комментарию как к словарю особого типа, накладываются требования, которые предъявляются к комментарию как к метатексту.

[4] *Андерсон Ш.* Избранное. На англ. яз. / Комментарии Р. И. Розиной. М.: Прогресс, 1982.

Внешне фрагментарный, состоящий из отдельных статей, каждая из которых связана с другими лишь постольку, поскольку связаны комментируемые отрезки текста, не обладающий собственной структурой, но полностью заданный последовательностью развертывания комментируемого текста, комментарий в то же время должен прочитываться как целостная интерпретация некоторого единого, пусть чрезвычайно сложного содержания этого текста. Каким образом возможно выполнение этой задачи — и, соответственно, превращение комментария из механической совокупности постраничных сносок в метатекст, имеющий свое собственное содержание?

Прежде всего внутреннее единство комментария как метатекста индуцируется самим комментируемым текстом «изнутри». Ряд несвязанных на поверхностном уровне единиц текста обладает семантической общностью на уровне подтекста. Сообщая информацию, скрытую от читателя, воспринимающего текст лишь на поверхностном уровне, комментарий объективирует подтекст. Например, для понимания текстов Дж. Д. Сэлинджера важно знание параллелизма ключевых моментов биографий целого ряда лиц, упоминающихся в его рассказах и повестях: читателю необходимо сообщить и о персонаже книги «Откровенные рассказы странника духовному отцу своему», речь о которой идет в повести «Фрэнни», и о Будде, и о святом Августине, что в поисках истины они оставили свои дома и семьи, отказались от благополучия и богатства и, познав истину, неустанно проповедовали ее. Комментарий должен продемонстрировать и общность положений ряда упоминаемых автором религиозно-философских доктрин. Для читателя, не обладающего специальными знаниями или не сумевшего найти тот угол зрения, под которым отдельные единицы текста оказываются семантически связанными, без комментария подтекст остается недоступным.

В то же время, внутреннее единство комментария — результат сознательно избранного комментатором подхода к тексту. Так, комментарий Ю. М. Лотмана к «Евгению Онегину» строится в соответствии с поставленной его автором задачей раскрыть связь текста и внетекстового мира, слова и «окружающей Пушкина жизни — от глубоких идей эпохи до „мелочей“ быта» [5]. Поэтому отдельные статьи комментария образуют единый текст — описание современной Пушкину культуры в восприятии комментатора.

Раскрывая в комментарии подтекст комментируемого текста или же решая иные, вне зависимости от текста поставленные задачи, комментатор в любом случае ориентируется на читательское восприятие, выступая в качестве посредника между читателем

[5] *Лотман Ю. М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Л.: Просвещение, 1980.

и текстом. Поэтому внутреннее единство комментария определяется и тем, что комментарий несет на себе отпечаток сознания читателей, принадлежащих определенной культуре. Появление новых культурно-исторических генераций читателей вызывает необходимость новых и новых комментариев, ориентированных на их сознание и одновременно отражающих его. Естественно поэтому, что число комментариев к одному тексту бесконечно, причем каждый следующий комментарий одновременно с текстом комментирует и предшествующий.

Внутренняя связность комментария приводит к расширению его некоторыми языковыми средствами. Как всякий текст, комментарий формально самостоятелен: от отделен от комментируемого текста, имеет начало, маркированное заглавием «Комментарий», и конец, маркированный подписью автора комментария. Единство стиля, присущее любому комментарию, также противопоставляет его комментируемому тексту как самостоятельное целое. Наиболее яркое проявление статуса комментария как текста — возможность существования в виде самостоятельного издания, отдельно от комментируемого текста, как комментарий Г. Шпета к «Посмертным запискам Пиквикского клуба»[6] и комментарий Ю. М. Лотмана к «Евгению Онегину».

Таким образом, комментарий, являясь словарем особого типа, одновременно представляет собой и метатекст, объективирующий подтекст комментируемого текста, преломляя его через призму сознания комментатора и читателя определенной эпохи.

3. КОММЕНТАРИЙ КАК КОММЕНТАРИЙ

Вне зависимости от того, как и на что ориентирован комментарий, помимо информации словарного типа и метатекстовой информации, он содержит еще один, дополнительный тип информации, который отсутствует в каких бы то ни было интерпретациях текста.

Поясняя незнакомые читателю реалии, указывая неизвестные ему значения слов, употребительные в текстах данного автора и данной эпохи, расшифровывая символы и аллюзии, объективируя подтекст, включая текст в стоящие за ним контексты, комментарий — осознает или не осознает это его автор — выделяет культурно значимые компоненты текста. Поэтому комментарий представляет собой запись одного или нескольких культурных кодов, использованных в тексте[7]. При этом фрагментарность

[6] *Шпет Г.* Комментарий к «Посмертным запискам Пиквикского клуба». М.; Л.: Academia, 1934.

[7] Расшифровка культурного кода — та область, в которой комментарий может пересекаться с текстом или органично вытекать из него. Ср., например, пушкинское *На модном слове идеал. . .* (Евгений Онегин, XXIII, 7) и комментарий Ю. М. Лотмана: «Слова *идеал*, *идеальный* в эпоху романтизма приобрели специфический оттенок, связанный с романтическим противопоставлением низменно земного и возвышенно прекрасного, мечта-

комментария, относительная независимость друг от друга его статей позволяет ему концентрировать культурно значимые единицы текста и создать мозаичный образ культуры, в контексте которой существует комментируемый текст. Так, комментарий к произведениям Дж. Д. Сэлинджера сталкивает в одном пространстве названия реалий американского быта XX века — фирменных продуктов, одежды, предметов домашнего обихода — и имена популярных фигур — киноактеров и спортсменов, законодателей моды и политических деятелей; цитаты из текстов Кафки, Достоевского и Толстого и понятия дзэн-буддизма и христианства. В отличие от текста, развертывающегося по принципу линейности, комментарий, не имеющий синтагматики, позволяет дать синхронный срез культуры во всем многообразии ее компонентов. Представляется, что задача демонстрации роли каждой единицы текста в той культуре, продуктом которой он является — одна из наиболее важных для комментария. Сопоставление комментариев к текстам какого-либо периода могло бы, при условии выполнения этой задачи, стать основой словаря культуры этого периода.

Однако как бы ни был самостоятелен и самоценен комментарий, он все же неотделим от комментируемого текста. Комментарий читается вместе с текстом, поясняя, дополняя, продолжая его. Одновременно с адекватностью понимания любой текст предполагает определенную степень недосказанности, иногда неоднозначности, оставляющую простор для размышлений и воображения читателя. В связи с этим возникает одна из самых сложных проблем комментирования — где предел комментария? Вопрос о том, не разрушает ли комментарий эстетическое воздействие текста, возникает на любом уровне, начиная от решения, необходимо ли пояснять игру слов, и кончая решением, интерпретировать ли идейные мотивы поступков персонажей произведения. В каждом комментарии проблема определения тех границ, которые не должен преступать комментатор, решается интуитивно и, очевидно, сформулировать тот принцип, которым должен руководствоваться комментатор, можно лишь приблизительно. Комментарий, реконструирующий культурный контекст текста, должен быть обращен к знанию, но не к воображению читателя. Поэтому комментарий фиксирует то уже накопленное, вошедшее в культуру знание, которое связано с текстом в целом и с отдельными его компонентами, но не дает интерпретаций текста, не основанного на фактическом материале.

тельного. . . Слово *идеал* быстро проникло в бытовую любовную лирику» (*Лотман Ю. М.* Там же. С. 301). Или: *Но панталоны, фрак, жилет, / Всех этих слов на русском нет* (Евгений Онегин, XXVI, 7—8) и комментарий: «*Панталоны, фрак, жилет* в начале XIX века относились к сравнительно новым видам одежды, терминология и функциональное употребление которых еще не установилось» (*Лотман Ю. М.* Там же. С. 55).

А. С. ОРЕШНИКОВ

ОБ УНИВЕРСАЛЬНОМ КОММЕНТАРИИ

Комментирование текста художественных произведений традиционно находит свое выражение как в письменной, так и в устной форме. В последнем случае возможны отступления от трафарета, импровизация, сочетание монолога и диалога и т. д. Текст, на котором основывается устное комментирование, должен характеризоваться емкостью и универсальностью. В связи с этим в отличие от традиционного прикнижного, а также монографического комментария к тексту конкретного памятника письменности [1], может быть сделана попытка создания универсального комментария к некоторому множеству текстов. Каждая статья такого комментария должна объяснять как можно большее количество контекстов, в которых отмечено то или иное непонятное слово. Статья универсального комментария должна включать как лингвистическую, так и экстралингвистическую информацию. Для создания комментария этого типа необходим прежде всего полный алфавитный словник с документацией, включающей указания на специальные исследования о слове, упоминания о нем в научной литературе, энциклопедиях, словарях и материалах к ним; словоуказателях и примечаниях к тексту памятников, а также данные о слове в картотеках и архивах. Эта задача может быть выполнена, если планировать ее поэтапно, с учетом временных и материальных возможностей. Ясно, что полный документированный словник покажет действительную картину наших знаний о лексическом фонде языка. Он также позволит отграничить значительную часть лексики, о которой не будет иных сведений, кроме филологических — словарных. Следует ли фиксировать в библиографической справке к слову весь набор оригинальных, вторичных или просто ошибочных сведений? И как при отборе, т. е. при составлении рекомендательной библиографии, не исказить картины относительной документированности лек-

[1] Комментарии обычно помещаются вместе с текстом, в одной книге, выделяются в отдельные справочные тома и как комментарии монографического типа становятся в ряде случаев самостоятельным образцовым исследованием по истории культуры. См. об этом: *Лебедева Е. Д.* Текстология русской литературы XVIII—XX вв.: Указатель советских работ на русском языке 1917—1975. М., 1978. С. 52—56. Советские текстологи дают следующие определения реального комментария: «Р е а л ь н ы й к о м м е н т а р и й. Задача этого вида комментария сводится к пояснению исторических имен, фактов, событий, упоминаемых в произведении, указанию источников цитат, а также расшифровке авторских намеков и сопоставлений, скрытых за реальными названиями» (Основы текстологии / Под ред. В. С. Нечаевой. М., 1962. С. 443). «Комментарии в издании представляют собой совокупность справочных сведений, необходимых читателю для правильного понимания произведения в целом и отдельных его частей» (*Прохоров Е. И.* Текстология: (Принципы издания классической литературы). М., 1966. С. 145).

сического фонда? Круг текстов, предназначенных для комментирования, может быть ограничен хронологическими и жанровыми рамками. Соответственно полный универсальный комментарий может строиться в виде системы взаимосвязанных разделов-блоков, ориентированных, например, на комментирование текстов художественной литературы XIX—XX вв. или в подразделе только стихотворных текстов того же периода, отдельного автора и т. д. Разделы могут быть определены и на уровне словника, где особым образом выделяется словник-ономастикон. Автономным разделом по отношению к полному универсальному комментарию должен быть универсальный реальный терминологический комментарий. Он призван преодолеть ограниченность реального комментария к конкретному тексту, использующему лишь часть информации о слове и реалии. Особенность этого отдельно взятого раздела заключается, во-первых, в установлении связей термина в системе пересекающихся тематических групп, что особенно важно, например, в изучении взаимосвязанной социальной, профессиональной и предметной терминологии. Во-вторых, универсальный терминологический комментарий должен включать и описания конкретных реалий и их места в историко-культурном контексте.

Необходимость в разработке универсального реального комментария возрастает в связи с непрерывным процессом утраты у читателелей конкретного представления жизни и быта даже сравнительно недавнего прошлого. В 1959 г., обращаясь к читателям журнала «Вопросы литературы», Ю. Федосюк писал: «Сознанию по меньшей мере двух поколений ничего не говорят, например, чины дореволюционной «табели о рангах», их соотношения, между тем в классической русской литературе все эти коллежские асессоры, титулярные и тайные советники встречаются постоянно» [2]. Автор письма справедливо отмечал: «Мне, знакомому лишь с метрической системой, неясно, богат или беден помещик, владеющий двумястами десятин земли, сильно ли пьян купец, выпивший „полштофа“ водки, щедр ли чиновник, дающий на чай. . . «синенькую», «красненькую» или «семитку“» [3]. Явление, которое так беспокоило Ю. Федосюка, акад. Д. С. Лихачев назвал параллаксом (от греч. parállaxis — отклонение), т. е. разрывом «между „активным культурным фондом“ читателя и автора произведения» [4]. Д. С. Лихачев писал: «Возьмем такой сложный случай, как восприятие современным читателем романа Андрея Белого «Петербург». Для полноты восприятия художественной стороны этого романа, его формы и содержания необходимы зна-

[2] *Федосюк Ю.* Такое издание необходимо // Вопросы литературы, 1959, № 6. С. 247.
[3] Там же. С. 248.
[4] *Лихачев Д.* Принцип историзма в изучении единства содержания и формы литературного произведения // Русская литература, № 1, 1965. С. 29.

ния исторической обстановки 1900-х годов, общее представление о топографии Петербурга того времени, знание языка эпохи, специальной — политической, административной и прочей терминологии. Но этого мало — полнота художественного восприятия увеличится, если читатель будет знать, в какой историко-литературной обстановке был издан роман, будет знать остальное творчество А. Белого и будет иметь представление об истории создания этого романа» [5].

При составлении универсального реального комментария следует учитывать различия в понимании текста между читателями и комментаторами, с одной стороны, и внутри массы читателей с другой. Параллакс то убыстряется, то замедляется; он отражает отношение общества к культурно-исторической традиции, последствия социально-экономических и культурных революций; общественную и демографическую стратиграфию. Иными словами, комментирование подчиняется не только задачам выработки и совершенствования формы и содержания примечаний, но и отражает объективные особенности познания.

Универсальный реальный комментарий, как нам кажется, должен быть наиболее близок к энциклопедическому тексту. Он так же, как статья энциклопедии или энциклопедического словаря, может иметь определенную композицию, состав и иллюстрированный материал. Его емкость обусловлена прежде всего отражением типологических особенностей реалии. Известно, что в любом комплексе письменных памятников можно выявить набор типовых ситуаций. Для произведений древнерусской литературы это — описания битв, посольств, княжеских совещаний и т. д., для новой и новейшей литературы — художественное изображение широкого круга светских и церковных обрядов, ритуалов, обычаев и т. п. В отдельном издании, как правило, комментируется обусловленный единством времени и места конкретный эпизод. Однако исследователь вынужден выходить за хронологические пределы ситуации, описанной в тексте, выяснять происхождение того или иного обряда, его эволюцию и т. д. В этом случае примечание теряет свое прикладное назначение, с одной стороны, и не достигает параметра энциклопедической статьи, с другой.

Возьмем к примеру, интересный экскурс, посвященный дуэли, в книге Ю. М. Лотмана, «Евгений Онегин». Комментарий. Пособие для учителя (Л., 1980, с. 92—105). В представлении автора: «Дуэль — поединок, происходящий по определенным правилам парный бой, имеющий целью восстановление чести, снятие с обиженного позорного пятна, нанесенного оскорбления». Говоря об отрицательном отношении правительства к поединкам, автор ссылается на главу 49 «Устава воинского» — «Патент о поединках и начинании ссор» (1716 г.). Таким образом, хронологические

[5] Там же. С. 29.

границы темы уходят в XVIII в., но при этом естественно отсутствует описание правовой стороны и практики дуэли 2-й половины XIX—начала XX веков. Лотман лишь упоминает закон 13 мая 1894 г. Поставим себя на место читателя, который захотел бы с помощью доступных справочных средств составить себе законченное представление о дуэли, для того чтобы разобраться не только в обстоятельствах поединка Онегина и Ленского, но и Пьера Безухова и Долохова, Лаевского и фон Корена и т. д. Статья ДУЭЛЬ в БСЭ-3 оказывается для этого совершенно неудовлетворительной: «ДУЭЛЬ (франц. duel от лат duellum — война), поединок, бой (с применением оружия) между двумя лицами по вызову одного из них. Условия Д. заранее устанавливались противниками или их представителями (секундантами) с соблюдением обычаев. Наиболее распространена была в ср. века, хотя формально запрещалась и была наказуема» [6].

Более полной и удовлетворительной оказалась с нашей точки зрения статья в БСЭ-2: «ДУЭЛЬ (франц. duel от лат. duellum — война) — . . . В России Д. впервые была запрещена при Петре I в 1701 г., затем в 1715 г. уложением для армии Шереметева — „Патент о поединках и начинании ссор“ — и воинскими артикулами 1716 г. Обнажение оружия дуэлянтами влекло смертную казнь, убийство на Д. каралось повешением, и даже убитый дуэлянт подлежал повешению за ноги. Манифест Екатерины II 1787 г. о поединках, в соответствии с предоставлением дворянству различных льгот, значительно понизил наказание за Д. Этот закон перешел и в первое издание Свода законов 1832 г. . . . Уложение о наказаниях 1845 г. и все позднейшие издания русского дореволюционного законодательства относили статьи о Д. в главу преступлений против жизни и назначали уменьшенное наказание за убийство на Д. 13 мая 1894 г. были изданы «Правила о разбирательстве ссор, случающихся в официальной среде». Правила подчеркивали обязательность Д. для офицеров, если суд общества офицеров считал это необходимым. Отказ от Д. влек увольнение от службы. Правила 1894 г. были подтверждены законом 21 янв. 1912 г.» БСЭ-2 Т. 15, 1952. С. 321.

Вместе с тем универсальный реальный комментарий по своей структуре должен иметь отличия от даже совершенного энциклопедического текста. Считаем перспективной разработку статьи комментария в виде автономных клаузул, содержащих сведения по этимологии и истории слова; грамматические и стилистические пометы; описание реалии или события в историческом развитии; иллюстрации; ссылки на источники. При этом должна быть предусмотрена возможность создания разветвленной комбинаторной системы отсылок, особенно для случаев соотнесения слова с разными реалиями и, наоборот, реалии с различными словами.

[6] Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. Т. 8, 1972. С. 557.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЛОВА

Н. А. Соболева. Синонимия в словообразовательном гнезде 3
Е. Л. Гинзбург. Преобразования словообразовательных гнезд. Синонимия однокоренных 14
Н. В. Емельянова. Снятие асемантической полиформии в словообразовательном ряду 34
И. В. Альтман. Гнездо и слово 43
А. И. Кузнецова. Морфемная глубина слов в русском языке (слова малой и большой глубины как периферийное явление русского языка) 52
Г. Е. Крейдлин, А. К. Поливанова. К проблеме сопоставимости лексикографических описаний служебных слов 66
Л. А. Месеняшина. Материалы к синтаксическому словарю изъяснительных конструкций 75
И. М. Кобозева. О семантической трактовке кумулятивного отрицания в русском языке 80
Л. П. Крысин. Гипербола в русской разговорной речи 95
Е. В. Красильникова. Инфинитив — имя существительное (К соотношению их функций в подсистеме русской разговорной речи) 112

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. СТИХОВЕДЕНИЕ

М. Л. Гаспаров. Художественный мир писателя: тезаурус формальный и тезаурус функциональный (М. Кузмин, «Сети», ч. III) 125
В. С. Баевский. Стихосложение Б. Пастернака 137
Н. В. Павлович. Значение слова и поэтические парадигмы 151
Н. А. Кожина. Заглавие художественного произведения: онтология, функции, параметры типологии 167
Н. А. Кожевникова. О способах звуковой организации стихотворного текста 183
О. И. Северская. Паронимическая аттракция в поэтическом языке М. Цветаевой 212
Р. Г. Кадимов. О принципах звуковой организации в поэзии В. Маяковского и С. Есенина 224
С. Н. Шепелева, В. М. Петров, В. С. Каменский. Воспринимаемые параметры рифмы (Опыт экспериментального исследования) 238
Р. И. Розина. О комментарии 259
А. С. Орешников. Об универсальном комментарии 268